

Александр Мащенко

ИНТЕРВЬЮ С КЛАССИКАМИ

**Симферополь
2025**

УДК 070 (477.75)
ББК 76.005.3 (2Рос.Кры)
М 38

Рецензенты:

В. В. Орехов, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской и зарубежной филологии
Института филологии Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского

Ю. М. Ершов, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры журналистики
Филиала Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе

Машенко, Александр Петрович.

М 38 Интервью с классиками / А. П. Машенко. – Симферополь:
Издательский дом КФУ, 2025. – 420 с.

ISBN

Книга представляет собой сборник избранных научных и публицистических статей Александра Машенко о известных писателях, поэтах, ученых. Ряд статей выполнен непосредственно в жанре виртуальных «интервью с классиками», в которых автор «обсуждает» с ними события сегодняшнего дня – воссоединение Крыма с Россией, распад Украины, специальную военную операцию, глобальный конфликт с Западом. Среди «собеседников» Машенко – Пушкин, Достоевский, Толстой, Чехов и многие другие классики отечественной и иностранной литературы и науки.

УДК 070 (477.75)
ББК 76.005.3 (2Рос.Кры)

ISBN

© А. П. Машенко, 2024
© Издательский дом КФУ, 2025

От автора: почему те, кто читает книги, победят тех, кто смотрит телевизор и сидит в телеграме?

Помните, Рудольф-Родион «пророчествует» в фильме «Москва слезам не верит»: «Со временем телевидение перевернет жизнь всего человечества. Ничего не будет — ни кино, ни театра, ни книг, ни газет, одно сплошное телевидение».

— Ну это вы что-то разгорячились. Театр, тут я согласен, действительно скоро отомрет. Но книги, кино? — возражают ему.

— А вот вы вспомните мои слова через двадцать лет, — настаивает Рудольф-Родион.

— Ну, через двадцать лет вообще все по-другому будет, — включается в дискуссию Катерина.

— Не так-то уж это много — двадцать лет, — мудро замечает «замначальника треста» в исполнении Владимира Басова.

— Ну через двадцать лет я уже старушкой буду, — настаивает Катерина.

— Это вы теперь так думаете, — грустно улыбается Басов.

По фильму, этот разговор состоялся в 1958 году.

Через двадцать лет, в 1978-м, дискуссия продолжается.

Родион-Рудольф хвастается, что вовремя успел разглядеть, что телевидению принадлежит будущее. И снова «пророчествует», что «со временем оно перевернет жизнь человечества. Не будет ни книг, ни газет, ни театра, ни кино...»

— Ну все-таки что-то будет, — возражает ему Гога, он же Гоша.

— Телевидение, одно сплошное телевидение, — настаивает Рудольф-Родион.

С 1958 года до наших дней прошло 66 лет, с 1978-го — 46. Книги, газеты, театр, кино, — все на месте.

Я тут еще Марка Твена вспомню, который говорил, что слухи о его смерти сильно преувеличены. Точно так же сильно преувеличены слухи о смерти книг и газет.

По данным опроса ВЦИОМ, сегодня чтение книг привлекает 57 процентов россиян — столько из них сообщили, что читали книги в течение последних трех месяцев. У 87 процентов россиян есть домашние библиотеки. В каждой второй семье (47 процентов) библиотека небольшая, до 100 книг. От 100 до 300 книг дома у 21 процента россиян. От 300 до 500 — у 18 процентов. От 500 до 1000 — у 9 процентов. Больше тысячи — у 4 процентов.

Тем не менее, есть и некоторые критические черты. Например, около трети опрошенных за последние полгода не прочитали ни одной книги. Или вот: 26 процентов россиян не допускают для себя даже мысли подарить кому бы то ни было книгу. Украшения могут подарить, духи, бутылку, набор кастрюль, а книгу — нет.

Еще: сейчас в журналистике есть такой модный жанр. Называется лонгрид. Придумали его, как и много других глупостей, за границей. Лонгрид — это когда нужно долго читать. Тысяч пять знаков (5–6 страниц) — это у них уже называется лонгрид. Я спрашиваю у студентов, а как тогда назвать «Войну и мир»? Молчат...

Только книги дают человеку фундаментальные, системные знания. Ни телевизор, ни социальные сети, ни мессенджеры, от которых люди сошли с ума в последние годы, этих знаний не дают и не дадут. Вы можете круглыми сутками читать самые популярные телеграм-каналы — это не сделает вас ни умнее, ни образованнее.

Соцсети и мессенджеры рвут своих «пользователей» (слово-то какое — пользователи), их сознание, на части, не информируют, а дезориентируют, запутывают. Перегружают гигантским количеством пустой, мусорной, ненужной информации. Аквариумные рыбки вместо людей — мечта тех, кто формирует современный глобальный мир. Ими легко управлять. Ими легко манипулировать. У них проще стереть историческую, культурную память. Им проще перестроить мировоззрение. Мы видим это прямо сейчас на Украине, где с точностью до наоборот переписали историю Второй мировой войны и создали причудливую систему ценностей — дикую смесь русофобии, бандеровщины, неонацизма и популистских квазиевропейских идей.

Фразу «Богатые люди читают книги, а бедные смотрят телевизор. У богатых людей большие библиотеки, а у бедных — большие телевизоры. Те, кто читает книги, всегда будут управлять теми, кто смотрит телевизор» чаще всего приписывают Джону Дэвисону Рокфеллеру. Не думаю, что она принадлежит ему — этот Рокфеллер скончался в 1937 году, когда большие библиотеки, конечно, были, а вот большие телевизоры — нет. Но дело не в том, кто это сказал, дело в том, что в этой формуле содержится истина.

Книги формируют человека.

Вот вам еще цитата из Альберта Эйнштейна: «Если хотите, чтобы ваши дети были умными, читайте им сказки. Если хотите, чтобы они были еще умнее, читайте им еще больше сказок».

Большой перуанский писатель, общественный деятель, политик Марио Варгас Льюса писал в своей статье «Похвала чтению и литературе»: «Я научился читать в пятилетнем возрасте — моим наставником был брат Юстиниан из школы де Ласалья в боливийском городе Кочабамба. И это самое важное, что случилось со мной в жизни. Сегодня, почти через семьдесят лет, я отлично помню то волшебство, с которым слова с книжных страниц превращались в образы, обогащая мою жизнь и ломая барьеры времени и пространства. Вместе с капитаном Немо я преодолел двадцать тысяч лье под водой, плечом к плечу с д'Артаньяном, Атосом, Портосом и Арамисом противостоял интриганам, замышлявшим недоброе против королевы во времена хитроумного Ришелье, перевоплотившись в Жана Вальжана, брел по парижским катакомбам с бесчувственным телом Мариуса на спине...

Чтение превратило мечты в жизнь, а жизнь в мечты: целая литературная вселенная оказалась на расстоянии вытянутой руки от мальчишки, которым я тогда был».

Я тоже научился читать в пятилетнем возрасте. Моим наставником была бабушка Соня, в войну — старший сержант Рабоче-Крестьянской Красной Армии, в мирное время — учительница начальных классов в маленьком украинском селе Грянькивка, лежащем сейчас на самой линии фронта специальной военной операции. И это тоже самое важное, что случилось со мной в жизни. Сегодня, через пятьдесят лет, я отлично помню то волшебство, с которым слова с книжных страниц превращались в образы, обогащая мою жизнь и ломая барьеры времени и пространства. Часть моих героев была той же, что у Льюсы — капитан Немо, д'Артаньян, Атос, Портос, Арамис. А еще я искал приключений с Томом Сойером и Гекльберри Финном, разоблачал преступников с Шерлоком Холмсом, путешествовал вокруг света с Филеасом Фогом... Всего не перечислишь. Чтение превратило мечты в жизнь, а жизнь в мечты: целая литературная вселенная оказалась на расстоянии вытянутой руки от мальчишки, которым я тогда был.

Читайте книги.

Их не заменит ничто.

Николай Гоголь: «Как будто вернулся XIII век – выжженные города и степи, обгорелые леса, древний разрушенный Киев» «Зеркало Крыма», 19.06.2014

У подавляющего большинства политиков, увы, очень поверхностное образование и очень короткая память. Они читают только пояснительные записки своих помощников и помнят, максимум, на «глубину» своей прозрачной мимолетной карьеры, от чего регулярно наступают на те же грабли, на которые их предшественники наступали десять, пятьдесят, сто пятьдесят, тысячу лет назад. Убедиться в этом можно, прочитав наше интервью с... Николаем Васильевичем Гоголем.

Во избежание недоразумений сразу поясню: все слова великого писателя – подлинные и почерпнуты мною исключительно в его собственных сочинениях.

Фантастичен лишь жанр: интервью с классиком.

Волею providения очутившись на милой его сердцу Украине в 2014 от Рождества Христова году, великий русско-украинский писатель Николай Гоголь пришел в ужас: «Выжженные города и степи, обгорелые леса, древний разрушенный Киев, безлюдье и пустыня – вот что представляет эта несчастная страна! Испуганные жители разбежались, народонаселение начало заметно уменьшаться! Какое ужасно-ничтожное время! Как будто вернулся XIII век! Государства, единоверные, одноплеменные, одноязычные, означенные одним общим характером и которых, казалось, против воли соединяло родство, эти государства так между собою разведены, как редко случается с разнохарактерными народами. Это хаос браней за временное, за минутное, браней разрушительных. Это брани между родственниками, между родными братьями, между отцом и детьми!».

– Но как же, любезный Николай Васильевич, – несмело возразил я классику, – в Киеве сейчас считается, что ваша родная Украина ныне борется за свободу и независимость с проклятой имперской Россией.

– Видно, до сих пор еще нет у нас полной, удовлетворительной истории Малороссии. Я было решился принять на себя этот труд и представить

сколько можно обстоятельнее: каким образом отделилась когда-то эта часть России; какое получила она политическое устройство, находясь под чуждым владением; как, наконец, навсегда присоединился малороссийский народ к России; как мало-помалу вся страна совершенно слилась в одно с Россиею.

— **А теперь видите, как оно все обернулось. Вовсе даже и не совершенно, оказывается, слились Украина с Россиею.**

— Беглецы, выходцы за границу и всякого рода недоброжелатели России писали статьи и наполняли ими столбцы чужестранных газет с тем именно умыслом... Им хотелось заварить в России какую-то кашу и сумятицу, среди которой можно было бы и самим сыграть какую-нибудь роль. Расчет был на то, что взаимное опасенье и подозрительность есть страшная вещь и может со временем произвести действительно разрыв самых священных связей.

— **Выходит, опять во всем виноваты средства массовой информации?**

— Вследствие всякого рода холодных газетных возгласов, писанных слогом помадных объявлений, и всяких сердитых, неприятно-запальчивых выходок, производимых всякими квасными и неквасными патриотами, перестали верить у нас на Руси искренности всех печатных излияний... Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в нее.

— **Квасные киевские патриоты утверждают, что вы были певцом независимой Украины. Ну а сами-то вы себя кем больше чувствуете — русским или украинцем?**

— Скажу вам, что я сам не знаю, какова у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой. Я родился на Полтавщине, но и Москва — моя родина. Мысли мои, мое имя, мои труды будут принадлежать России.

— **Современная Украина сделала «европейский выбор», а вы, Николай Васильевич, просто какой-то закоренелый ретроград оказываетесь. Хотя вы ведь и сами провели много времени в Европе...**

— Вы говорите, что спасение в европейской цивилизации, но какое это беспредельное и безграничное слово! Хоть бы вы определили, что нужно подразумевать под именем европейской цивилизации? Тут и фаланстеры и красные и всякие — и все друг друга готовы съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наша цивилизация?

И прежде и теперь мне казалось, что русский гражданин должен знать дела Европы. Но я был убежден всегда, что если, при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустить из виду свои русские начала, то знанья

эти не принесут добра, собьют, спутают и разбросают мысли, вместо того, чтобы сосредоточить и собрать их. И прежде и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только с помощью этого знания можно почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит.

— **Во время событий на майдане незалежности в конце 2013 — начале 2014 года активную роль играли европейские, в том числе польские политики — Бронислав Коморовский, Ярослав Качиньский, Яцек Протасевич, Ежи Бузек...**

— Слушайте! Еще не то расскажу: и ксендзы ездят теперь по всей Украине в таратайках. Да не то беда, что в таратайках. А то беда, что запрягают уже не коней, а просто православных христиан. Вот какие дела водятся на Украине, панове!.. Были тоже собаки и между нашими, уж приняли их веру... Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи... Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чоботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства.

— **А еще есть Соединенные Штаты Америки...**

— А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них вытерился до того, что и выеденного яйца не стоит.

— **Как бы вы охарактеризовали украинских националистов, которые сегодня во многом определяют политику официального Киева?**

— Односторонние люди и притом фанатики — язва для общества, беда той земле и государству, где в руках таких людей очутится какая-либо власть. У них нет никакого смирения христианского и сомнения в себе, они уверены, что весь свет врет и одни они только говорят правду!

— **Однако Украина все-таки европейская держава. Хотя бы по географическому положению.**

— Споры о наших европейских и славянских началах... Не мудрено, что с обеих сторон наговаривается весьма много дичи. Все эти славянисты и европисты, или же староверы и нововеры, или же восточники и западники... все они говорят о двух разных сторонах одного и того же предмета, никак не догадываясь, что ничуть не спорят и не перечат друг другу.

— **То есть как это?**

— Один подошел слишком близко к строению, так что видит одну часть его; другой отошел от него слишком далеко, так что видит весь фасад, но по частям не видит.

— **Но у кого больше правды-то?**

— Разумеется, правды больше на стороне славянистов и восточников, потому что они все-таки видят весь фасад и, стало быть, все-таки говорят о главном, а не о частях. Но и на стороне европистов и западников тоже есть правда, потому что они говорят довольно подробно и отчетливо о той

стене, которая стоит перед их глазами; вина их в том только, что из-за карниза, венчающего эту стену, не видится им верхушка всего строения, то есть главы, купола и все, что ни есть в вышине. Между тем этой неразберихой пользуются всякого рода пройдохи. Плуту оказалась теперь возможность, под маскою славяниста или европиста, смотря по тому, чего хочется начальнику, получить выгодное место и производить на нем плутни в качестве как поборника старины, так и поборника новизны.

— **Как же нам примирить две эти спорящие стороны?**

— Я заметил, что почти у всякого в голове своя собственная Россия, и оттого бесконечные споры. Все живет в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей. Город не знает города, человек человека; люди, живущие только за одной стеной, кажется, как бы живут за морями.

— **Что же нам делать, Николай Васильевич, задам я вам сакраментальный русский вопрос. Как устроиться?**

— Нужно любить Россию. Друг мой! Или у вас бесчувственно сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия. Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России.

— **Да мы вроде любим. Особенно сейчас, после возвращения Крыма...**

— Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, в вас все это производит только одну черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно слишком еще отдаленное ее предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России и будто они ей уже не нужны совсем, напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно все сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, — последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни.

— **Ну хорошо, а что будет с Европой?**

— В Европе все, не выключая даже государственных людей, пребывает покуда на верхушке верхних сведений, то есть пребывает в том заколдованном круге познаний, который нанесен журналами в виде скороспелых выводов, опрометчивых показаний, выставленных, сквозь лживые призмы всяких партий, вовсе не в том свете, в каком они есть. Погодите, скоро поднимутся снизу такие крики, именно в тех с виду благоустроенных государ-

ствах, которых наружным блеском мы так восхищаемся, стремясь от них все перенимать и приспособлять к себе, что закружится голова у самых тех знаменитых государственных людей, которыми вы так любовались в палатах и камерах. В Европе завариваются теперь повсюду такие сумятицы, что не поможет никакое человеческое средство, когда они вскроются, и перед ними будет ничтожная вещь те страхи, которые вам видятся теперь в России... Еще пройдет десяток лет, и вы увидите, что Европа приедет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках.

— И все-таки, Николай Васильевич, неужели это все уже надолго? Вся эта неразбериха на Украине? Все это разъединение? Весь этот хаос?

— Отвечу так: в десять лет внутри России столько совершается событий, сколько в другом государстве не совершится в полвека...

В том, что классик прав по крайней мере в этом своем утверждении, убедиться проще простого. Кто в начале восьмидесятых думал, что распадется СССР? Да что там, кто в начале нынешнего года предполагал, что Крым вернется в Россию? Или что на Украине развернется кровавая гражданская война?

Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа...

**Михаил Салтыков-Щедрин:
«Казалось бы, уж на что лучше: урвал
кусок казенного пирога — и проваливай!»
«Зеркало Крыма», 29.09.2014**

К Салтыкову-Щедрину в России относились по-разному. Достоевский, например, однажды сказал, что после Михал Евграфыча у нас в стране «не осталось ни одного не проплеванного места». А Розанов заметил, что Щедрин «как матерый волк, напился русской крови и сытым отвалился в могилу». Однако несмотря на это Салтыкову-Щедрину нельзя отказать в наблюдательном, едком уме и остром языке: пороки нашего Отечества — увы, во многом оставшиеся прежними и сегодня — он видел и изображал, пожалуй, как никто другой. А впрочем, судите сами. Вашему вниманию — интервью «Зеркала Крыма» с очередным классиком. Как обычно у нас, все цитаты — подлинные, в отличие от тех подборок афоризмов, которых навалом в интернете, и в которых Салтыкову-Щедрину чего только не приписали.

— Михаил Евграфович, после воссоединения Крыма с Россией и последовавших за этим бурных событий — прежде всего, гражданской войны на Украине и экономических санкций Запада — у нас в стране наблюдается настоящий патриотический бум. Однако в то же время, кажется, за патриотической риторикой часто прячутся жулики и проходимцы. Так ли это?

— Что же, наконец, такое этот патриотизм, которым всякий так охотно заслоняет себя, который я сам с колыбели считал для себя обязательным и с которым, в столь решительную для Отечества минуту, самый последний из прохвостов обращался самым наглым и бесцеремонным образом?

В первый момент всех словно пришибло. Говорили шепотом, вздыхали, качали головой и вообще вели себя прилично обстоятельствам. Потом мало-помалу освоились, и каждый обратился к своему ежедневному делу. Наконец всмотрелись ближе, вникли, взвесили... Всякий спешил как-нибудь поближе приютиться около пирога, чтоб нечто урвать, утаить, ушить, укро-

ить, считать и вообще, по силе возможности, накласть в загорбок любезному отечеству. Лица вытянулись, глаза помутились, уста оскалились. С утра до вечера... сновали по улицам люди с алчными физиономиями, с цепкими руками, в чаянии воспользоваться хоть грошом... Бессознательно, но тем не менее беспощадно, отечество продавалось всюду и за всякую цену. Продавалось и за грош, и за более крупный куш; продавалось и за карточным столом, и за пьяными тостами подписных обедов; продавалось и в домашних кружках, устроенных с целью наилучшей организации ополчения, и при звоне колоколов, при возгласах, призывавших победу и одоление.

— **Недавно в Крыму завершились выборы, на которых в региональные и местные органы власти пыталось попасть огромное количество людей, побывавших, кажется, уже во всех мыслимых и немыслимых политических силах и общественных движениях — правых, левых, проукраинских, пророссийских.**

— Рядом с величайшей драмой, все содержание которой исчерпывалось словом «смерть», шла позорнейшая комедия пустословия и пустохваляства, которая не только застлала события, но положительно придавала им нестерпимый колорит. Люди, заведомо презренные, лицемеры, глупцы, воры, грабители-пропойцы, проявляли такую нахальную живучесть и так укрепились в своих позициях, что, казалось, вокруг происходит нечто сказочное. Не скорбь слышалась, а какое-то откровенно подлое ликование, прикрываемое рубрикой патриотизма. Никогда пьяный угар не охватывал так всецело провинцию, никогда жажда расхищения не встречала такого явного и безнаказанного удовлетворения.

— **Так значит, справедливо достаточно большое количество российской интеллигенции — все эти макаревичи, шендеровичи, быковы, венедиктовы — выражает неудовольствие тем, как развивается Россия?**

— Надо сказать правду, в России в наше время очень редко можно встретить довольного человека. Конечно, я разумею исключительно культурный класс, так как некультурным людям нет времени быть недовольными. Кого ни послушаешь, все на что-то негодуют, жалуются, вопиют. Один говорит, что слишком мало свобод дают, другой, что слишком много; один ропщет на то, что власть бездействует, другой — на то, что власть чересчур достаточно действует; одни находят, что глупость нас одолела, другие — что слишком мы умны стали; третьи, наконец, участвуют во всех пакостях и, хоча, приговаривают: ну где такое безобразие видано?! Даже расхитители казенного имущества — и те недовольны, что скоро нечего расхищать будет. И всякий требует лично для себя конституции...

— **Ага, как это там у вас в «Культурной тоске»: «Я сидел дома и, по обыкновению, не знал, что с собой делать. Чего-то хотелось: не то конституций, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать. Обод-**

рать бы сначала, мелькнуло у меня в голове; ободрать, да и в сторону. Да по-нынешнему, так, чтоб ни истцов, ни ответчиков — ничего. Так, мол, само собою случилось, — поди доискивайся! А потом, зарекомендовавши себя благонамеренным, можно и об конституциях на досуге пометчать». Однако вернемся к нашим «недовольным»...

— Эта всеобщность недовольства, сопряженная с пожеланием самых приятных проектов лично для себя и с полнейшим равнодушием относительно жизненной обстановки соседа, представляется для меня фактом тем более замечательным, что фрондерство, по-видимому, заползает в сердце самых твердынь. И вдобавок фрондерство до того разношерстное, что уловить оттенки его (а стало быть, и удовлетворить капризные требования этих оттенков) нет никакой возможности. За примерами ходить недалеко. Когда делили между чиновниками сначала западные губернии, а впоследствии Уфимскую, то мы были свидетелями явлений, поистине поразительных. Казалось бы, уж на что лучше: урвал кусок казенного пирога — и проваливай! Так нет же, тут-то именно и разыгрались во всей силе свары, ненависть, глумление и всякое бесстыжество, главною мишенью для которых — увы! — послужила именно та самая неоскудевающая рука, которая и дележку-то с тою специальною целью предприняла, чтоб угобзить господ чиновников и, само собою разумеется, в то же время положить начало корпорации довольных. Пускай, мол, хоть малый прыщ вначале вскочит, а потом, не торопясь да богу помолясь, и большого волдыря дождемся...

А между тем вышло совсем, совсем напротив.

Я помню, иду я в разгар одного из таких дележей по Невскому и думаю: непременно встречу кого-нибудь из знакомых, который хоть что-нибудь да утащил. Узнаю, как и что, да тут же уж кстати и поздравлю с благополучным похищением. И точно, едва я успел сойти с Аничкина моста, смотрю, его превосходительство Петр Петрович идет.

— Урвали? — спрашиваю.

— Помилуйте! на что похоже! выбросили кусок, да еще ограничивают! Говорят, пользуйся так-то и так-то: лесу не руби, травы не мни, рыбы не лови! А главное, не смей продавать, а эксплуатировать постепенно сам! Ведь только у нас могут проходить даром подобные нелепости.

— А еще многие сейчас недовольны тем, что Россия, дескать, противопоставила себя всему «цивилизованному человечеству» и, как результат, напоролась на крупные экономические санкции Запада.

— Помнится, когда нам в первый раз отворили двери за границу, то мне думалось: напрасно нас, русских, за границу стали пускать — наверное, мы заразимся. И точно, примеры заражения случались в то время нередко. Приедем мы, бывало, за границу, и точно голодные накинемся. Формы правления — прекраснейшие, климат — хоть в одной рубашке ходи, табльдоты

и рестораны — и того лучше. Нигде не кричат караул, нигде не грозят свести в участок, не заезжают, не напоминают о Кузьке и его родственниках. Мудрено ли, что при таких условиях ни Валдайские горы, ни Палкин трактир не пойдут на ум, а того меньше крутогорский губернатор Петр Толстолобов.

Ах, и сквернословили же мы в это веселое время! Смешные анекдоты так и лились рекой из уст культурных сынов России. «La Russie... ха-ха!» «le peuple russe... ха-ха!» «les boyards russes... ха-ха!» «Да вы знаете ли, что наш рубль полтинник стоит... ха-ха!» «Да вы знаете ли, что у нас целую губернию на днях чиновники растащили... ха-ха!» «Где это видано... ха-ха!» Словом сказать, сыны России не только не сдерживали себя, но шли друг другу на перебой, как бы опасаясь, чтоб кто-нибудь не успел напаскудить прежде. И ежели репертуар «рассказов из русского быта» оказывался довольно скудным, то совсем не от недостатка желания сквернословить, а скорее от неумения пользоваться материалом и от недостатка изобретательности. Само собой разумеется, что западные люди, выслушивая эти рассказы, выводили из них не особенно лестные для России заключения.

— У многих русских не только в ваше время, но и до сих пор — комплекс неполноценности перед иностранцами.

— Русскому человеку всякий иностранец кажется высшим организмом, который может и мыслить, и выражать свою мысль; перед каждым он ежится и трусит, потому что кто ж его знает? а вдруг недоглядишь за собой и сделаешь невесть какое невежество! В России он ехал на перекладных и колотил по зубам ямщиков; за границей он пересел в вагон и не знает, как и перед кем излить свою благодарную душу. Он заигрывает с кондуктором и стремится поцеловать его в плечико (потому что ведь, известно, у нас нет середины: либо в рыло, либо ручку пожалуйте!); он заговаривает со своим *vis-à-vis* и все-то удивляется, все-то удивляется, все-то ахает! «Я россиянин, следовательно, я дурак, следовательно, от меня пахнет», — говорит вся его съезжившаяся фигура.

— *Vous êtes russe, monsieur?* — спрашивают его.

— *Oui-c; dà-c!* — бормочет сконфуженный россиянин. — *Ne désirez-vous pas du champagne?*

И рад-радехонек, если предложение его принято, ибо тут представляется ему случай предпринять целый ряд растленных рассказов о том, что Россия — страна антропофагов, что в России нельзя жить, что в России не имеется образованного общества, и проч., и проч. И откуда что полезет! откуда явятся и юмор, и игривость, и развязные манеры!

Многие объясняют это явление отчасти легкостью и общительностью славянской природы, отчасти живою потребностью самооплевания, которая будто бы составляет основную черту россиян; но я, с своей стороны, думаю, что, помимо двух этих признаков, имеется еще и другая, более глубокая

причина, заставляющая наших путешествующих соотечественников пребывать, так сказать, в непрерывном стыде. Я согласен, что общительность есть в своем роде похвальное качество, но не в силах себе представить, чтоб она могла возвышаться до перенесения побоев и пощечин, потому что тут даже и общительности-то никакой нет. Я согласен также, что и потребность самооплевания есть очень живая и притом законная потребность, но не в состоянии вообразить себе, чтоб она могла доходить до наслаждения своим безобразием и до привлечения к такому же наслаждению лиц совершенно посторонних. Не вернее ли видеть в этом явлении некоторый протестующий писк, некоторую самолюбивую, но застенчивую мысль, что «я-то, дескать, парень лихой, а вот соотечественники-то мои — куда плохой народ!».

Никто так не любит посквернословить — и именно в ущерб родному начальству, — как русский культурный человек. Западный человек решительно не понимает этой потребности. Он может сознавать, что в его отечестве дела идут неудовлетворительно, но в то же время понимает, что эта неудовлетворительность устраняется не сквернословием, а прямым возражением, на которое уполномочивает его и закон. Мы, русские, никаких уполномочий не имеем и потому заменяем их сквернословием. В какой мере наша критическая система полезнее западной — этого я разбирать не буду, но могу сказать одно: ничего из нашего сквернословия никогда не выходило.

Сохранить покорность вассалов и не допустить объединения варваров (Збигнев Бжезинский о «великих обязанностях США»)

«Зеркало Крыма», 27.01.2015

После воссоединения Крыма с Россией мир в известном смысле вернулся на круги своя. Отношения между Россией и Соединенными Штатами Америки окончательно испортились, и эти государства опять, как тридцать-сорок-пятьдесят-шестьдесят лет тому назад, стали двумя противоположными центрами силы, в поле притяжения которых существуют все прочие страны. Противостояние между двумя сверхдержавами вновь стало главным мировым конфликтом, а весь остальной мир прильнул к мониторам в ожидании, чем на этот раз закончится «битва титанов».

Вообще, мне иногда кажется, что после воссоединения Крыма с Россией многие американские политики... вздохнули с облегчением — у них наконец-то появился формальный повод вернуться в старый черно-белый мир, в котором США играли роль «империи добра», а Россия — «империи зла».

От дальнейшего развития российско-американских отношений зависят судьбы не только Крыма, но и всего остального мира. Сегодня мы попробуем понять, какие идеи движут теми, кто определяет внешнюю политику США. И сделаем это с помощью Збигнева Бжезинского.

Его классическая книга «Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы», увидевшая свет в 1997 году, имеет любопытное посвящение: «Моим студентам — чтобы помочь им формировать очертания мира завтрашнего дня».

Сегодня у власти в США — именно студенты Бжезинского. Кто-то из этих людей на самом деле слушал его лекции, кто-то просто читал его книги и статьи. И эти «студенты Бжезинского» действительно формируют очертания мира — сегодняшнего и завтрашнего.

Итак, виртуальное интервью с одним из главных идеологов американской внешней политики — об Америке, Европе, России, Украине, Крыме

и о многом-многом другом. Как обычно, все цитаты — подлинные и взяты нами из той самой классической работы Бжезинского «Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы».

— Какова сегодня роль Европы в мировой политике? Действительно ли была права американка Виктория Нуланд, когда зимой 2014 года, в разгар украинского кризиса, просто послала Европейский союз куда подальше?

— Европейская эра в мировой политике завершилась в ходе Второй мировой войны. Поражение Германии было нанесено главным образом двумя внеевропейскими победителями — Соединенными Штатами и Советским Союзом, ставшими преемниками незавершенного в Европе спора за мировое господство. Следующие пятьдесят лет ознаменовались двухполюсной американо-советской борьбой за мировое господство.

— Мы знаем, что победу в этой борьбе одержала Америка, ставшая в результате единственной мировой сверхдержавой.

— Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении Соединенных Штатов на пьедестал в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы. Масштабы и влияние США сегодня уникальны. Они не только контролируют все мировые океаны и моря, но и создали убедительные военные возможности для берегового контроля силами морского десанта, что позволяет им осуществлять свою власть на суше с большими политическими последствиями. Их военные легионы надежно закрепились на западных и восточных окраинах Евразии. Кроме того, они контролируют Персидский залив. Американские вассалы и зависимые государства распространились по всему Евразийскому континенту. Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит в конце концов из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия. И именно здесь должны вестись политические игры в сфере власти, причем по внутренним правилам Америки.

— Однако давайте пока вернемся в Европу. Какое место отведено ей в этой управляющейся из Вашингтона вселенной?

— Горький факт заключается в том, что Западная и Центральная Европа остаются в значительной степени американским протекторатом, при этом союзные государства напоминают древних вассалов и подчиненных. Положение дел ухудшается за счет снижения внутренней жизнеспособности Европы. Не ясно, хочет ли даже большинство европейцев видеть Европу крупной державой и готовы ли они сделать все необходимое, чтобы она такой стала. Даже остаточный европейский антиамериканизм, в настоящее время очень слабый, является удивительно циничным: европейцы сетуют

по поводу американской «гегемонии», но в то же время чувствуют себя комфортно под ее защитой.

— **Есть ли у нынешнего американского господства аналогии в истории человечества?**

— Глобальное господство Америки в некотором отношении напоминает прежние империи, несмотря на их более ограниченный, региональный масштаб. Эти империи опирались в своем могуществе на иерархию вассальных, зависимых государств, протекторатов и колоний, и всех тех, кто не входил в империю, обычно рассматривали как варваров. В какой-то степени эта анахроничная терминология не является такой уж неподходящей для ряда государств, в настоящее время находящихся под влиянием Америки.

— **Способен ли кто бы то ни было бросить вызов американскому господству?**

— Несомненно, Россия и Китай относятся к числу держав, болезненно воспринимающих гегемонию Америки. Впредь Соединенные Штаты, вероятно, должны будут решать, как справляться с региональными коалициями, стремящимися вытолкнуть Америку из Евразии, тем самым создавая угрозу статусу Америки как мировой державы. Потенциально самым опасным сценарием развития событий может быть создание «антигегемонистской» коалиции с участием Китая, России и, возможно, Ирана, которых будет объединять не идеология, а взаимодополняющие обиды. Такое развитие событий может напоминать по своему размеру и масштабу проблему, которая однажды уже была поставлена китайско-советским блоком, хотя в этот раз Китай, вероятнее всего, будет лидером, а Россия — ведомым. Чтобы предотвратить создание этого блока, США потребуются проявить геостратегическое мастерство одновременно на западной, восточной и южной границах Евразии. Именно оттуда, из Евразии, исходят все потенциальные политические и/или экономические вызовы американскому преобладанию.

В совокупности евразийское могущество значительно перекрывает американское. Но, к счастью для Америки, Евразия слишком велика, чтобы быть единой в политическом отношении. Евразия представляет собой шахматную доску, на которой продолжается борьба за глобальное господство.

Вопрос о том, сможет ли Америка предотвратить появление на международной арене доминирующей и антагонистичной евразийской державы, остается центральным в плане способности Америки осуществлять свое мировое господство. Употребляя терминологию более жестоких времен древних империй, три великие обязанности имперской геостратегии заключаются в предотвращении сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности, сохранении покорности подчиненных и обеспечении их защиты и недопущении объединения варваров.

Тем не менее, каким бы ни было будущее, разумно сделать вывод о том, что американское главенство на Евразийском континенте столкнется с различного рода волнениями и, возможно, с отдельными случаями насилия.

— **Каким вам видится настоящее и будущее России?**

— Россия остается крупным геостратегическим действующим лицом. Она лелеет амбициозные геополитические цели, которые все более и более открыто провозглашает. Как только она восстановит свою мощь, то начнет также оказывать значительное влияние на своих западных и восточных соседей. Многое зависит от развития внутривосточного положения и особенно от того, станет Россия европейской демократией или — опять — евразийской империей. Российской политической верхушке следует понять, что для России задачей первостепенной важности является модернизация собственного общества, а не тщетные попытки вернуть былой статус мировой державы. Ввиду колоссальных размеров и неоднородности страны децентрализованная политическая система на основе рыночной экономики скорее всего высвободила бы творческий потенциал народа России и ее богатые природные ресурсы. В свою очередь, такая, в большей степени децентрализованная, Россия была бы не столь восприимчива к призывам объединиться в империю. России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче развивать более тесные экономические связи с Европой, с новыми государствами Центральной Азии и с Востоком, что тем самым ускорило бы развитие самой России. Каждый из этих трех членов конфедерации имел бы более широкие возможности для использования местного творческого потенциала, на протяжении веков подавлявшегося тяжелой рукой московской бюрократии.

— **Теперь, пожалуйста, несколько слов об Украине.**

— Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей и становится в основном азиатским государством. В свое время появление независимого государства Украины не только вынудило всех россиян переосмыслить характер их собственной политической и этнической принадлежности, но и обозначило большую геополитическую неудачу Российского государства. Отречение от более чем 300-летней российской имперской истории означало потерю потенциально богатой индустриальной и сельскохозяйственной экономики и 52 миллионов человек, этнически и религиозно наиболее тесно связанных с русскими, которые способны были превратить Россию в действительно крупную и уверенную в себе имперскую державу. Независимость Украины также лишила Россию ее доминирующего положения на Черном море, где

Одесса служила жизненно важным портом для торговли со странами Средиземноморья и всего мира в целом.

Если Москва вернет себе контроль над Украиной с ее населением и крупными ресурсами, а также выходом к Черному морю, то Россия автоматически вновь получит средства превратиться в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии.

— **Каково в этом свете значение воссоединения Крыма с Россией?**

— Судите сами: как я уже говорил, до 1991 года Черное море являлось отправной точкой России в плане проекции своей военно-морской мощи на район Средиземноморья. Однако к середине 90х годов Россия осталась с небольшой береговой полосой Черного моря и с неразрешенным спорным вопросом с Украиной о правах на базирование в Крыму остатков советского Черноморского флота, наблюдая при этом с явным раздражением за проведением совместных, Украины с НАТО, военно-морских и морских десантных маневров, а также за возрастанием роли Турции в регионе Черного моря.

— **Насколько важна Украина для США?**

— Все большая склонность США придать высокий приоритет американо-украинским отношениям и помочь Украине сохранить свою недавно обретенную национальную свободу рассматривается многими в Москве — и даже «прозападниками» — как политика, нацеленная на жизненно важные для России интересы, связанные с возвращением Украины в конечном счете в общий загон. То, что Украина будет со временем каким-то образом «реинтегрирована», остается догматом веры многих из российской политической элиты. В результате геополитические и исторические сомнения России относительно самостоятельного статуса Украины лоб в лоб столкнулись с точкой зрения США, что имперская Россия не может быть демократической.

В связи с этим укрепление суверенной Украины, которая в настоящее время стала считать себя государством Центральной Европы и налаживает более тесное сотрудничество с этим регионом, — крайне важный компонент американской внешней политики. Наиболее важное значение здесь имеет необходимость ясного и недвусмысленного признания Россией отдельного существования Украины, ее границ и ее национальной самобытности.

— **Когда завершится и завершится ли в принципе американская глобальная гегемония?**

— Масштабы американской глобальной гегемонии, по общему признанию, велики, но неглубоки, сдерживаются как внутренними, так и внешними ограничениями. Американская гегемония подразумевает оказание решающего влияния, но, в отличие от империй прошлого, не осуществление непосредственного управления. Именно размеры и многообразие Евразии, а также могущество некоторых из ее государств ограничивают глубину американского влияния и масштабы контроля над ходом событий. Этот ме-

гаконтинент просто слишком велик, слишком густо населен, разнообразен в культурном отношении и включает слишком много исторически амбициозных и политически энергичных государств, чтобы подчиниться даже самой успешной в экономическом и выдающейся в политическом отношении мировой державе. В конце концов мировой политике непременно станет все больше несвойственна концентрация власти в руках одного государства. Следовательно, США не только первая и единственная сверхдержава в поистине глобальном масштабе, но, вероятнее всего, и последняя. Когда превосходство США начнет уменьшаться, маловероятно, что какое-либо государство сможет добиться того мирового превосходства, которое в настоящее время имеют США. Таким образом, ключевой вопрос на будущее звучит так: «Что США завещают миру в качестве прочного наследия их превосходства?»

Потусторонняя сила России (Генри Киссинджер о судьбах Америки, России и всего остального мира) «Зеркало Крыма», 11.03.2015

Генри Киссинджер — один из главных идеологов американской внешней политики последних десятилетий. Государственный секретарь США в 1973–1977 годах, лауреат Нобелевской премии мира 1973 года, он и сегодня пользуется большим авторитетом не только в Америке, но и за ее пределами. Ну и, безусловно, без знания фундаментальных работ Киссинджера — таких как «Дипломатия» и «Нужна ли Америке внешняя политика?» — трудно понять «поведение» Соединенных Штатов в современном мире.

Сегодня в нашем уже традиционном виртуальном «интервью с классиком» Киссинджер отвечает на вопросы о роли и месте в современном мире двух великих держав — Америки и России.

Как всегда — все цитаты подлинные.

— Господин Киссинджер, как вы считаете, Россия и Америка — это два полюса, между которыми нет ничего общего, которые обречены на вечную конфронтацию, или все-таки отношения между нашими странами носят более сложный характер?

— Как и американцы, русские считают свое общество исключительным. Сталкиваясь лишь с кочевыми или феодальными сообществами, экспансия России в направлении Средней Азии обладала множеством черт американской экспансии на запад, и русское ее обоснование шло рука об руку с американскими объяснениями сущности своего «судьбоносного призвания».

Открытость границ каждой из стран была одной из немногих общих черт американской и русской исключительности. Американское чувство собственной уникальности базировалось на концепции свободы; русское же проистекало из опыта совместно перенесенных страданий. Приобщиться к американским ценностям мог каждый; русские же ценности принадлежали одной только русской нации, подавляющее большинство нерусских

подданных не имело к ним доступа. Американская исключительность имела своим следствием изоляционизм вперемешку со спонтанными крестовыми походами морального характера; русская же влекла за собой возникновение ощущения миссионерского призвания, часто приводившего к военным авантюрам.

В отличие от государств Западной Европы, которыми Россия восхищалась, одновременно испытывая к ним презрение и зависть, Россия воспринимала себя не как нацию, а как самоцель, стоящую вне геополитики, влекомую верой и спаянную силой оружия. При этом возвышенное представление России о самой себе редко разделялось окружающим миром. Несмотря на исключительные достижения в области литературы и музыки, Россия никогда не являлась для покоренных народов своеобразным культурным магнитом, в отличие от метрополий ряда других колониальных империй. Да и Российская империя отнюдь не воспринималась как модель общественного устройства — ни иными обществами, ни собственными подданными. Для внешнего мира Россия была потусторонней силой: загадочным экспансионистским видением, которого следовало бояться и сдерживать либо включением в союзы, либо противостоянием.

Вся Европа воспринимала как нечто сверхъестественное огромные просторы и упорство России. Все нации Европы пытались стяжать величие путем угроз и ответов на угрозы. Но Россия, казалось, продвигается вперед, повинаясь собственному ритму, сдерживаемому лишь превосходящими силами, как правило, посредством войны.

— Однако в то же время именно Россия как минимум дважды останавливала силы, претендовавшие на мировое господство: сначала наполеоновскую Францию, а затем гитлеровскую Германию.

— Действительно, парадоксальной истиной является и то, что за последние двести лет европейское равновесие сил было в ряде случаев сохранено благодаря героическим усилиям России. Без России Наполеон и Гитлер почти наверняка бы преуспели в создании универсальных империй. Подобно двуликому Янусу, Россия была одновременно и угрозой равновесию сил, и одним из его ключевых компонентов, важной для него и все же не вполне его частью.

— Какова, на ваш взгляд, роль Америки в современном мире?

— В каждом столетии, словно следуя некоему закону природы, появляется страна, обладающая могуществом, волей, а также интеллектуальными и моральными стимулами, необходимыми, чтобы привести всю систему международных отношений в соответствие с собственными ценностями. В XVII веке Франция при кардинале Ришелье предложила новый тогда подход к вопросу международных отношений, основывавшийся на принципах государства-нации и провозглашавший в качестве конечной цели нацио-

нальные интересы. В XVIII веке Великобритания разработала концепцию равновесия сил, господствовавшую в европейской дипломатии последующие двести лет. В XIX веке Австрия Меттерниха реконструировала «европейский концерт», а Германия Бисмарка его демонтировала, превратив европейскую дипломатию в хладнокровную игру силовой политики. В XX веке ни одна страна не оказала столь решительного и одновременно столь амбивалентного влияния на международные отношения, как Соединенные Штаты.

— **Какое значение имеет для Америки Россия?**

— На протяжении последних десятилетий ни на какую другую страну американская политика не была ориентирована столь целенаправленно. В годы «холодной войны» основная задача американской внешней политики представлялась как обеспечение возможности свержения советской власти.

В свое время Рейган довел вильсонизм до его логического завершения: Америке незачем пассивно ждать, пока в результате эволюции появятся свободные институты, и незачем ограничиваться отражением прямых угроз для собственной безопасности; вместо этого она будет активно способствовать распространению демократии, поощряя те страны, которые соответствуют демократическим идеалам, и наказывая те, которые им не соответствуют, даже если они не бросают открытого вызова Америке и не представляют для нее угрозы. Администрация Рейгана добилась этих успехов, применяя на практике то, что потом стало именоваться «доктриной Рейгана»: оказание помощи Соединенными Штатами антикоммунистическим антизаговорщическим силам, выводящим свои страны из советской сферы влияния. Такой помощью были вооружение афганских моджахедов в их борьбе с русскими, поддержка «контрас» в Никарагуа и антикоммунистических сил в Эфиопии и Анголе. На протяжении 60–70-х годов Советы занимались подстрекательством коммунистических восстаний против правительств, дружественно настроенных к Соединенным Штатам. Теперь, в 80-е годы, Америка давала попробовать Советам прописанное ими же лекарство.

— **Как изменились (и изменились ли вообще) цели американской внешней политики после окончания «холодной войны»?**

— По существу, в «холодной войне» Америка одержала победу без войны, то есть ту самую победу, которая вынудила ее взглянуть в лицо дилемме, сформулированной Джорджем Бернардом Шоу: «В жизни существуют две трагедии. Одна из них — так и не добиться осуществления самого сокровенного желания. Другая — добиться».

Исключительность вдохновляла американскую внешнюю политику и давала Соединенным Штатам силу выстоять в «холодной войне». Но эту силу придется применять гораздо более тонко и осторожно в многополюсном мире XXI века. В итоге Америка вынуждена будет оказаться перед вопросом, ответа на который она умудрялась не давать на протяжении почти всей сво-

ей истории: маяк она или крестоносец? И насколько широк сужающийся диапазон выбора между тем и другим?

В третий раз на протяжении последних десятилетий Америка провозглашает свои намерения выстроить новый мировой порядок, применяя свои собственные ценности на всем мировом пространстве. В 1918 году Вильсон своей тенью заслонил Парижскую мирную конференцию, где союзники слишком зависели от Америки, чтобы громко высказаться против. К концу Второй мировой войны Франклин Делано Рузвельт и Трумэн, казалось, имели возможность перекрыть весь глобус по американской модели. Конец «холодной войны» породил еще большее искушение переделать мир по американскому образу и подобию. Вильсона ограничивал изоляционизм во внутренней политике, а Трумэн столкнулся со сталинским экспансионизмом. В мире по окончании «холодной войны» Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой, которая обладает возможностью вмешательства в любой части земного шара.

— Так ли уж на самом деле всеисильны сегодня Соединенные Штаты, учитывая бурный рост Китая и постепенное возрождение России?

— Как ни могущественна Америка, ни одна из стран сегодня не обладает возможностями навязать все свои предпочтения остальному человечеству; необходимо установить приоритеты. Окончание «холодной войны» создало ситуацию, которую многочисленные наблюдатели называют «однополюсным» или «моносверхдержавным» миром. Но Соединенные Штаты на деле находятся не в столь блестящем положении, чтобы в одностороннем порядке диктовать глобальную международную деятельность.

Действительно новым в возникающем мировом порядке является то, что Америка более не может ни отгородиться от мира, ни господствовать в нем. Джон Ф. Кеннеди уверенно заявил в 1961 году, что Америка достаточно сильна, чтобы «заплатить любую цену, вынести любое бремя» для обеспечения успешного воплощения идеалов свободы. Сегодня Соединенные Штаты уже в гораздо меньшей степени могут настаивать на немедленном осуществлении всех своих желаний. До уровня великих держав доросли и другие страны. И теперь, когда Соединенным Штатам брошен подобный вызов, приходится к достижению своих целей подходить поэтапно, причем каждый из этапов представляет собой сплав из американских ценностей и геополитических потребностей. Одной из таких потребностей является то, что мир, включающий в себя ряд государств сопоставимого могущества, должен основывать свой порядок на какой-либо из концепций равновесия сил, то есть базироваться на идее, существование которой всегда заставляло Соединенные Штаты чувствовать себя неуверенно.

Могучие глобальные силы трудятся все упорнее, так что по ходу времени Соединенные Штаты лишаются части своей исключительности. В обо-

зримом будущем у американской военной мощи по-прежнему соперников не будет. И все же американское стремление направить эту мощь на мириады крохотных конфликтов, которым мир явится свидетелем в течение надвигающихся десятилетий — типа Боснии, Сомали и Гаити, — явится ключевым концептуальным вызовом для американской внешней политики. Соединенные Штаты, вероятнее всего, пока сохранят самую мощную в мире экономику. И все же благосостояние распространится гораздо шире, точно так же, как технология, обеспечивающая благосостояние. И Соединенные Штаты окажутся перед лицом экономической конкуренции такого рода, которая не проявлялась в период «холодной войны».

Америка останется великой и могущественной нацией, но нацией, с которой уже будет кому равняться; «первой среди равных», но тем не менее одной из ряда подобных. Американская исключительность, являвшаяся неотъемлемым фундаментом вильсоновской внешней политики, скорее всего в значительной мере утратит свое значение.

Международная система XXI века будет характеризоваться кажущимся противоречием: фрагментации, с одной стороны, и растущей глобализацией, с другой. На уровне отношений между государствами новый порядок, пришедший на смену «холодной войне», будет напоминать европейскую систему государств XVIII-XIX веков. Его составной частью станут, по меньшей мере, Соединенные Штаты, Европа, Китай, Япония, Россия и, возможно, Индия, а также великое множество средних и малых стран.

Вопрос заключается в том, способен ли мир после окончания «холодной войны» найти какой-либо принцип, ограничивающий демонстрацию силы и утверждение собственных эгоистических интересов. Конечно, в итоге равновесие сил сложится де-факто, когда произойдет взаимодействие ряда государств. Вопрос стоит так: будет ли сохранение системы международных отношений происходить согласно продуманному плану или оно сложится в результате серии силовых испытаний?

— Окончание «холодной войны» не сделало мир более стабильным. Наоборот, кажется, ему угрожает гораздо больше опасностей, чем прежде — многочисленные локальные войны, причем теперь уже не только в Африке или Азии, но и в Европе, международный терроризм и т. д., и т. п.

— Как только составляющие международной системы меняют свой характер, неизбежно следует период потрясений. Крах коммунизма в Советском Союзе и распад Югославии повлекли за собой возникновение еще порядка двадцати наций, многие из которых увлечены и поглощены сведением вековых кровавых счетов. Частично потрясения, связанные с возникновением нового мирового порядка, проистекают из факта взаимодействия государств, зовущих себя «нациями», но обладающих, однако, слишком

малым числом исторических атрибутов государства-нации. Это этнические осколки распавшихся империй типа государств — преемников Югославии или Советского Союза. Одержимые историческими обидами и вековым стремлением к самоутверждению, они в первую очередь стремятся взять верх в старинных этнических соперничествах. Цели международного порядка находятся за пределами их интересов, а часто и за пределами их воображения. Подобно мелким государствам, порожденным Тридцатилетней войной, они стремятся оградить свою независимость и увеличить собственную мощь, не принимая во внимание более космополитические соображения международно-политического порядка.

— **Какой вам видится будущая судьба России?**

— Антиимпериалистическая революция, направленная против господства России, весьма популярна в новых нерусских республиках и исключительно непопулярна в Российской Федерации. Ибо российские группировки, стоящие у власти, исторически трактуют свое государство в масштабах «цивилизаторской» миссии; подавляющее большинство ведущих фигур в России, независимо от их политических убеждений, отказываются признать крах Советской империи или легитимность государств-преемников, особенно Украины, колыбели русского православия. Даже Александр Солженицын, когда пишет об освобождении России от дьявольского порождения в лице не желающих в ней оставаться инородцев, настаивает, что под началом Москвы должны оставаться Украина, Белоруссия и населенная славянами почти половина Казахстана, вместе составляющие около 90% прежней империи. На территории бывшего Советского Союза не каждый антикоммунист — демократ и не каждый демократ отвергает русский империализм.

Советская империя распалась на части, потеряв почти все русские приобретения со времен Петра Великого. Ни одна мировая держава не рассыпалась до такой степени полностью и так быстро, не проиграв войны. Однако мы должны помнить: если планы России расстраивались, она всегда затаивалась и, лелея обиду, поджидала удобного момента для возмездия, — так обстояло дело с Великобританией в течение всего XIX века, с Австрией после Крымской войны, с Германией после Берлинского конгресса и с Соединенными Штатами во время «холодной войны». Остается дожидаться того, как новая постсоветская Россия будет реагировать на крах своей исторической империи и вовлеченных в ее орбиту сателлитов, когда полностью пройдет шок после распада.

Александр Пушкин: «Влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего Отечества» «Зеркало Крыма», 06.05.2015

Пыль сыпалась с моих старинных собеседников — Достоевского, Толстого, Гоголя, Чехова, Бунина, Пушкина. Я убирал библиотеку. Томик поэта случайно выскользнул из рук и, упав, открылся на записке «О народном воспитании», написанной Пушкиным в страшно далеком 1826 году по распоряжению российского императора Николая I.

«Последние происшествия обнаружили много печальных истин, — машинально прочитал я. — Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения. Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий... Мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу, превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные».

Подумалось: вполне подходит для объяснения украинских событий 2013–2015 годов. Или, например, — чуть более ранних российских волнений на Болотной.

«Молодой человек входит в свет безо всяких основательных познаний, без всяких положительных правил: всякая мысль для него нова, всякая новость имеет на него влияние, — объяснял классик механизм, с помощью которого Запад и «западники» превратили то же самое украинское студенчество в одну из главных движущих сил пресловутой «революции достоинства». — Он не в состоянии ни поверять, ни возражать; он становится слепым приверженцем или жалким повторителем первого товарища, который захочет оказать над ним свое превосходство или сделать из него свое орудие».

— **Можно ли как-то противостоять этому процессу? Можно ли гарантировать, например, что нечто подобное не произойдет однажды**

и в России? — спросил я. И, отложив в сторону влажную тряпку, принялся листать академический десятитомник поэта.

— Никогда я не проповедовал ни возмущения, ни революции — напротив, — отвечал Александр Сергеевич в одном месте. — Бунт и революция мне никогда не нравились, — повторился в другом. — Всякое правительство вправе не позволять проповедовать на площадях, что кому в голову придет, — заметил в третьем. И, наконец, предложил развернутый ответ: «Должно надеяться, что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой — необъятную силу правительства, основанную на силе вещей... Но надлежит защитить новое, возрастающее поколение, еще не наученное никаким опытом и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всем восторгом и готовностью принимать всякие впечатления.

Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла. Не просвещению, но праздности ума, более вредной, чем праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — погибель. Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия».

— Какую роль играют в этом книги, журналы, газеты, то, что мы сегодня называем средствами массовой информации?

— Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Самое глупое ругательство получает вес от волшебного влияния типографии. Нам все еще печатный лист кажется святым. Мы все думаем: как это может быть глупо или несправедливо? Ведь это напечатано!

Общее мнение имеет нужду быть управляемо. С радостью взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала, т.е., такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению.

— Как бы вы охарактеризовали отношения между русскими и иностранцами, Россией и другими странами, Европой прежде всего?

— Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда — при англичанах дурачим Василия Львовича; пред M-me de Stael заставляем Милорадовича отличаться в мазурке. Русский барин кричит: мальчик! Забавляй Гекторку (датского кобеля). Мы хохочем и переводим эти барские

слова любопытному путешественнику. Все это попадает в его журнал и печатается в Европе — это мерзко. Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство.

Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...

Но и в эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европою. Отसेле сношения Ивана Васильевича с Англией, переписка Годунова с Данией, условия, поднесенные польскому королевичу аристократией XVII столетия, посольства Алексея Михайловича... Наконец, явился Петр.

Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы.

— Кстати, о Полтавской битве, описанной вами в поэме «Полтава». Гетман Мазепа, которого вы называете предателем, иудой, злодеем, стал сегодня одним из главных героев независимого украинского государства. Может быть, вы все же ошибались в его характеристике?

— Говорили мне, что мой Мазепа злой и глупый старичишка. Что изобразил я Мазепу злым, в том я каюсь: добрым я его не нахожу, особенно в ту минуту, когда он хлопочет о казни отца девушки, им обольщенной. Глупость же человека оказывается или из его действий, или из его слов: Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер. Заметили мне, что Мазепа слишком у меня злопамятен, что малороссийский гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет. Опять история, опроверженная литературной критикой, — опять хоть знаю, да не верю! Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как понятия о дворянской чести были на высшей степени силы, — Мазепа мог помнить долго обиду московского царя и отомстить ему при случае. В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный... Однако ж какой отвратительный предмет! Ни одного доброго, благосклонного чувства!

Ни одной утешительной черты! Соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... Дельвиг дивился, как я мог заняться таким предметом. Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня. «Полтаву» написал я в несколько дней, далее не мог бы ею заниматься и бросил бы все.

— **Новая глобальная сила в современном мире — Соединенные Штаты Америки. Новая в том смысле, что в ваше время она не играла такой роли, как сегодня. И все-таки, может быть, что-то об этой державе уже было понятно и в начале XIX века?**

— С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих... С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (комфорт); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть... такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами.

Отношения Штатов к индийским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие американского Конгресса осуждены с негодованием.

— **Давайте теперь оборотимся и на Россию.**

— Россия слишком мало известна русским; сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требуют особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончателные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве. Какое поле — эта новейшая Русская история! И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано и что кроме нас, русских, никто того не может и предпринять!

— **Однако у нас же нынче столько патриотов.**

— Некоторые люди не заботятся ни о славе, но и о бедствиях отечества, его историю знают только со времени князя Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья, со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке.

— **В заключение не могу не спросить, каким вы нашли Крым во время вашего путешествия по полуострову?**

— С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я — на ближней горе посередине кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею, — вот все, что осталось от города Пантикапеи. Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками...

Из Керчи приехали мы в Кефу, остановились у Броневского, человека почтенного по непорочной службе и по бедности... Он не умный человек, но имеет большие сведения об Крыме, стороне важной и запущенной. Отсюда морем отправились мы мимо полуденных берегов Тавриды, в Юрзуф, где находилось семейство Раевского. Ночью на корабле написал я элегию... Корабль плыл перед горами, покрытыми тополами, виноградом, лаврами и кипарисами; везде мелькали татарские селения; он остановился в виду Юрзуфа. Там прожил я три недели. Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посередине семейства почтенного Раевского... Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался, — счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, — горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда — увидеть опять полуденный берег...

Счастливое полуденное небо, горы, сады, море — сейчас, почти два века спустя, все это по-прежнему здесь, с нами, в российском Крыму. Ну а что до запущенности этого прелестного края, тоже, увы, по-прежнему имеющей место, то и здесь все в наших руках. Начнем хотя бы с того, что... протрем пыль.

Начался год Солженицына (Великий русский писатель давно предсказал будущее Украины и Крыма) «Парламентская газета», 11.12.2017

Сегодня, 11 декабря, исполнилось 99 лет со дня рождения Александра Исаевича Солженицына. Следующий, 2018-й год, пройдет под знаком столетнего юбилея классика.

В Крыму Солженицына чтут как пророка «украинской катастрофы». В девяностые годы прошлого века — тогда, в «демократической России», это было немодно и непопулярно — он один из немногих открыто возвысил свой голос в защиту полуострова от украинских националистов. «Сколько русских с негодованием и ужасом пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма — и предательство его при каждом потом крымском конфликте. И беспрекословную, без малейших политических шагов, отдачу Севастополя, алмаза русской военной доблести. Злодейство это совершено было нашей же выборной властью — однако и мы же, граждане, не воспротивились вовремя», — читаем в опубликованной в 1998 году книге «Россия в обвале».

Стратегическая ошибка Киева

«Во все 1992–98 годы не было ни одного раунда русско-украинских переговоров, в который украинская сторона не взяла бы верх, далеко уйдя от кравчуковских беловежских «прозрачных границ», «неразрывности русско-украинского союза» — до постоянной упорной украинской оппозиции против России и на арене СНГ, и на мировой. Российская сторона неизменно, шаг за шагом, все далее отступала, только отступала. Постоянно уступала экономически, пытаясь подкупить непримиримость украинской стороны. И жертвовала, голова за головой, командующими Черноморским флотом — непреклонными адмиралами Касатоновым, Балтиным. После очередного уступчивого соглашения мы услышали: «Я поздравляю Украину, Россию и весь мир!» Украину — конечно, и весь мир — несомненно, но — с чем была поздравлена Россия?..».

К счастью, времена изменились — Крым вернулся в состав России. Солженицын до этого не дожил, но пророчески предвосхитил, что Украина в ее постсоветских границах нежизнеспособна: «Отяжелительная ошибка ее — именно в этом непомерном расширении на земли, которые никогда до Ленина Украиной не были: две донецкие области, вся южная полоса Новороссии (Мелитополь — Херсон — Одесса) и Крым. (Принятие хрущевского подарка — по меньшей мере недобросовестно, присвоение Севастополя вопреки, не говорю, русским жертвам, но и советским юридическим документам, — государственное воровство). Стратегическая ошибка в выборе государственной задачи будет постоянной помехой здоровому развитию Украины, эта изначальная психологическая ошибка — непременно и вредоносно скажется: и в неорганичной соединенности западных областей с восточными, и в двоении (теперь уже и троении) религиозных ветвей, и в упругой силе подавляемого русского языка, который доселе считали родным 63% населения. Сколько неэффективных, бесполезных усилий надо потратить на преодоление этих трещин. По пословице: Нахвтанное — ребром выпрет». В 2014 году это предсказание русского классика сбылось почти с абсолютной точностью.

Писатель прятал свои рукописи в Черноморском, а жег в Симферополе

Солженицын не только писал о Крыме, но и бывал у нас на полуострове. В поселке Черноморское сохранился дом, где Александр Исаевич прятал когда-то свои рукописи. Об этом свидетельствует мемориальная табличка, на которой написано: «В этом доме летом 1959 года и весной 1962 года в семье своих друзей Николая Ивановича и Елены Александровны Зубовых жил выдающийся писатель современности, лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын».

С Зубовыми классик познакомился в 1953 году на поселении в Казахстане и рассказал о них на страницах своих книг. «За укрытие старухой в их доме приبلудного дезертира, потом на них донесшего, супруги Зубовы получили оба по десятке по 58-й статье, — читаем мы в «Архипелаге». — Суд увидел их вину не столько в укрытии дезертира, сколько в бескорыстии этого укрытия: он не был их родственником, и значит, здесь имел место антисоветский умысел! По сталинской амнистии дезертир освобожден, не отсидев и трех лет, он уже и забыл об этом маленьком эпизоде своей жизни. Но не то досталось Зубовым! По полным десять они отбыли в лагерях (из них по четыре — в Особых), еще по четыре — без всякого приговора — в ссылке; освобождены были лишь тем, что вообще распущена была самая ссылка, но судимость не была снята с них тогда, ни через шестнадцать, ни даже через девятнадцать лет после события, она не пустила их вернуться в свой дом под Москву, мешала им тихо дожить жизнь!».

Не имея возможности вернуться домой в Подмоскowie Зубовы решили обосноваться в Крыму, где прошла юность Елены Александровны. Поздней осенью 1958 года они поселились в Черноморском, а уже в следующем году Солженицын приехал навестить своих «любимых старичков». Писатель прятал у Зубовых, в кухонном столе с двойным дном, копии своих произведений. В октябре 1964 года старики, опасаясь обысков, сожгли все солженицынские рукописи и сообщили об этом писателю условной фразой в письме. Таков и был уговор: если, по их мнению, возникает серьезная опасность — они вольны были все сжечь. В 1966 году Солженицын встретился с Николаем Ивановичем Зубовым уже в Симферополе. «Я спрашивал, все ли сожгли, действительно ли все? Он отвечал уверенно. Единственное, что случайно сохранилось, — ранний вариант «Круга», и теперь мы сожгли его вдвоем, в Симферополе, в печи», — вспоминал писатель в книге «Бодался теленок с дубом».

Будет, о чем поговорить

Бывал классик русской литературы и в других местах полуострова — в Керчи, Феодосии, Гурзуфе. Известна фотография писателя у знаменитого Ласточкиного гнезда. Судьбе Зубовых посвящена книга «Отношения сердец» главного исследователя крымских страниц биографии Солженицына краеведа Сергея Пушкарева. Как сообщил историк «Парламентской газете», юбилейные мероприятия в Крыму начнутся с того, что 15 декабря в Республиканской библиотеке состоится круглый стол, посвященный роли, которую Солженицын сыграл в политических процессах XX века. Летом в историко-краеведческом музее в Черноморском откроется выставка «Отношения сердец», рассказывающая о дружбе Солженицына и Зубовых. Ну и, наконец, в сентябре там же, в Черноморском, пройдет научная конференция. Ученым и политикам будет, о чем поговорить на этом форуме: повести и романы писателя вошли в золотой фонд русской литературы, а его публицистические произведения поражают своей точностью и злободневностью до сих пор.

Рай на Земле (Крымский текст в художественной прозе Василия Аксенова)

**«Современная картина мира: крымский контекст».
Книга 1. 2017**

*– Посмотри, мусульманин, как плавно переходит
здесь Эллада в Византию, а Византия в Россию.
Василий Аксенов, «Остров Крым»*

Крым занимает особое место в сознании русских писателей и поэтов разных эпох. Александр Пушкин и Лев Толстой искали и находили здесь материал и вдохновение для своих произведений в золотом XIX столетии, Антон Чехов, Иван Бунин, Николай Гумилев, Осип Мандельштам, Максимилиан Волошин, Иван Шмелев — в первые десятилетия серебряного XX века. Советские (и антисоветские) литераторы 1960–80-х годов «во главе» с Василием Аксеновым стоят (сидят, лежат, загорают, выпивают, флиртуют, влюбляются) — в этом же блистательном ряду.

Безусловно, ключевое крымское произведение Аксенова — это роман «Остров Крым». После воссоединения Крыма с Россией, кажется, только ленивый не обратил внимания на то, что один из лидеров «Крымской весны», нынешний глава Республики Сергей Аксенов носит ту же фамилию, что и автор романа «Остров Крым» Василий Аксенов. А вот заглянуть глубже, перечитать культовый роман в новой политической реальности, кажется, не удосужился никто. Между тем, это только первое из десятков совпадений, параллелей, предсказаний и, если угодно, пророчеств, которые может обнаружить в книге внимательный читатель.

Филологам прекрасно известно: настоящий русский писатель подобен древним пророкам. Он видит лучше и дальше, чем обычные люди. Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Николай Гоголь, Федор Достоевский, Антон Чехов, Николай Гумилев, Михаил Булгаков и многие другие русские писатели и поэты не раз и не два «заглядывали» в своих произведениях в будущее России и мира. Несомненно, входит в этот список литературных провидцев и Василий Аксенов.

Впервые литературоведы обратились к изучению произведений Василия Аксенова еще в семидесятые годы прошлого века. Среди исследователей творчества писателя — такие специалисты, как П. Манере, К. Кустанович, Э. Можейко, Н. Ефимова, А. Немзер, Б. Ланин, О. Дарк, А. Латынина, Н. Лейдерман, М. Липовецкий и многие другие. Однако большинство из них осмыслиют и исследуют прозу Аксенова и физически, и, если можно так выразиться, духовно находясь за пределами Крыма. Отсюда — принципиальное отличие нашей попытки взглянуть на творчество Аксенова не из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева или Нью-Йорка, а из Симферополя, или правильнее — из Симфи.

Цель настоящей работы — раскрыть образ Крыма в художественном (а заодно — и реальном) мире Василия Аксенова. Задачи — выделить крымский текст в произведениях писателя, объяснить причины «крымоцентричности» его творчества, показать, как часто автор предвидит будущее Крыма, как реальные особенности и проблемы региона отражаются и преобразуются в рассказах, повестях и романах классика.

«Если бы в тот день, когда я поставил точку в рукописи, кто-нибудь сказал бы, что этот роман будет издан в Симферополе, мне пришлось бы парировать: «Умерьте свою фантазию, сударь!» — писал Василий Аксенов в августе 1991 года в предисловии к первому крымскому изданию своего романа. — Теперь совершается чудо, перед которым превращение «полуострова» в «Остров» — несложная работа» [7, с. 3].

Однако впереди нас, читателей, ждали еще более невероятные чудеса.

«В душе его была тревога, он часто посматривал на светящийся циферблат своих часов... Вдруг что-то случилось с современным механизмом: стрелки, секундная, минутная и часовая, закрутились с невероятной скоростью, словно в бессмысленной гонке, а в рамке дней недели стало выскакивать одно за другим: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда, четверг...» [7, с. 207] — завершается роман Василия Аксенова, написанный им в 1977–1979 годах.

Сегодня «бессмысленная гонка» секундных, минутных и часовых стрелок «загнала» нас в год 2016. Давайте теперь попробуем отсюда, из нашего крымского настоящего, взглянуть на аксеновскую антиутопию и определить, какие из его пророчеств сбылись, а какие — пока нет.

Главным политическим праздником Крыма много лет был День Автономной Республики Крым, который отмечается 20 января. Именно в этот день в 1991 году состоялся общекрымский референдум по вопросу о воссоздании в Крыму автономной республики. За восстановление Крымской автономии тогда проголосовали 1.343.855 человек, или 93,26% от принявших участие в голосовании.

Напомним, Василий Аксенов написал свой роман в 1977–1979 годах. Очевидно, что он не мог знать о том, что произойдет в Крыму в 1991 году. Однако главный государственный праздник Острова Крым также приходится на... 20 января. Согласно аксеновскому политико-литературному мифу, в этот день островитяне отмечали День Лейтенанта Бейли-Лэнда.

По сюжету романа, 20 января 1920 года был одним из самых засекреченных для советского народа исторических дней, днем ужасающего поражения победоносной пролетарской армии, когда против всей лавины революционных масс встал один-единственный мальчишка, англичанин, прыщавый и дурашливый.

Вот как описывает Аксенов эти пусть и вымышленные, но очень важные для нас события: «Двадцатое января. Тридцать градусов мороза. Сорокамильное горло Чонгарского пролива сковано крепчайшим льдом, по которому могут двигаться многотысячные колонны с артиллерией. Все соответствовало в этот день логике классовой борьбы: полностью деморализованная и дезорганизованная Добровольческая армия в панике грузилась на дряхлые пароходы в портах Севастополя, Ялты, Феодосии, Керчи, Евпатории; последние боеспособные части, вроде мамонтовцев, марковцев и дроздовцев дрались с налетевшими из горных ущелий татарскими сабельными отрядами... Под сверкающим морозным солнцем по сверкающему льду спокойно двигались к Острову армии Фрунзе и Миронова. Было, правда, немного скользко, копыта коней слегка разъезжались, однако флаги реяли в выцветшем от мороза небе, оркестры играли «Это есть наш последний и решительный бой» и красноармейцы весело матюкались, не наблюдая никаких признаков сопротивления со стороны последнего прибежища классового врага.

Не соответствовало логике классовой борьбы лишь настроение двадцатидвухлетнего лейтенанта Ричарда Бейли-Лэнда, сменного командира одной из башен главного калибра на линейном корабле «Ливерпуль»: он был слегка с похмелья. Вооружившись карабином, офицерик заставил своих пушкарей остаться в башне; больше того, развернул башню в сторону наступающих колонн и открыл по ним залповый огонь гигантскими шестнадцатидюймовыми снарядами. Прицельность стрельбы не играла роли: снаряды ломали лед, передовые колонны тонули в ледяной воде, задние смешались, началась паника...» [7, с. 171].

В результате, Добровольческая армия воспряла духом и отбила атаку красных. Невольный подвиг английского офицера подарил аксеновскому Крыму независимость от СССР, а вместе с ней и невиданное процветание.

Таким образом, спустя десятилетия выдуманый Аксеновым главный праздник свободного Острова Крым совпал с датой проведения референдума

о восстановлении крымской автономии, то есть, о своеобразном политическом освобождении региона от власти центра.

Безусловно, это всего лишь совпадение, но совпадение, во-первых, в высшей степени символическое, а во-вторых — далеко не единственное. Один из героев «Острова Крым» носит фамилию... Мешков. Не оттуда ли, не со страниц ли законченной в 1979 году аксеновской книги материализовался в 1994 году первый и пока последний президент Крыма Юрий Мешков?

Между прочим, аксеновский Мешков был членом Союза общей судьбы, ратовавшего за объединение Острова Крым с Советским Союзом — Россией. «Основная идея Союза — ощущение общности с нашей исторической родиной, стремление выйти из островной эйфорической изоляции и присоединиться к великому духовному процессу человечества, в котором той стране, которую мы с детства называем Россией и которая именуется Союзом Советских Социалистических Республик, уготована особая роль. Мы призываем к размышлению и дискуссии и в конечном историческом смысле к воссоединению с Россией, то есть к дерзновенной и благородной попытке разделить судьбу двухсот пятидесяти миллионов наших братьев, которые десятилетие за десятилетием сквозь мрак бесконечных страданий и проблески волшебного торжества осуществляют неповторимую нравственную и мистическую миссию России и народов, идущих с ней рядом» [7, с. 162].

И реальный крымский Мешков стал в 1994 году президентом Республики именно на волне идей о воссоединении Крыма с Россией, то есть, на волне идей об общей судьбе Крыма и России.

Тогда, в середине девяностых годов прошлого века, русское движение в Крыму потерпело поражение, а Мешкову пришлось спасаться бегством в Москву. В 2014 году, двадцать лет спустя, другой однофамилец — на этот раз не литературного героя, а самого автора романа — Сергей Аксенов вместе со своими соратниками воплотил-таки идею общей судьбы Крыма и России в политическую реальность.

Антиутопия Василия Аксенова позволяет лучше осмыслить события, происходящие сегодня уже не в художественной, а в политической реальности. Так, к примеру, писатель прекрасно осознавал конфликтный потенциал Крыма. «Андрюша, ты знаешь, на какой пороховой бочке мы живем, в какую клоаку превратился наш Остров... — говорил в романе товарищ министра информации Фредди Бутурлин. — Тридцать девять одних только зарегистрированных политических партий. Масса экстремистских групп» [7, с. 87]. Натовская разведка пристально наблюдала за Крымом как «возможным очагом дестабилизации» и в романе, и — не сомневайтесь — в исторической реальности. Впрочем, в последнем случае, когда речь идет об исторической реальности, прошедшее время надо заменить на настоящее — наблюдает...

Другая параллель — сравнения Крыма с такими регионами, как Гонконг и Сингапур, часто использовавшиеся политиками, общественными деятелями, экономистами и просто интеллектуалами в девяностые годы прошлого века и периодически повторяющиеся и сегодня. Предполагается, что при благоприятном развитии событий Крым может повторить судьбу этих приморских регионов и за короткий промежуток времени превратиться в экономически высокоразвитый регион.

В 2009 году известный украинский политик Арсений Яценюк заявлял: Крым — «это украинский Гонконг, который предусматривает рекреацию. Для решения туристических проблем и для развития рекреации надо справиться с базовой проблемой Крыма — коррупцией. Сюда приезжают очень много инвесторов. Но они с чем приезжают, с тем и уезжают. Потому что ничего не могут добиться, ведь все куплено, все контролирует власть» [11].

В 2010 году ту же идею повторил заместитель директора Института международных исследований МГИМО Виктор Мизин: «Я думаю, что как вариант будущего Севастополя с учетом того, что русское население составляет там порядка 90%, можно рассматривать пример Гонконга или Сингапура» [16].

В 2011 году тогдашний министр курортов и туризма Крыма Александр Лиев заявлял в интервью для средств массовой информации: «Примером для подражания должен, на мой взгляд, служить Сингапур...» [14].

Наконец, часто обращался к этой идее и Сергей Аксенов — как в бытность простым депутатом Верховного Совета Крыма, так и затем, уже на посту главы Республики. Вот, скажем, фрагмент из интервью Сергея Аксенова в 2012 году: «Видите ли, можно написать любую, самую превосходную программу развития, но она не будет работать, если не будет людей, которые способны ее реализовать. Очень многое зависит от конкретного человека. В свое время премьер-министр Сингапура, один из создателей сингапурского экономического чуда Ли Кван Ю лично обхаживал каждого потенциального инвестора. Стратегия экономического развития правительства Ли Кван Ю строилась на превращении Сингапура из жалкой отсталой страны третьего мира в финансовый и торговый центр Юго-Восточной Азии, а также на привлечении иностранных инвесторов. «Мы приветствовали каждого инвестора... Мы просто из шкуры вон лезли, чтобы помочь ему начать производство», — признавался сингапурский политик. В результате Сингапур стал одним из самых высокоразвитых государств не только своего региона, но и мира в целом. Наверное, мне скажут, что, дескать, куда там Крыму до Сингапура, но это неправда. Потенциал Крыма ничем не меньше, а стартовые условия — лучше, чем были у Сингапура в начале шестидесятых годов прошлого века. Просто у нас нет своего Ли Кван Ю» [17].

Став главой Крыма, Сергей Аксенов не забросил «сингапурскую идею». Он по-прежнему полагает, что у Крыма потенциал не меньше, чем

у Сингапура. «Это для меня икона бизнеса, стиля» [13], — сказал премьер Республики о Сингапуре в одном из интервью телеканалу НТВ.

А вот что мы читаем у Василия Аксенова: «Безвизный въезд, беспошлинная торговля... — все это, конечно, невероятно обогащает наше население, но день за днем мы становимся международным вертепом почище Гонконга» [7, с. 14]. И еще: «Крым... подтянулся в кильватер всяким там Гонконгам, Сингапурам, Гонолулу» [7, с. 32].

Отдельно стоит остановиться на сравнении Крыма с Тайванем.

«— Хуа — старый тайваньский шпион, — сказал про него Антон девушкам. — Это естественно, Крым и Тайвань, два отдаленных брата» [7, с. 11].

Сегодня Крым и Тайвань — уже даже не отдаленные, а почти родные братья, имея в виду, что оба они — так называемые «частично признанные территории». Как Китай и ряд других государств не признают независимость Тайваня, так Украина, США и страны Европейского Союза не признают российский статус Крыма.

После воссоединения Крыма с Россией идут разговоры о возможном создании на полуострове официальной игровой зоны. И эту идею также можно обнаружить в романе Василия Аксенова: «Возник образ подозрительного значного места, международного притона» [7, с. 35].

Как уже говорилось, Василий Аксенов писал свой роман в 1977–1979 годах, когда Крымская область официально была частью Украинской Советской Социалистической Республики, однако об украинской идее, украинцах, украинском языке в книге — ни слова. Герои «Острова Крым» говорят на русском, татарском, английском, итальянском, даже на вымышленном писателем языке яки, но никак не на украинском. И это отличное доказательство абсолютно формальной принадлежности Крыма к Украине и в советские, и в постсоветские годы. Принадлежности, которая завершилась в марте 2014 года материализацией в Крыму «Аксенова 2,0».

Как говорит один из второстепенных героев романа господин Меркатор, «обожаю все русское! И это вовсе не потому, что имею одну шестьдесят четвертую часть русской крови, как наш последний Государь, а просто потому, что мы здесь, на Острове, все, и даже татары, каким-то образом причисляем себя к русской культуре» [7, с. 112].

«Я надеюсь, что мой роман не только увлечет крымчан своим довольно бурным сюжетом, но также поможет им в осмыслении истории своего края, как будто специально созданного Творцом для воплощения многонациональной гармонии» [7, с. 3], — писал Василий Аксенов в августе 1991 года.

Как минимум, «Остров Крым» увлек политиков и политтехнологов, которые время от времени вспоминают об аксеновском романе и эксплуатируют его в своих проектах.

Вспомним, например, скандальную акцию «Остров Крым», организованную в 2006 году молодежным движением «Прорыв», в ходе которой ее активисты символически перекопали перешеек, отделяющий Крым от материковой части Украины. «После заявления лидера Украинской национальной ассамблеи, депутата Верховной Рады Украины Юрия Шухевича о том, что националисты из УНА-УНСО объявляют мобилизацию и едут в Крым вести войну против Черноморского флота России, а фактически, против всего юго-востока Украины и против российско-украинской дружбы, а также после заявлений крымских татар о том, что они будут строить в Крыму свой халифат, а тех русских, которые не успеют уехать, вырежут, мы — крымское молодежное движение «Прорыв» — решили действовать более радикально и организовали 19 января 2006 года театрализованную акцию в честь праздника Крещения Господня и 15-летия образования автономной Республики Крым. Акция была организована на законных основаниях — за несколько дней до этого мы письменно уведомили власти о ее проведении, при этом подчеркнули, что это не политическая акция, а народное представление, посвященное вышеупомянутым праздникам. Представление было поставлено по роману Василия Аксенова «Остров Крым» в современной интерпретации, я выступал в качестве режиссера-постановщика и художественного руководителя» [12], — рассказывал лидер «Прорыва» Алексей Добычин.

Вскоре после акции «Остров Крым» Служба безопасности Украины возбудила по этому факту уголовное дело по статье о нарушении территориальной целостности государства и депортировала Добычина за пределы страны.

Еще одна попытка использования аксеновского романа в политических целях относится к 2009 году. Тогда в Крыму было создано общественное движение, которое так и называлось «Остров Крым». Затем на его базе известный украинский политик Инна Богословская создала избирательный блок «Остров Крым». На одном из митингов в Симферополе Инна Богословская цитировала аксеновский роман: «Василий Аксенов в своем гениальном романе «Остров Крым» сказал: «Вот моя Родина, вот мое счастье — Остров Крым посреди волн свободы». Украина, установив автономию, признала, что крымчане — это жители с особым менталитетом, они не всегда идентифицируют себя с Украиной. Поэтому, чтобы в будущем у нас не возникало проблем, чтобы здесь, не дай Бог, не появилась новая горячая точка, власть обязана предоставить Крымской автономии реальные полномочия» [15].

Такая востребованность аксеновского романа в современной политике свидетельствует о неослабевающей злободневности этой книги, задуманной и написанной во многом именно как политическая сатира.

Весной 2014 года Крым вернулся в состав России, однако процесс настоящей, полноценной интеграции полуострова все еще не завершен,

и далеко не все в нем идет гладко. « — О-хо-хо, мороки-то с этим воссоединением, — вдруг заговорил «Окающий». — Куда нам всех этих островитян девать? Сорок партий, да и наций, почитай, столько же... кроме коренных-то, татар-то, и наших русаков полно, и греков, и арабов, иудеи тоже, итальянцы... охoho... даже, говорят, англичане там есть...» [7, с. 184].

У Сергея Аксенова, остальных островитян и жителей российского материка впереди много совместной работы, в результате которой, хочется верить, сбудется еще одно предсказание Василия Аксенова — Крым станет настоящим «Островом Окей» со стильной Феодосией, небоскребами международных компаний Севастополя, сногшибательными виллами Евпатории и Гурзуфа, минаретами и банями Бахчисарая, американизированными (в хорошем смысле этого слова) Джанкоем и Керчью, вечно пританцовывающей, бессонной, стоязычной Ялтой и, конечно, поражающим воображение своей ультрасовременной архитектурой Симферополем.

И наоборот, быть может, Крым, как мечтал Андрей Лучников, даст новый импульс России — станет «электронным зажиганием для русского мотора на мировой античной трассе» [7, с. 24].

Еще одно «крымское государство» на страницах произведений Василия Аксенова — Свободная республика Карадаг, которую мы обнаруживаем в романе «Таинственная страсть» и эссе «Карадаг-68». Да, в сущности, и сама аксеновская «тусовка» в Коктебеле тоже представляла собой своеобразную свободную карадагскую республику. Политические идеалы Аксенова явно не вписывались в советскую действительность, и писатель воплощал их на страницах своих произведений в любимом Крыму. Описывая в романе «Таинственная страсть» нравы Свободной республики, Аксенов, с одной стороны, пародирует советскую действительность, а с другой, апеллирует к действительности капиталистической: «Вслед за оркестрантами шли две выдающиеся личности зарождающейся крымской демократии, президент ФИЦ и премьер ФУТ, статные парни, ей-ей, и оба в очках и широкополых шляпах. Мощнейший представитель двигался за ними, держа одной рукой на высоте главное достояние Республики, ее знамя, представляющее из себя старый российский триколор с трезубцем Нептуна. Далее прошла череда лозунгов-растяжек, любовно подготовленных республиканцами в течение всего летнего сезона: «Карадаг — твердыня мира во всем мире!», «Карадаг протягивает руку Социализму!», «Янки, вон из Вьетнама!», «Мы поддерживаем Чикагскую семерку!», «Свободу Анджеле Дэвис, Алику Гинзбургу и Володе Галанскову!», «Карадаг приветствует Сорбонну!», «Привет Карлову Университету!», «Мы судьбою не обласканы, Но когда придет гроза, Мы возьмем ее за лацканы И заглянем ей в глаза!». В хвосте колонны мускулистые ребята и гибкие девушки время от времени делали пирамиду на манер «Синих блуз» и вздымали в розовеющую, зеленеющую и лиловеющую

голубизну Непревзойденную, то есть не кого иную, как Милку Колокольцеву, Мисс Карадаг» [9, с. 496].

Идея «острова Крым» вновь и вновь появляется в произведениях Аксенова. «Вижу уже иронический взгляд и спешу оговориться: дело было в настоящем Крыму, на полуострове Крым, а не на каком-то воображаемом острове, в Крымской области Украинской Советской Социалистической Республики, а не в каком-то мифическом государстве, и происходило это, совершенно отчетливо помню, в августе 1968 года», — замечает писатель в эссе «Карадаг-68» [2].

Именно в августе 1968 года советские войска подавили восстание в Чехословакии. «Сенсация была невероятная, шуму — на весь мир, и никто в мире не заметил, что параллельно с этой гениальной операцией произошла другая, не менее гениальная, хотя и тихая, в ходе которой была оккупирована еще одна республика, впрочем, не состоявшая в Варшавском пакте» [2], — пишет Аксенов.

«Самая настоящая буржуазная демократия» образовалась под отвесными скалами в неприступных с суши бухточках Карадага. «Буржув в общем-то там пока не видели, но многопартийная система, вот что страшно, существует. Выборы там, понимаете ли, провели, такие циники. Избрали себе парламент и президента, такого амбалистого парня с жуткой мускулатурой. Подняли, можете себе представить, свой собственный флаг, что, конечно, вы же понимаете как писатель, настоящим является издевательством над государственным флагом нашей страны» [2].

«Именно отсюда начнется возрождение отечественной демократии!» [2], — вопит гражданин Свободной республики, огромный русский мужик по имени Грант. Другие карадагцы, наоборот, предлагают выйти из состава СССР и присоединиться к... Греции — «разумеется, к древней, а не современной», «немедленно подать заявление в ООН и примкнуть к неприсоединившимся странам» [2].

«Неизвестно, как бы повернулись события, если бы в ночь на 21 августа армии Варшавского блока не вторглись в Чехословакию. Внимание всего человечества было отвлечено; повсюду, в том числе и на Коктебельских пляжах говорили теперь только о Дубчеке и Смырковском. Республика Карадаг была брошена на произвол судьбы, и, как я узнал через неделю, оккупирована феодосийскими карательными отрядами без всякого шума. Таким образом оккупация Чехословакии послужила как бы дымовой завесой, мир не узнал о падении другой свободной страны в то же самое время...» [2], — замечает Аксенов. — Правда, при этом «по совершенно точным сведениям Президенту и Парламенту удалось бежать (они оказались явно более тренированными людьми, чем ЦК КПЧ), и феодосийской армаде удалось захватить всего лишь несколько ничего не подозревавших и спавших в своих спальных мешках «дикарей» — туристов» [2].

Василий Аксенов — из тех писателей, которых невозможно представить «вне политики». Слишком велика его нелюбовь к советской действительности. В своих художественных произведениях классик конструирует альтернативную политическую реальность. «Государственное строительство» Аксенова воплощается в двух демократических республиках — «Острове Крым» и Свободной республике Карадаг. Обе эти счастливые державы Аксенов размещает в своем любимом Крыму.

Крым для Аксенова и его друзей — это полуостров (или остров) свободы. Антипод Советского Союза как материка несвободы. По Аксенову, Крым самым фактом своего существования подрывает основы советского строя. И, может быть, по своему неслучайно в 1991 году один из «взрывов», разрушивших Советский Союз, прогремел как раз в Крыму — именно здесь, напомним, находился в дни ГКЧП под домашним арестом первый и последний президент этой страны Михаил Горбачев.

Крым остается для Аксенова островом и в сравнительно поздних его произведениях — таких, как роман «Кесарево свечение» (2000 год). Писатель вновь и вновь возвращается к одной из своих главных художественных и одновременно — политических идей: «Проект вообще-то носил филологический или, лучше сказать, завиральный характер, и связан он был с Крымским полуостровом. Отправившись в Симферополь, и там в новом коммерческом клубе в таинственном полумраке идея была изложена собранию полукриминального комсомола и перестроившегося в рыночном духе партаппарата. Нужно перекопать перешеек и лиманы Сиваша большим судоходным каналом. Немедленно возникнет огромная прибыль, связанная с перегоном торговых судов напрямую из Одессы в порты Азовского моря. Но это не главное. Главное заключается в неожиданном геополитическом смысле. Полуостров превращается в остров. На этом острове может возникнуть независимое средиземноморское государство вроде Кипра. Защищенное водой от материка, это государство станет свободной офшорной зоной, процветающим гнездом нового бизнеса и демократии. А также гнездом великолепной демонстративной экологии, господа. Ведь здесь, в Крыму, господа, ваш коммунизм не успел еще все бесповоротно загадить. Прикроем никчемную промышленность и будем наслаждаться богатством и чистым воздухом» [3, с. 16].

Позднее герои романа — Славка, Герка и Маринка, вспоминая об этом утопическом проекте, придут к выводу, что он поднялся из глубин их надорванного антисоветского подсознания. Точно также, наверное, из надорванного антисоветского подсознания Аксенова родилась идея острова Крым.

В романе «Новый сладостный стиль» «Аврелий тащит Корбаха к буфету. На ходу берет каких-то женщин за зады, демонстрируя недремлющее, как КГБ, советское либидо. Мокрое пятно на его пиджаке меж лопатками напоминает Остров Крым» [6, с. 230].

В «Таинственной страсти» «как всегда неожиданно открылась долина, вроде бы прикрытая горным хребтом от мирового океана; остров Крым» [9, с. 410]. И в этом ведь тоже можно при желании усмотреть пророчество. Сегодня в результате транспортной, энергетической, водной блокады, организованной Украиной, Крым превратился в остров не только в художественном, но и в реальном пространстве.

Как справедливо замечает Дмитрий Быков в предисловии к роману Аксенова «Ленд-лизовские. Lend-leasing», «главной интенцией аксеновского сочинительства, подспудным авторским мотивом всегда был поиск счастья, фиксация самых острых его моментов. Это не просто счастье, а упоение, экстаз, выход за собственные пределы. В разные периоды он испытывал это счастье от разных вещей: от встречи с матерью после десятилетней мучительной разлуки, от встречи с дождливой, свежей, таинственной Европой, близость которой стала так ощутима в Ленинграде 1955 года, от джаза, от влюбленностей, от собственных внезапно открывшихся и все расширявшихся стилистических возможностей... Иногда это счастье ему дарил Крым, а иногда — вождение «жигуля». Иногда волейбол, а иногда алкоголь» [4, с. 5].

И сам Аксенов, и герои его рассказов, повестей, романов часто ищут это самое счастье именно в Крыму, где можно любить, пить, слушать джаз и играть в волейбол... Крым — рай, куда стремятся из холодной, промерзшей до костей Москвы герои романа «Таинственная страсть»: «В те ночи непротопленные подьезды казались им крымскими пещерами, а шум снегоочистительных машин с их крабообразными клешнями напоминал накат волны» [9, с. 219]. И: «Сама мысль о путешествии в Крым пришла им после бесконечного ужина в сомнительной компании. Плюхнули в «Москвич» и помчали» [9, с. 241].

Идею бегства в свободный Крым можно обнаружить и в повести «Сви-язск»: «Мы сейчас с тобой сбежим, кричало мне мальчишеское лицо моего старого жирного Валеви́ча. Плюхнемся в мои «Жигули» и за сутки докатим до Крыма, а там растворимся среди местного населения и гостей всесоюзной здравницы. Здоровье каждого — это здоровье всех, так сказал Леонид Брежнев. Бежим, товарищ!» [8].

«Москвич», «Жигули», «Волга» — какая разница! Главное — в Крым! Не «в Москву! В Москву!» — как у чеховских героинь, а «в Крым! В Крым!»

Неожиданно отражается идея о Крыме как о земном рае в романе «Московская сага» — капитан медицинской службы МВД Стерлядьев обнаруживает у одного из эков Отдельного лагерного пункта Управления северо-восточных исправительно-трудовых лагерей тагуировку: «В Крыму весна, там пахнет розой, там жизнь легка, как та игра. А здесь тебя ебут морозы, одна сосна да мусора». [5, с. 182].

Даже в эмиграции, в Соединенных Штатах Америки, Аксенов ищет свой Крым. В романе «В поисках грустного бэби» есть глава, которая так и называется «Американский Крым и далее...» «Рассказывая о нашем быте в Вашингтоне, нельзя не упомянуть и наших побегов из столицы: ведь если из столицы нельзя убежать, она превращается в гнусную дыру. Лучше всего из столиц удирается зимой. Из Москвы посреди зимы «рвут когти» в Крым или на Кавказ, из Вашингтона драпают во Флориду или на острова Карибского моря. Расстояния адекватные» [1, с. 75].

Иначе говоря, американский Крым для Аксенова — это Флорида. А американский Коктебель — это хэмингуевский Ки-Уэст. «Однажды в январе решили: стыдно не побывать в Ки-Уэсте, и вот мы в Ки-Уэсте, который соотносится с роскошным Майями примерно так же, как излюбленная русскими писателями восточно-крымская деревня Коктебель соотносится с профсоюзным великолепием Сочи» [1, с. 76].

В одном из своих последних произведений, романе «Таинственная страсть» (2007 год), Аксенов еще раз мысленно возвращается в Крым как рай на земле, еще раз переживает самые счастливые эпизоды своей жизни: «И все такое юношеское, чтобы не сказать мальчишеское... Блики костра озаряли счастливые лица ребят и девушек, которые, собравшись летом в Восточном Крыму, начинают, несмотря ни на какие идиотизмы властей, чувствовать себя вольным народом» [10, с. 4].

«И поскольку разогреть себя и свою литературу до нужного градуса счастья — или страдания — ему с годами становилось трудней, главной логикой его писательского развития был поиск все более сильного и экзотического материала, обращение к тем историям или воспоминаниям, которые бы гарантировали самые сильные чувства, — замечает Дмитрий Быков. — Отсюда «Таинственная страсть» с ее коктебельскими восторгами — может, и преувеличенными, но он так запомнил» [4, с. 5].

Действие романа разворачивается в Доме творчества Литературного фонда в Коктебеле — безусловно, главном крымском месте писателя. Время — все тот же 1968 год: «Ранним утром августовского дня, пока все еще спали в комнатах и на террасах Дома творчества, поэт Роберт Эр натянул шорты на свой мускулистый зад и отправился к воротам территории. Шел тихим расслабленным шагом, пошлепывал вьетнамками. Чуть появившееся над гребешком Хамелеона солнце создавало длинные тени, пересекающие пустые аллеи парка, с трудом возвращенного Литфондом на полупустынной земле Восточного Крыма...» [9, с. 12].

Итак, Крым занимает особое место в жизни и творчестве Василия Аксенова — классика русской литературы второй половины XX — начала XXI века. В этом смысле писатель находится в русле традиции, сформированной Александром Пушкиным, Львом Толстым, Иваном Буниным, Иваном

Шмелевым, Антоном Чеховым, Максимилианом Волошиным, Николаем Гумилевым, Мариной Цветаевой и многими-многими другими русскими литераторами.

Ключевым «крымским произведением» Аксенова, безусловно, является роман «Остров Крым», однако крымские темы так или иначе отражаются и во многих других произведениях классика — «Карадаг-68», «Свияжск», «В поисках грустного бэби», «Новый сладостный стиль», «Кесарево свечение», «Московская сага», «Таинственная страсть».

Как настоящий русский писатель, Аксенов часто оказывается пророком, предвидя будущее Крыма — особенно богат на такие «предсказания» роман «Остров Крым». Эта антиутопия позволяет лучше осмыслить события, происходящие сегодня уже не в художественной, а в политической реальности.

Актуальность, злободневность «Острова Крыма» подтверждается и тем, что его идеи и герои активно использовались и используются современными политиками и политтехнологами. Василий Аксенов — один из самых политизированных русских писателей последних десятилетий. В своих художественных произведениях классик конструирует альтернативную идеальную политическую реальность — государства «Остров Крым» и «Свободная республика Карадаг». Показательно, что оба они располагаются не где-то еще, а в Крыму, который, по Аксенову, самим фактом своего существования подрывает основы советского политического строя.

Крым становится для Аксенова своеобразным земным раем, в который он рвется и из холодной коммунистической Москвы, и из теплого капиталистического Вашингтона.

Василий Павлович Аксенов умер 6 июля 2009 года в Москве и похоронен на Ваганьковском кладбище. Однако если есть на свете Господь Бог, то душа писателя, вне всяких сомнений обретается где-то здесь, в нашем крымском раю.

Список литературы

1. Аксенов В. П. В поисках грустного бэби / В. П. Аксенов. — М.: Изографус, Изд-во Эксмо, 2002. — 560 с.
2. Аксенов В. П. Карадаг-68 (Из книги «Радиоэссе») [Электронный ресурс] / В. П. Аксенов. — Режим доступа: <http://coollib.com/b/10417/read> (дата обращения: 31.08.2016).
3. Аксенов В. П. Кесарево свечение / В. П. Аксенов. — М.: Изографус, изд-во Эксмо, 2002. — 640 с.
4. Аксенов В. П. Ленд-лизовские. Lend-leasing / В. П. Аксенов. — М.: Эксмо, 2010. — 256 с.
5. Аксенов В. П. Московская сага. Тюрма и мир. Книга третья / В. П. Аксенов. — М.: Изографус, Изд-во Эксмо, 2002. — 464 с.

6. Аксенов В. П. Новый сладостный стиль / В. П. Аксенов. — М.: Изд-во Эксмо, 2002. — 656 с.

7. Аксенов В. П. Остров Крым / В. П. Аксенов. — Симферополь: Редотдел Крымского отделения по печати, 1992. — 210 с.

8. Аксенов В. П. Свияжск [Электронный ресурс] / В. П. Аксенов. — Режим доступа: http://bookz.ru/authors/aksenov-vasilii/sviajsk_323/1-sviajsk_323.html (дата обращения: 31.08.2016).

9. Аксенов В. П. Тайнственная страсть (роман о шестидесятниках). Авторская версия. — Книга 1. — М.: «Семь дней», 2011. — 440 с.

10. Аксенов В. П. Тайнственная страсть (роман о шестидесятниках). Авторская версия. — Книга 2. — М.: «Семь дней», 2011. — 240 с.

11. Андреев О. Арсений Яценюк: «Крым должен стать украинским Гонконгом» [Электронный ресурс] / О. Андреев. — «Комсомольская правда». — 13.11.2009. — Режим доступа: <http://kr.ua/daily/131109/201956/> (дата обращения: 31.08.2016).

12. ИА Regnum. Крымский активист Алексей Добычин поплатился за акцию «Остров Крым» [Электронный ресурс] / ИА Regnum. — 2006. — Режим доступа: <http://stringer-news.com/publication.mhtml?Part=50&PubID=5183> (дата обращения: 31.08.2016).

13. «Икона стиля»: Аксенов хочет сделать из Крыма «второй Сингапур» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/855245/> (дата обращения: 31.08.2016).

14. Крым. Комментарии. Александр Лиев: Примером для Крыма должен стать Сингапур [Электронный ресурс] / Крым. Комментарии. — 24.01.2011. — Режим доступа: <http://crimea.comments.ua/article/2011/01/24/080034.html> (дата обращения: 31.08.2016).

15. Пресс-служба Инны Богословской. В Симферополе состоялся 5-тысячный митинг сторонников выдвигения Инны Богословской в Президенты Украины [Электронный ресурс] / Пресс-служба Инны Богословской. — 28.09.2009. — Режим доступа: <http://www.inna.com.ua/ru/news/1944/> (дата обращения: 31.08.2016).

16. Смирнова Я. Эксперт МГИМО: что ждет Крым и Севастополь? [Электронный ресурс] / Я. Смирнова. — МГИМО. — 01.11.2010. — Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document167884.phtml> (дата обращения: 31.08.2016).

17. Сергей Аксенов: «Лучше пообещать меньше, но обязательно сдерживать свое обещание» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ruscrimea.ru/news.php?point=2702> (дата обращения: 31.08.2016).

Петлюра и вши (Михаил Булгаков и Константин Паустовский о «герое» нэзалэжной Украины) «Парламентская газета», 03.02.2018

Почти миллион долларов потратят украинские власти на съемку художественного фильма о Семене Петлюре в рамках программы военно-патриотического воспитания подрастающего поколения погромщиков и антисемитов.

Узник камеры № 666

Как говорится у них в таких случаях, героям слава!

Правители нэзалэжной на самом деле — прямые идейные потомки пана атамана. Президент Ющенко, которого Олесь Бузина как-то метко назвал карикатурой на Петлюру, помнится, ездил к атаману на могилу в Париж, на кладбище Монпарнас — поклониться. А президент Порошенко недавно признался, что на последний день рождения кто-то подарил ему брошюру Петлюры под названием «Московская вошь».

Захватывающее чтение, надо полагать, особенно в нынешней политической ситуации. Хотя я, признаться, по старой привычке предпочитаю других украинских авторов — например, Михаила Афанасьевича Булгакова. Как это там у него в «Белой гвардии»:

«Именно, в городскую тюрьму однажды светлым сентябрьским вечером пришла подписанная соответствующими гетманскими властями бумага, коей предписывалось выпустить из камеры № 666 содержащегося в означенной камере преступника. Вот и все.

Вот и все! И из-за этой бумажки, — несомненно, из-за нее! — произошли такие беды и несчастья, такие походы, кровопролития, пожары и погромы, отчаяние и ужас... Ай, ай, ай!

Узник, выпущенный на волю, носил самое простое и незначительное наименование — Семен Васильевич Петлюра».

Гоп, куме, не журысь!

В годы Гражданской войны пан атаман несколько раз устанавливал в Киеве свою дикуую и диковинную диктатуру. Как и нынешние украинские лидеры, Петлюра очень любил псевдоисторические и псевдопатриотические маскарады. Вот, к примеру, как описывал один из них русский писатель Константин Паустовский: «Петлюра не обманул ожиданий киевских горничных, торговков, гувернанток и лавочников. Он действительно въехал в завоеванный город на довольно смирном белом коне. Коня покрывала голубая попона, обшитая желтой каймой. На Петлюре же был защитный жупан на вате. Единственное украшение — кривая запорожская сабля, взятая, очевидно, из музея, — била его по ляжкам. Щирые украинцы с благоговением взирали на эту казацкую «шаблюку», на бледного припухлого Петлюру и на гайдамаков, что гарцевали позади Петлюры на косматых конях. Гайдамаки с длинными синевато-черными чубами — оселедцами — на бритых головах (чубы эти свешивались из-под папах) напоминали мне детство и украинский театр. Там такие же гайдамаки с подведенными синькой глазами залихватски откальвали гопак. «Гоп, куме, не журысь, туды-сюды повернысь!»»

Киевляне сделали из нового «самостийного» правительства мишень для неслыханного количества анекдотов. Особенно веселило горожан, что в первые дни петлюровской власти опереточные гайдамаки ходили по Крещатику со стремянками, влезали на них, снимали все русские вывески и вешали вместо них украинские.

Петлюра привез с собой тяжеловесный, полный заимствований галицийский язык. Из пыльных нор выползли усатые громадяне-шовинисты. Киев стал похож на карикатуру на старосветскую Украину, вплоть до ларька с пряниками под вывеской «Оце Тарас с Полтавщины». Было непонятно, происходит ли нечто серьезное или разыгрывается пьеса с действующими лицами из «Гайдамаков».

Репетиция холокоста по-украински

Одновременно, впрочем, творились и действительно серьезные вещи. Петлюровская печать развернула оголтелую пропаганду превосходства украинцев над другими народами, «хлопцям» официально рекомендовалось брать жен только из своей среды «в целях спасения казацкой нации от вырождения». Преподавание русского языка было запрещено, в армии шли массовые чистки от «неукраинцев». Согласитесь, вполне в духе нынешней гоп-компании, правящей на днепровских холмах.

С приходом к власти Петлюры по Украине прокатились страшные еврейские погромы. Сошлюсь здесь на одного из самых скрупулезных историков Гражданской войны, писателя, лауреата Нобелевской пре-

мии Александра Исаевича Солженицына: «С декабря 1918 по август 1919 петлюровцы устроили десятки погромов, в ходе которых, по данным комиссии Международного Красного Креста, было убито около 50 тысяч человек... Шли без перерыва еврейские погромы, начавшиеся почти одновременно с организацией украинской власти, ставшие особенно жестокими в период так называемой директории и не прекращавшиеся до тех пор, пока существовала вооруженная украинская сила...»

«По всей Украине, когда повстанцы нападают на поезда, по вагонам раздается команда: «Коммунисты и евреи, выходи». Отзывающихся на команду расстреливают тут же у вагонов», а то — контроль документов или заставляют произносить «кукуруза», и если произносится не чисто — заподозренного в еврействе уводят и пристреливают», — приводит Солженицын свидетельство очевидца тех событий.

Подобного размаха уничтожение евреев достигло в мире еще лишь однажды — при Адольфе Гитлере. Недаром же петлюровщину иногда называют «репетицией холокоста»!

Пусть читают «Московскую вошь» и чешутся!

Семен Петлюра был убит в Париже 25 мая 1926 года Шоломом Шварцбардом, вся семья которого погибла во время петлюровских погромов на Украине. В октябре 1927 года парижский суд оправдал Шварцбарда, приняв во внимание его мотивы (месть за родных и за всех евреев, погибших во время петлюровских погромов 1919–1920 годов). Однако в данном случае приговор европейского суда ни Петру Порошенко, ни украинским кинематографистам не указ.

В финале булгаковской «Белой гвардии» Петлюра во сне Алексея Турбина еще раз прямо уподобляется нечистой силе, исчезающей на рассвете с первым пением петухов: «Петурра!.. Петурра... Петурра... храпит Алексей... Но Петурры уже не будет... Не будет, конечно. Вероятно, где-то в небе петухи уже поют, предутренние, а значит, вся нечистая сила растаяла, унеслась, свилась в клубок в даях за Лысой Горой и более не вернется. Кончено».

Уверен, точно также рано или поздно сгинут в даях за Лысой горой и нынешние правители нэзалэжной. Но это потом. Пока же для меня удивителен один-единственный факт — почему в Киеве, на Андреевском спуске, по-прежнему работает музей Михаила Афанасьевича Булгакова? Непорядок, Петр Алексеевич! Я бы закрыл! А книги этого вредного писателя — сжег! Можно прямо на Майдане! Пусть читают «Московскую вошь» и чешутся!

Злободневный Солженицын: о войне между Россией и Украиной «Парламентская газета», 11.12.2018

Отношения между Россией и Украиной находятся в нижней точке за весь обозримый исторический период. И дно, что называется, не видно. Киев ввел в граничащих с Россией областях военное положение и запретил въезд в страну российским мужчинам в возрасте от 16 до 60 лет. Продолжение следует — даже не сомневайтесь!

Мнимая угроза России раздувалась с самого начала

К этому шло не год, не два и не три. Не верите — почитайте Солженицына. 11 декабря исполняется 100 лет со дня рождения классика, однако его книги рано прятать в пыльных библиотечных хранилищах. Они читаются так, как будто написаны на злобу сегодняшнего дня. Много лет назад Александр Исаевич объяснил, кто из зарубежных игроков стоит за антироссийской Украиной, и предвосхитил неизбежный распад этой страны в ее советских границах.

«От самых первых шагов создания украинского государства там раздувалась — для укрепления политических рядов — мнимая военная угроза от России. Когда начала формироваться украинская армия — от офицеров при принятии присяги требовали заявить особую готовность воевать именно против России. Угроза войны так жаждалась ими (для укрепления слишком еще разбродного «украинского сознания»), что достаточно было России заявить лишь о намерении продавать нефть не по дешевке, а по мировым ценам, — с Украины грозно откликнулись: «Это — война!» — писал классик еще в 1998 году, когда отношения между нашими странами были не в пример лучше сегодняшних.

Как Хрущев «с дуба рухнул»

«С Украиной будет чрезвычайно больно», — это написано ровно полвека назад, в стабильном 1968-м советском году, а опубликовано в 1974-м, в «Архипелаге ГУЛАГ». Написано о неизбежности отделения Украины — одновременно с точным указанием на то, что «не вся Украина в ее сегодняшних формальных советских границах есть действительно Украина. Какие-то

левобережные области безусловно тяготеют к России. А уж Крым приписал к Украине Хрущев и вовсе с дубу».

В 1990 году, накануне распада СССР, размышляя о том, «как нам обустроить Россию», Солженицын констатирует: «Сегодня отделять Украину — значит резать через миллионы семей и людей: какая перемесь населения; целые области с русским перевесом; сколько людей, затрудняющихся выбрать себе национальность из двух; сколькие — смешанного происхождения; сколько смешанных браков — да их никто «смешанными» до сих пор не считал».

По мнению Солженицына, в случае отделения Украины жители разных регионов страны должны сами, голосованием, решить судьбу своих областей. «Не будет добра, если первые же шаги независимостей сопровождаются подавлением частей населения — новообразующихся национальных меньшинств... Разное историческое происхождение, непохожий состав населения, и не может судьба жителей области решаться перевесом среднего арифметического по обширной 50-миллионной республике. Те, кто во Львове и Киеве наконец-то валят памятники Ленину, — почему же поклоняются, как священным, фальшивым ленинским границам, на кровавой заре советской власти во многих местах прочерченным лишь для того, чтобы купить стабильность коммунистическому режиму При решимости Украины полностью отделиться, на что ее право несомненно, — такой валовой подсчет голосов в этих границах может оказаться непоправимым для судьбы многих миллионов русского населения. И создадутся напряженные зоны на будущее», — фактически официально предупреждал Солженицын украинских политиков накануне референдума о независимости в 1991 году.

Увы, к классику никто не прислушался. Независимость Украины была провозглашена в тех самых границах, которые ей нарезали Ленин и Хрущев. Провозглашена в том числе и на горе самой Украине!

США хотят использовать украинский сепаратизм для развала России

Впрочем, по мысли Солженицына, виновата в этом предательстве миллионов русских людей, ставших в одночасье гражданами другого, враждебного России государства, и сама Россия. «Сколькие русские с негодованием и ужасом пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма — и предательство его при каждом потом крымском конфликте. И беспрекословную, без малейших политических шагов, отдачу Севастополя, алмаза русской военной доблести. Злодейство это совершено нашей же выборной властью — однако и мы же, граждане, не воспротивились вовремя», — писал классик. «Славянская трагедия» — так называется глава из книги «Россия в обвале», в которой Солженицын размышлял об

исторических судьбах России, Украины и Белоруссии. Режиссеры этого «исторического спектакля», полагал классик, находятся на Западе.

«Да за последние годы кто не видел и не слышал самого откровенного вмешательства Соединенных Штатов. Как забыть заявление президента Буша, еще перед украинским референдумом (1991), — подбодрить отделение Украины? Как не заметить, что из первых и страстных голосов «Севастополь принадлежит Украине!» был голос американского посла в Киеве и потом — и не однократно, до запредельной бестактности — Госдепартамента? Америка всемерно поддерживает каждый антирусский импульс Украины, — писал классик. — Антирусская позиция Украины — это как раз то, что и нужно Соединенным Штатам».

«Поневоле вспомнишь бессмертный план Парвуса 1915 года: использовать украинский сепаратизм для успешного развала России, — вспоминал Солженицын. — Намерения цивилизованного Запада относительно нас все менее скрываются, а неистовыми политическими врагами России, как Киссинджер или Бжезинский, уже не раз высказывались с полной откровенностью («лишняя страна» на карте мира)».

Нахвтанное выперло ребром в 2014 году

Почему независимость в ленинско-хрущевских границах была провозглашена на горе самой Украине? Да потому, что в таких границах это государство было изначально нежизнеспособным. Его должно было разорвать на части и разорвало. «В самостоятельном развитии — дай Бог Украине всяческого успеха. Отяжелительная ошибка ее — именно в этом непомерном расширении на земли, которые никогда до Ленина Украиной не были: две донецкие области, вся южная полоса Новороссии (Мелитополь-Херсон-Одесса) и Крым. (Принятие хрущевского подарка — по меньшей мере недобросовестно, присвоение Севастополя вопреки, не говорю, русским жертвам, но и советским юридическим документам, — государственное воровство).

Стратегическая ошибка в выборе государственной задачи будет постоянной помехой здоровому развитию Украины, эта изначальная психологическая ошибка — непременно и вредоносно скажется: и в неорганичной соединенности западных областей с восточными, и в двоении (теперь уже и троении) религиозных ветвей, и в упругой силе подавляемого русского языка, который доселе считали родным 63% населения. Сколько неэффективных, бесполезных усилий надо потратить на преодоление этих трещин. По пословице «Нахвтанное — ребром выпрет», — пророчески писал Солженицын в конце XX века.

Выперло — в 2014 году. И весьма вероятно, процесс распада Украины не окончен, ведь в ее состав по-прежнему входит та самая «южная полоса Новороссии (Мелитополь-Херсон-Одесса)». И значит, те непримиримые противоречия, о которых писал Солженицын, остаются неразрешенными до конца.

**Русская провинция у моря
(Крымский текст в прозе Виктора Пелевина)
«Современная картина мира: крымский контекст».
Книга 2, 2018**

ВВЕДЕНИЕ

Крым — один из самых «литературных регионов» России. Александр Пушкин, Николай Гоголь, Лев Толстой, Федор Тютчев, Антон Чехов, Максимилиан Волошин, Осип Манделштам, Николай Гумилев, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Александр Куприн, Иван Бунин, Иван Шмелев, Михаил Булгаков, Владимир Маяковский, Александр Солженицын, Василий Аксенов, Иосиф Бродский, Белла Ахмадулина, Андрей Битов, Андрей Вознесенский, Владимир Высоцкий, Евгений Евтушенко, Виктор Ерофеев, Фазиль Искандер, Юрий Кублановский, Булат Окуджава, Евгений Рейн...

Русские поэты и писатели искали (и продолжают искать) на полуострове новые впечатления, новые мысли, новые сюжеты для своих произведений. Виктор Пелевин — в их ряду. Каждый роман этого писателя — от «Омона Ра» до «Лампы Мафусаила, или Крайней битвы чекистов с масонами» — становится объектом дискуссий, вызывает волну рецензий и критических разборов, однако больших, серьезных исследований творчества Пелевина не много — может быть, потому что самого писателя часто считают несерьезным, конъюнктурным, коммерческим. Пелевину посвящены разделы в работах О.Богдановой «Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века — начало XXI века)», Е. Тихомировой «Проза русского зарубежья и России в ситуации постмодерна», Е. Тюленевой «Пустой знак» в постмодернизме: теория и русская литературная практика». Анализ творчества Пелевина можно обнаружить в учебном пособии И. Скоропановой «Русская постмодернистская литература» и книге В. Курицына «Русский литературный постмодернизм». Обращает на себя внимание работа С. Полотовского и Р. Козака «Пелевин и поколение пустоты». Но ни эти, ни другие авторы не ставили перед собой задачи исследовать именно крымский «след» в творчестве классика современной

русской литературы — думается, такой «титул» для Пелевина сегодня уже не выглядит «незаконным».

Таким образом, цель настоящего исследования — раскрыть образ Крыма в художественном (а заодно — и реальном) мире Виктора Пелевина. Задачи — выделить крымский текст в произведениях писателя, объяснить причины обращения автора к крымским природным, историческим, политическим, художественным реалиям, показать, как особенности региона отражаются и осмысливаются в произведениях классика.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

«Самый крымский» роман Виктора Пелевина «Жизнь насекомых» увидел свет в 1993 году.

«Удивительно красива крымская ночь, — читаем мы. — Темнея, небо поднимается выше, и на нем ясно проступают звезды. Из всесоюзной здравницы Крым незаметно превращается в римскую провинцию, и в душе оживают невыразимо понятные чувства всех тех, кто так же стоял когда-то на древних ночных дорогах, слушал треск цикад и, ни о чем особо не думая, глядел в небо. Узкие и прямые кипарисы кажутся колоннами, оставшимися от давно снесенных зданий, море шумит точно так же, как тогда (что бы это «тогда» ни значило), и перед тем, как толкнуть навозный шар дальше, успеваешь на миг ощутить, до чего загадочна и непостижима жизнь, и какую крохотную часть того, чем она могла бы быть, мы называем этим словом» [4].

Замечание о том, что «по ночам» Крым незаметно превращается из всесоюзной здравницы в римскую провинцию, не только поворачивает время вспять, в ту стародавнюю эпоху, когда часть полуострова и вправду была провинцией Римской империи, но и заставляет вспомнить «Письма», которые писал «римскому другу» Иосиф Бродский — литератор, тоже хорошо знакомый с Крымом:

«Пусть и вправду, Постум, курица — не птица,
Но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги,
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говорят, что все наместники — ворюги,
Но ворюга мне милей, чем кровопийца» [1, 270].

Кстати, любопытно, что в этом же стихотворении Бродского появляются и «главные герои» будущего романа Пелевина — ...насекомые:

«Посылаю тебе, Постум, эти книги.
Что в столице? Мягко стелят? Спать не жестко?

Как там Цезарь? Чем он занят? Все интриги?
Все интриги, вероятно, да обжорство.
Я сижу в своем саду, горит светильник,
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных —
Лишь согласное гуденье насекомых» [1, 269].

Последнее четверостишие Бродского вынесено Пелевиным в качестве эпиграфа к роману. Люди-насекомые — комары Арнольд, Артур, Сэм, муха Наташа, муравьица Марина и, конечно, стремящийся к свету ночной мотылек Митя, — главные герои романа Пелевина. Хотя, безусловно, их «родословную» можно вести не только от стихотворения Иосифа Бродского, но и от других классических произведений русской и мировой литературы, будь то, скажем, басня Крылова «Стрекоза и муравей», пьеса Карела Чапека «Из жизни насекомых» или повесть Франца Кафки «Превращение».

Совершенно точно можно сказать, что, «ни о чем особо не думая», Виктор Пелевин глядел в высокое крымское небо у отрогов Карадага последним советским летом 1991 года. «На самом деле эта книга мне нравится гораздо больше, чем все остальное мною написанное, не потому, что я не вижу ее недостатки, а потому, что это что-то очень личное, это связано для меня с тем местом, что я описываю в романе, и проведенным там летом, — признался писатель в интервью американской исследовательнице Салли Лейрд. — Это место в Крыму называется Карадаг, маленькая деревня с санаторием, рядом с вулканом. Это недалеко от курорта Коктебель, но гораздо спокойнее, ведь Коктебель — это просто как небольшая Москва, нет смысла туда ехать, если вы хотите уединиться». [14, 187].

Деревни с названием Карадаг в Крыму не было и нет, у подножия древнего вулкана лежит поселок Курортное — единственный населенный пункт, подходящий под описание Пелевина — судя по всему, именно там писатель и «искал уединения».

«Главный корпус пансионата, наполовину скрытый старыми тополями и кипарисами, был мрачным серым зданием, как бы повернувшимся к морю задом по команде безумного Иванушки. Его фасад с колоннами, потрескавшимися звездами и навек согнутыми под гипсовым ветром снопами был обращен к узкому двору, где смешивались запахи кухни, прачечной и парикмахерской, а на набережную выходила массивная стена с двумя или тремя окнами. В нескольких метрах от колоннады поднимался бетонный забор, по которому уходили вдаль поблескивающие в лучах заката трубы теплоцентрали. Высокие торжественные двери, скрытые в тени опирающегося на колонны циклопического балкона (скорее, даже террасы), были заперты так давно, что даже щель между ними исчезла под несколькими слоями спекшейся краски, и двор обычно пустовал — только иногда в него

осторожно протискивался грузовик, привозивший из Феодосии молоко и хлеб» [4].

Еще одна примета, позволяющая локализовать место действия в романе, — Узун-Сырт или гора Клементьева в окрестностях Коктебеля, — колыбель отечественного воздухоплавания, где начинали свой путь в небо выдающиеся советские авиаконструкторы Олег Антонов, Александр Яковлев, Сергей Ильюшин и создатель космических кораблей Сергей Королев.

«Крохотный планер пронесся так близко от выступающих из горного склона зубьев скал, что на мгновение почти слился со своей тенью, и над столиками летнего кафе раздался дружный вздох.

— Вон гора, — сказал Артур. — Видите?

Далеко за пляжем и поселком виднелась невысокая гора, длинная и пологая, на вершине которой можно было разглядеть несколько разноцветных планеров. Сэм вынул маленький коричневый блокнот с золотой надписью «Memo executive», что-то в нем записал и даже схематично зарисовал пляж, поселок и пологую гору.

— Там все время восходящий поток, — сказал Артур. — Поэтому они ее и облюбовали» [4].

К Карадагу, подальше от тесноты общедоступного, напоминающего заводскую баню пляжа, летят Артур, Арнольд и Арчибальд:

«— Может быть, в заповедник? — предложил Артур, кивая хоботком в сторону далеких скал. — Там народу почти не бывает.

— Егерь пристанет, — сказал Арнольд.

— Он там не бывает никогда.

— А клиента найдем?

— Один-два всегда есть, — сказал Артур, наклонил голову и полетел впереди, стараясь двигаться не очень быстро, но и не настолько медленно, чтобы Арчибальд понял, что его шадят.

Берег моря образовывал длинную вогнутую дугу, и друзья полетели по прямой, над морем» [4].

Случайно ли местом действия в романе становится именно Восточный Крым или, еще точнее, окрестности Карадага, с одной стороны которого расположен Коктебель, а с другой — Курортное и Биостанция? Думается, едва ли, — учитывая, как эти места притягивали (и продолжают притягивать) русских литераторов на протяжении последнего столетия и даже больше. Именно здесь Максимилиан Волошин создал «один из культурнейших центров не только России, но и Европы» (выражение Андрея Белого), едва ли не самую знаменитую русскую литературную тусовку, в которой обретались Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева; позже, в бытность в Коктебеле Дома творчества писателей, здесь работали Аксенов, Ахмадулина, Битов, Вознесенский, Евтушенко и многие другие классики советской и антисоветской литературы.

Так что, вольно или невольно, Виктор Пелевин в этом смысле продолжает старую русскую литературную традицию. «Я написал «Жизнь насекомых» сразу после того, как я провел там лето, по воспоминаниям лета, поэтому роман несет такие личные ассоциации, это похоже на то, как вы улавливаете какой-то аромат и вдруг вспоминаете всю ситуацию, когда вы чувствовали этот запах последний раз, и все возвращается к вам, хотя вы думали, что все уже забыли. Для меня этот роман как законсервированное лето, как запах во флаконе» [14, 187], — объясняет Пелевин в удивительно откровенном для него, главного мистификатора современной русской литературы, интервью Салли Лейрд. Вспоминая о Крыме, писатель вдруг отбрасывает свою привычку дурачить публику, и за этим чувствуется особое отношение к полуострову.

Несмотря на все эзотерические и буддистские мотивы, Пелевин — писатель, чье творчество неотделимо от злобы дня, и изображенный в «Жизни насекомых» Крым лета 1991 года — это именно Крым последнего советского лета со всеми приметами той эпохи упадка конца восьмидесятых — начала девяностых. Героини романа одеты в джинсовые юбки и кооперативные блузки и смотрят эротические фильмы в видеобаре кооператива «А/о Люэс».

«Большая часть южной фактуры остается неизменной, несмотря на смену эпох, — отмечают С. Полотовский и Р. Козак в своем литературно-журналистском расследовании «Пелевин и поколение пустоты». — Море, скалы, южные душные ночи и в восьмидесятых были такими же. Но историческое и предметное время «Жизни насекомых» — никак не андроповские годы милицейских рейдов по кинотеатрам и парикмахерским. Это стопроцентно начало девяностых. Расцвет кооперативного движения на пути к распродажам ядерных подлодок и трималхиновым пирам.

На сетку из ларьков, портвейна, прибрежных кафе с проститутками, диких пляжей и назойливых громкоговорителей Пелевин накладывает картинки из учебника биологии, истории детской и взрослой жизни и симпатичную современному человеку философию стоицизма в редакции римского императора Марка Аврелия» [10,62–63].

«Я был там летом 1991 года, летом путча, и я написал роман в следующую зиму, — рассказывает сам писатель. — Видите ли, политика влияет на вас, даже если вы не хотите. Вы можете быть полностью исключены из сферы политики и общественной жизни, но каждый раз, когда происходит путч или обстреливают парламент, или избирают Жириновского, что-то изменяется. Вы можете сидеть, запершись в квартире с выключенным телевизором, но каким-то образом вы чувствуете это. Это как если бы химический состав воздуха изменился» [14,187].

На глазах у Пелевина бывшая глухая римская провинция у моря, а затем всесоюзная здравница начинает превращаться в регион независимой

постсоветской Украины. Репродуктор в поселке «несколько минут шипел вхолостую, а потом мечтательно заговорил по-украински» [4]. Как выяснится 23 года спустя, сбыться этим «мечтам» на полуострове было так и не суждено. События Крымской весны, воссоединение с Россией также найдут свое отражение в художественном мире Пелевина, однако об этом — в свое время. Пока же вернемся в самое начало девяностых. Еще одна примета новой политической реальности обнаруживается... в меню приморского кафе, где отдыхают герои романа, — «біточкі по-сілянські з цибулей» [4]. Именно так, с грубыми орфографическими ошибками, допущенными то ли «составителями меню», то ли самим Пелевиным, которого, между прочим, связывает с Украиной происхождение — отец писателя Олег Анатольевич Пелевин родом из Днепропетровска.

Жук-скарабей Сережа много лет копошился в мягком российском суглинке, «который однажды утром неожиданно оказался благодатным черноземом Украины» [4]. Точно так же много лет «копошились» на полуострове сотни тысяч крымчан, пока однажды утром им не объявили, что этот полуостров теперь является частью отдельного государства — Украины.

Наркоманы Максим и Никита прячутся от желтого милицейского джипа с голубой полосой вдоль борта. «К сожалению, эти цвета сейчас не имели к независимой Украине никакого отношения» [4], — замечает Пелевин. Так постепенно, реплика за репликой, страница за страницей, писатель осознает, осваивает свершившийся на его глазах политический факт: Верховный Совет УССР провозгласил независимость Украины как раз тем самым летом — 24 августа 1991 года.

В те исторические дни о политике рассуждают везде — по телевизору, в газетах, на митингах, на кухнях, на страницах рассказов, повестей и романов. «Разговоры за бутылкой» о судьбах страны и мира, о смысле человеческого существования — одна из примет как русской жизни, так и русской литературной традиции, достаточно вспомнить хотя бы знаменитые трактирные беседы героев Достоевского, к которому не раз и не два апеллирует в своем романе Пелевин. И уж тем более уместны эти разговоры в Крыму, где количество страниц художественного текста на душу населения достигает критической для России отметки. Другое дело, что у Пелевина они звучат иронично, саркастично, даже издевательски. Политическая риторика «левых», пролетариев и люмпен-пролетариев, социалистов и коммунистов, становится в романе предметом насмешек:

«— Признайся, блядь, — сурово сказал Сэм, — ведь сосешь русскую кровь?

— Сосу, — тихонько ответил Артур.

Сэм высвободил одну руку и чугунными пальцами схватил за шею Арнольда.

— И ты сосешь?

— И я, — потрясенно сознался Арнольд.

Рука давила на плечи Арнольда с такой силой, что он осел под ней, как штангист, попытавшийся взять слишком большой вес, и даже вспомнил про каменную десницу из трагедии Пушкина, которую читал еще личинкой. Сэм погрузился в молчание, как бы обдумывая, что еще сказать.

— Так что ж вы ее сосете-то? — туповато спросил он минуты через три.

— Пить хочется, — жалко сказал Артур.

Арнольд не видел его — все заслоняло выпирающее брюхо Сэма, похожее на одинокий красный парус. Арнольд почувствовал обиду за унижение в голосе товарища.

— А что это за намеки такие? — язвительно спросил он. — Мы всякую сосем. Да и вы разве не сосете? Я такие разговоры давно понял. Просто сами высосать хотите до последней капли, и все. Вон брюхо-то какое. Нам с Артуром за неделю столько не выпить.

Сэм отпустил Артура и потрогал ладонью свой огромный кольшущийся живот.

— Вставай, страна огромная, — пробормотал он и с напряжением приподнялся, рукой чуть не размазав Арнольда по скамейке. Запрокинув лицо вверх, он несколько раз коротко глотнул воздух, потом нагнул голову, но вместо того чтобы чихнуть, как можно было предположить по увертюре, окатил асфальт перед собой струей темно-вишневой рвоты, пахнущей кровью и одеколоном, и его огромный живот уменьшился сразу наполовину. — Где я? — озираясь, спросил он голосом, уже немного напоминающим голос прежнего Сэма» [4].

Как и должно быть в крымских городках и поселках, многие события романа происходят на набережной, которая является главной артерией приморской жизни.

«— Успокойтесь, Сэм, — по-матерински зашептал Арнольд, — видите, как вокруг хорошо и тихо. Вон чайки летают, девушки ходят. Вон кораблик плывет. Красота какая, а?

Сэм поднял глаза. Сквозь туман по бетонным плитам набережной уже брели первые утренние отдыхающие» [4].

Навстречу идущей по набережной Марине попадались «загорелые волосатые мужчины в плавках — они оценивающе обводили стройную Маринину фигуру глазами, и от каждого такого взгляда делалось тепло и начинало сладко сосать под ложечкой» [4].

Одно из украшений набережной — «большой фанерный щит, где были нарисованы несбывшееся советское будущее и его прекрасные обитатели» [4]. А танцующие на дискотеке люди напоминают Пелевину «свалку гипсовых фигур, свезенных сюда со всех советских скверов и пионерлагерей» [4].

К этому же времени — началу девяностых — нас отсылает музыкальный репертуар: «звучащие» в романе песни группы «Комбинация» «Твоя вишневая «девятка» и «American boy, уеду с тобой!»

«— American boy, уеду с тобой, уеду с тобой — Москва, прощай, — взвились над танцплощадкой два чистых юных голоса, и долетел аккомпанемент балалаек, простой и трогательный, как платье пионерки» [4].

Больше того, песня «American boy» оказывается квинтэссенцией жизненной цели одной из героинь романа — мухи Наташи, которая мечтает выбраться из распадающегося, разлагающегося СССР в процветающую Америку, но в итоге гибнет в финале романа на ядовитой клейкой ленте в кооперативном крымском кафе.

С одной стороны, Наташа стремится к красивой жизни, а с другой, у нее есть «политические мотивы»:

«— Но ведь есть же права насекомых, наконец...

— Какие там права, — махнула лапкой Наташа. — А ты знаешь, что такое цианамид кальция?

Сэм, здесь страшно жить, понимаешь?» [4].

За присущими поэтике постмодернизма иронией и сарказмом скрывается серьезная, классическая проблематика русской литературы. А сам Пелевин по-постмодернистски иронично относится и к собственно постмодернизму:

«А постмодернизм я не люблю, — говорит Никита. — Искусство советских вахтеров.

— Почему?

— А им на посту скучно было просто так сидеть. Вот они постмодернизм и придумали. Ты в само слово вслушайся» [4].

И дальше:

«— Говно ты, — сказал он, отдышавшись, — а не художник-концептуалист. Ты просто ничего больше делать не умеешь, кроме как треугольники вырезать и писать «хуй», вот всякие названия и придумываешь. И на «Вишневом саде» вы тоже треугольник вырезали и «хуй» написали, а никакой это не спектакль. И вообще, во всем этом постмодернизме ничего нет, кроме хуев и треугольников» [4].

Интертекстуальность, пародийный модус повествования (пастиш), дискретность, двойное кодирование, метод коллажа, метарассказ, все эти и многие другие классические «симптомы» постмодернизма легко обнаруживаются в любом произведении Пелевина. И в то же время он сам на всем протяжении творческого пути сохраняет ироничное отношение к этому творческому методу.

В интервью Д. Тойшину Пелевин на вопрос, относит ли он себя к постмодернистам, отвечает: «Издеваются? В свое время люди собрались,

заглумились, сказали что-то типа «Roll over, Beethoven» (название песни Чака Берри, переводится «Катись отсюда, Бетховен». — Д. Т.), подкрепили это сотней-другой критических и художественных текстов. Как можно относиться к этому серьезно, я не понимаю. Это не моя клетка, у меня нет ни малейшего намерения (ха-ха!) в нее забираться... Я пишу в стиле Виктора Пелевина» [12].

Одна из глав романа «Жизнь насекомых» называется «Третий Рим», в ней автор «играет» (еще одна черта постмодернистской поэтики) с пожалуй главной мировоззренческой русской идеей, сформулированной старцем Филофеем еще в начале XVI века.

«— Да, — сказал Сэм, когда котлован остался позади. — Удивительно. Я тут заметил одну странную вещь. Россия ведь третий Рим?

— Третий, — сказала Наташа, — точно. И еще второй Израиль. Это Иван Грозный сказал. Я в газете читала.

— Так вот, если написать «третий Рим», а потом дописать слово «Рим» наоборот, получится очень интересно. С одной стороны будет читаться «третий Рим», а с другой — «третий мир».

— В Ялте, — сказала Наташа, — часа три отсюда на катере, есть канатная дорога. Садись на набережной и поднимаешься на гору. Там дворец строили или музей Ленина, не знаю. А потом бросили. И остались только колонны и часть крыши. Все огромное такое, и вокруг пустырь. Будто храм какой. Точно, третий Рим и есть. Сэм, а вы в первом были?

Сэм кивнул, и Наташа тихонько вздохнула.

— А вы правда думаете, Сэм, что у нас третий мир? — спросила Наташа, стараясь отвлечь шофера.

— Ну, в общем, да, — не разгибаясь, промывчал Сэм. — В этом нет ничего обидного. Если, конечно, не обижаться на факты.

— Непривычно как-то.

— А придется привыкнуть. Это геополитическая реальность. Ведь Россия — очень бедная страна. И Украина тоже. Тут... Как это выражение... Земля не родит. Даже если взять самые плодородные почвы где-нибудь на Кубани, это будет ничто по сравнению с землями, скажем, в Огайо...

Сэм произнес «ох-хайю», и звук получился такой, что его вполне можно было намазывать на бутерброд вместо масла, а уж какие плодородные земли в штате Огайо, стало ясно сразу.

— Какой третий мир, — с горечью сказал шофер, неестественно пошевелив усами, — продали нас. Как есть, всех продали. С ракетами и флотом. Кровь всю высосали.

— Кто продал? — спросила Наташа. — И кому?

— Известно кто, — с уверенной ненавистью сказал шофер. — И кому, тоже известно. Ладно флот продали — так ведь и честь нашу продали...» [4].

Виктора Пелевина трудно заподозрить в симпатиях к СССР, но не менее чуждым ему оказывается и новый зарождающийся капиталистический мир.

«— А как вы думаете, кто мы такие, «жуки», «муравьи», «комары» или все сразу?» — спрашивает у Пелевина американская исследовательница его творчества Салли Лейрд.

«— В нашей стране мы в основном муравьи, я думаю, потому что общество в целом была спроектировано как муравейник. Ваша Америка населена комарами, пытающимися высосать кровь друг из друга, — отвечает писатель.

— Кажется, и в России на данный момент много таких», — уточняет американка.

— Точно, точно, это именно то, что происходит, — соглашается Пелевин. — Муравьи превращаются в комаров. На самом деле вы правы, наверное, здесь больше крови сосут, чем в любом другом месте» [14, 188].

Уже в первых романах Виктора Пелевина — «Омон Ра» (1992) и «Жизнь насекомых» (1993) мы находим все или почти все главные темы творчества писателя, получающие дальнейшее развитие в более поздних произведениях. Как и многие другие литераторы, Пелевин в сущности всю жизнь пишет один и тот же роман, используя в качестве «строительного материала» обломки советского мифа.

Анализируя творчество писателя, Н. Тульчинская и Т. Ананина справедливо отмечают: «Произведения Пелевина тесно связаны между собой, образуя единый «метароман»: различные сюжеты и обстоятельства действия не мешают видеть наличие единой инварианты. Векторы различных точек зрения устремлены к действительности, причем, «иновидение» стремится «поглотить» эту действительность» [13].

Одна из главных (если не главная) тем этого метаромана — судьба России, СССР и его обломков, судьба людей, оказавшихся погребенными под этими обломками в начале девяностых годов прошлого века. Как точно замечает А. Генис, «в сущности, Пелевин обращается с реальностью точно так, как с ней поступали художники во все времена — он ее мифологизирует. Советская власть служит ему таким же исходным материалом, как Троя Гомеру, или Дублин — Джойсу» [2].

В первом же своем романе «Омон Ра» Пелевин замахивается на «самое святое», что есть у советского человека, — деконструирует миф об освоении космоса. История отечественной космонавтики представлена в произведении как грандиозная фальсификация. Главный герой Омон Кривомазов (не путать с Иваном Карамазовым) слушает лекции «доктора философских наук в отставке» Ивана Кондратьева о том, что «из всех планет и небесных тел важнейшей для нас является Луна», и готовится

управлять луноходом, который, оказывается, приводится в движение с помощью велосипедных педалей. Кстати, в реальной, а не романной истории испытания лунохода проводились в Крыму, на лунодроме, построенном на территории большого засекреченного военно-космического комплекса под Симферополем — в нынешнем поселке Школьное. Более того, оттуда же луноходами и управляли, сначала, в 1970 году, — «Луноходом-1», потом, в 1973-м — «Луноходом-2».

СССР у Пелевина — это архаичный, отсталый мир, осмысляемый вполне в традициях антисоветской и поздней советской литературы, журналистики, публицистики: «Да и самолетов у нас в стране всего несколько, летают вдоль границ, чтоб американцы фотографировали» [7].

Произведения писателя — злая сатира на Советский Союз. В этом он не оригинален, наоборот — вполне «магистрален», движется в русле медийного и литературного мейнстрима конца восьмидесятых — начала девяностых годов прошлого века.

Герои, наверное, самого популярного романа Пелевина — «Generation» «П» — пытаются сформулировать новую (или старую новую) русскую идею. Рэкетир Вовчик Малой заказывает пиарщику Вавилену Татарскому разработать русскую идею.

«— Скажи, Ваван, когда ты за границей бываешь, унижение чувствуешь? — спрашивает Вовчик.

— Я там не был никогда, — признается Татарский.

— И молодец. Потому что поедешь — почувствуешь. Я тебе точно говорю — они нас там за людей не считают, как будто мы все говно и звери. То есть когда ты в каком-нибудь «Хилтоне» весь этаж снимешь, тогда к тебе, конечно, в очередь встанут минет делать. Но если на каком-нибудь фуршете окажешься или в обществе, так просто как с обезьяной говорят. Чего, говорят, у вас крест такой большой — вы что, богослов? Я б тебе, блядь, такое богословие в Москве показал...

— А почему такое отношение? — перебил Ханин. — Мнение есть?

— Есть, — сказал Вовчик. — Все потому, что мы у них на пансионе. Их фильмы смотрим, на их тачках ездим и даже хавку ихнюю едим... Они-то думают, что мы культурно опущенные! Типа как чурки из Африки, понимаешь? Словно мы животные с деньгами. Свиньи какие или быки. А ведь мы — Россия! Это ж подумать даже страшно! Великая страна!

— Да, — сказал Ханин.

— Просто потеряли на время корни из-за всей этой байдды. Сам знаешь, какая жизнь, — пернуть некогда. Но это ж не значит, что мы забыли, откуда мы родом, как негры эти козлиные...» [8].

«— Задача простая, — формулирует Вовчик. — Напиши мне русскую идею размером примерно страниц на пять. И короткую версию на стра-

ницу. Чтоб чисто реально было изложено, без зауми. И чтобы я любого импортного пидора — бизнесмена там, певицу или кого угодно — мог по ней развести. Чтоб они не думали, что мы тут в России просто денег украл и стальную дверь поставили. Чтобы такую духовность чувствовали, бляди, как в сорок пятом под Сталинградом, понял?» [8].

Однако попытки решить эту «простую задачу» кончились первым полным провалом в карьере Татарского. Не помог даже дух Федора Михайловича Достоевского: «...после обращения к духу Достоевского, на которого Татарский возлагал особые надежды, возникли некоторые побочные эффекты: планшетка мелко затряслась и запрыгала, словно ее дергало во все стороны несколько одинаково сильных присутствий, но оставшиеся на бумаге кривые загогулины тоже не годились заказчику, хотя, конечно, можно было тешить себя мыслью, что искомая идея настолько трансцендентна, что это единственный способ как-то зафиксировать ее на бумаге. Но, как бы там ни было, работу Татарский не сделал» [8].

Новая русская идея обнаружилась лишь через несколько лет и, по мысли, высказанной Виктором Пелевиным в одном из интервью, персонализировалась во... Владимире Путине.

«— В «Generation «П»» все охотятся за национальной идеей. А сейчас, с Путиным, нашли?

— Конечно. Это и есть Путин» [3].

Что ж, действительно, в известном смысле именно с приходом к власти в России Путина «импортные пидоры» «почувствовали духовность» сродни той, что чувствовали немцы в сорок третьем под Сталинградом, а в сорок пятом — под Берлином (исправляем здесь намеренную ошибку Пелевина). За этой неприличной формулировкой стоит реальное возвращение России на международную арену в качестве одной из мировых держав.

Главное геополитическое достижение эпохи Путина — воссоединение Крыма с Россией — отражается в последнем (крайнем) пока романе Пелевина «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами».

Героя книги зовут Кримпай. Кримпай Сергеевич Можайский. «Мои подружки (их было несколько, пока я не разобрался в себе), а потом и друзья называли меня «Крим». И да, шутка «Крим наш» уже была. Много раз, с кримом и без» [5], — рассказывает он о себе. Ясно, что, выбирая такое имя, Пелевин изначально планировал обыгрывать в романе тему воссоединения полуострова с Россией.

По ходу действия Кримпай меняет имя на Крым.

«— Замечательный выбор, — хвалит его генерал ФСБ Капустин. — В высшей степени патриотичный. Переосмыслил ценности? Поклонился всему, что сжигал?

— Да не то чтобы так уж... Я на «Крым» хотел, меня так с детства все зовут. Но в ЗАГСе предупредили, что понять могут неправильно. Что это «Крым» на украинской мове. Люди, мол, заинтересуются, чего ты такой певучий. Подумают, что против воссоединения протестуешь. Может, ты вообще по ночам опоры ЛЭП валишь, кто тебя знает... Вот я и решил — не давать повод» [5].

Воссоединение Крыма с Россией является продолжением трансформационных процессов на территории бывшего СССР, и в этом смысле неизбежно должно было оказаться в сфере внимания Пелевина как художника-исследователя постсоветского мира. Одновременно, эту историю невозможно понять вне «украинского вопроса», который занимает писателя в силу разных, в том числе личных причин. «Украину я очень люблю, у меня оттуда отец, — рассказывает Пелевин в одном из своих немногочисленных интервью. — Украинский был для него вторым родным языком — но я его совсем не знаю» [11]. Иначе говоря, для Пелевина разрыв между Украиной и Россией — это разрыв внутренний, разрыв в его собственной судьбе, собственной, личной истории. Не случайно он обращается к украинской теме на протяжении практически всего творческого пути. Так, например, в «Generation П» мы видим «большой плакат с Антонио Бандерасом в голливудском шедевре «Степан Бандера». Бандерас, романтически небритый, с футляром от огромной бандуры в руке, стоял на окраине условной Жмеринки и грустно смотрел на разбитую «тридцатьчетверку» в крапивно-подсолнуховом чаппарале. С первого взгляда на толпу вислоусых селян в расшитых петушками пончо, которые жмурились на красно-желтое фотографическое солнце, делалось ясно, что фильм снимали в Мексике. Плакат был не настоящим — это был коллаж. Неизвестный шутник аккуратно подмонтировал жопастую пару девичьих ног в темных колготках к торсу Бандераса в тяжелом кожаном жупане. Под изображением был слоган: SAN-PELEGRINO ЭТУ СВЯЗЬ НЕ РАЗОРВЕТ НИЧТО» [8]. «Сан Пелегрино» — это торговая марка, являющаяся одним из лидеров в производстве колготок. Таким образом, Пелевин в своем привычном саркастичном стиле иллюстрирует «неразрывную связь» между США и «бандеровщиной» во всем ее историко-политическом воплощении.

В романе «S.N.U.F.F.», изданном в 2011 году, действие разворачивается на... Украине. Тамашние жители называют свою страну «Украинским Уркаганатом, или Уркаиной, а себя — урками (кажется, это им в спешке переделали из «укров», хоть есть и другие филологические гипотезы). В бытовой речи слово «урк» непопулярно — оно относится к высокому пафосному стилю и считается старомодно-казенным» [9].

Здесь же можно познакомиться с «рецептом» современных цветных революций, одну их которых, в 2004 году, Украина ко времени создания

романа уже пережила. Другая, образца 2014 года, еще впереди, но лекала при ее подготовке будут использованы те же самые.

«Оркские революции готовят точно так же, как гамбургеры, за исключением того, что частицы говна в оркских черепках приводятся в движение не электромагнитным полем, а информационным.

Даже не надо посылать к ним эмиссаров. Довольно, чтобы какая-нибудь глобальная метафора — а у нас все метафоры глобальные — наметнула гордой оркской деревне, что, если в ней проснется свободолюбие, люди придут на помощь. Тогда свободолюбие гарантировано проснется в этой деревне просто в видах наживы — потому что центральные власти будут с каждым днем все больше платить деревенскому старосте, чтобы оно как можно дольше не пробуждалось в полном объеме, но неукротимое восхождение к свободе и счастью будет уже не остановить.

Причем мы не потратим на это ни единого маниту — хотя могли бы напечатать для них сколько угодно. Мы просто будем с интересом следить за процессом. А когда он разовьется до нужного градуса, начнем бомбить. Не деревню, понятно, а кого нам надо для съемки.

Я не вижу в этом особо предосудительного. Наши информационные каналы не врут. Орками действительно правит редкая сволочь, которая заслуживает бомбежки в любой момент, и если их режим не является злом в чистом виде, то исключительно по той причине, что сильно разбавлен дегенеративным маразмом» [9].

Образец революционной риторики от Пелевина выглядит следующим, очень знакомым каждому украинцу образом:

«— Каждый человек рождается свободным, таким его замыслил Маниту! И я не могу, не стану молчать, когда какой-то монстр, ненасытное и злобное животное, попирает светлый праздник детства черной шиной своего лимузина, оплаченного слезами бесчисленных вдов. Я не знаю — но, с другой стороны, было бы очень любопытно узнать, и без промедления, — сколько еще свободный мир будет мириться с этим темным душителем свободы, делая вид, что не замечает невинных слез и брызг крови, летящих прямо в нашу оптику! Ничто не может оправдать издевательства над беззащитной чистотой, никакие затычки в равнодушных ушах не заглушат стук детского сердца, брошенного на съедение псам и свиньям! Сегодня я обвиняю оркского уркагана в том, что он палач своего народа. Сколько еще мы не будем замечать зверств этого извращенца, серийного убийцы, мечты психиатра и опаснейшего из садистов? Но я не хочу больше говорить об этом выродке, потому что он вызывает во мне тошноту. Я хочу спасти эту... Эту... Этих ребят, которым их суровая земля отказала в праве на детство и юность... Я объявляю, что они отныне под защитой Бизантиума! Они получают право на въезд в Биг Биз!» [9].

«Отзвуки» киевской революции 2014 года слышны в романе «Любовь к трем цукербринам», увидевшем свет 9 сентября того исторического года. Пелевин фантазирует, как могли бы развернуться события на Украине при ином стечении обстоятельств: «Бывают кинокомедии (и фильмы ужасов тоже), в которых прослеживаются очень длинные причинно-следственные связи. Например, брошенный с киевского балкона окуроч попадет на воротник сотнику Гавриле, переходящему дорогу. Имя в данном случае тоже условное: у Ильфа и Петрова, помнится, кто-то из героев писал «Гаврилиаду» — поэму о бесконечном многообразии возможных истоков Первой мировой. Вот и я о том же.

Гаврило останавливается и начинает чистить камуфляж. Его сбивает вылетевший из-за угла грузовик с покрышками, Гаврило в тот вечер не выходит на трибуну майдана, Янукович еще на полгода сохраняет свой золотой батон, Крым остается украинским, Обама не обзывает Россию региональным бастионом реакции, и все остальные колеса истории, большие и малые, не приходят в движение. Направление, в котором сместится равновесие мира, зависит от того, попадет ли окуроч в сотника в нужный момент...» [6].

ВЫВОДЫ

Творчество Пелевина насквозь пропитано злобой дня. Он пишет о том же, о чем пишут газеты и «говорит и показывает» телевизор. Пелевин пересказывает, «перерассказывает», трансформирует, обыгрывает самые популярные, самые скандальные, самые цитируемые медийные сюжеты. В этом смысле обращение к крымской теме было для писателя неизбежным.

С начала девяностых годов прошлого века Крым почти постоянно находится в «повестке дня» украинских, российских, а часто и мировых средств массовой информации. Медиа регулярно примеряют к этому «застрявшему» между Украиной и Россией обломку Советского Союза самые разрушительные сценарии будущего — приднестровский, карабахский, чеченский, югославский, абхазский. А начиная с Крымской весны 2014 года полуостров и вовсе оказывается одним из главных центров мировой политики.

Среди других причин, определяющих обращение Пелевина к крымской теме, — мощная отечественная литературная традиция, происхождение писателя — его отец родом с Украины, подробности биографии — судьбоносным для Крыма и России летом 1991 года литератор отдыхал на полуострове.

Безусловно, самым «крымским» произведением Пелевина является роман «Жизнь насекомых», в котором как раз и отражается проведенное писателем на полуострове последнее советское лето, однако крымская те-

ма звучит и в последующих произведениях — «Generation П», «S.N.U.F.F.», «Любовь к трем Цукербринам», «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами».

Несмотря на все «литературные инновации», Пелевин остается очень русским писателем, прочно связанным с национальной литературной традицией единым корпусом прочитанных и обдуманых книг. В этом смысле показательны его регулярные отсылки к тому же Достоевскому и другим классикам отечественной литературы.

У пелевинской прозы есть «фирменный» русский «метафизический регистр». За сарказмом, иронией, иногда даже фиглярством у писателя прячется серьезная проблематика, старые пресловутые треклятые проклятые вечные вопросы русской литературы, к которым добавляется как минимум один новый. «Крым — наш?» — спрашивает генерал ФСБ Федор Михайлович Капустин у Можайского в романе «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами» [5].

«У высокоразвитых космических рас есть особое причинно-следственное оружие. Так называемый корректор истории, меняющий все вообще. И прошлое, и настоящее, и будущее» [5], — рассказывает в последнем (крайнем) романе Пелевина один из его героев. Русская литературная традиция, от Пушкина до... До Солженицына, до Бродского, до самого Пелевина — несмотря на весь его скепсис — является отличной защитой от этого «корректора». Их произведения поэтически точно доказывают: «Крым — наш!».

Список литературы

1. Бродский И. А. Стихотворения, эссе, пьесы. В 2 т. Т. 1 / И. А. Бродский. — Минск: Эридан, 1992. — 480 с.

2. Генис А. Феномен Пелевина [Электронный ресурс] / А. Генис. — Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html> (Дата обращения: 11.09.2017).

3. Интервью с писателем Виктором Пелевиным (Писатель Виктор Пелевин ответил на вопросы участников проекта «Сноб» [Электронный ресурс] / Сноб.ру. — Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/20521> (Дата обращения: 11.09.2017).

4. Пелевин В. О. Жизнь насекомых [Электронный ресурс] / В. О. Пелевин. — М.: Вагриус, 2003. — Электронная книга.

5. Пелевин В. О. Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами [Электронный ресурс] / В. О. Пелевин. — М.: ЭКСМО, 2016. — Электронная книга.

6. Пелевин В. О. Любовь к трем Цукербринам [Электронный ресурс] / В. О. Пелевин. — М.: ЭКСМО, 2014. — Электронная книга.

7. Пелевин В. О. Омон Ра [Электронный ресурс] / В. О. Пелевин. — М.: Вагриус, 2003. — Электронная книга.
8. Пелевин В. О. Generation П [Электронный ресурс] / В. О. Пелевин. — М.: Вагриус, 2003. — Электронная книга.
9. Пелевин В. О. S.N.U.F.F. [Электронный ресурс] / В. О. Пелевин. — М.: ЭКСМО, 2011. — Электронная книга.
10. Полотовский С., Козак Р. Пелевин и поколение пустоты / С. Полотовский. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. — 232 с.
11. Роткирх К. Одиннадцать бесед о современной русской прозе [Электронный ресурс] / К. Роткирх. — М.: НЛЮ, 2009. — Режим доступа: <http://pelevinlive.ru/43> (Дата обращения: 11.09.2017).
12. Тойшин Д. Интервью со звездой [Электронный ресурс] / Д. Тойшин. — Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/interview/o-toish/1.html> (Дата обращения: 11.09.2017).
13. Тульчинская Н. И., Ананина Т. В. Проблема творчества В. Пелевина: семиотика текста [Электронный ресурс] / Вестник КАСУ. — 2006. — № 2. — Режим доступа: <http://www.vestnik-kafu/journal/6/229> (Дата обращения: 11.09.2017).
14. Laird S. Voices of Russian Literature: Interviews with Ten Contemporary Writers / S. Laird. — New York: Oxford University Press, 1999. — 231 p.

**«Закат Европы»: версия Мишеля Уэльбека
«Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки». Т. 4 (70). № 1. 2018**

Ровно сто лет тому назад, в 1918 году, знаменитый немецкий философ Освальд Шпенглер написал свою главную книгу — «Закат Европы», в которой предрек Старому свету упадок и гибель на фоне радости юных народов и чужеземных завоевателей. Однако Европа выстояла, пережив самую кровопролитную в истории человечества Вторую мировую войну и удержавшись (по крайней мере, до сих пор) на краю ядерной бездны.

В конце XX — начале XXI века классик современной французской литературы Мишель Уэльбек предлагает свою версию «заката Европы» в цикле романов — «Расширение пространства борьбы», «Элементарные частицы», «Платформа», «Возможность острова», «Карта и территория» и, наконец, «Покорность».

Творчество Уэльбека буквально пронизано злобой сегодняшнего европейского «дня, клонящегося к закату». Культ бессмысленного избыточного потребления, миграционный кризис, исламизация, террористическая угроза — эти темы волнуют абсолютное большинство жителей Старого света. Именно этим в первую очередь и определяется актуальность статьи.

Наша цель — проанализировать представления Уэльбека о будущем Европы.

Задачи:

- продемонстрировать злободневность творчества писателя;
- описать его понимание деградации современной европейской цивилизации;
- оценить продуктивность идей Уэльбека для осмысления острейших проблем, стоящих перед современным миром.

В юности Мишель Уэльбек увлекался сочинениями Говарда Филлипса Лавкрафта — американского писателя, работавшего в жанрах ужасов, мистики, бади-хоррора, фэнтези, научной фантастики, и даже написал книгу о его творчестве: «Г. Ф. Лавкрафт: против человечества, против прогресса».

Стилистически произведения Уэльбека — это, конечно, не романы ужасов, но от сценария европейского будущего, который писатель разворачивает на страницах своих книг, у многих бегут мурашки по коже. Либеральные «достижения» безбожного, прожигающего жизнь западного общества оказываются под сомнением уже в первом романе классика «Расширение пространства борьбы». «Элементарные частицы», «Платформа», «Карта и территория», «Возможность острова» развивают эту тему. «В сегодняшнем мире можно заниматься групповым сексом, быть би- и транссексуалом, зоофилом, садомазохистом, но воспрещается быть старым» [2, с. 270], — замечает герой романа «Возможность острова». По Уэльбеку, «мир, не уважающий ничего, кроме юности, сексуальной свежести и молодого тела, мало-помалу пожирает человеческое существо» [1]. «Я не хочу быть проглоченным этой обманчивой жадой удовольствий», — признается писатель в одном из интервью [1].

Вместе с потерей веры в бессмертие человеческой души западный человек теряет смысл жизни. Ничто и никто — ни фитнес, ни пластические хирурги, ни деньги не могут вернуть ему стремительно пронсящуюся назад, в прошлое, молодость.

Личностный экзистенциальный кризис западного человека неизбежно оказывается сопряжен с кризисом общественно-политическим. Эту тему Уэльбек особенно детально разрабатывает в романе «Покорность». Действие книги разворачивается во Франции в 2022 году. В результате выборов, которые проходят на фоне массовых беспорядков на религиозной почве, президентом страны становится лидер Мусульманского братства Мохаммед Бен Аббес. Франция начинает исламизироваться не только де-факто, но и де-юре.

Сам Уэльбек определил жанр своего романа как «политическую фантастику», однако судя по событиям, происходящим в мире, эта фантастика может в той или иной степени оказаться пророческой — как уже не раз бывало с классиками французской и шире — европейской и мировой литературы, которые в своих произведениях предвосхищали будущее.

Иллюстрацией тому — история публикации романа. «Покорность» попала на прилавки парижских книжных магазинов аккурат 7 января 2015 года — в день кровавого теракта в редакции журнала «Шарли Эбдо», посвятившего одну из статей в текущем номере как раз новой книге Уэльбека.

С тех пор в мире произошло множество кровавых террористических актов, совершенных радикальными исламистами. Вспомним лишь те, что больше всего потрясли Западный мир:

- серия терактов в Париже, рядом со стадионом «Стад де Франс» и в театре «Батаклан», 13 ноября 2015 года, в ходе которых погибли 129 человек;
- серия терактов 22 марта 2016 года в Брюсселе, в результате которых погибли 35 человек;

- террористический акт 12 июня 2016 года в Орландо, США (стрельба в ночном гей-клубе), унесший жизни 49 человек;
- террористический акт в Ницце, Франция, 14 июля 2016 года, в результате которого погибли 86 человек;
- террористический акт во время Рождественской ярмарки в Берлине 19 декабря 2016 года, в результате которого погибли 11 человек.
- террористический акт в Манчестере 22 мая 2017 на концерте американской певицы Арианы Гранде, в результате которого погибли 22 человека.
- террористический акт на Лондонском мосту 3 июня 2017 года, в результате которого погибли 8 человек.
- террористический акт в Барселоне 17 августа 2017 года, в результате которого погибли 13 человек.

Ответственность за все эти убийства взяло на себя «Исламское государство» — реальная террористическая организация (запрещена в России), название которой перекликается с вымышленным «Мусульманским братством» Уэльбека.

Тема ислама, его роли в современном мире — одна из главных в жизни и творчестве Уэльбека. Против него даже инициировали судебный процесс, обвиняя в исламофобии, но писатель отстоял свое право на критическое мышление. В своих произведениях он исследует средствами художественной литературы результаты столкновения ислама с безбожным западным миром и, увы, приходит к печальным для Запада выводам.

Пятой части романа «Покорность» предпослан эпиграф из лидера исламской революции в Иране Аятоллы Хомейни: «Весь ислам — это политика» [3, с. 257]. Но, по Уэльбеку, в основе конфликта ислама и секулярной европейской цивилизации лежат даже не столько политические, сколько метафизические причины. В представлении писателя главный враг ислама — не христианство, которое переживает в Западной Европе глубочайший кризис, а именно безбожное светское общество: «Заклятым врагом мусульман, внушающим им страх и лютую ненависть, является вовсе не католичество, а секуляризм, антиклерикализм, атеистический материализм» [3, с. 179].

Как уже говорилось, героям романов Уэльбека не хватает «воли к жизни», им незачем жить, кроме потребления и сексуальных удовольствий. Персонаж «Покорности» хорошо понимает, не испытывая при этом ни отчаяния, ни даже особой печали, что близок к самоубийству просто ввиду постепенной деградации «совокупности функций, противостоящих смерти» [3, с. 238].

У атеистического материализма нет сил противостоять традиционным религиозным ценностям. «Последние ветераны 68-го года» — эти «дышащие на ладан мумии прогрессизма, которые давно себя исчерпали в общественном плане» [3, с. 176], лишь блокируют восстановление семейных ценностей и традиционной морали, без которых старушка Европа обречена.

Секулярный человек терпит поражение на всех «фронтах». Уэльбек критикует Запад за его веру в собственную непогрешимость, за упорное стремление навязать всему человечеству свои жизненные ценности и политические «привычки»: «Как ни удивительно, западные страны чрезвычайно гордились своей избирательной системой, которая, в общем-то, была не более чем способом поделить власть между двумя враждующими бандами, и порой даже доводили дело до войны, а все ради того, чтобы навязать эту систему странам, не разделяющим их восторгов» [3, с. 57].

Между тем, в современной Франции «выборы не представляли ни малейшего интереса; убожеству «политического предложения» можно было только поражаться, [3, с. 57] — уничижительно характеризует Уэльбек политический процесс на родине. Так называемая интеллектуальная элита Запада оказывается бессильной, ее имитация политического процесса больше никому не интересна, а на политическую сцену выходят мощные фундаменталистские религиозные силы.

Весь интеллектуальный спор двадцатого века выразился в противостоянии между коммунизмом — скажем так, «жестким» вариантом гуманизма — и либеральной демократией, его мягким вариантом, полагает один из героев романа профессор Редигер, однако в финале «все вернется на круги своя».

«Возвращение религии» представляется Редигеру неизбежным. «Религиозность дает преимущество при естественном отборе: супружеские пары, исповедующие одну из трех мировых религий, патриархальные ценности которых незыблемы, имеют больше детей, чем атеисты и агностики; женщины в таких парах менее образованны, гедонизм и индивидуализм выражены слабее» [3, с. 80], — объясняет ученый.

При этом новой религией Европы станет не вроде бы куда более органичное здесь христианство, а ислам. «Постыдное жеманство, телячьи нежности и заигрывание с прогрессистами привело к тому, что католической церкви уже не под силу противостоять падению нравов, твердо и мощно выступить против гомосексуального брака, абортот и права женщин на работу. Пора уже признать: Западная Европа, дойдя до крайней степени разложения и мерзости, не в состоянии спастись, как не мог спастись Рим в V веке нашей эры. Массовый приток мигрантов — носителей традиционной культуры с ее естественной иерархией, покорностью женщины и уважением к старшим — это исторический шанс для морального и семейного перевооружения Европы; мигранты открывают перспективу нового золотого века на старом континенте. Некоторые из этих народов исповедуют христианство; но в большинстве своем, разумеется, это мусульмане» [3, с. 318–319].

«Покорность» Уэльбека — это покорность современной бессильной Европы перед лицом более молодой, более сильной, варварской культуры ислама. «Я вообще ни за что, ты прекрасно знаешь, но патриархат...

в качестве социального уклада был устойчив, и семьи с детьми, в общем и целом, воспроизводили себе подобных по одной и той же схеме, короче, дело шло своим чередом. А сейчас детей не хватает, так что это дохлый номер» [3, с. 46], — говорит герой романа. Ислам по Уэльбеку — это носитель чужих, часто даже враждебных, но традиционных ценностей. Единственная жизнеспособная модель в современной разлагающейся Европе.

Реформы пришедшего к власти президента-мусульманина официально направлены на то, чтобы «вернуть почетное место и утраченное достоинство семье как основополагающей ячейке нашего общества» [3, с. 230]. Мусульманское братство отводит центральное место не экономике, а демографии и образованию. «Победа останется за группой населения с более высоким уровнем рождаемости, которой удастся обеспечить преемственность своих ценностей, вот и вся наука, считают они, а экономика и даже геополитика — это дешевые понты: кто получит контроль над детьми, получит контроль над будущим, и точка. Поэтому основной и единственный пункт, по которому они хотят во что бы то ни стало добиться своего, — это школьное образование» [3, с. 96].

Главному герою романа — университетскому профессору — не остается ничего, кроме как покорно сдаться на милость победителя и принять ислам: «Мне будет дан второй шанс — шанс начать другую жизнь, никак, по сути, не связанную с предыдущей» [3, с. 345].

Выводы.

Будущее Европы и, шире, всей Западной цивилизации — одна из главных тем творчества Мишеля Уэльбека. Его романы привлекают внимание исследователей и широкой публики не только блестящим стилем, но и острейшей политической проблематикой.

Как уже говорилось, творчество писателя насквозь пронизано злобой дня. Доказательством тому — потрясения, которые переживает сегодня Старый Свет. Здесь и кровавые теракты, и миграционный кризис, и приближающийся распад Европейского союза — поддержанный писателем референдум в Великобритании положил конец мифу о единой Европе.

При этом, по мнению Уэльбека, основанная на культе потребления безбожная современная западная система ценностей оказывается нежизнеспособной. Европа, дойдя до крайней степени разложения и мерзости, не в состоянии спастись, как не мог спастись Рим в V веке нашей эры.

Есть ли у Старого Света выход из этого кризиса? Сможет ли Европа опровергнуть мрачные прогнозы не только Освальда Шпенглера, но и Мишеля Уэльбека? Промежуточный ответ на этот вопрос мы сможем получить буквально через четыре года, которые отделяют нас от времени, в котором разворачивается действие романа «Покорность».

Сам писатель видит шанс в так называемой прямой демократии — недостижимом утопическом политическом идеале. «Я за прямую демо-

кратию, — говорит Уэльбек в интервью другому классику современной французской литературы Фредерику Бегбедеру. — Мне кажется, что мы переживаем кризис представительной демократии. Но это многообещающий кризис, который может вылиться в позитивные изменения. Я никогда не голосовал на парламентских выборах, поскольку не хотел делегировать кому-то мою власть для создания законов. Единственный приемлемый способ менять законы — это проводить референдум по инициативе народа. Таким же способом должен утверждаться бюджет. Каждый знает, сколько он готов потратить на полицию, на здравоохранение, на образование, на армию. Потом останется только высчитать среднее значение» [4].

«Я хочу расширить прямую демократию, убрав парламент, — мечтает Уэльбек. — На мой взгляд, президент республики должен избираться пожизненно, но с условием, чтобы его можно было лишить полномочий в случае, если так решит народный референдум. Третья важная мера: судьи должны быть выборными (выбирать их, разумеется, надлежит из числа дипломированных юристов, иначе говоря, такого, как ты, нельзя будет избрать). Четвертая мера: государственный бюджет будет распределяться гражданами, которые ежегодно будут заполнять листок, где надо галочкой отмечать соответствующие графы. Таким образом, народ должен решать, какие отрасли в первую очередь нуждаются в финансировании. И прежде чем определить бюджет того или иного министерства, специалисты будут подсчитывать среднее арифметическое. Если мы хотим выйти из кризиса политического представительства, в котором застряли, нужна прямая демократия. Если мы эти меры не примем, то все кончится катастрофой» [4].

Список литературы

1. Мишель Уэльбек: «Счастья нет, но есть радость» [Электронный ресурс] / М. Уэльбек. — «Труд». — № 191. — 10.10.2008. — Режим доступа: http://www.trud.ru/article/10-10-2008/134250_mishel_uelbek_schastja_net_no_est_radost.html (Дата обращения: 17.02.2018).

2. Уэльбек, М. Возможность острова [Текст] / М. Уэльбек — М.: Иностранка, 2006. — 624 с.

3. Уэльбек, М. Покорность [Текст] / М. Уэльбек. — М.: АСТ: CORPUS, 2016. — 352 с.

4. Фредерик Бегбедер берет интервью у Мишеля Уэльбека [Электронный ресурс] / Ф. Бегбедер // Esquire. — 2013. — № 10. — Режим доступа: <https://esquire.ru/letters/27522-begbeder-houellebecq/> (Дата обращения: 17.02.2018).

**120 лет назад родился и 100 лет назад
покинул Россию Владимир Набоков
(«Двойной юбилей» классика русской
и американской литературы)
«Парламентская газета», 22.04.2019**

На самом деле у Владимира Набокова в апреле двойной юбилей. Один — общеизвестный. 22 апреля исполняется 120 лет со дня рождения писателя. Другой — менее заметный, но, может быть, не менее важный. 15 апреля исполнилось ровно сто лет с того дня, когда Набоков навсегда покинул Россию.

«Надежда» и Лолита

«Из Крыма вытекла Россия, как из раны кровь», — сформулировал однажды Андрей Битов. Я думаю, в этом афоризме — половина правды. Здесь, в Крыму, закончилась Гражданская война, которая разделила народ надвое. Но половина правды — это ведь тоже немало.

«На небольшом, неказистом греческом судне «Надежда», с грузом сушеных фруктов возвращавшемся в Пирей, наша семья отплыла по глянцевым водам из севастопольской бухты, под беспорядочно бившим с берега пулеметом (порт только что был захвачен большевиками). Помню, пока судно виляло по бухте, я старался сосредоточиться на шахматной партии, которую играл с отцом, — у одного из коней не хватало головы, покерная фишка заменяла недостающую ладью, — и чувство, что я покидаю Россию, полностью заслонялось мучительной мыслью, что при красных или без красных, а письма от Тamarы так и будут приходить, бессмысленным чудом, в южный Крым, и разыскивать беглого адресата, слабо порхая по воздуху, словно смущенные бабочки, выпущенные в чуждой им зоне, на неправильной высоте, среди неведомой флоры», — описывал свое прощание с родиной Набоков в автобиографической книге «Память, говори».

С Тamarой (в жизни — Валентина Шульгина) Владимир так больше никогда и не встретился, но ее образ преследовал писателя всю жизнь, отразившись в характерах многих женских героинь, включая скандальную

Лолиту. Точно также никогда не отпустил Набокова и Крым, хотя он вроде бы и провел на полуострове всего около полутора лет.

Под сенью классиков в Крыму

Восемнадцатилетний литератор приехал в Крым из Санкт-Петербурга вместе с родными в ноябре 1917 года. Отец будущего классика, известный российский политик, депутат первой Государственной Думы, управляющий делами Временного правительства Владимир Дмитриевич Набоков отправил семью подальше из захлебнувшегося большевистской революцией Петербурга, а сам пока остался в столице, лелея тщетную надежду, что революционная буря уляжется.

Набоков-младший быстро нашел общие черты между своим бегством в Крым и знаменитой южной ссылкой Пушкина. Позже, в конце лета 1918 года, он посетит Бахчисарай, чтобы увидеть фонтан, давший название классической пушкинской поэме. Глядя, как из проржавевшей трубы фонтана капает в мраморные впадины вода, Набоков подумает, что Пушкин видел все это сто лет назад точно таким же. А в сентябрьском номере газеты «Ялтинский голос» появится его стихотворение «Фонтан Бахчисарая (В память Пушкина)».

Другую литературную параллель подарила сама жизнь. В Крыму семья Набоковых поселилась в имении графини Софьи Паниной в Гаспре, где в 1901–1902 годах жил Лев Толстой и куда к нему приезжали Антон Чехов, Максим Горький, Александр Куприн.

Дама с собачкой и большевистские матросы

Однако не только литературой, охотой за бабочками и курортными романами увлекался в Крыму Владимир Набоков. В декабре 1917 года к семье в Гаспру приехал чудом избежавший ареста в Петербурге Набоков-старший. Наслушавшись рассказов отца о событиях в столице, возмущенный Владимир в тот же день написал стихотворение «К свободе»: «И, заслоня взор локтем окровавленным, обманутая вновь, ты вновь уходишь прочь, а за тобой, увы, стоит все та же ночь».

«За исключением некоторых драгоценностей, хитроумно схороненных в обычных жестянках с туалетным тальком, у нас не осталось ничего, — вспоминал писатель в автобиографии. — Но не это было, конечно, существенно. Местное татарское правительство смели новенькие советы, и мы испытывали самое бредовое и унижительное чувство полнейшей незащищенности. Всю зиму 1917–18 и до самой ветреной и яркой крымской весны идиотская смерть ковыляла бок о бок с нами. Каждый второй день на белом ялтинском молу (где, как помните, чеховская Дама с Собачкой потеряла когда-то лорнет в курортной толпе), бандитского облика большевистские матросы,

специально для того завезенные из Севастополя, предусмотрительно привязывали тяжести к ногам безобидных жителей, а затем расстреливали их».

Эвакуация несостоявшегося белогвардейца

В середине 1918 года, когда большевики оставили Крым, Набоков-старший вошел в Краевое правительство Соломона Крыма в качестве министра юстиции. Семья переехала из Гаспры в Ливадию — бывшую царскую резиденцию. Владимир собирался поступить в Деникинскую армию, но так и не успел этого сделать.

8 марта 1919 года на фронте погиб двоюродный брат и лучший друг писателя барон Юрий Рауш фон Траубенберг. Владимир нес гроб с телом товарища, которого похоронили в Ялте. Вскоре после этого войска красных прорвали оборону противника и начали быстро продвигаться в глубь полуострова. «Был получен приказ эвакуироваться. 8 апреля Набоковы покинули Ливадию, где Владимир оставил собранную в Крыму коллекцию из двухсот экземпляров бабочек и мотыльков. Дорога, по которой они ехали, петляла по склонам Крымских гор... Севастополь, через который лежал единственный путь к спасению, был запружен багажом и людьми. Многим приходилось ночевать прямо на улице. Для министра Набокова и его семьи были забронированы номера в гостинице «Метрополь». Владимиру предназначался седьмой номер:

Не то кровать, не то скамья.

Угрюмо-желтые обои.

Два стула. Зеркало кривое.

Мы входим — я и тень моя», — описывает те события автор классической биографии писателя Брайан Бойд.

Как увековечить память писателя в Крыму

Ну а потом было то, что уже описано в начале этих заметок. Утлая греческая «Надежда» увезла семью Набоковых в вечное изгнание. Гражданская война в Крыму на этом, заметим, не закончилась. Впереди еще была врангелевская эпопея, завершившаяся окончательным исходом белых в ноябре 1920 года, но это уже немного другая история.

Что же до Набокова, то он добился на Западе, пожалуй, самого большого успеха среди всех наших писателей-эмигрантов, став классиком не только русской, но и американской литературы. Однако даже на вершине литературной славы, оставив после оглушительного коммерческого успеха «Лолиты» нелюбимую преподавательскую работу в Штатах и поселившись в Швейцарии, Набоков не мог забыть о Крыме. Во всяком случае, так утверждает крымский историк Михаил Кизилев. «Едва ли ошибусь, если предположу, что Набоков остановил свой выбор именно на Монтре не из-за

дороговизны и престижности курорта: едва ли эти факторы были для него принципиальны. Монтре... парадоксальным образом напоминает Ялту, с которой у писателя были связаны самые трогательные воспоминания его бурной молодости, — говорит исследователь. — Сходство с Ялтой бросается в глаза при первом же променаде по набережной Женевского озера: те же кипарисы, магнолии, пальмы, пробковые дубы, шикарные отели и праздношатающаяся аристократическая публика в дорогих костюмах, что и в дореволюционной Ялте набоковской молодости. Довершает сходство береговая линия, по ай-петрински обрамленная грозными скалами. Вспомним, как часто в его поздних, написанных уже в Монтре произведениях (прежде всего, в романе «Ада» и окончательном варианте мемуаров «Память, говори»), фигурирует Крым и Ялта. Уверен, что эти очень давние воспоминания (ко времени переселения в Швейцарию в 1960 году минуло уже более сорока лет с того момента, как писатель оставил Тавриду) были навеяны ему именно сходством между Монтре и Крымом».

И хорошо бы Крыму, той же Гаспре, Ливадии или Севастополю, отплатить Набокову взаимностью, ведь на полуострове до сих пор вообще никак не увековечена память классика — нет ни памятника, ни площади, ни улицы, ни переулка, названного его именем.

«Была ты и будешь...» — написал Набоков о России в смутном и страшном 1919 году.

«Была ты и будешь...», — с надеждой повторяли крымчане за ним в украинские годы.

Кстати.

— Именно в Крыму, проживая на даче в Гаспре, Набоков стал составлять свои первые шахматные задачи. Крымское увлечение шахматами и поэзией самым парадоксальным образом завершилось полвека спустя, в Швейцарии. Именно там Набоков окончил свой творческий проект, начатый в Крыму и озаглавленный «Стихи и схемы». Эта книга, названная по-английски «Poems and Problems» («Поэмы и [шахматные] проблемы»), совмещала в себе стихи разных лет и шахматные задачи и композиции.

— В Крыму Набоков собрал свою первую коллекцию бабочек, описание которой было опубликовано в 1920 году в одном из британских энтомологических журналов.

220 вольт Пушкина: энергия российского Крыма (Чем полуостров обязан великому поэту) «Парламентская газета», 06.06.2019

«Пушкин — наше все!» Этой почти математической формулой известный поэт и критик XIX века Аполлон Григорьев указал значение Пушкина не только для всей огромной России, но и для маленького отдельно взятого Крыма. 6 июня мы отмечаем очередной, почти юбилейный день рождения поэта, и я бы сказал, что это не просто 220 лет, это 220... вольт Пушкина. Его энергией до сих пор питается вся русская культура, его энергией создан российский Крым.

Дух Пушкина в Гурзуфе

«Я вижу берег отдаленный, земли полуденной волшебные края», — написал Пушкин 27 августа 1820 года, переправляясь с Тамани в Крым через Керченский пролив вместе с семьей генерала Николая Раевского, героя Отечественной войны 1812 года. Из Керчи Пушкин и его спутники отправились почтовым трактом в Феодосию, а оттуда морем, на корвете «Або», перешли в Гурзуф, где прожили с 30 августа по 16 сентября.

«Свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался, — счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, — горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда — увидеть опять полуденный берег...», — описывал Пушкин свое пребывание на Южном берегу Крыма.

«В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и обедался виноградом, — рассказывал поэт. — Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря, — и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством похожим на дружество».

В 1989 году, к 190-летию со дня рождения Пушкина, в Гурзуфе, в том самом историческом доме герцога Ришелье, рядом с которым до сих пор

растет тот самый пушкинский кипарис, был открыт музей. Больше того, если верить поэтическому завещанию Пушкина, его дух до сих пор обретается в этих местах. «Так если удаляться можно оттоль, где вечный свет горит, где счастье вечно, непременно, мой дух к Юрзуфу прилетит...» — писал классик.

Первый курортный роман России

Из Гурзуфа путь поэта лежал в Алупку и дальше — в Байдарскую долину и древний Свято-Георгиевский монастырь на мысе Фиолент под Севастополем. Затем были Бахчисарай и Симферополь, откуда 26 сентября Пушкин через Перекоп отправился в Одессу.

Крым вернул поэту утерянное было на материке вдохновение. Здесь он провел «счастливейшие минуты своей жизни». Здесь были созданы такие шедевры, как «Погасло дневное светило...», «Узник», «Наполеон», «Песнь о вещем Олеге», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы». Именно о Крыме Пушкин сказал: «Там колыбель моего Онегина...»

Но и полуостров, в свою очередь, обязан Пушкину очень многим. Поэт создал в России «моду на Крым». Как замечает историк, генеральный директор Центрального музея Тавриды Андрей Мальгин, к середине XIX столетия не совершить путешествие в Крым для человека из общества, претендующего на определенный кругозор, считалось почти неприличным.

«Начало отечественному, как мы сейчас говорим, «внутреннему туризму», было положено здесь, когда в начале XIX века целые толпы путешественников открыли для себя недавно присоединенную к империи Тавриду, чтобы своими глазами увидеть прославленные красотой и древностями места, — утверждает Мальгин. — До этого в России не существовало традиции целенаправленного перемещения в пространстве ради отдыха и удовлетворения праздного любопытства (ездили или по делу, или по государственной службе), и Крым впервые дает толчок к развитию этого способа времяпрепровождения, без которого немыслима сегодняшняя картина мира. Крым стал первым «курортным романом» России, он подарил ее культуре незабываемый южный аромат цветов, вина, любви, легкости, свободы и ностальгии».

Клеветникам России

Вслед за Пушкиным, влекомые его южными романтическими стихами, в Тавриду устремились другие звезды русской литературы: Гоголь, Толстой, Тютчев, Чехов, Волошин, Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Куприн, Бунин, Шмелев, Булгаков, Маяковский, Солженицын, Аксенов, Бродский...

Именно эти люди сделали Крым русской землей. Именно они превратили наш полуостров в часть Русского мира. И именно они, а не Чалый, не

Константинов, не Аксенов и уж тем более не пресловутые «зеленые человечки» в конечном итоге привели крымчан на референдум 16 марта 2014 года.

Нет, это, конечно, не означает, что каждый крымчанин спит с томиком Пушкина под подушкой. Все тоньше. Здесь, на полуострове, столетиями создавался и продолжает создаваться мощный русский бэкграунд из стихов, рассказов, повестей, романов и эпопей. Культурный щит крепче любого военного щита. Его не пробить никакими санкциями. Крым был, есть и будет частью Русского мира. И никто и никогда не сможет этого изменить — ни Зеленский, ни Меркель, ни Трамп. Все, что можно посоветовать вышеназванным господам — немного... почитать Пушкина. Причем не только «Бахчисарайский фонтан» или «Евгения Онегина», но и «Клеветникам России».

Воспетое Пушкиным счастливое полуденное небо, горы, сады, море — сейчас, почти два века спустя, все это по-прежнему здесь, с нами, в российском Крыму. Ну, а что до запущенности этого прелестного края, о которой упоминал поэт, то за последние пять лет сделано очень много для того, чтобы избавить наконец полуостров от этого недостатка.

Начиная с 2007 года, день рождения Пушкина является в Крыму органичной частью большого международного фестиваля «Великое русское слово». Так, в этом году в программе фестиваля пушкинский праздник поэзии и музыки в Гурзуфе, международный театральный проект «Играем Пушкина по-русски», кинопраздник «Пушкинские дни России».

Кстати.

Среди многих заслуг Пушкина перед Крымом есть и такая: он по сути спас... Бахчисарай. После депортации крымских татар в 1944 году на полуострове переименовывали все крымско-татарские населенные пункты. Карасубазар стал Белогорском, Сейтлер — Нижнегорским, Ички — Советским и т.д., и т.п. А Бахчисарай сохранил свое историческое имя благодаря тому, что был воспет в знаменитой поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Советские чиновники смекнули, что город переименовать они, конечно, могут, а вот поэму Пушкина — кишка тонка. В пушкинском русском мире, как и в современной России, есть место всем — христианам, мусульманам, иудеям, буддистам, русским, украинцам, белорусам, крымским татарам, туркам и представителям десятков других религий и народов.

Уроки Полтавской битвы: зачем изменник не на плахе, а на банкноте? (Мазепа и современные украинские политики)

«Парламентская газета», 10.07.2019

Десятого июля в России празднуется День воинской славы — 310-я годовщина знаменитой Полтавской битвы, в которой русские войска под командованием Петра Великого наголову разгромили шведскую армию Карла XII. «Разбит как швед под Полтавой» — это выражение навсегда вошло в фразеологические словари русского языка.

Евроинтеграция по-украински: от Мазепы до Зеленского

А вот в самой Полтаве уже много лет отмечают не победу русской армии над шведами, а годовщину «украинско-шведского союза», заключенного гетманом Мазепой и шведским королем Карлом XII против Петра. И, конечно, главный герой той истории в современной украинской интерпретации — это не Петр и не сражавшийся на его стороне запорожский казачий полковник Семен Палий, а Иван Мазепа.

Вы, может быть, удивитесь, но, согласно нынешней версии украинской истории, предательство Мазепы — это, оказывается, не что иное, как свидетельство извечных евроинтеграционных устремлений Украины. Вот, оказывается, когда началась евроинтеграция Украины! И вот, оказывается, кто был первым украинским евроинтегратором! Гетман Мазепа! Человек, чье имя давно стало нарицательным. Так на Руси с известных пор называют предателей. Загляните, например, в толково-словообразовательный словарь русского языка под редакцией Татьяны Ефремовой: «Мазепа — м. и ж. разг. Употр. как символ предателя».

Как это там в «Полтаве» у Александра Сергеевича Пушкина: «И где ж Мазепа? Где злодей? Куда бежал Иуда в страхе?.. Зачем изменник не на плахе?».

«Говорили мне, что мой Мазепа злой и глупый старичишка. Что избразил я Мазепу злым, в том я каюсь: добрым я его не нахожу, особливо в ту

минуту, когда он хлопочет о казни отца девушки, им обольщенной», — писал Пушкин. И содрогался от омерзения: «Однако ж какой отвратительный предмет! Ни одного доброго, благосклонного чувства! Ни одной утешительной черты! Соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость...».

«Просвещение» по-украински

Может быть, кто-то не верит российскому «ватнику» Пушкину? Тогда вам к одному из классиков украинской историографии Николаю Костомарову: «Во все двадцатилетнее время гетманства Мазепы в Малороссии проявлялась ненависть к нему подчиненных... Чем дольше держал Мазепа гетманскую булаву, тем более привыкал малорусский народ считать его человеком польского духа, врагом закоренелых казацких стремлений к равенству и ко всеобщей свободе».

«Едва ли мы ошибемся, если скажем, что это был человек чрезвычайно лживый, — характеризовал историк Мазепу. — Перед царем, выхваляя свою верность, он лгал на малорусский народ и особенно чернил запорожцев, советовал искоренить и разорить дотла Запорожскую Сечь, а между тем перед малорусами охал и жаловался на суровые московские порядки, двусмысленно пугал их опасением чего-то рокового, а запорожцам сообщал тайными путями, что государь их ненавидит и уже искоренил бы, если бы гетман не стоял за них и не укропал царского гнева».

Однако вернемся к тому, как на Украине в этом году отметили 310-летие Полтавской битвы — кстати, почему-то сделав это по старому стилю, 27 июня. Может, чтобы не в один день с нами, москалями?

«По случаю юбилейной даты годовщины баталии и событий, связанных с военно-политическим выступлением гетмана Украины Ивана Мазепы против московского ярма, и заключением украинско-шведского союза во время Великой Северной войны (1700–1721 гг.) в Музее истории Полтавской битвы прошло культурно-просветительское мероприятие», — читаем на сайте этого самого музея.

Что ж, живо представляю себе это «просвещение»!

Курс Мазепы

История — это политика, обращенная в прошлое. Истинность этого утверждения мы, крымчане, как бывшие граждане Украины, прочувствовали на собственной шкуре, может быть, лучше всех в мире. Начиная с 1991 года, украинские националисты строка за строкой, параграф за параграфом переписывали историю Украины так, чтобы ее главными героями стали Мазепа, Петлюра, Шухевич, Бандера и другие одиозные персонажи из нашего прошлого. Переписывали на страницах газет и журналов, в учебниках и на... банкнотах. Помню, с каким недоумением мы смотрели в середине

девятигривенных купюры с изображением Мазепы.

А еще — десять лет назад, в год трехсотлетия Полтавской битвы, Совету министров Крыма и Севастопольской городской администрации официально, указом тогдашнего президента Украины Виктора Ющенко было предписано изучить вопрос о присвоении проспектам, площадям, улицам, паркам, отдельным учебным заведениям, учреждениям и воинским частям имени Мазепы. К счастью, крымским чиновникам тогда хватило здравого смысла спустить эту затею на тормозах. Зато их коллеги на материке постарались. Как результат, сейчас улицы Мазепы есть в Киеве, Виннице, Житомире, Ивано-Франковске, Луцке, Львове, Николаеве, Одессе, Полтаве, Ровно, Сумах, Тернополе, Чернигове, Черновцах и десятках других украинских городов и сел, а в Днепре (бывший Днепропетровск) именем гетмана и вовсе назван целый проспект.

Увы, сегодня пушкинский вопрос «Зачем изменник не на плахе?» звучит почти риторически. Затем, что Иван Мазепа — это главный архетип успешного украинского политика периода незалежности — лживого, хитрого, изворотливого и одновременно недалекого. Его часто выдают за убежденного борца за свободу и независимость Украины, но это, конечно, не так. Сошлюсь здесь на убитого украинскими националистами киевского историка и публициста Олеса Бузину: «Был ли Мазепа героем? Давайте не забывать, что всю жизнь он пытался приспособиться к меняющимся обстоятельствам — даже союз со шведами возник не по его инициативе. Он изворачивался, боялся, ловчил, старался выплыть. Послужной список гетмана свидетельствует, что он не был идеалистом. Тем более последовательным борцом за украинскую идею. Покоевый шляхтич Яна-Казимира. Ротмистр его врага Дорошенко. Генеральный есаул при Самойловиче. Доносчик на Самойловича. Любимый слуга Петра и враг Петра. Перед нами игрок, а не герой. Не нужно золотить его фигуру».

Так же изворачивались, боялись, ловчили, старались выплыть каждый в своем стиле — Кравчук, Кучма, Ющенко, Янукович, Порошенко. Ну а куда «заплывет» Зеленский, мы посмотрим...

Как вылечить самую опасную российскую болезнь? (Члены Ливадийского клуба будут искать рецепты от европейничанья)

«Парламентская газета», 07.12.2019

В Крыму прошел первый съезд Ливадийского клуба, объединяющего сторонников Русского мира из разных стран. Этот экспертный клуб был создан год назад, во время зимней сессии IV Ливадийского форума. По традиции его летняя сессия проходит под патронатом Совета Федерации и председателя палаты Валентины Матвиенко и приурочена ко дню рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. А зимой такой символической фигурой, объединяющей участников мероприятия, становится философ Николай Яковлевич Данилевский — автор знаменитой книги «Россия и Европа».

Россия и Европа

Федеральное Собрание на съезде Ливадийского клуба представляет известный дипломат, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре Григорий Карасин. Он передал членам клуба приветствие Валентины Матвиенко и отметил, что «Россия и Европа» — чрезвычайно важное произведение в истории русской мысли. За полтора века после его создания произошло много грандиозных событий — достаточно лишь упомянуть две мировые войны — однако идеи, высказанные Данилевским, по-прежнему не потеряли актуальности.

По мысли Карасина, ключевая идея Данилевского заключается в том, что российское государство должно служить своим, а не чужим целям. Интересы Европы (шире — Запада) не только не могут быть нашими интересами, наоборот, в большинстве случаев они противоположны, утверждал философ. Однако это не означает, что мы должны отгородиться от Европы Китайской стеной. Просто наши отношения с ней следует строить на основе взаимной, а не односторонней выгоды. «В политическом отношении не может быть

другого правила, как око за око, зуб за зуб, — отмеривание тою же мерою, которою нам мерят», — писал Данилевский.

Место встречи изменить нельзя

Съезд Ливадийского клуба открылся возложением цветов к могиле Данилевского в Мшатке (ныне — Береговое), после чего его участники переместились в Ливадийский дворец, где не раз принимались решения, определявшие судьбы не только Крыма и России, но и всего мира, как это было, например, на Ялтинской конференции глав государств — победительниц во Второй мировой войне. 75-летие этой конференции будет отмечаться 4 февраля следующего года и станет своеобразным прологом к 75-летию юбилею Великой Победы.

Членов клуба приветствовала живущая в США правнучка философа Ольга Николаевна Данилевская. «Немного есть мыслителей, чьи идеи востребованы и через полтора века, — сказала она в своем видеообращении. — Книги Николая Яковлевича читаются так, как будто их написал наш современник, как будто в них анализируются события сегодняшнего дня — это и говорит о гениальности ученого».

Как заметил генеральный директор Центрального музея Тавриды Андрей Мальгин, нынешнее заседание клуба можно назвать знаковым, так как оно состоялось в год 150-летия выхода в свет книги «Россия и Европа» и, одновременно, в год пятилетия воссоединения Крыма с Россией. «Не ошибусь, если скажу, что без одухотворяющего влияния Данилевского невозможно себе представить исторических событий 2014 года, свидетелями и участниками которых мы с вами были», — сказал ученый.

Недуг, которого причину давно бы отыскать пора

В своей книге Данилевский обратил внимание на серьезную болезнь, истощающую Россию, — европейничанье. «Фамусов, ввиду бесчестия своей дочери, восклицает: что скажет княгиня Марья Алексеевна! — и этим обнаруживает всю глубину своего нравственного ничтожества. Мы возвели Европу в сан нашей общей Марьи Алексеевны, верховной решительницы достоинства наших поступков. Вместо одобрения народной совести, признали мы нравственным двигателем наших действий трусливый страх перед приговорами Европы, унижительно-тщеславное удовольствие от ее похвал», — писал философ.

Увы, следует признать, что и сегодня этот хронический недуг продолжает мучить если не всю нашу страну, то значительную часть ее «креативного класса». «Те же недоразумения, тот же туман единой истинной и спасительной европейской цивилизации отуманивает головы многих из тех лиц, которые составляют так называемую «интеллигенцию», — эти слова Данилевского действительно написаны как будто сегодня.

Навстречу двухсотлетнему юбилею

Крымская война 1853–1856 годов имела для России благотворные последствия, указывал философ. «Она показала нам, что ненавидела нас не какая-либо европейская партия, а, напротив того, — что, каковы бы ни были разделяющие Европу интересы, все они соединяются в общем враждебном чувстве к России. В этом клерикалы подают руку либералам, католики — протестантам, консерваторы — прогрессистам, аристократы — демократам, монархисты — анархистам, красные — белым, легитимисты и орлеанисты — бонапартистам». И «та общая (поглощающая все различия партий и интересов) ненависть к России, которую и словом и делом обнаружила Европа, начала наконец открывать нам глаза».

Больше полутора веков спустя события крымской весны 2014 года, в сущности, продемонстрировали нам то же самое. Америка и Европа вновь соединились в общем враждебном чувстве к возрождающейся, усиливающейся, ведущей самостоятельную политику России, что вылилось в непризнание воссоединения Крыма и введение против нашей страны масштабных политических и экономических санкций.

Еще бы! Ведь, как замечал Данилевский в середине XIX столетия, овладения Крымом Западу «было бы достаточно, чтобы нанести России существеннейший вред, парализовать ее силы». Они были парализованы после распада СССР в 1991 году, в результате которого полуостров почти на четверть века оказался частью независимой Украины, строившейся как принципиально антироссийский проект.

К сожалению, отрезвляющее действие Крымской войны на наших «европейничающих» политиков и интеллигентов было недостаточно сильным, отмечал в своей книге Данилевский. Отрезвляющее действие Крымской весны будем надеяться, окажется мощнее. А члены Ливадийского клуба попробуют тем временем найти рецепты от, может быть, самой опасной российской болезни. Во всяком случае, лучше места, чем Крым, для этих поисков нет.

В 2022 году будет отмечаться двухсотлетие Николая Яковлевича Данилевского. К этой дате члены Ливадийского клуба предлагают вернуть Береговому его историческое название Мшатка, присвоить имя Данилевского республиканской библиотеке, а также открыть музей философа.

Философ, вернувшийся из-под асфальта

Николай Яковлевич Данилевский — один из творцов Русского мира, имя которого тесно связано с Крымом. В 1866 году уроженец Орловской губернии Данилевский вместе с семьей переехал на Южный берег Крыма, купив в Мшатке, недалеко от станции Байдары, имение с огромным садом и развалинами сожженного французами в Крымскую войну барского дома.

Именно там и была написана книга «Россия и Европа», первые главы которой увидели свет в журнале «Заря» в 1869 году. О ее резонансе в тогдашнем Русском мире свидетельствует хотя бы такой маленький штрих: Лев Николаевич Толстой, находясь в Крыму, пешком ходил из Симеиза в Мшатку, чтобы познакомиться с философом.

Данилевский умер 7 (19) ноября 1885 года во время командировки в Тифлис. Тело его перевезли в Мшатку и похоронили в так называемом Кипарисовом зале. В 1909 году рядом была похоронена супруга ученого Ольга Александровна. Это место стало семейным кладбищем, где захоронены 10 человек. После революции Мшатку передали Севастопольскому морскому заводу, который создал на ее территории пионерский лагерь, а Кипарисовый зал... заасфальтировали и превратили в костровую площадку.

Асфальт с могилы мыслителя сняли лишь в середине 90-х годов прошлого века. С тех пор крымские ученые и общественники по традиции собираются на могиле Данилевского в день его рождения 10 декабря или накануне, чтобы вспомнить одного из самых оригинальных мыслителей России. Среди создателей этой традиции и частых участников мероприятий, посвященных памяти Данилевского, сенатор, председатель Русской общины Крыма Сергей Цеков.

Крымское измерение русской литературы: от Пушкина до Прилепина

**«Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки». Том 5 (71). № 1. 2019**

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшую роль в создании условий для воссоединения Крыма с Россией весной 2014 года сыграли русские... писатели прошлого. Пушкин, Гоголь, Толстой, Тютчев, Чехов, Волошин, Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Куприн, Бунин, Шмелев, Туроверов, Булгаков, Маяковский, Солженицын, Аксенов, Бродский... Перечислять фамилии классиков отечественной литературы, так или иначе связанных с Крымом, можно еще очень долго.

Некоторые из них сражались за российский Крым в буквальном смысле. Лев Толстой — в Восточную (Крымскую войну), Николай Туроверов — в Гражданскую, Константин Симонов — в Великую Отечественную. Но, конечно, их главным оружием было слово.

Русское слово.

Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо, просил когда-то Маяковский. Именно эти люди — Пушкин, Толстой, Гумилев, Туроверов, Симонов, Маяковский... — сделали Крым русской землей, превратили его в часть Русского мира.

Когда, как и кем формировался образ Крыма в русской литературе, мы и рассмотрим в этой статье.

РАЙ НА ЗЕМЛЕ

Таврида играет особую роль в истории России. Именно здесь, в Херсонесе, находится купель русского православия, духовный исток русской нации и централизованного российского государства.

Представления о древнем полуострове как святой земле Русского мира формируются разнообразной религиозной, житийной литературой, а также «Корсунской легендой», которая является частью «Повести временных

лет» и рассказывает о Крещении в Херсонесе князя Владимира в 6496 (988 от Рождества Христова) году.

«Крым (с центром в Херсонесе) — это край, отмеченный высокими жертвами во имя Божие, а следовательно, особым Божиим смотрением и благословением, — констатирует С. Курьянов. — Традиция такого взгляда пришла в русскую литературу из византийской и, благодаря крещению на крымской земле князя Владимира, была усвоена и закреплена». [Курьянов 2014]. При этом вместе с православной религией Россия заимствует из Византии и систему государственных ценностей, которая позже будет афористично сформулирована старцем Филофеем: Москва — третий Рим, а четвертому не бывать. Крым становится местом встречи Руси и Византии, местом, где молодой Русский мир принимает «эстафету» у дряхлеющего византийского. Киев и вслед за ним Москва воспринимаются как духовные наследники Константинополя.

Именно поэтому присоединение Крыма к России в 1783 году становится не только важнейшим геополитическим и военно-стратегическим, но и духовным событием в нашей истории. Начинается активное политическое, административное, экономическое и... литературное освоение региона. Вместе с солдатами, чиновниками, путешественниками, учеными заново открывать для России забытый за несколько столетий край отправляются писатели и поэты — Жуковский, Батюшков, Грибоедов и, конечно, Пушкин. При этом они находят в Крыму не только русскую Святую землю, но и земной рай, куда на протяжении многих последующих десятилетий будут стремиться с холодного российского материка цари, вельможи, политики, писатели, поэты, художники.

Александр Пушкин описывает в письмах синее крымское небо, море, воздух, яркую южную природу, поражающую воображение северянина. «Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам; тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-Даг... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный...» [Пушкин 1977, 149].

И далее: «В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностью неаполитанского lazzarone. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря — и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество» [Пушкин 1977, 149].

«Земли полуденной волшебные края» великий русский поэт будет помнить всю жизнь. Сюда он отправит, пожалуй, своего самого знаменитого литературного героя — Евгения Онегина:

«Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При блеске утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор;
Долин, деревьев, сел узор
Разостлан был передо мною...» [Пушкин 1978, 173].

Во многом именно под влиянием пушкинского гения в Крым направляются другие писатели и поэты. Пушкин создает литературную славу Крыма или, правильнее, Пушкин создает славу Крыма среди литераторов, делает полуостров модным в артистической элите России.

При этом классик «примиряет» русский литературный (и не только литературный) мир с враждебной ему на протяжении нескольких минувших столетий «басурманской реальностью» татарского Крыма.

Как отмечает С. Курьянов, на протяжении XIV–XVIII веков «в русской литературе формируется миф о Крыме как о чужой, враждебной земле — так сказать, миф о Крыме как восточной басурманской земле. Оттуда, из Крыма, совершаются набеги на Русскую землю» [Курьянов 2015].

Пушкин в «Бахчисарайском фонтане» не забывает об этом:

«Покинув север наконец,
Пиры надолго забывая,
Я посетил Бахчисарая
В забвенье дремлющий дворец.
Среди безмолвных переходов
Бродил я там, где бич народов,
Татарин буйный пировал
И после ужасов набега
В роскошной лени утопал» [Пушкин 1977, 143-144].

Но в то же время классик «преодолеывает» этот конфликт, включает еще недавно враждебный крымский полуостров в русскую литературную вселенную:

«Как милы темные красы
Ночей роскошного Востока!
Как сладко льются их часы
Для обожателей Пророка!
Какая нега в их домах,
В очаровательных садах,
В тиши гаремов безопасных,
Где под влиянием луны

Все полно тайн и тишины

И вдохновений сладострастных!» [Пушкин 1977, 138].

Пройдут десятилетия, и, по большому счету, именно пушкинской поэме Бахчисарай окажется обязанным самым сохранением своего имени, своего названия после выселения татар из Крыма в 1944 году. Все остальные крымско-татарские названия населенных пунктов на полуострове были изменены, а Бахчисарай, освященный и защищенный поэтическим гением Пушкина, остался нетронутым.

ВСЕРОССИЙСКИЙ КУРОРТ И ФОРПОСТ НА ЮЖНЫХ ГРАНИЦАХ

Как уже говорилось, Пушкин «заманил» в Крым многих мастеров русского слова. При этом они искали на полуострове не только «святые дары князя Владимира», не только необыкновенную природу, но и исцеление от недугов. С представлением о Крыме как «земном рае» оказывается связанным более прагматичное понимание полуострова как всероссийского курорта, где можно избавиться от плотских земных недугов.

В июне 1835 года в Крым, в Саки, приезжает на лечение Николай Гоголь. О лечебных свойствах сакских грязей автор «Тараса Бульбы» узнал из сочинений другого российского литератора Павла Сумарокова: «Путешествие по Крыму и Бессарабии» и «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду». Причем, судя по всему, сакские грязи Гоголю помогли, иначе едва ли он задумывал бы снова ехать в Крым лечиться уже в конце жизни. Увы, в силу разных причин, прежде всего — безденежья, эта поездка так и не состоялась.

Другой большой русский писатель и, «по совместительству», врач, который прославил крымские курорты, — Антон Чехов переехал в Ялту в самом конце XIX века. У него диагностировали туберкулез, и писатель поселился в Крыму, надеясь если не на полное излечение, то, по крайней мере, на облегчение болезни. Чеховская «Белая дача» стала одним из крупнейших литературных и культурных центров не только Крыма, но и всей России. К писателю приезжают его коллеги по ремеслу Бунин, Горький, Куприн, Короленко, Шаляпин, Рахманинов, другие крупнейшие деятели культуры.

Неистовый Владимир Маяковский уже в советские годы посвятил крымским курортам следующие стихотворные строки:

«И глупо звать его «Красная Ницца»,

и скучно звать «Всесоюзная здравница».

Нашему Крыму с чем сравниться?

Не с чем нашему Крыму сравниваться!» [Маяковский 1987, 475].

Еще одна важнейшая роль Крыма — это не только рай на Земле, не только всероссийская здравница, курорт, на который стремятся люди со всей

страны, но и важнейший военно-стратегический форпост России на юге, завоеванный в ходе русско-турецких войн XVIII века и удержанный потом в Крымскую войну 1853–1856 годов и в Великую Отечественную. «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникли в душу вашу чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...» [Толстой 1973, 87], — писал в «Севастопольских рассказах» участник первой героической обороны города Лев Толстой. «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...» [Толстой 1973, 100], — эти слова классика стали сбывшимся пророчеством. Современный Севастополь с его Историческим бульваром, Панорамой обороны города, Малаховым курганом, Памятником затопленным кораблям, Владимирским собором, в котором похоронены адмиралы Корнилов, Нахимов и Истомин, — в сущности, не что иное, как музей-заповедник Крымской войны под открытым небом. Именно Крымская война сделала Севастополь городом русской славы. И в годы Великой Отечественной его защитники продолжили традиции, заложенные предшественниками в середине XIX века.

Кстати, Лев Толстой соединил в своей жизни обе эти «функции» Крыма — и военно-стратегического форпоста России, и курорта. Великий писатель не только защищал полуостров от европейских и турецких захватчиков во время Крымской войны, но и отдыхал здесь в старости, в 1901 году, во дворце графини Паниной в Гастре.

ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ СТАРОЙ РОССИИ

В начале XX века Крым вновь воспринимается как земной рай — во многом этому способствует литературная «колония», основанная в Коктебеле Максимилианом Волошиным. Хотя бы раз в жизни у Макса гостят практически все классики русского серебряного века — Мандельштам, Белый, Горький, Брюсов, Булгаков, Цветаева, Гумилев, Зощенко, Чуковский и многие другие. Именно Волошин фактически превратил ранее никому не известный поселок в Восточном Крыму в литературную (шире — артистическую) столицу Крыма и один из литературных центров России. Географическим доказательством тому — профиль поэта, изваянный господом Богом на одной из скал древнего Карадага:

«Его польнь хмельна моей тоской,
Мой стих поет в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой» [Волошин 1990, 49].

В Гражданскую войну Крым становится последним оплотом старой уходящей России. Наиболее остро это, пожалуй, отражается в одной из самых пронзительных книг русской литературы XX века — «Солнце мертвых»

Ивана Шмелева, потерявшего в Крыму любимого сына, и в поэзии Николая Туроверова:

«Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда» [Туроверов 2010, 15].

В отличие от историков, писатели и поэты знают сослагательное наклонение. Уже во второй половине XX века мечту о «белом Крыме» отразил в своем романе «Остров Крым» Василий Аксенов. Историческое допущение, лежащее в основе сюжета этого произведения, заключается в том, что в 1920 году белым удалось отстоять Крым и построить на полуострове независимое демократическое (капиталистическое) государство.

В ПОГОНЕ ЗА СЧАСТЬЕМ

В реальной же жизни и Василий Аксенов, и его коллеги по ремеслу — Битов, Ерофеев, Вознесенский, Евтушенко и многие другие — в мирные «застойные» шестидесятые-восемидесятые годы прошлого века фактически продолжают в Крыму традицию, заложенную Максимилианом Волошиным и его друзьями в начале столетия. Крым (и прежде всего — Коктебель) становится для них убежищем, творческой мастерской, в которой рождаются многие заметные произведения русской литературы той поры.

Аксеновская тусовка в Коктебеле представляла собой своеобразную свободную карадагскую республику, художественно отразившуюся и преломившуюся в эссе «Карадаг-68» и романе «Таинственная страсть». «Василий Аксенов — из тех писателей, которых невозможно представить «вне политики», — замечали мы в работе «Рай на Земле (Крымский текст в художественной прозе Василия Аксенова)». — Слишком велика его нелюбовь к советской действительности. Крым для Аксенова и его друзей — это полуостров (или остров) свободы. Антипод Советского Союза как материка несвободы. По

Аксенову, Крым самым фактом своего существования подрывает основы советского строя. И, может быть, по своему неслучайно в 1991 году один из «взрывов», разрушивших Советский Союз, прогремел как раз в Крыму — именно здесь, напомним, находился в дни ГКЧП под домашним арестом первый и последний президент этой страны Михаил Горбачев» [Мащенко 2017, 148].

Герои рассказов, повестей и романов вслед за самим В. Аксеновым стремятся в Крым на поиски... счастья. Или даже не совсем так. Они стремятся в Крым, точно зная, что именно там их ждет счастье. Южный полуостров — это рай, куда стремятся из холодной, промерзшей до костей Москвы герои романа «Таинственная страсть»: «В те ночи непротопленные подьезды казались им крымскими пещерами, а шум снегоочистительных машин с их крабообразными клешнями напоминал накат волны» [Аксенов 2011, с. 219]. И: «Сама мысль о путешествии в Крым пришла им после бесконечного ужина в сомнительной компании. Плдохнули в «Москвич» и помчали» [Аксенов 2011, с. 241].

Идею бегства в свободный Крым можно обнаружить и в повести «Сви-яжск»: «Мы сейчас с тобой сбежим, кричало мне мальчишеское лицо моего старого жирного Валеви́ча. Плдохнемся в мои «Жигули» и за сутки докатим до Крыма, а там растворимся среди местного населения и гостей всесоюзной здравницы. Здоровье каждого — это здоровье всех, так сказал Леонид Брежнев. Бежим, товарищ!» [Аксенов 1981].

«Москвич», «Жигули», «Волга» — какая разница! Главное — в Крым! Не «в Москву! В Москву!» — как у чеховских героинь, а «в Крым! В Крым!»

Иосиф Бродский формулирует в «Письмах римскому другу» значение Крыма в тоталитарной советской империи:

«Пусть и вправду, Постум, курица — не птица,

Но с куриными мозгамихватишь горя.

Если выпало в империи родиться,

Лучше жить в глухой провинции у моря.

И от Цезаря далеко, и от вьюги,

Лебезить не нужно, трусить, торопиться.

Говорят, что все наместники — ворюги,

Но ворюга мне милей, чем кровопийца» [Бродский 1992, 270].

Сбежать в Крым, к морю, чтобы читать, спорить о прочитанном, писать и наслаждаться жизнью — мечта советских (и антисоветских литераторов) «эпохи застоя».

«Январь в Крыму. На черноморский брег

зима приходит как бы для забавы:

не в состояньи удержаться снег

на лезвиях и остриях агавы.

Пустуют рестораны. Дымят
ихтиозавры грязные на рейде.
И прелых лавров слышен аромат.
«Налить вам этой мерзости?» «Налейте».
Итак — улыбка, сумерки, графин.
Вдали буфетчик, стискивая руки,
дает круги, как молодой дельфин
вокруг хамсой заполненной фелюки.
Квадрат окна.
В горшках — желтофиоль.
Снежинки, проносящиеся мимо.
Остановись, мгновенье! Ты не столь
прекрасно, сколько ты неповторимо» [Бродский 1992, 45].

ПЕРИОД РАСПАДА

Однако мгновенья эти не остановить. «Свистят они как пули у виска». И вот-вот грядет крупнейшая геополитическая катастрофа XX века — распад Советского Союза, поначалу воспринимающийся как освобождение от опостылевшего коммунистического режима.

Дни августовского путча ГКЧП в 1991 году первый и последний президент СССР проводит в «заточении» на государственной даче в Форосе, а буквально в нескольких десятках километров от него, в поселке Курортном под Карадагом находится в это время будущий классик современной русской литературы Виктор Пелевин. Эпоха распада большой страны отражается в его романе «Жизнь насекомых», действие которого как раз и происходит в Крыму историческим летом 1991 года — насколько, конечно, можно датировать действие такого рода романа.

«Случайно ли местом действия в «Жизни насекомых» становится именно Восточный Крым или, еще точнее, окрестности Карадага, с одной стороны которого расположен Коктебель, а с другой — Курортное и Биостанция? Думается, едва ли, — учитывая, как эти места притягивали (и продолжают притягивать) русских литераторов на протяжении последнего столетия и даже больше. Именно здесь Максимилиан Волошин создал «один из культурнейших центров не только России, но и Европы» (выражение Андрея Белого), едва ли не самую знаменитую русскую литературную тусовку, в которой обретались Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева; позже, в бытность в Коктебеле Дома творчества писателей, здесь работали Аксенов, Ахмадулина, Битов, Вознесенский, Евтушенко и многие другие классики советской и антисоветской литературы. Так что, вольно или невольно, Виктор Пелевин в этом смысле продолжает старую русскую литературную традицию» [Мащенко 2018, 185].

«Несмотря на все эзотерические и буддистские мотивы, Пелевин — писатель, чье творчество неотделимо от злобы дня, и изображенный в «Жизни насекомых» полуостров — это именно Крым последнего советского лета со всеми приметам той эпохи упадка конца восьмидесятых — начала девяностых. [Машенко 2018, 185].

«Я был там летом 1991 года, летом путча, и я написал роман в следующую зиму, — рассказывает сам писатель. — Видите ли, политика влияет на вас, даже если вы не хотите. Вы можете быть полностью исключены из сферы политики и общественной жизни, но каждый раз, когда происходит путч или обстреливают парламент, или избирают Жириновского, что-то изменяется. Вы можете сидеть, запершись в квартире с выключенным телевизором, но каким-то образом вы чувствуете это. Это как если бы химический состав воздуха изменился» [Лейрд 1999,187].

На глазах у Пелевина бывшая глухая римская провинция у моря, а затем всесоюзная здравница начинает превращаться в регион независимой постсоветской Украины. Репродуктор в поселке «несколько минут шипел вхолостую, а потом мечтательно заговорил по-украински» [Пелевин 2003]. Как выяснится 23 года спустя, сбывшись этим «мечтам» на полуострове было так и не суждено.

НЕПОСИЛЬНАЯ НОША ДЛЯ УКРАИНЫ

Понимание того, что Крым не может быть частью Украины, пожалуй, наиболее ярко выразилось в публицистическом наследии абсолютного иного и по творческой манере, и по мировоззрению русского писателя — Александра Солженицына. В девяностые годы прошлого века он был одним из немногих русских писателей, публицистов и общественных деятелей, кто выступил с заявлением о несправедливости украинского статуса полуострова, который после распада СССР вдруг стал частью независимого украинского государства, провозгласившего Россию своим главным внешнеполитическим врагом. «Сколько русские с негодованием и ужасом пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма — и предательство его при каждом потом крымском конфликте. И беспрекословную, без малейших политических шагов, отдачу Севастополя, алмаза русской военной доблести. Злодейство это совершено было нашей же выборной властью — однако и мы же, граждане, не воспротивились вовремя» [Солженицын 2006, 81], — читаем в опубликованной в 1998 году книге «Россия в обвале».

Солженицын умер 3 августа 2008 года, почти шесть лет не дожив до возвращения Крыма в состав России. Тем не менее, писателю удалось пророчески предвосхитить неминуемость распада Украины в ее неорганичных, неестественных постсоветских границах: «Отяжелительная ошибка

ее — именно в этом непомерном расширении на земли, которые никогда до Ленина Украиной не были: две донецкие области, вся южная полоса Новороссии (Мелитополь — Херсон — Одесса) и Крым. (Принятие хрущевского подарка — по меньшей мере недобросовестно, присвоение Севастополя вопреки, не говорю, русским жертвам, но и советским юридическим документам, — государственное воровство). Стратегическая ошибка в выборе государственной задачи будет постоянной помехой здоровому развитию Украины, эта изначальная психологическая ошибка — непременно и вредоносно скажется: и в неорганичной соединенности западных областей с восточными, и в двоении (теперь уже и троении) религиозных ветвей, и в упругой силе подавляемого русского языка, который доселе считали родным 63 процента населения. Сколько неэффективных, бесполезных усилий надо потратить на преодоление этих трещин. По пословице: нахвтанное — ребром выпрет». [Солженицын 2006, 79].

В 2014 году это предсказание русского классика сбылось почти с абсолютной точностью. Солженицын писал о Крыме, опираясь не только на свои исторические познания и размышления, но и на собственный опыт знакомства с регионом. Классик несколько раз бывал на полуострове — в поселке Черноморское, где сохранился дом друзей писателя, Николая Ивановича и Елены Александровны Зубовых, в котором Солженицын прятал свои рукописи; в Симферополе, на Южном берегу Крыма.

Еще в самом начале девяностых во львовском клубе «Лялька» — излюбленном месте сборищ тамошней богемы — всего за три гривны можно попробовать на вкус украинскую мечту — сало в шоколаде. Понятное дело, это знаковое национальное блюдо было почти несъедобно. В соответствии с народной поговоркой, его можно надкусить, но едва ли — съесть. Так же невозможно было для Украины «переварить» Тавриду. Мечта об украинском Крыме, все еще трепетно лелеемая частью бандеровских национал-патриотов, навсегда останется мечтой.

Украина получила в 1991 году независимость в результате исторической случайности. Ее советские границы были произвольно прочерчены Сталиным и Хрущевым, фактически подарившим Украине Крым в 1954 году. Таврида досталась Украине в результате как казалось тогда украинским патриотам счастливого, а на самом деле несчастного стечения исторических обстоятельств. Ибо без Крыма, как справедливо заметил Александр Солженицын, украинское государство было бы куда стабильнее и жизнеспособнее.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

Провидчески угадал судьбу Крыма Василий Аксенов в уже упоминавшемся нами здесь романе «Остров Крым» — может быть, вообще главном крымском романе, связавшем XX и XXI столетия. После воссоединения

полуострова с Россией, кажется, только ленивый не обратил внимания на то, что один из лидеров «Крымской весны», нынешний глава Республики Сергей Аксенов носит ту же фамилию, что и автор романа «Остров Крым» Василий Аксенов. Между тем, это только первое из десятков совпадений, параллелей, предсказаний и, если угодно, пророчеств, которые может обнаружить в книге внимательный читатель.

«Судите сами. Главным политическим праздником Крыма много лет был День Автономной Республики Крым, который отмечается 20 января, — отмечали мы в работе «Рай на Земле (Крымский текст в художественной прозе Василия Аксенова)». — Именно в этот день в 1991 году состоялся общекрымский референдум по вопросу о воссоздании в Крыму автономной республики. За восстановление Крымской автономии тогда проголосовали 1.343.855 человек, или 93,26% от принявших участие в голосовании.

Напомним, Василий Аксенов написал свой роман в 1977–1979 годах. Очевидно, что он не мог знать о том, что произойдет в Крыму в 1991 году. Однако главный государственный праздник Острова Крым также приходится на... 20 января. Согласно аксеновскому политико-литературному мифу, в этот день островитяне отмечали День Лейтенанта Бейли-Лэнда.

По сюжету романа, 20 января 1920 года лейтенант Бейли-Лэнд, открыв огонь по наступающим через Сиваш большевикам из главного калибра линейного крейсера «Ливерпуль», спас Добровольческую армию от разгрома. Этот «литературный подвиг» подарил аксеновскому Крыму независимость от СССР, а вместе с ней и невиданное процветание.

Таким образом, спустя десятилетия выдуманной Аксеновым главный праздник свободного Острова Крым совпал с датой проведения референдума о восстановлении крымской автономии, то есть, о своеобразном политическом освобождении региона от власти центра. Безусловно, это всего лишь совпадение, но совпадение, во-первых, в высшей степени символическое, а во-вторых — далеко не единственное. Один из героев «Острова Крым» носит фамилию... Мешков. Не оттуда ли, не со страниц ли законченной в 1979 году аксеновской книги материализовался в 1994 году первый и пока последний президент Крыма Юрий Мешков?» [Мащенко 2017, 251].

Антиутопия Василия Аксенова дает возможность глубже понять политические события, которые происходят на полуострове в последние десятилетия, его роль в геополитическом противостоянии крупнейших мировых держав. Писатель еще тогда, в спокойные советские годы, тонко почувствовал конфликтный потенциал Крыма. «Андрюша, ты знаешь, на какой пороховой бочке мы живем, в какую клоаку превратился наш Остров... — говорил в романе товарищ министра информации Фредди Бутурлин. — Тридцать девять одних только зарегистрированных политических партий. Масса экстремистских групп» [Аксенов 1992, 87].

Натовская разведка внимательно наблюдала за Крымом как «возможным очагом дестабилизации» не только в аксеновском романе, но и в реальной жизни. И этот процесс продолжается и сегодня, когда Крым, его государственный статус, стал одним из главных камней преткновения в международных отношениях.

«Я надеюсь, что мой роман не только увлечет крымчан своим довольно бурным сюжетом, но также поможет им в осмыслении истории своего края, как будто специально созданного Творцом для воплощения многонациональной гармонии» [Аксенов 1992, 3], — писал Василий Аксенов в августе 1991 года.

«Остров Крым» увлек не только читателей, литературоведов и литературных критиков, но и... политиков и политтехнологов, которые регулярно эксплуатируют его в своих прикладных проектах. Так, например, в 2006 году молодежное движение «Прорыв» провело скандальный перформанс «Остров Крым», в ходе которого его активисты символически перекопали перешеек, отделяющий Крым от материковой части Украины. А три года спустя, в 2009 году, известный украинский политик Инна Богословская создала на полуострове для участия в выборах общественное движение «Остров Крым».

Крым «вернулся в родную гавань» уже больше пяти лет назад, весной 2014 года, однако интеграция региона в политическое, экономическое, юридическое пространство России продолжается до сих пор. И это также предвидел Василий Аксенов в своем романе: «— О-хо-хо, мороки-то с этим воссоединением, — вдруг заговорил «Окающий». — Куда нам всех этих островитян девать? Сорок партий, да и наций, почитай, столько же... кроме коренных-то, татар-то, и наших русаков полно, и греков, и арабов, иудеи тоже, итальянцы... охoho... даже, говорят, англичане там есть...» [Аксенов 1992, 184].

У тезки писателя — главы Республики Крым Сергея Аксенова, у остальных островитян и жителей российского материка впереди много совместной работы, направленной на то, чтобы воплотить в реальность еще одно художественное предсказание классика.

В результате выполнения Федеральной целевой программы развития региона Крым должен стать настоящим «Островом Окей» со стильной Феодосией, небоскребами международных компаний Севастополя, сногсшибательными виллами Евпатории и Гурзуфа, минаретами и банями Бахчисарая, американизированными (в хорошем смысле этого слова) Джанкоем и Керчью, вечно пританцовывающей, бессонной, стоязычной Ялтой и, конечно, поражающим воображение своей ультрасовременной архитектурой Симферополем.

Главный герой аксеновского романа Андрей Лучников мечтал о том, что Крым даст новый импульс России — станет «электронным зажиганием

для русского мотора на мировой античной трассе» [Аксенов 1992, 24]. И эта мечта в известном смысле уже сбылась. Возвращение Крыма вернуло России ее законное место на карте мира — место великой мировой державы.

Воссоединение Крыма с Россией весной 2014 года вызвало новый всплеск интереса к полуострову. Крым вновь осмысливается как святая земля, колыбель русского православия, и уже хотя бы поэтому он должен принадлежать России.

«Для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам и иудаизм. И именно так мы будем к этому относиться отныне и навсегда, — сказал Президент России Владимир Путин 4 декабря 2014 года в Послании Федеральному Собранию. — Для нашей страны, для нашего народа это событие имеет особое значение, потому что в Крыму живут наши люди и сама территория стратегически важна, и потому что именно здесь находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного российского государства. Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как его называли русские летописцы — Корсунь, принял крещение князь Владимир, а затем крестил всю Русь» [Путин 2014].

Эти слова можно считать историческим доказательством справедливости политического возвращения полуострова в состав России. При этом в культурном (и литературном) смысле Крым никогда Русский мир не покидал. А само Послание президента Путина Федеральному Собранию в 2014 году, равно как и его «Крымская речь», произнесенная в Георгиевском зале Кремля 18 марта того же 2014 года, — вне всяких сомнений, не только политические, но и публицистические памятники новейшей истории Крыма и России.

В то же время одновременно следует отметить и тот факт, что воссоединение Крыма с Россией весной 2014 года разделило российскую литературную общественность на два противоборствующих лагеря. Один восторженно принял этот исторический факт (Проханов, Прилепин, Шаргунов), другой (Акунин, Сорокин, Быков), наоборот, отрицает его законность. Процесс характерный, привычный для русской литературы — вспомним хотя бы ожесточенные дискуссии между славянофилами и западниками в золотом XIX веке нашей словесности. В известном смысле они продолжаются и сегодня. Славянофилы XXI столетия — Проханов, Прилепин, Шаргунов. Западники — Акунин, Сорокин, Быков.

При этом в пылу политической и идеологической борьбы писателям уже некогда облекать свои мысли в форму художественных произведений, и они обращаются к инструментарию публицистики. «Возвращение Крыма России было, как чудо, как восход солнца, — привычно патетически форму-

лирует Проханов. — Это была пора ликования. Народ, прозябавший в сумерках, возвысился духом, воскрес. Народ-подранок, у которого с девяносто первого года все только отбирали, мучили его, казнили, корили, вновь обрел русский цветущий Крым, он обрел свое будущее, он вновь стал народом-мечтателем. Еще не было моста, соединяющего континентальную Россию с полуостровом, а крымский мост между народом и властью, преодолев пропасть, был воздвигнут в одночасье, как в сказке. Началась новая русская эра. Государство Российское повенчалось с Крымом, пало на колени перед алтарем в Херсонесе, оросило свое обгорелое изможденное лицо черноморской живой водой» [Проханов 2018]. Прилепин уверен в том, что «нигде так остро и светло не чувствуешь себя русским, как в Крыму!» [Прилепин 2016]. А для Быкова все это всего лишь «кипящий патриотический квас» [Быков 2017].

Кто из них прав?

Ответ на этот вопрос крымчане дали 16 марта 2014 года, абсолютным большинством голосов проголосовав за воссоединение с Россией. И стоял за нами, по определению цитировавшегося выше Захара Прилепина, «спецназ русской литературы».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на протяжении столетий в Крыму создавался и продолжает создаваться мощный русский бэкграунд из стихов, рассказов, повестей, романов и эпопей. Полуостров осмысливается классиками отечественной литературы как святая земля, как рай на земле, как курорт и, наконец, как стратегический форпост России на юге.

Пушкин и его наследники создают на полуострове своеобразный культурный щит, сохраняющий Крым в составе Русского мира несмотря ни на какие политические катаклизмы. Это щит будет крепче любого военного щита. Его не пробить никакими санкциями. Крым был, есть и будет частью великой России. И никто и никогда не сможет этого изменить — ни Обама с Трампом, ни Меркель с Мэй, не говоря уже о Порошенко с Аваковым.

Все, что можно посоветовать вышеназванным господам — немного... почитать. Пушкина, например. Причем не только «Бахчисарайский фонтан», но и «Клеветникам России». Как гласит старая прописная истина: учиться никогда не поздно. В том числе и политикам. Ибо иногда от незнания школьной программы по литературе проистекают грандиозные исторические катаклизмы.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аксенов 1981 — Аксенов В. П. Свяжск [Электронный ресурс]. URL: http://bookz.ru/authors/aksenov-vasilii/sviajsk_323/1-sviajsk_323.html (дата обращения: 14.09.2018).

Аксенов 1992 — Аксенов В. П. Остров Крым. — Симферополь: Редотдел Крымского отделения по печати, 1992.

Аксенов 2002 — Аксенов В. П. В поисках грустного бэби. — М.: Изографус, Изд-во Эксмо, 2002.

Аксенов 2011 — Аксенов В. П. Таинственная страсть (роман о шестидесятиниках). Авторская версия. — Книга 1. — М.: «Семь дней», 2011.

Быков 2017 — Быков Д. Л.: «Тут был один полуостров Божий, но Бога там больше нет» // «Новая газета». — № 28. — 20.03.2017.

Бродский 1992 — Бродский И. А. Стихотворения, эссе, пьесы. В 2 т. Т. 1. — Минск: Эридан, 1992.

Волошин 1990 — Волошин М. А. Коктебельские берега. — Симферополь: «Таврия», 1990.

Курьянов 2014 — Курьянов С. О. На пути к созданию Крымского текста русской литературы. Миф первый. О святости крымской земли // Филология и литературоведение. 2014. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/07/884> (дата обращения: 14.09.2018).

Курьянов 2015 — Курьянов С. О. Миф о Крыме как о восточной мусульманской стране в повестях Азовского цикла (XVII век) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Том 1 (67). № 4. — 2015. — С. 53–61.

Лейрд 1999 — Лейрд С. — Голоса русской литературы: Интервью с современными писателями. Нью-Йорк, 1999.

Маяковский 1987 — Маяковский В. В. Сочинения в 2 томах. Т. 1. — М.: «Правда», 1987.

Мащенко 2017 — Мащенко А. П. Рай на Земле (Крымский текст в художественной прозе Василия Аксенова) // А. П. Мащенко. — Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. Кн.1 / Т. В. Аржанцева, Г. Ю. Богданович, С. С. Дикарева и др. — Симферополь: ИТ "АРИАЛ", 2017. — С. 146–163.

Мащенко 2018 — Мащенко А. П. Русская провинция у моря (Крымский текст в прозе Виктора Пелевина) // А. П. Мащенко. — Современная картина мира: крымский контекст: коллект. Моногр. Кн.2 / Т. В. Аржанцева, Г. Ю. Богданович, С. С. Дикарева и др. — Симферополь: ИТ "АРИАЛ", 2017. — С. 178–197.

Пелевин 2003 — Пелевин В. О. Жизнь насекомых [Электронный ресурс]. — М.: Вагриус, 2003. — Электронная книга.

Прилепин 2016. — Захар Прилепин: «Нигде так остро и светло не чувствуешь себя русским, как в Крыму!» // «Крымский журнал», 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://journalcrimea.ru/zahar-prilepin-nigde-tak-ostro-i-svetlo-ne-chuvstvuesh-sebya-russkim-kak-v-krymu/> (дата обращения: 14.09.2018).

Проханов 2018 — Проханов А. А. Крымское солнечное затмение [Электронный ресурс]. URL: http://zavtra.ru/blogs/krimskoe_solnechnoe_zatmenie (дата обращения: 14.09.2018).

Путин 2014 — Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 14.09.2018).

Пушкин 1977 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 4. — Л.: «Наука», 1977.

Пушкин 1978 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 5. — Л.: «Наука», 1978.

Солженицын 2006 — Солженицын А. И. Россия в обвале. — М.: «Русский путь», 2006.

Толстой 1973 — Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 2. — М.: «Художественная литература», 1973.

Туроверов 2010 — Туроверов Н. Н. «Возвращается ветер на круги своя...» — М.: «Художественная литература», 2010.

Пушкинская экспедиция «Парламентской газеты»: цикл публикаций Пушкин и Крым: двести лет вместе «Парламентская газета», 05.06.2020

Шестого июня — день рождения Александра Сергеевича Пушкина, отмечаемый одновременно еще и как Международный день русского языка. В нынешнем году этот праздник пройдет в Крыму не так, как обычно.

Как Пушкин присоединил полуостров к России

На протяжении последних тринадцати лет 6 июня на полуострове открывался международный фестиваль «Великое русское слово», собиравший участников из многих стран мира. В этом году он, увы, не состоится из-за ограничительных мер, связанных с пандемией коронавируса. Однако, уверены мы, после того, как болезнь окончательно отступит, пушкинский фестиваль обязательно вернется в Крым. Иначе просто не может быть, учитывая ту роль, которую сыграл поэт в... присоединении полуострова к России.

Нет-нет, мы не ошиблись, — именно в присоединении полуострова к России. Имя Пушкина стоит в одном ряду с именами Екатерины II, Потемкина, Долгорукова, Суворова. Для того, чтобы Крым стал российским, поэт сделал не меньше, чем любой из вышеперечисленных политиков и полководцев, просто действовал он не политическими и дипломатическими инструментами, не силой оружия, а силой слова. Пушкин сделал Крым частью Русского мира и русской культуры.

В 2020 году Крым отмечает большой пушкинский юбилей — двести лет путешествия поэта по полуострову. К этой дате журналисты «Парламентской газеты» решили повторить классический — во всех смыслах этого слова — маршрут. Наша Пушкинская экспедиция стартует в ближайшее время, а подробный рассказ о ней вы сможете прочитать в августовском номере журнала «Российская Федерация сегодня» и на сайте «Парламентской газеты».

Пожалуй, только одно путешествие по Крыму может сравниться с пушкинским по значению для истории полуострова: это путешествие Екатерины

Великой в 1787 году, которое было политическим смотром Тавриды. Путешествие Пушкина 33 года спустя стало смотром литературным, поэтическим.

Зачем путешественники ехали и едут в Тавриду

Пушкин с семьей Раевских прибыл в Крым так же, как прибывает сейчас на полуостров большинство россиян — с Тамани. Вот только, конечно, никакого Крымского моста в те времена не было еще и в помине. Поэт со своими спутниками добирались до Тавриды морем 15 (по новому стилю — 27) августа 1820 года.

«С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я — на ближней горе посередине кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею, — вот все, что осталось от города Пантикапеи. Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками...» — рассказывал Пушкин в письме к брату.

Через несколько лет поэт проведет этим же путем Евгения Онегина:

«Он едет к берегам иным —
Он прибыл из Тамани в Крым —
Он зрит поэту край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там умер гордый Митридат...»

Не будем забывать, Пушкину — всего двадцать один год, он стремится в Тавриду, как в страну античности, древнюю романтическую страну чудес и открытий.

«Путешественников в Крым влекли три вещи: природа, древности и этнографическая экзотика. Россия в 1783 году присоединила, по сути, кусочек Средиземноморья с теплым морем, живописными горами, водопадами и т.д. — всем тем, что было в диковинку жителям среднерусских равнин. Это к тому же была земля с седой историей, с многочисленными античными и средневековыми памятниками, возбуждавшими интерес в среде образованной публики, наконец, в это время Крым был совершенно «восточной» страной», — объясняет историк, генеральный директор Центрального музея Тавриды Андрей Мальгин.

Дух поэта в Гурзуфе

16 (28) августа путешественники отправились из Керчи в Феодосию. Оттуда их путь лежал морем в Гурзуф, который стал главным пушкин-

ским местом в Крыму. Этот морской переход состоялся в ночь с 18 на 19 (с 30 на 31) августа на военном корвете «Або».

«Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

Я вижу берег отдаленный,

Земли полуденной волшебные края...», — написал на борту корабля поэт.

В Гурзуфе Пушкин и Раевские поселились в доме дюка Ришелье. Три недели там стали для поэта «счастливейшим временем в жизни». «В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом, — рассказывал он. — Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря, — и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством похожим на дружество».

Сегодня в том самом доме герцога Ришелье, рядом с которым до сих пор растет тот самый, пусть и изрядно постаревший, пушкинский кипарис, работает музей. Больше того, если верить поэтическому завещанию Пушкина, его дух до сих пор обретается в этих местах: «Так если удаляться можно отоль, где вечный свет горит, где счастье вечно, непременно, мой дух к Юрзуфу прилетит...».

5 (17) сентября путешественники отправились из Гурзуфа через Никитский Ботанический сад, Ялту, Ореанду, Кореиз и Мисхор в Алупку. В те стародавние времена не было ни путеводителей по Крыму, ни даже доступных географических карт. Путешествовать по Тавриде отправлялись с написанной почти две тысячи лет назад «Географией» Страбона — и это не преувеличение.

Поэт сделал Крым модным

С Южного берега Пушкин и компания через живописнейший перевал Шайтан-Мердвен, или Чертову лестницу, поднялись в Байдарскую долину. «По горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших, — писал Пушкин Дельвигу, — это забавляло меня чрезвычайно и казалось каким-то таинственным восточным обрядом».

Далее путь лежал в древний Балаклавский монастырь на мысе Фиолент. «Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление», — вспоминал поэт.

Затем были Бахчисарай, вдохновивший Пушкина на поэму о Фонтане слез, и Симферополь. Приезд в столицу края 8 (20) сентября — последняя точно задокументированная дата пушкинского путешествия. Спустя несколько дней классик отправился из Крыма через Перекоп в Одессу.

Таким образом, фактически Пушкин увидел во время своего путешествия весь Крым, преодолев, по подсчетам исследователей, около 150 километров морем и более 650 километров по суше.

Как отмечает Мальгин, путешествие Екатерины в Крым создало традицию царских вояжей на юг, все наследники Великой императрицы за исключением Павла I считали своим долгом совершить путешествие в этот удивительный край.

Пушкин создал аналогичную традицию для писателей и поэтов. Вслед за ним и его стихами в Тавриду устремились Гоголь, Толстой, Тютчев, Чехов, Волошин, Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Куприн, Бунин, Шмелев, Булгаков, Маяковский, Солженицын, Аксенов, Бродский...

Да и в целом к середине XIX столетия не побывать в Тавриде для образованного русского человека считалось почти неприличным. Возникла мода на Крым, не исчезнувшая до сих пор — даже несмотря на ожесточенную конкуренцию со стороны современных зарубежных курортов.

Пять главных пушкинских достопримечательностей в Крыму:

1. Дом герцога Ришелье в Гурзуфе.
2. Фонтан слез в Ханском дворце в Бахчисарае.
3. Свято-Георгиевский монастырь на мысе Фиолент.
4. Золотые ворота Карадага (Пушкин нарисовал их на страницах черновика «Евгения Онегина»).
5. Чертова лестница.

Пушкин и... поправки в Конституцию «Парламентская газета», 01.07.2020

Пушкинская экспедиция «Парламентской газеты», приуроченная к двухсотлетию путешествия поэта по Крыму, стартовала в день голосования по поправкам в Конституцию России. Так получилось не специально, но мне кажется, в этом есть что-то символическое. Уверен, Александр Сергеевич без колебаний проголосовал бы за поправки, одна из которых защищает нерушимость российских границ и российского статуса Крыма — такова логика жизни и творчества классика.

Наша «машина времени», за рулем которой находится один из лучших в мире знатоков Тавриды Иван Коваленко, мчится к Керчи, фотокорреспондент Алексей Васильев еще раз проверяет затвор своего репортерского оружия, а я листаю томик Пушкина.

Те, кто полагает, что поэт был вне политики, не знают ни его жизни, ни его творчества. Прочтите хотя бы «Историю Пугачева» или «Клеветникам России». Показательно и поразительно, что именно в этом, написанном в далеком 1831 году стихотворении поэт канонизирует российский статус Крыма, как бы очерчивая наши государственные границы: «Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды, От финских хладных скал до пламенной Колхиды, От потрясенного Кремля До стен недвижимого Китая, Стальной щетиною сверкая, Не встанет русская земля?..».

Пройдет без малого двести лет, и в 2014 году, после возвращения полуострова в состав России, пушкинские строки из этого стихотворения вновь зазвучат удивительно современно: «О чем шумите вы, народные витии? Зачем анафемой грозите вы России? Что возмутило вас? волнения Литвы? (Исправьте здесь на — Украины — Автор.) Оставьте: это спор славян между собою, Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою, Вопрос, которого не разрешите вы».

Россия была для Пушкина абсолютной ценностью. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», — писал он. И клялся своею честью, что ни за что не согласился бы ни переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какую нам послал Бог. Судите после этого

сами, поддержал ли бы классик, например, такую поправку в Конституцию: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

Поэту всегда было отвратительно преклонение части российской интеллигенции перед Западом. «Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда — при англичанах дурачим Василия Львовича; пред M-me de Stael заставляем Милорадовича отличаться в мазурке. Русский барин кричит: мальчик! Забавляй Гекторку (датского кобеля). Мы хохочем и переводим эти барские слова любопытному путешественнику. Все это попадает в его журнал и печатается в Европе — это мерзко». Между тем, сама «Европа, в отношении России, всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна». Невежественна и неблагодарна и во времена Пушкина, и вчера, и сегодня. Сброшенный с пьедестала в Праге маршал Конев — тому символ.

Пушкин не просто размышлял и писал о политике, но и, по сути, занимался ею практически. Классик был уверен: «Общее мнение имеет нужду быть управляемо». «С радостью взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала, то есть, такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению», — писал Пушкин. Опыт издания «Современника» в 1836 году как раз и был попыткой воплотить эту идею в жизнь.

Поэт прекрасно понимал, что произойдет, если средства массовой информации окажутся под контролем врагов России: «Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Самое глупое ругательство получает вес от волшебного влияния типографии. Нам все еще печатный лист кажется святым. Мы все думаем: как это может быть глупо или несправедливо? Ведь это напечатано!».

Никогда Пушкин не призывал ни к бунту, ни к революции. Политическая идея поэта — эволюционное развитие Российского государства. В 1826 году он написал по просьбе российского императора Николая Первого удивительно мудрую для в общем-то совсем молодого 27-летнего человека записку «О народном воспитании»: «Последние происшествия обнаружили много печальных истин, — заметил классик. — Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения. Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг

сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий... Мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу, превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные».

Согласитесь, вполне подходит для объяснения, например, волнений на Болотной. Или украинских событий 2013–2015 годов. Или того, что некоторые либеральные вожди хотят приготовить России в будущем.

Журналисты «Парламентской газеты» нашли в Керчи Пушкинский абрикос «Парламентская газета», 02.07.2020

Александр I отправил юного, двадцати одного года от роду, Пушкина на юг лечиться от... либерализма. Незадолго до этого поэт написал свою знаменитую оду «Вольность»: «Самовластительный Злодей! Тебя, твой трон я ненавижу, Твою погибель, смерть детей С жестокой радостию вижу. Читают на твоем челе Печать проклятия народы, Ты ужас мира, стыд природы, Упрек ты Богу на земле».

Вкупе с несколькими едкими эпиграммами это вызвало естественное неудовольствие царя и правительства. Пушкин и его друзья боялись, что поэта сошлют в Сибирь или на Соловки, однако «самовластительный злодей» рассудил иначе. Он выдал коллежскому секретарю Александру Пушкину тысячу рублей на дорожные расходы и отправил на юг — сначала в Екатеринослав (нынешний Днепрпетровск), а потом на Кавказ и в Крым. Этот период жизни поэта вошел в историю как «южная ссылка».

Историк Николай Карамзин написал по этому поводу: «Пушкин, быв несколько дней совсем не в пиитическом страхе от своих стихов на свободу и некоторых эпиграмм, дал мне слово уняться и благополучно поехал в Крым месяцев на пять. Ему дали рублей 1000 на дорогу. Он был, кажется, тронут великодушием Государя, действительно трогательным. Долго описывать подробности, но если Пушкин и теперь не исправится, то будет чертом еще до отбытия своего в ад. Увидим, какой эпилог напишет он к своей поэмке».

Пушкин исправился, превратившись в эпилоге своей уже не «поэмки», а поэмы-жизни в выдающегося русского консервативного мыслителя. Крым вообще хорошо лечит от либерализма — это еще раз подтвердили события весны 2014 года.

В Тавриду Пушкин прибыл с Тамани 15 (27) августа 1820 года вместе с многочисленной семьей генерала Николая Раевского. Сын генерала Николай Раевский-младший был лицейским другом поэта, и ему было позволено совершить путешествие на Кавказ и в Крым вместе с этим семейством.

Пушкин и Раевские попали в Крым морем. Мы въезжаем на полуостров по Крымскому мосту. Сзади за бортом нашего внедорожника остается Азия, впереди лежит Европа. Да-да, среди прочего, Керченский пролив — это еще и граница между двумя континентами.

На капоте красуется профиль Пушкина. «Я вижу берег отдаленный, земли полуденной волшебные края», — цитирует наш водитель и гид Иван Коваленко.

В Керчи, у причала, где без малого двести лет назад ступил на крымскую землю Пушкин, установлен скромный памятник поэту — классик явно заслуживает более величественного монумента, мимоходом замечаем мы городскому начальству.

В Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике нас встречает краевед Владимир Санжаровец. Никто лучше него не знает всех деталей пребывания Пушкина в самом древнем городе России.

Керчь ведет свою историю от Пантикапея, основанного в конце седьмого века до нашей эры — больше 26 столетий тому назад. Таврида для Пушкина была прежде всего землей античной цивилизации. Он стремился сюда, чтобы прикоснуться к ее вечным ценностям — той самой вольности и красоте.

Не случайно первое (и почти единственное), что делает Пушкин, ступив на керченскую землю, это бросается на гору Митридат, где, как считалось тогда, похоронен легендарный понтийский царь. Мы отправляемся «вслед за ним». «Имя Пушкина для керчан так же значимо, как имя Митридата, — рассказывает по пути на вершину Санжаровец. — Можно сказать, что это главные герои нашей городской истории».

В Керчи есть Митридатская улица, Митридатский тупик и даже гаражный кооператив «Митридат». Имя Пушкина увековечено в названии улицы и городского драматического театра.

В Керчи побывал не только Пушкин, но и, пожалуй, его самый знаменитый литературный персонаж — Евгений Онегин: «Он едет к берегам иным — Он прибыл из Тамани в Крым — Он зрит поэту край священный: С Атридом спорил там Пилад, Там умер гордый Митридат...».

«С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я — на ближней горе посередеи кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею, — вот все, что осталось от города Пантикапеи. Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками...», — описывал поэт свои впечатления в письме брату.

Юный Пушкин интуитивно, силой своего гения угадал, что именно в древней истории Керчи и, шире, всей Тавриды, — главное богатство полуострова, главный секрет его притягательности.

Пройдет несколько десятилетий после мимолетного визита Пушкина в Керчь, и этот город станет одной из главных археологических сокровищниц России.

В музее-заповеднике мы заглядываем в Золотую кладовую, где хранятся уникальные древние драгоценности. Одна витрина пуста — она напоминает о том, что часть экспонатов из этой сокровищницы, известная как Скифское золото, по-прежнему находятся в Амстердаме. Очередное судебное заседание по этому делу, по словам главного хранителя заповедника Натальи Быковской, ожидается осенью нынешнего года.

Из Керчи в Феодосию мы едем по улице Пушкина, а потом по суперсовременной трассе «Таврида», участки которой в некоторых местах совпадают с почтовым трактом, по которому поэт ехал в Феодосию двести лет тому назад, утром 16 (28) августа 1820 года.

По пути, вновь вслед за Пушкиным, осматриваем Золотой курган, на вершине которого растет дикий абрикос. Решением начальника экспедиции «Парламентской газеты» этому дереву присваивается наименование «Пушкинского абрикоса». Ну а если без шуток, то, на наш взгляд, это место действительно стоит того, чтобы по крайней мере установить здесь мемориальную табличку в память о пребывании поэта.

Старое новое скифское золото: от Золотого кургана до Золотых ворот «Парламентская газета», 04.07.2020

Скифское золото по-прежнему томится в сундуках в Амстердаме, однако в Крыму есть сокровища, которые невозможно увезти с полуострова ни в какую Европу или Украину. Сегодня маршрут Пушкинской экспедиции «Парламентской газеты» лежит от Золотого кургана в окрестностях Керчи до Золотых ворот Карадага.

Утром 16 (28) августа 1820 года Пушкин и Раевские отправляются из Керчи в Феодосию — еще один античный крымский город, лишь немногим моложе Пантикапея. Археологи датируют основание Феодосии шестым веком до нашей эры. Маршрут путешественников лежит через Султановку, Аргин и Поркач. Султановка ныне входит в состав села Горностаевка, а Аргин и Поркач исчезли с карты полуострова.

«Именно в Феодосии был основан первый в Крыму и один из первых в России и Европе музей древностей, — рассказывает ученый-краевед Владимир Санжаровец. — Его создателем был Семен Михайлович Броневский, у которого как раз и останавливаются на две ночи знаменитые путешественники».

«Из Керчи приехали мы в Кефу (так называлась Феодосия в то время — Автор.), остановились у Броневского, человека почтенного по непорочной службе и по бедности. Теперь он под судом — и, подобно, Старикуну Виргилия, разводит сад на берегу моря, недалеко от города. Виноград и миндаль составляют его доход. Он не умный человек, но имеет большие сведения об Крыме, стороне важной и запущенной», — замечает Пушкин в письме брату.

Иначе говоря, Броневский как бы оказывается проводником поэта в античное царство древней Тавриды. Дом Броневского, где ночевали Пушкин и Раевские, не сохранился, но известно, что он находился на территории современного Феодосийского военного санатория Министерства обороны, о чем свидетельствуют сразу две мемориальные доски на здании.

Семен Михайлович хоть и удостоился от юного Пушкина мало лестной характеристики «неумного человека», на самом деле был глубоко образован,

служил еще при присоединившей всего каких-то 37 лет назад Крым к России Екатерине, не раз бывал за границей. В 1810–1816 годах Броневский был феодосийским градоначальником, слыл большим знатоком Тавриды и, как уже говорилось, открыл в 1811 году в Феодосии первый в Тавриде и один из первых в России и Европе Музей древностей, проект которого утвердил лично император Александр Первый.

Основу музейного собрания составила коллекция древностей феодосийского купца Джеварджи, приобретенная за тысячу рублей по решению городской думы, лапидарные памятники из развалин средневековой Каффы-Кефе, античные древности. Некоторые из первых экспонатов — эллинистические мраморные львы, плита с изображением грифона и многое другое — представлены и в современной экспозиции музея.

Было на что посмотреть влюбленному в старину Пушкину в Феодосии и помимо музея. Это прежде всего величественная Генуэзская крепость и древние христианские храмы Карантина, которые помнят самого Афанасия Никитина, отправлявшегося отсюда за три моря в диковинные страны.

Утром 18 (30) августа Пушкин и Раевские отправляются морем, на двенадцатипушечном корвете Черноморского флота «Або», из Феодосии в Гурзуф. По пути корабль проходит мимо одного из главных символов Крыма — Золотых ворот Карадага. Во времена Пушкина эта скала еще сохраняла свое древнее татарское название: Шайтан Капу — Чертовы ворота. Считалось, что где-то там, среди скал, находился вход в преисподнюю. Вспомним здесь замечание Николая Карамзина о том, что если сосланный из столицы на юг за либеральное вольнодумство Пушкин не исправится в Тавриде, «то будет чертом еще до отбытия своего в ад».

Пушкин исправился и, если есть на свете Господь Бог, наверняка обретается сейчас в раю, однако Чертовы ворота поэт запомнил крепко, о чем свидетельствует рисунок, сделанный по памяти в 1823 году на черновике первой главы «Евгения Онегина» — там изображены и сами ворота, и черти, готовые утащить грешника в преисподнюю.

В заключение заметим: поэту было легче, чем журналистам «Парламентской газеты». Он проплывал мимо Золотых ворот на корабле, а мы гребли туда на каяках несколько километров под палящим таврическим солнцем. Впрочем, тем радостнее было до этих ворот наконец добраться и сделать редкие фотографии — вообще-то высаживаться на берегу заповедного Карадага и тем более на самих Золотых воротах (будем называть их так, потому что бесы нами на месте обнаружены не были) строго-настрого запрещено.

Дух Пушкина по-прежнему обретается в Гурзуфе

«Парламентская газета», 05.07.2020

Александр Сергеевич Пушкин похоронен на Псковщине, в Святогорском Свято-Успенском монастыре, но дух великого поэта, если верить его стихам, обретается в Крыму.

Годы спустя после путешествия на юг, в поэме «Таврида», классик напишет: «Так, если удаляться можно Отголь, где вечный свет горит, Где счастье вечно, непреложно, Мой дух к Юрзуфу прилетит...».

Сотрудники музея Пушкина в Гурзуфе наполовину в шутку, наполовину всерьез рассказывают о том, что дух поэта действительно обретается здесь, в старом-старом доме герцога Ришелье, где жил двести лет назад классик, — то тихонько постучит в дверь, то стукнет чем-то в одной из комнат, а то зашелестит книжными страничками.

Если подойти к этой истории не с романтической или мистической, а с коммерческой точки зрения, то Пушкин — вне всяких сомнений, главный гурзуфский бренд. Его изображения здесь на каждом шагу. Никто, думается, не сделал для популяризации гурзуфского курорта столько, сколько поэт — естественно, сам того не желая.

Пушкин с семьей Раевских отплыл из Феодосии в Гурзуф на военном корабле Черноморского флота, двенадцатипушечном корвете «Або», вечером 18 (30) августа 1820 года. В письме к Дельвигу поэт так описывает свои впечатления: «Из Феодосии до самого Юрзуфа ехал я морем. Всю ночь не спал, луны не было, звезды блистали передо мной, в тумане тянулись полуденные горы... Перед светом я заснул».

«Именно этой бессонной ночью с 18 (30) на 19 (31) августа на бумагу легли первые поэтические строки, написанные Пушкиным в Крыму», — рассказывает научный сотрудник музея Александра Носова.

«Погасло дневное светило; На море синее вечерний пал туман. Шуми, шуми, послушное ветрило, Волнуйся подо мной, угрюмый океан. Я вижу берег отдаленный, Земли полуденной волшебные края; С волненьем и тоской туда стремлюся я...».

Как замечает генеральный директор Центрального музея Тавриды Андрей Мальгин, какими бы привлекательными ни были другие районы Крыма, все же основной целью путешественников всегда был Южный берег.

В этом смысле ничего не изменилось до сих пор. Гурзуф сегодня заполнен туристами гораздо плотнее, чем Керчь и Феодосия, где мы провели два предыдущих дня Пушкинской экспедиции «Парламентской газеты». Крым открылся после ограничительных антикоронавирусных мер для туристов из других регионов России только 1 июля, а ни яблоку, ни абрикосу, ни персику на Южном берегу упасть уже негде.

«У вас замечательная идея, — говорит заведующая музеем Пушкина в Гурзуфе Татьяна Джакаева, узнав о нашей юбилейной экспедиции по следам поэта двести лет спустя. — Мы тоже хотели организовать нечто подобное, но потом коронавирус сломал наши планы. Поэтому решили сделать путешествие виртуальным — организовали фотоконкурс «Дорогой Пушкина по Крыму». Его участники должны посетить места, связанные с пребыванием Пушкина в Тавриде, и прислать свои фотографии-селфи на электронную почту музея marketing@yalta-museum.ru до 30 октября». Мы обещаем Татьяне обязательно рассказать о победителях конкурса на страницах «Парламентской газеты» будущей осенью.

Таким образом, в известном смысле в этом году вместе с Пушкиным по Крыму путешествует вся огромная Россия. Кто-то посещает Керчь, кто-то — Феодосию, кто-то — Гурзуф, ну а журналисты «Парламентской газеты» — все места, связанные с путешествием поэта.

«По сути, Пушкин стал автором первого поэтического путеводителя по Крыму, — говорит гид нашей экспедиции, краевед Иван Коваленко. — В его стихах и письмах отразились Керчь, Феодосия, Аюдаг, Гурзуф, Салгир, Фиолент, Бахчисарай и многие-многие другие места полуострова».

«Между тем корабль остановился в виду Юрзуфа, — писал Пушкин. — Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли, плоские кровли хижин татарских казались ульями, прилепленными к горам: тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ними, справа огромный Аю-Даг... кругом этого синее, чистое небо и светлое море, и блеск и воздух полуденный!».

Пушкин провел в гурзуфском доме Ришелье, где сегодня расположен его музей, 17 дней, с 19 (31) августа по 5 (17) сентября 1820 года. 17 счастливейших мгновений его жизни. В письме брату Льву поэт писал: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник 12-го года; человек без предрассудков, с сильным

характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества... Все его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная... друг мой, любимая моя надежда увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского».

А вот еще одно собственноручное свидетельство поэта о тех днях: «В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря, — и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством похожим на дружество». Тот самый пушкинский кипарис, конечно, здорово постарел за двести последних лет, но по-прежнему растет во дворе у дома Ришелье.

Из Гурзуфа путь поэта лежал в Алупку и дальше — в Байдарскую долину и Свято-Георгиевский монастырь на мысе Фиолент под Севастополем. Туда вслед за поэтом по классическому маршруту отправляемся и мы — нам предстоит подъем по Чертовой лестнице с Южного берега в Байдарскую долину и дальше — к святым ангелам в древнейший Свято-Георгиевский монастырь. Однако об этом вы узнаете уже завтра.

За Пушкиным: по Чертовой лестнице к... Богу *«Парламентская газета», 06.07.2020*

39 градусов. Нет-нет, у нас не коронавирус, и это вообще не температура тела, это температура воздуха. В Крыму стоит страшная жара. Мы взбираемся вслед за Пушкиным по Чертовой лестнице. «Вслед» не нужно понимать буквально. Наша Пушкинская экспедиция повторяет путь поэта по Крыму двести лет спустя. Пот крупным липким соленым градом катится по лицу. Утешает лишь то, что поэту со спутниками было еще тяжелее — в начале XIX века дорог на полуострове практически не было.

Утром 5 (17) сентября 1820 года Пушкин с отцом и сыном Раевскими покидают Гурзуф и направляются в Алупку. Их путь лежит через Ай-Данильский лес до Никитского сада и далее до Ялты — тогда это была маленькая деревушка на берегу моря. Оттуда путешественники поднимаются на Аутку и через Ореанду, Кореиз и Мисхор добираются до Алупки, где ночуют в татарском дворе. Где именно находился этот двор, доподлинно неизвестно, а мемориальная доска о пребывании поэта установлена на подпорной стене парка Воронцовского дворца, которого тогда еще не существовало.

6 (18) сентября путешественники отправляются из Алупки в Свято-Георгиевский монастырь. Единственная доступная тогда дорога с Южного берега в Байдарскую долину проходила по головокружительной Чертовой лестнице (Шайган-мердвен), которая на некоторых путешественников той поры наводила настоящий ужас, а главного героя наших заметок лишь позабавила. «По Горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших, — вспоминал Пушкин. — Это забавляло меня чрезвычайно и казалось каким-то таинственным, восточным обрядом».

Сразу за перевалом поэт впервые за долгие дни путешествия по Тавриде видит березу и испытывает приступ сильнейшей... ностальгии. «Я начал уже тосковать о милom полудне, хотя все еще находился в Тавриде, все еще видел и тополи, и виноградные лозы», — вспоминает он. Как утверждают ученые, Пушкин оказался первым, кто документально подтвердил произрастание березы в Крыму, внеся таким образом вклад не только в литературу, но и в ботанику с географией.

Если верить академической Летописи жизни и творчества поэта, следующая ночевка состоялась уже в Свято-Георгиевском монастыре на мысе Фиолент, однако гид нашей экспедиции, краевед Иван Коваленко утверждает, что за один день по тогдашним дорогам добраться от Алупки до Фиолента было невозможно, и 6 (18) сентября путешественники остановились на ночлег в Байдарах (современное Орлиное). Несколько лет назад сторонники этой точки зрения установили в селе мемориальный знак в память о ночлеге здесь Пушкина. Если их точка зрения верна, то каноническая хронология путешествия сдвигается на день.

Сам поэт об этом ночлеге никаких свидетельств, впрочем, не оставил, а вот Свято-Георгиевский монастырь запомнился ему на всю жизнь. Отсюда начинается Россия — причем, и в прямом, и в фигуральном или, если угодно, метафизическом смысле этого выражения. Висящая над обрывом на самом краю Крыма обитель — первое, что видят моряки, приближающиеся к Севастополю. С этих крутых морских берегов пришло в Россию православие, без которого невозможно представить себе нашу цивилизацию, ее историю, культуру, литературу: много веков тому назад, в далеком 988 году, неподалеку, в Херсонесе, принял крещение князь Владимир, чтобы потом, вернувшись на речные берега Днепра, крестить всю Древнюю Русь.

В честь пребывания Пушкина на Фиоленте установлена ротонда с мраморным барельефом классика и строками из родившегося здесь послания Чаадаеву. «Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставила во мне [единственное] сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они: «К чему холодные сомненья? / Я верю: здесь был грозный храм, / Где крови жаждущим богам / Дымилась жертвоприношенья», — читаем мы надпись на памятном знаке.

Однако те языческие времена давно канули в Лету, и в православном монастыре классик находит тишину и вдохновение. «Теперь и лень и тишина, И, в умиленье вдохновенном, На камне, дружбой освященном, Пищу я наши имена», — заканчивается его поэтическое письмо Чаадаеву.

Энтузиасты пытались даже отыскать сделанную Пушкиным на скалах Фиолента надпись (нечто вроде «Саша + Петя (Чаадаев) = дружба»), но, увы, безуспешно.

Мы направляемся по пушкинским следам. Крутая извилистая лестница, одна из самых длинных в Крыму, в ней более восьмисот ступеней, ведет нас вниз, к морю. В ста пятидесяти метрах от берега лежит увенчанная крестом скала Явления. По острым, заточенным ветрами ступенькам, высеченным в год тысячелетия монастыря, взбираемся на вершину. Вверху, над обрывом, горит золотом в ослепительных лучах раскаленного южного солнца монастырский храм.

Утром 7 (19) сентября — будем все же придерживаться классической хронологии — путешественники отправляются в Бахчисарай. За несколько часов Пушкин попадает из православного мира в мусульманский.

В Бахчисарай поэт приезжает больной лихорадкой, но не увидит Ханский дворец для просвещенного путешественника почти неприлично. К тому времени бывшая резиденция крымского хана — один из главных «объектов показа» в Крыму. В 1787 году его демонстрировали самой Екатерине Великой, и Пушкин, конечно, не мог проехать мимо.

«В Бахчисарай приехал я больной, — жалуется Пушкин. — Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана... Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. NN почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище, но не тем в то время сердце полно было: лихорадка меня мучила».

Казалось бы, с одной стороны, вид дворца не оправдал ожидания Пушкина, а с другой — стал источником вдохновения для знаменитой поэмы «Бахчисарайский фонтан». Сотрудница музея Севиля Велиева ведет нас пушкинским маршрутом к «Фонтану слез», еще раз пересказывая его красивую легенду. Фонтан украшают две свежие розы — белая и красная — традиция, которую создал поэт: «Фонтан любви, фонтан живой! Принес я в дар тебе две розы. Люблю немолчный говор твой И поэтические слезы». Много лет каждый день по утрам сотрудники дворца кладут к фонтану две свежие розы. Сегодня это сделала смотрительница зала Ханского дворца Гуляра Сеид-Абдула.

Бахчисарай дал Пушкину сюжет для классической поэмы, а Пушкин... спас сам Бахчисарай. После депортации крымских татар в 1944 году на полуострове переименовывали все крымско-татарские населенные пункты. Карасубазар стал Белогорском, Сейтлер — Нижнегорским, Ички — Советским и т. д., и т. п. А Бахчисарай, который намеревались превратить в Пушкиноград, сохранил свое историческое имя благодаря тому, что был воспет в знаменитой поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Советские чиновники смекнули, что город переименовать они, конечно, могут, а вот поэму Пушкина — кишка тонка.

«7 (19) сентября Пушкин и Раевские переночевали в Ханском дворце, — рассказывает нам научный сотрудник музея Зинаида Табурина, работающая здесь уже 58 лет! — Скорее всего, путешественников уложили спать в домике смотрителя дворца, где сейчас располагается Художественный музей».

На следующее утро их путь лежал в столицу Крыма — Симферополь.

Пушкинская экспедиция «Парламентской газеты» завершилась на Перекопе: дальше для нас земли нет «Парламентская газета», 07.07.2020

В последний день Пушкинской экспедиции журналисты «Парламентской газеты» проводили поэта до Перекопа: дальше для крымчан, как известно, земли нет. А впрочем, автора «Полтавы» на современной Украине тоже наверняка вслед за автором этих путевых заметок внесли бы в список пресловутого «Миротворца». Ибо как это там у классика: «И где ж Мазепа? где злодей? Куда бежал Иуда в страхе? Зачем король не меж гостей? Зачем изменник не на плахе?».

Однако давайте обо всем по порядку. Согласно данным академической «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» 8 (20) сентября 1820 года поэт с семьей Раевских прибывает из Бахчисарая в Симферополь. Несколько дней, проведенных классиком в столице края, остаются, пожалуй, самым темным периодом в истории пушкинского путешествия по Тавриде.

Из записок Гавриила Геракова мы знаем, что 8 (20) сентября он навещал «приставшего» в доме профессора химии Феликса Дессера Николая Николаевича Раевского-старшего, под одной крышей с которым во все время путешествия жил Пушкин. Также нам известно, что в один из последующих дней поэт с Раевским-старшим обедают у губернатора Александра Баранова в его доме в Симферополе. Отъезд поэта из столицы Крыма в Одессу датируется между 12 (24) и 17 (29) сентября.

Засим из доподлинно известного — все. Остальное — предположения ученых. «По пути из Бахчисарая в Симферополь Раевские могли посетить имение Саблы (ныне — село Каштановое), принадлежавшее бывшему губернатору Тавриды, члену Правительствующего Сената Андрею Михайловичу Бороздину, — рассказывает гид нашей экспедиции, краевед Иван Коваленко. — Уютное имение лежало чуть в стороне от пыльного почтового тракта, раскинувшись оазисом среди гор на берегу речки. Супруга Андрея Михайловича Бороздина, Софья Львовна Давыдова, приходилась сводной сестрой Раевскому-старшему. А сыну Бороздина и Давыдовой — Льву Андреевичу Раевский-старший стал крестным отцом».

В Симферополе Пушкина продолжала мучить лихорадка, которую взялся лечить сосед Дессера доктор Федор Карлович Мильгаузен. Но все же поэт наверняка выходил гулять к реке Салгир, рядом с которой находился дом, где остановились путешественники. Позже Пушкин увековечит самую длинную реку Крыма в финале поэмы «Бахчисарайский фонтан»: «Поклонник муз, поклонник мира, Забыв и славу и любовь, О, скоро вас увижу вновь, Брега веселые Салгира!».

Пушкин уезжает из Крыма в Одессу и дальше в Кишинев через уездный городок Перекоп (ныне — село Перекоп у самой границы с Украиной), где в 2003 году был установлен памятный знак со следующей надписью: «В сентябре 1820 года на постоялом дворе бывшего уездного города Перекоп по дороге из Крыма в Кишинев останавливался на ночлег А. С. Пушкин. Памятный знак установлен в 2003 году — Год России в Украине».

Да, тогда отношения между двумя странами были, по крайней мере, формально, еще дружескими. А вдохновителем установки памятного знака был будущий «Мазепа русского Крыма», пушкиновед Владимир Казарин, бежавший после воссоединения полуострова с Россией в Киев.

Мы символически провожаем Александра Сергеевича на совсем другую Украину, где к власти пришли хорошо изученные и описанные классиком в поэме «Полтава» последователи гетмана Ивана Мазепы. Как говорит пушкинский Мазепа: «Без милой вольности и славы Склоняли долго мы главы Под покровительством Варшавы, Под самовластием Москвы. Но независимой державой Украине быть уже пора: И знамя вольности кровавой Я подымаю на Петра».

На современной Украине Мазепа — национальный герой, изображенный на десятигривенной банкноте. У Пушкина он — изменник и злодей, место которого на плахе. «Говорили мне, что мой Мазепа злой и глупый старичишка. Что изобразил я Мазепу злым, в том я каюсь: добрым я его не нахожу, особливо в ту минуту, когда он хлопочет о казни отца девушки, им обольщенной, — объяснял Пушкин. — Глупость же человека оказывается или из его действий, или из его слов: Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер. Заметили мне, что Мазепа слишком у меня злопамятен, что малороссийский гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет. Опять история, опроверженная литературной критикой, — опять хоть знаю, да не верю! Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как понятия о дворянской чести были на высшей степени силы, — Мазепа мог помнить долго обиду московского царя и отомстить ему при случае. В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный... Однако ж какой отвратительный предмет! Ни одного доброго, благосклонного чувства! Ни одной утешительной черты! Соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие свирепость...» Вполне, по моему, подходит для характеристики нынешнего украинского политикума.

Как гласит знаменитая крымская пословица, за Перекопом для нас земли нет. В последние шесть с лишним лет она звучит для жителей полуострова как предписание пограничников. Во всяком случае — для меня, внесенного в список «Миротворца» в качестве «пособника российских оккупантов».

Уверен, однако, что рано или поздно это закончится. В финале пушкинской «Полтавы» Мазепа бежит с Украины вместе со своим новым европейским покровителем — шведским королем Карлом XII: «Верхом, в глуши степей нагих, Король и гетман мчатся оба. Бегут. Судьба связала их...».

То же самое ждет и нынешние мазепинские власти Украины.

«Пушкин — наше все!» Этой почти математической формулой известный поэт и критик XIX века Аполлон Григорьев указал значение Пушкина не только для всей огромной России, но и для маленького отдельно взятого Крыма. Его энергией до сих пор питается вся русская культура, его энергией создан российский Крым. Вслед за Пушкиным, влекомые его южными романтическими стихами, в Тавриду устремились другие звезды русской литературы: Гоголь, Толстой, Тютчев, Чехов, Волошин, Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Куприн, Бунин, Шмелев, Булгаков, Маяковский, Солженицын, Аксенов, Бродский...

Именно эти люди сделали Крым русской землей. Именно они превратили наш полуостров в часть Русского мира.

Воспетое Пушкиным счастлирое полуденное небо, горы, сады, море — сейчас, два века спустя, по-прежнему здесь, с нами, в российском Крыму. Ну а что до запущенности этого прелестного края, о которой упоминал поэт, то за последние шесть с лишним лет сделано очень много для того, чтобы избавить наконец полуостров от этого недостатка.

Александр Куприн как зеркало русской революции

«Крымское эхо», 07.09.2020

Ну, тем, кто учился при старом режиме, смысл этого заголовка объяснить не нужно. Поэтому исключительно для молодежи: когда-то вождь русской революции и мирового пролетариата Владимир Ильич Ульянов (Ленин) написал работу «Лев Толстой как зеркало русской революции». Была она, между нами говоря, довольно путаной и неубедительной, но создала шаблон для тысяч и тысяч «зеркальных заголовков». Я тоже, помнится, несколько раз им пользовался. И вот опять...

7 сентября исполняется 150 лет со дня рождения русского писателя Александра Куприна, в жизни которого, действительно, как в зеркале, отразилась трагедия русской революции.

Александр Иванович вошел в историю отечественной литературы с такими произведениями, как «Поединок», «Гранатовый браслет», «Яма», «Листригоны» и многими другими. Кроме того, современной массовой телевизионной аудитории он может быть знаком по сравнительно недавнему телесериалу «Куприн», в котором роль писателя попытался воплотить в жизнь сам Михаил Пореченков. Наконец, жителям и гостям Балаклавы Куприн известен как... памятник, установленный на городской набережной.

Александр Иванович впервые побывал в Балаклаве в 1904 году и был настолько очарован городком, что решил обосноваться там на постоянное жительство. Писатель купил участок земли на склоне балки Кефало-Вриси, по которой сейчас проходит улица Историческая, и принялся за дело: сам составил план дома, сада, разбил дорожки, вел переписку о покупке фруктовых и декоративных деревьев; приобретал саженцы у местных садоводов. Не правда ли, напоминает то, как у себя на Белой даче в Ялте хозяйствовал другой знаменитый русский литератор — Антон Павлович Чехов?

Именно в Крыму, в Севастополе, Куприн впервые услышал залпы русской революции, которые в конце концов оглушат не только всю Россию, но и весь мир. В ноябре 1905 года Александр Иванович стал свидетелем, а в некотором смысле и участником восстания на крейсере «Очаков».

«Он видел, как горел «Очаков», подожженный выстрелами крепостных батарей, — читаем мы в воспоминаниях одного из севастопольских знакомых Куприна Евсея Аспиза. — С берега были видны мятущиеся в вихре огня матросы. Многие прыгали в воду, но у берега стояла цепью пехота, которая по команде офицеров стреляла в подплывающих матросов. Тем не менее части восставших удалось достичь берега...».

Возмущенный Куприн помог нескольким спасшимся очаковцам скрыться от полиции и опубликовал очерк «События в Севастополе», в котором написал:

«Мне приходилось в моей жизни видеть ужасные, потрясающие, отвратительные события. Некоторые из них я могу припомнить лишь с трудом. Но никогда, вероятно, до самой смерти не забуду я этой черной воды и этого громадного пылающего здания (крейсера — авт.), этого последнего слова техники, осужденного вместе с сотнями человеческих жизней на смерть сумасбродной волей одного человека».

После публикации очерка в петербургской газете «Наша жизнь» «этот человек» — тогдашний командующий Черноморским флотом адмирал Григорий Чухнин приказал выслать писателя в течение суток «из пределов «Севастопольского градоначальства».

3 марта 1906 года Чухнин утвердил смертный приговор лидеру севастопольского восстания лейтенанту Шмидту.

28 июня того же года адмирал Чухнин был убит эсерами.

Как видим, в 1905 году Куприн — почти революционер. В 1917-м он радуется отречению Николая Второго и редактирует газеты с говорящими названиями — «Свободная Россия» и «Вольность».

Однако большевистский октябрьский переворот писатель не принимает. В октябре 1919 года он в чине поручика вступает в армию Николая Юденича, где редактирует военную газету, а после поражения белых оказывается сначала в Ревеле, потом в Гельсингфорсе и, наконец, в 1920 году, — в Париже.

В эмиграции Куприн написал роман «Юнкера», повести «Колесо времени» и «Жанета», целый ряд других произведений и много публицистических статей, в которых клеймил большевиков последними словами, а закончил жизнь ...вернувшись в советскую Россию. Дмитрий Мережковский назвал этот поступок писателя самым большим ударом по эмиграции.

Разрешение вернуться Куприну дало Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с Иосифом Сталиным. 31 мая 1937 года писателя торжественно встретили в Москве, поселили в «Метрополе», а потом выделили дачу рядом с санаторием Союза писателей. Увидело свет собрание сочинений классика, за которое он получил очень приличный гонорар, позволивший спокойно прожить последние дни на родине.

Часто можно услышать, что таким образом большевики использовали писателя в пропагандистских целях. Кто бы сомневался. Но при этом силком Куприна никто в СССР не тянул.

Просто он понял, что СССР — это и есть его любимая Россия. Да, заблудившаяся, свернувшая не туда, но другой — нет и не будет.

Кстати, совсем скоро мы будем отмечать еще одну дату, заставляющую задуматься над великой русской смутой начала прошлого века. Задуматься, осмыслить и постараться извлечь уроки, которые позволят не допустить ее повторения в современной России.

В ноябре исполнится сто лет Русского исхода, которым фактически завершилась здесь, у нас в Крыму, братоубийственная Гражданская война.

Злободневный Пелевин: о распаде СССР, нашем Крыме, Грете Тунберг и коронавирусе «Крымское эхо», 18.09.2020

Я дочитал вышедший меньше месяца назад новый роман Виктора Пелевина «Непобедимое солнце». Писатель, как всегда, мистичен, загадочен, метафизичен и, одновременно, злободневен. Мистику, впрочем, оставлю мистикам, остановившись на вещах приземленных.

На протяжении всей литературной карьеры Пелевин ловко размещает свои запутанные головоломные тексты внутри текущей информационной повестки — в этом один из секретов его популярности. Творчество писателя насквозь пропитано злобой дня. Он пишет о том же, о чем пишут газеты и «говорит и показывает» телевизор. Пелевин пересказывает, «перерассказывает», трансформирует, обыгрывает самые популярные, самые скандальные, самые цитируемые медийные сюжеты тех лет, когда выходят его романы. Его книги — «энциклопедия современной российской жизни» с квазибуддистским орнаментом.

Вспоминаю самый крымский роман Пелевина — «Жизнь насекомых», действие которого разворачивается у подножия Карадага. «Я был там летом 1991 года, летом путча, и я написал роман в следующую зиму, — рассказывал сам писатель в одном из редких интервью. — Видите ли, политика влияет на вас, даже если вы не хотите. Вы можете быть полностью исключены из сферы политики и общественной жизни, но каждый раз, когда происходит путч или обстреливают парламент, или избирают Жириновского, что-то изменяется. Вы можете сидеть, запершись в квартире с выключенным телевизором, но каким-то образом вы чувствуете это. Это как если бы химический состав воздуха изменился».

На глазах у Пелевина бывшая всесоюзная здравница превращается в регион независимой постсоветской Украины. Жук-скарабей Сережа много лет копошился в мягком российском суглинке, «который однажды утром неожиданно оказался благодатным черноземом Украины». Точно так же много лет «копошились» на полуострове сотни тысяч крымчан, пока од-

нажды утром им не объявили, что этот полуостров теперь является частью отдельного государства — Украины.

Возвращение Крыма к родным берегам почти четверть века спустя отразилось в вышедшем в 2016 году романе «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами». Главного героя книги зовут Кримпай. Кримпай Сергеевич Можайский. «Мои подружки (их было несколько, пока я не разобрался в себе), а потом и друзья называли меня «Крим». И да, шутка «Крим наш» уже была. Много раз, с кримом и без», — рассказывает он о себе.

Ясно, что, выбирая такое имя, Пелевин изначально планировал обыгрывать в романе тему воссоединения полуострова с Россией.

По ходу действия Кримпай меняет имя на Крым.

— Замечательный выбор, — хвалит его генерал ФСБ Капустин. — В высшей степени патриотичный. Переосмыслил ценности? Поклонился всему, что сжигал?

— Да не то чтобы так уж... Я на «Крим» хотел, меня так с детства все зовут. Но в ЗАГСе предупредили, что понять могут неправильно. Что это «Крым» на украинской мове. Люди, мол, заинтересуются, чего ты такой певучий. Подумают, что против воссоединения протестуешь. Может, ты вообще по ночам опоры ЛЭП валишь, кто тебя знает... Вот я и решил — не давать повод.

В «Непобедимом солнце» о нашем солнечном полуострове ни слова — между прочим, верный признак того, что «крымский вопрос закрыт». В 2020 году мир увлекается другими сюжетами. Один из них — о Грете Тунберг. «Дело не в том, что где-то в мире есть добрая Грета, настолько отважная и честная девчушка, что про ее подвиги поневоле сообщают корпоративные СМИ, — говорит один из персонажей романа. — Дело в том, что корпоративные СМИ с какого-то момента начинают полоскать тебе мозги ежедневными историями про эту Грету. И послать их куда подальше становится проблематично, потому что тебя могут спросить — ты что же, против доброй Греты, гад? Медийная Грета — это не человек. Это агрессивный педофрастический нарратив, используемый транснациональной олигархией в борьбе за контроль над твоим умом».

По Пелевину, педофрастия — это использование эмоционально заряженных детских образов для продвижения коммерческих и политических повесток.

Ну и, конечно, не мог писатель в 2020 году промолчать о коронавирусе.

— Что это за вирус? — спрашивает главная героиня романа Саша Орлова у практикующего модный ретрит микробиолога Ганса-Фридриха. И тот объясняет:

— Пока мало информации. Но похоже, отличается от плохого гриппа в основном хорошим пиаром. Под который всех обдерут как липку и спи-

шут все, что украли. Серьезные люди сжигают бухгалтерию в мировом масштабе.

– Что, они специально этот грипп запустили?

– Нет. Но быстро поняли, как его запрячь.

– И что, от него нет лекарства?

– Есть, — отвечает Ганс-Фридрих. — Называется red pill. Но я не думаю, что Большая Фарма позволит...

Для «отсталых» поясню: red pill — это красная пилюля из культового фильма «Матрица», символическое лекарство от ложного видения реальности. Мне кажется, его действительно многим сейчас здорово не хватает.

Читайте книжки. Не псевдоинтеллектуальную всезнающую ленту фейсбука, не гламурный самовлюбленный порноинстаграм, не посконный суконный кондовый контакт, не плюющийся — «твит-твит» — твиттер, не скрипящую под тяжестью анонимных доносов «телегу». Книжки. В идеале — бумажные. Помогают даже лучше красных таблеток.

Сергей Есенин и... Крымская весна **«Крымское эхо», 03.10.2020**

Председатель Государственного Совета Республики Крым Владимир Константинов не был замечен мною в любви к поэзии. Но как минимум однажды русскую стихотворную классику цитировал. Это было в исторические дни 2014 года. И это был Сергей Есенин:

«Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою!»

Неважно, подсказали этот ход одному из лидеров Крымской весны помощники, или он сам вспомнил тогда удивительное есенинское стихотворение, написанное сто лет тому назад — в далеком 1914 году и поразительно точно отражающее мироощущение «коллективного крымчанина» — причем не только тех памятных дней, но и всех 23 лет пребывания полуострова в составе абсолютно чужого для него украинского государства.

«Я скажу: «Не надо рая, дайте родину мою!»

Это то, чего не понимают и никогда не поймут те, кто привык все измерять исключительно соображениями материальной выгоды. Киевские политики, до сих пор рассказывающие о том, что крымчане в 2014 году отправились в Россию за высокими зарплатами и пенсиями. Московские либералы, подсчитывающие, во сколько миллиардов обошлось России возвращение Крыма.

Их представления замечательно выражены в фильме Алексея Балабанова «Брат-2». Помните: «А где твоя родина, сынок? Сдал Горбачев твою родину американцам, чтобы тусоваться красиво. А теперь твоя родина две войны и Крым просрала. Русских людей в Прибалтике сдала, сербов на Балканах сдала. Родина! Сегодня родина там, где задница в тепле, и ты лучше меня это знаешь!».

Задница — главная часть тела этих персонажей. Они ею — чувствуют.

Сегодня исполняется 125 лет со дня рождения Сергея Александровича Есенина.

Он побывал в Крыму в том самом 1914 году. Вот как описывает посещение поэтом полуострова в своей книге «Есенин: обещая встречу впереди»,

вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», Захар Прилепин: «Явилась идея попасть в Крым: там море, туда приезжал Пушкин, в тех местах может случиться что-то такое, что позволит сочинить совсем новые стихи».

16 (29) июля на скором поезде Москва — Севастополь Есенин отправился в первое в своей жизни большое путешествие. 18 июля поэт прибыл в город русской славы и написал оттуда отцу: «Дорогой папаша! Я в Севастополе. Дорога была чудная. Места прекрасны. Только солнце встает и садится здесь по-иному. Не могу понять, где наша сторона. Сейчас пойду гулять к морю с 9 часов утра до 2-х часов дня, а потом еду в Ялту. Севастополь мне очень нравится, особенно у набережной, где памятник Нахимову».

Из Ялты — новое письмо: «Я расположился в Ялте как нельзя лучше. У окон моей комнаты расстилается море, а за воротами дома чудные и величественные горы. Житье здесь славное и недорогое, а за работу примусь послезавтра».

В Ялте Есенин поселился по адресу: Массандровская улица, дом 34, квартира 4. Там его и застало начало Первой мировой. Спустя несколько дней по городу разползли слухи, что на стороне Германии выступит Турция и атакует Крым, а турок поддержат крымские татары; к тому же в Крыму большое количество немецких колонистов — значит, возможны провокации.

Есенин пишет отцу: «Я готовлюсь ехать каждый день. Остаться в Ялте опасно, все бегут. Вследствие объявленного военного положения в Севастополе тут жить нельзя. Я бы и сейчас уехал, да нельзя».

Потом началась всегдашняя у поэтов непоэтическая чехарда с деньгами. В итоге отец прислал Сергею в Крым 25 рублей на дорогу домой. Из Ялты Есенин на автомобиле добрался до Алушты, оттуда до Симферополя и дальше, поездом через Джанкой, отправился в Москву.

«Путешествие получилось весьма нервное; но все-таки вообразите себе: поразительные крымские красоты, впервые увиденное море, начало мировой войны, паника в городе, две недели в Ялте, затем поездка через весь Крым... — рассуждает Прилепин. — Для любого поэта это впоследствии могло бы стать поводом к сочинению отличного стихотворения.

О Крыме есть стихи у Державина, Ивана Дмитриева, Федора Глинки, Петра Вяземского, Пушкина (множество!), Бенедиктова, Апухтина, Полонского, Случевского, Анненского, Алексея Константиновича Толстого, Тютчева, Фета, Брюсова, Бальмонта, Бунина, Городецкого, Лохвицкой, Рославлева, Черного, Хлебникова, Ахматовой, Цветаевой, Ходасевича, Волошина, Эренбурга, Набокова, Клычкова, Чулкова, Георгия Иванова, Асеева, Маяковского...

Есенин не напишет ни одной крымской строчки, в его стихах не появится ни малейшего намека на то, что он видел море, Севастополь, Ялту, горы».

Прилепин прав и... не прав.

Да, Захар, Есенин не увековечил Крым в своем творчестве, но удивительным образом пригодился нам здесь на полуострове в дни Крымской весны.

Ну и в заключение просто мое любимое, с ранней-ранней юности, стихотворение Есенина:

«До свиданья, друг мой, до свиданья.

Милый мой, ты у меня в груди.

Предназначенное расставанье

Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,

Не грусти и не печаль бровей, —

В этой жизни умирать не ново,

Но и жить, конечно, не новей».

Мы не расстанемся с Есениным никогда.

За наших всегда воюют хорошие («Ополченский романс» Прилепина — «окопная правда» Донбасской войны) «Крымское эхо», 27.10.2020

В трех шагах от погранстолба стелилась земля, где не действовали никакие мировые законы. Ни одно в мире государство не признавало местных администраций. Люди, обитавшие здесь, не подчинялись никому извне. Более того, изнутри они тоже никем толком не управлялись.

Это Донбасс четырнадцатого в изображении Захара Прилепина. «Изначально народ собрался воевать за так. Безусые школьники шли на смерть. Шахтеры вооружались раскопанным в огородах, запрятанным еще с большой войны, трофейным оружием. Деды и бабки тащили на позиции молоко в крынках, хлеб, сало, соленья. Старшеклассницы указывали потерявшимся ополченцам — «Девонька, милая, где наши?» — тайные тропинки. За бандеровский флаг вдрызг били головы. На российский триколор — молились. Красный флаг обматывали, как в советских книжках, вокруг тела» — Прилепин знает, о чем пишет: он сам воевал на этой войне.

Ополченские командиры один за другим будто бы являлись из глубин местных рек, как прождавшие годы и столетия в ожидании своего часа. Обрывки ничем не примечательных — а то и сомнительных — биографий этих командиров с трудом возможно было подшить к вихревому ослепительному кружению ангелов над их обреченными головами.

Образы ангелов объяснимо часто появляются в военной прозе Прилепина — смерть ходит рядом с ним и его героями: «На крыше их машины сидел ангел, легко постукивая босыми пятками о лобовуху. Его потные, кудрявые волосы развевались на ветру. Вид у него был, как у ополченцев: слегка придурковатый. Иногда он разбрасывал — словно для объятия — руки, и наслаждался тем, как воздух проносится сквозь его тело».

Характер донецкий, воспитание малороссийское, кровь какая попало, мир — русский. «Ангел» — еще и позывной одного из героев книги. Рослый бритоголовый киевлянин, зимой четырнадцатого арестованный на Майдане как пророссийский террорист. По вздорному обвинению его полгода держал

ли там в тюрьме. Затем хорошие товарищи смогли внести Ангела в списки на обмен и вызволить.

Он тут же вступил в ополчение.

Мать ему несколько раз звонила из Киева и кричала:

— Ты предал свою родину — Украину!

Ангел реагировал спокойно и даже ласково:

— Мама, как я могу предать Украину, если я родился в СССР, и даже в армии присягу давал: «Служу Советскому Союзу». Я, мама, верен своей великой родине.

Он переводил телефон на громкую связь и ставил его на стол, прислонив к стакану. Внутри стакана ползала муха.

Телефон был допотопный, с разбитым мелким экраном, но Ангел смотрел в него с любовью, будто бы наблюдая маму.

— Твоей родины уже нет! — кричала мама.

— Как нет, мама? — удивлялся Ангел. — А шо есть?

— Есть Украина! — незримая мама все повышала и повышала голос.

— Где? — спрашивал сын и озирался несколько озадаченно.

«Где» он произносил как «хде».

«В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, «Батальоны просят огня» Юрия Бондарева, «Мертвые сраму не имут» Григория Бакланова, «Журавлиный крик» Василя Быкова, «Убиты под Москвой» Константина Воробьева, «На войне как на войне» Виктора Курочкина. Эти и другие книги о Великой Отечественной, написанные прошедшими фронт боевыми офицерами, получили в отечественной литературе название «окопной правды». Оттуда, из врытых в землю окопов, очень хорошо, лучше, чем из высоких парящих над миром кабинетов, видно, что такое война, за что люди готовы отдавать свои жизни; наконец, главное — оттуда видно, кто эти люди.

«Ополченский романс» Прилепина стоит в этом же ряду. Это «окопная правда» о Донбасской войне, от которой нельзя отвернуться, которую нельзя забыть, которая навсегда вошла в историю нашей страны.

Захар Прилепин несколько раз брался за эту тему, в том числе и сам повоевав на Донбассе. Зачислившись добровольцем во «Взвод русской литературы» к Гавриилу Державину, Денису Давыдову, Александру Пушкину. Если кто не знает, «Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы» — это книга Прилепина, в которую вошли биографии писателей и поэтов Золотого века русской литературы, умевших держать в руках не только перо, но и оружие. Да и потом, и сейчас, в других веках, таких писателей немало — и часть, очень небольшую, их фамилий я уже перечислил.

В прошлом году у Прилепина вышел художественно-документальный роман «Некоторые не попадут в ад», главным героем которого стал «батя» Александр Захарченко. А еще Прилепин составил удивительную

антологию донбасской военной поэзии «Я — израненная земля». Ну и вот теперь — «Ополченский романс». Одновременно скупая и романтическая русская военная проза начала двадцать первого века.

Названия рассказов, вошедших в сборник, состоят подчеркнуто из одного слова — «Жизнь», «Шахта» (как их там, на Донбассе, вообще можно отделить друг от друга — жизнь и шахту?), «Дорога», «Холод», «Контрабанда», «Одни», «Заправка», «Контакт», «Луч», «Отъезд», «Пленные», «Дитя», «Работяги» и, наконец, «Домой».

Ну и конечно — эта книжка не о ангелах. Она о простых русских мужиках, молча вставших на защиту нашей земли с «сапогами» и «трубами» в руках против всего мира. Один из героев сборника, Вострицкий, ловит себя на простой мысли: при ближайшем рассмотрении почти все ополченцы оказываются на редкость добры и жизнелюбивы. И некая, касающаяся больших политических вопросов, ополченская наивность только подтверждает это общее впечатление. Оттого, что наивность эта взрастает на вере в саму возможность существования истины и добра. Они считают себя носителями правды объемной и важной настолько, что их конкретная жизнь на этом фоне становится почти невесомой.

Вострицкий пытается вернуть своим суждениям скептическую трезвость и несколько раз осаживает себя: «Успокойся. Они просто люди. Перестань подозревать в них ангельскую природу. Иначе разочарование будет очень болезненным».

И отвечает сам себе: «Ну и что!».

На войне, знает каждая бабка, за наших — всегда воюют хорошие. А плохие — они воюют за чужих; так повелось.

Чему научили нас герои Крымской войны (На двухсотлетие Афанасия Фета)

«Крымское эхо», 05.12.2020

Я вырос на Северной стороне Севастополя, сотни раз бывал на знаменитом Братском кладбище, где похоронены герои Крымской войны, и готов подписаться под каждым словом Афанасия Афанасьевича Фета: «Нигде и никогда не испытывал я того подъема духа, который так мощно овладел мною на Братском кладбище. Это тот самый героический дух, отрешенный от всяких личных стремлений, который носится над полем битвы и один способен стать предметом героической песни. Кто со смыслом читал «Илиаду», начало «Классической Вальпургиевой ночи» во второй части Фауста или «Севастопольские рассказы» графа Льва Толстого, — поймет, о чем я говорю».

Сегодня, 5 декабря (23 ноября по старому стилю) 2020 года, исполнилось двести лет со дня рождения русского поэта Афанасия Афанасьевича Фета. Не Пушкин и не Лермонтов, он тем не менее оставил свой достаточно яркий след в истории отечественной литературы.

По примеру Пушкина в 1879 году Фет совершил почти обязательное для образованного человека его времени путешествие в Крым. «Стыдно проживать в недалеком сравнительно расстоянии от Крыма и умереть, не видавши южного берега», — объяснил поэт свою поездку.

На полуострове Фет гостил у своего однополчанина Ксенофонта Ребиллиоти в селе Актаци (ныне — Фурмановка) под Бахчисараем, постоянно вспоминал и цитировал крымские стихи Пушкина, посетил Ханский дворец, Симферополь, Ялгу, Байдарские ворота, но самое большое впечатление на поэта произвел лежавший в руинах после Крымской войны Севастополь и Братское кладбище.

Здесь надо заметить, что во время Крымской войны поручик Фет сам служил в армии, но не на полуострове, а в Балтийском Порту (ныне эстонский городок Палдиски). История сохранила для нас встречу двух поручиков-литераторов — Толстого и Фета в дни Крымской войны дома у штатского Тургенева в Санкт-Петербурге.

«— Что это за полусабля? — спросил я, направляясь в дверь гостиной, — писал Фет в своих «Воспоминаниях».

— Сюда, пожалуйста, — вполголоса сказал Захар (слуга Тургенева — автор.), указывая налево в коридор. — Это полусабля графа Толстого, и они у нас в гостиной ночуют. А Иван Сергеевич в кабинете чай кушают.

В продолжение часа, проведенного мною у Тургенева, мы говорили вполголоса из боязни разбудить спящего за дверью графа.

— Вот все время так, — говорил с усмешкой Тургенев. — Вернулся из Севастополя с батареи, остановился у меня и пустился во все тяжкие. Кутежи, цыгане и карты во всю ночь; а затем до двух часов спит как убитый».

О том, какое значение имела для Фета Крымская война, какое впечатление произвел на него послевоенный Севастополь, свидетельствует написанное поэтом в 1887 году, через восемь лет после путешествия на полуостров, стихотворение «Севастопольское братское кладбище».

Какой тут дышит мир! Какая славы тризна
Средь кипарисов, мирт и каменных гробов!
Рукою набожной сложила здесь отчизна
Священный прах своих сынов.
Они и под землей отвагой прежней дышат...
Боюсь, мои стопы покой их возмутят,
И мнится, все они шаги живого слышат,
Но лишь молитвенно молчат.
Счастливы! Вышею пылали вы любовью:
Тут что ни мавзолей, ни надпись — все боец,
И рядом улеглись, своей залиты кровью,
И дед со внуком, и отец.
Из каменных гробов их голос вечно слышен,
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так возвышен,
Что им завидовать грешно...

«Им внуков поучать навеки суждено». Они и поучают — Эдуард Тотлебен, Степан Хрулев, Федор Нарбут, Модест Новиков, Иван Руднев, Моисей Торопов, Александр Защук и другие герои Крымской войны, похороненные на Братском кладбище в Севастополе, в десяти минутах ходьбы от дома, в котором я вырос.

Поучают, что Севастополь и Крым — русская земля навеки.

Благодаря их урокам наши отцы, деды и прадеды отстояли полуостров в годы Великой Отечественной войны, а мы шесть с половиной лет назад вернули его в состав России.

Без русских солдат, равно как и без русских писателей — без Фета, без Толстого, без Пушкина, без Гоголя, без Чехова — это было бы невозможно.

Именно они сделали Крым русской землей. Именно они превратили наш полуостров в часть Русского мира. И именно они, а не Чалый, не Константинов, не Аксенов и уж тем более не пресловутые «зеленые человечки» в конечном итоге привели крымчан на референдум 16 марта 2014 года.

Крым был, есть и будет частью Русского мира. И никто и никогда не сможет этого изменить — ни Зеленский, ни Байден, ни Меркель с Джонсоном. Все, что можно посоветовать вышеназванным господам — немного... почитать. Хотя бы Афанасия Афанасьевича Фета или его друга Льва Николаевича Толстого: «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникли в душу вашу чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...»

«Можем утешиться: на каком бы умственном уровне ни стояли мы в настоящее время, — вековечный пример защитников Севастополя, почивших на Братском кладбище, никогда для нас не пропадет, и Россия не перестанет рождать сынов, готовых умереть за общую мать», — писал Афанасий Афанасьевич Фет.

Подписываюсь.

**Нигде так остро и светло не чувствуешь
себя русским!
(Крым в публицистике Захара Прилепина)
«Современная картина мира: крымский контекст».
Книга 3, 2020**

ВВЕДЕНИЕ

Событие такого исторического масштаба, как воссоединение Крыма с Россией, не могло оставить безучастным русских писателей, которые, как известно, со времен Пушкина, Толстого и Достоевского претендуют на роль не просто литераторов, а учителей, моральных авторитетов, пророков и судей.

Реакция «живых классиков» на крупнейшее геополитическое событие XXI столетия на постсоветском пространстве оказалась разной. Украинская зима 2013–2014 годов и неизбежно (как астрономически, так и политически) наступившие за ней крымская весна и донбасское лето разделили наших писателей на два противоположных, часто — враждебных лагеря. Впрочем, еще точнее было бы сказать, что воссоединение Крыма с Россией стало индикатором, указавшим на давно, чуть ли не испокон русского веку, существующее среди отечественных литераторов разделение на «патриотов-государственников-славянофилов» и «либералов-западников». Рукописи первых, подобно лакмусовым бумажкам из школьных опытов по химии, окрасились в российско-крымские триколоры, рукописи вторых — в жовто-блакитные цвета незалежной, теперь уже и от Крыма с Донбассом, Украины.

Среди «патриотов-государственников» оказались Захар Прилепин, Эдуард Лимонов, Александр Проханов, Сергей Шаргунов, Саша Соколов и иже с ними. Среди сочувствующих обандерившейся, окончательно освобождающейся от «проклятого советского прошлого» Украине — Дмитрий Быков, Борис Акунин, Людмила Улицкая, Владимир Сорокин, Виктор Шендерович...

Эти списки можно продолжать и продолжать. Выше приведенные фамилии — лишь, выражаясь языком современной массовой культуры, фронтмены двух противоположных мировоззренческих школ отечественной словесности.

В пылу политической и идеологической борьбы писателям, как правило, некогда облекать свои мысли в форму художественных произведений, и они обращаются к инструментарию публицистики. Именно в публицистических текстах идеи нынешних наследников учительских традиций классиков золотого века изложены в чистом, не «запутанном» хитросплетениями романнных фабул, виде.

Темой настоящей статьи стала крымская публицистика одного из самых заметных современных русских писателей — Захара (Евгения) Прилепина, вдохновленная воссоединением полуострова с Россией весной 2014 года. Цель работы — исследовать, как Прилепин осмысливает те события, определяет их место в истории России, Русского мира и мира в целом. Задачи — объяснить причины обращения писателя к крымским реалиям, показать, как они отражаются в публицистических произведениях автора, продемонстрировать его связь с русской литературной традицией.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

«Возвращение Крыма России было, как чудо, как восход солнца, — привычно патетически проповедует Проханов. — Это была пора ликования. Народ, прозябавший в сумерках, возвысился духом, воскрес. Народ-подранок, у которого с девяносто первого года все только отбирали, мучили его, казнили, корили, вновь обрел русский цветущий Крым, он обрел свое будущее, он вновь стал народом-мечтателем. Еще не было моста, соединяющего континентальную Россию с полуостровом, а крымский мост между народом и властью, преодолев пропасть, был воздвигнут в одночасье, как в сказке. Началась новая русская эра. Государство Российское повенчалось с Крымом, пало на колени перед алтарем в Херсонесе, оросило свое обгорелое изможденное лицо черноморской живой водой» [6].

«Началось соби́рание Русского мира. В 91-м году за пределами России осталось 27 миллионов русских. Не говоря о народах, которые хотели бы жить с нами. За это никто никогда не ответил! Я еще тогда говорил: смотрите, это выйдет нам всем боком. Мне отвечали: у нас нет гражданской войны, мы не сербы. Я говорю: сербы достойны, они боролись с 27 странами, им не стыдно. А нам пока стыдно. Как мы защитили эти 27 миллионов? Что произошло дальше? Воссоединение Крыма с Россией. Я несентиментальный человек, но когда я видел это по ящику, даже я уронил слезу. И подумал: началось соби́рание русских земель. Теперь второй акт наблюдаем — Донбасс, там восстали русские...» [4], — объясняет Лимонов.

«Я рад, что Крым удалось спасти от разрушения. Это был ход верный... Важно, что с него началось некое восстановление национальной гордости российской» [10], — формулирует Саша Соколов.

А для Дмитрия Быкова все это «собрание Русского мира», все это «восстановление национальной гордости» — всего лишь «кипящий патристический квас».

«Что берег отнят — не в том досада, потерпим, не в первый раз; досада в том, что его не надо отнявшим его у нас. В Гурзуф ли едут они на отдых? В Артеке ли их сыны? На склонах Альп, на карлсбадских водах их виллы размещены. Они же Крыма не знали сроду, на раз доказать могу: ни эти горы, ни эту воду... Им важно накласть врагу! Мы ясно помним весь этот скрежет, не дети, в конце концов: придет Ярош и всех зарежет! Придет и взорвет Сенцов! Американский авианосец на Ялту уже залез, спешит к Тавриде и скоро скосит сакральный наш Херсонес...

Еще припомнят все эти бредни и пламенный абордаж, и то, как сами они наемни кричали, что Крым не наш, — что им до моря? Что им до Крыма? На что им страна моя? Им надо больше огня и дыма, и гордости, и вранья, и чтобы больше диванных воинств, и прочих кипящий квас...» [1].

Кто из них прав?

Ответ на этот вопрос крымчане дали 16 марта 2014 года, абсолютным большинством проголосовав за воссоединение с Россией. «Нигде так остро и светло не чувствуешь себя русским, как в Крыму!» [3] — по-чеховски лапидарно и по-чеховски же талантливо выразил настроение Русского мира в те дни Захар Прилепин.

Захар (Евгений) Прилепин — один из самых популярных современных русских писателей, автор романов «Патологии», «Санькя», «Грех», «Обитель».

В его писательском арсенале — и перо, и штык. Прилепин участвовал в боевых действиях в Чечне и на Донбассе, с оружием в руках отстаивая «свою Россию», как когда-то Лермонтов и Толстой, Гумилев и Туроверов, Солженицын и Симонов, Быков («другой» — Василь) и Астафьев.

Прилепин пишет о том, что знает, что видел своими глазами, в чем принимал участие. И, может быть, именно это вызывает... зависть его интеллектуальных коллег-либералов — Быкова, Акунина и других, которые любят «украинских братьев» и европейские ценности со своих уютных итальянских диванов (или какая там у них мебель в рабочих кабинетах).

Как многим русским писателям прошлого и настоящего, Прилепину часто не хватает отстраненного писательского инструментария и он обращается к публицистике для того, чтобы здесь и сейчас, не откладывая в долгий ящик, отреагировать на происходящие события. В этом Захар похож, например, на Федора Михайловича Достоевского с его тоже донельзя политизированным «Дневником писателя».

По «милитаристскому» определению Прилепина, весной 2014 года за нами, крымчанами, стоял «спецназ русской литературы» [3]. Я, мне кажется, нашел другое, не менее точное сравнение — с книжными... полками. Когда

у меня спрашивают, кто сыграл главную роль в воссоединении Крыма с Россией, я показываю на... книжные ПОлки. Хотя одновременно — и книжные ПолкИ тоже. Пушкин, Гоголь, Толстой, Тютчев, Чехов, Волошин, Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Куприн, Бунин, Шмелев, Булгаков, Маяковский, Солженицын, Аксенов, Бродский... Я мог бы на спор продолжать перечислять фамилии русских писателей и поэтов, так или иначе связанных с Крымом, еще очень долго. Их много — рядовых и великих, рядовых и... офицеров — таких, как тот же самый Лев Николаевич Толстой, в чине поручика оборонявший город-герой Севастополь (он был городом-героем уже тогда, задолго до официального присуждения ему этого звания) от армий цивилизованных европейских держав. Или как сражавшийся на фронтах Первой мировой прапорщик Николай Гумилев, например. Николай Туроверов — в Гражданскую, Константин Симонов — в Великую Отечественную. Все на одну полку и даже в один полк не поместятся. А впрочем, их главным оружием, конечно, было слово.

Русское слово. Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо, просил когда-то Маяковский. Именно эти люди — Пушкин, Толстой, Гумилев, Маяковский... — сделали Крым русской землей. Именно они превратили наш полуостров в часть Русского мира. И именно они, а не Чалый, не Константинов, не Аксенов и уж тем более не пресловутые «зеленые человечки» в конечном итоге привели крымчан на референдум 16 марта 2014 года.

Когда в 1991 году Крым волею случая оказался частью независимой Украины, было абсолютно понятно, что это недоразумение рано или поздно будет исправлено. Великолепно это сформулировал тогда, в девяностые, Александр Исаевич Солженицын в книге «Россия в обвале»: «Сколько русских с негодованием и ужасом пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма — и предательство его при каждом потом крымском конфликте. И беспрекословную, без малейших политических шагов, отдачу Севастополя, алмаза русской военной доблести. Злодейство это совершено было нашей же выборной властью — однако и мы же, граждане, не воспротивились вовремя» [7, с. 81].

Когда я впервые, двадцать с лишним лет назад, прочел эти солженицынские строки, мне тут же пришли на память «Севастопольские рассказы» Льва Николаевича Толстого: «Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился. Но за этим чувством было другое, тяжелое, сосущее и более глубокое чувство: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам» [8, с. 204].

И тогда, в середине XIX, и потом, в конце XX века, было ясно, что Россия обязательно вернет себе эту землю. Те, кто этого не понимал (и не понял до сих пор), просто плохо — не буду говорить знают — иногда они обладают тем или иным формальным запасом знаний — плохо понимают русскую историю и русскую литературу.

Тогда же, в конце XX века, Солженицын пророчески предвосхитил нежизнеспособность Украины в ее постсоветских границах: «Отяжелительная ошибка ее — именно в этом непомерном расширении на земли, которые никогда до Ленина Украиной не были: две донецкие области, вся южная полоса Новороссии (Мелитополь — Херсон — Одесса) и Крым. (Принятие хрущевского подарка — по меньшей мере недобросовестно, присвоение Севастополя вопреки, не говорю, русским жертвам, но и советским юридическим документам, — государственное воровство). Стратегическая ошибка в выборе государственной задачи будет постоянной помехой здоровому развитию Украины, эта изначальная психологическая ошибка — непременно и вредоносно скажется: и в неорганичной соединенности западных областей с восточными, и в двоении (теперь уже и троении) религиозных ветвей, и в упругой силе подавляемого русского языка, который доселе считали родным 63 процента населения. Сколько неэффективных, бесполезных усилий надо потратить на преодоление этих трещин. По пословице: нахвтанное — ребром выпрет». [7, с. 79].

В 2014 году это предсказание русского классика сбылось почти с абсолютной точностью. Пушкин и его наследники создали на полуострове своеобразный культурный щит, сохраняющий Крым в составе Русского мира несмотря ни на какие политические катаклизмы. Этот щит не пробить никакими санкциями. Крым был, есть и будет частью великой России. И никто и никогда не сможет этого изменить — ни Трамп, ни Меркель, ни Джонсон, не говоря уже о Зеленском.

Выпускник филологического факультета провинциального Нижегородского государственного университета Захар Прилепин не только хорошо выучил уроки великих русских писателей прошлого, но и стал продолжателем их традиций, на наших глазах превращаясь в нового классика отечественной словесности.

В наиболее концентрированном виде «прилепинский Крым» можно обнаружить в его публицистической книге «Не чужая смута», посвященной украинскому политическому кризису 2013–2014 годов, одним из результатов которого стало воссоединение полуострова с Россией.

Крымская тема прорастает в публицистике писателя из темы украинской или, точнее, из темы украинско-российской, из темы Русского мира. В основе мировосприятия Прилепина и многих его современников лежит распад СССР — крупнейшая геополитическая катастрофа XX века, которая перевернула мир, а вместе с ним — и нашу жизнь.

«Распад и слабость Российской империи — вот главный и едва ли не единственный повод для бесконечных склок на территории Евразии. Все эти народы умеют жить в мире. Россия — это и есть этот мир, — рассуждает Прилепин. — «Русский мир» — это, конечно же, не только сообщество русских людей. Русский мир — это как раз то состояние, где войны быть не может. Мир в прямом смысле. Состояние русского мира потеряно накануне 1991 года. «Будем искать» [5].

После распада СССР 27 миллионов русских людей вдруг, в один день, оказались иностранцами в ставших независимыми национальных республиках, новые власти которых чаще всего были настроены по отношению к России враждебно. На Украине, по данным переписи населения 1989 года, проживало без малого 12 миллионов этнических русских. Национальная политика киевских властей была направлена на насильственную украинизацию русского населения. При одних президентах — Кучме и Януковиче — она шла медленнее, при других — Кравчуке и Ющенко — убыстрялась, но никогда не останавливалась. Гуманитарный блок в правительстве почти всегда принадлежал выходцам из Галичины со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В 2004 году украинские националисты при организационной и финансовой поддержке Вашингтона устроили мирную оранжевую революцию, однако окончательной победой она не увенчалась. На президентских выборах в 2010 году условно пророссийский кандидат Виктор Янукович взял реванш, и тогда в ход пошел кровавый революционный сценарий, апогеем которого стал государственный переворот в феврале 2014 года.

Реакция русского Юга и Востока в этой ситуации была предсказуемой. Ни к чему иному, кроме как к распаду Украины, такая политика Киева привести не могла. Самуэль Хантингтон указывал на эту опасность еще в конце XX века. Согласно его концепции столкновения цивилизаций, Украина — расколота страна с двумя различными культурами. Линия разлома делит Украину на две части, одна из которых тяготеет к Западу, а другая — к России. «В то время как статистический подход на первый план выдвигает возможность российско-украинской войны, цивилизационный подход снижает ее до минимума и подчеркивает возможность раскола Украины» [9, с. 39], — отмечал ученый и предлагал американскому правительству «оказывать Украине значительную экономическую помощь и предпринимать другие меры для сохранения ее единства и независимости, а также выделять средства на планирование непредвиденных затрат при возможном распаде Украины» [9, с. 40].

Распад Украины стал геополитической реальностью в 2014 году — первым из страны «ушел» Крым, вскоре за ним последовали Донецк и Луганск, и, по мнению многих экспертов, этот процесс еще далеко не завершен.

«На самом деле на Украине все и все, конечно, знали и сами сто раз об этом писали в прессе. За несколько лет до Майдана мне мои львовские товарищи, западенцы в чистом виде, говорили, что их страна может разломиться надвое, так как здесь живут люди, чужие друг другу, — пишет Прилепин. — Я не уточнял у них, почему чужие, — к чему эти провокации, когда ты в гостях! — но тема все равно несколько раз возникала. Товарищи мои прямо говорили мне, что возможна гражданская война. И они прекрасно помнят об этом теперь» [5]. «Этот год (2014 — Автор.) назревал, и однажды посыпался как град», — замечает писатель. — «Любой зрячий мог это предвидеть» [5].

Симпатии Прилепина, естественно, оказываются на стороне крымчан, жителей Донбасса, Одессы, Харькова и других русскокультурных регионов Украины, восставших против захвативших власть в Киеве националистов.

«Даже элементарное сравнение оранжевой революции 2004 года с нынешним Майданом доказывает, что украинская протестующая сторона, мягко говоря, перегнула с «правой» и русофобской риторикой.

В прошлый раз РФ тоже крайне желала влиять на Украину — но не смогла. В этот раз украинская сторона подготовилась — и активно помогла России.

Все понятно: российская пропагандистская машина, Киселев, сорок тысяч борзописцев, оболгавших пресветлую антикоррупционную борьбу лучших людей Украины, составлявших 99,99% от числа выходявших на Майдан... Однако количество видеоматериалов, письменных и устных свидетельств про «Москаляку на гиляку», зажигательного Тягныбока, харизматичного Яроша, портреты Бандеры, гимны УНА-УНСО, исполняемые в сто тысяч свободолюбивых глоток, телефонные переговоры Тимошенко, желающей разрешать все проблемы при помощи пулемета, — да собственно элементарный просмотр украинских форумов и набегу киевлян на российскую Сеть отчетливо демонстрировали градус неприязни, если не сказать ненависти к России и ко всему русскому, кроме Шевчука, Рубинштейна и прогрессивной балерины Волочковой» [5].

У «правосеков» база поддержки изначально была вполне достаточной. Посему националистическая риторика на Майдане стала во многом определяющей — и это не могло не ввести в раздражение Крым и Юго-Восток, давно уже копивших свои обиды» [5], — объясняет Прилепин причины ухода из Украины Крыма и Донбасса.

С другой стороны, по мысли национал-большевика Прилепина, важной движущей силой крымской весны и донбасского лета 2014 года была ностальгия по СССР. Он замечает: «Знаменателен уже тот факт, что противостояние между Майданом и Антимайданом началось возле памятников Ленину, которые на следующий же день после киевской победы ошалевшие победители начали сшибать как граши.

Революция октября 1917-го и тем более великая Победа 1945-го до сих пор значат для многих русскоязычных людей очень и очень многое. Эти даты могут служить точкой отсчета для нашей новейшей идентичности» [4].

Прилепин уверен в том, что русский национализм «в чистом виде» не имеет перспектив в Крыму. «Сколько ни уговаривал «правый» публицист Егор Просвирнин создавать национальные ячейки, или как там он это называл, в Крыму, — никто и не подумал этим заниматься. И правильно сделали. И потому, что это вызвало бы лишнюю напряженность в среде крымских татар. И потому, что, пойдя по этому пути, русскоязычные неизбежно превратились бы в зеркальное отражение «Правого сектора»: а зачем это нужно? Показать, что мы такие же пассионарные? Или такие же дикие?» [5].

И для Крыма, и для Донбасса характерна стихийно «левая», подчеркнута антибуржуазная, антиевропейская (потому что Европа воспринимается как символ чуждого порядка вещей) риторика, утверждение своего «левого» иконостаса — в качестве противопоставления иконостасу «правосеков», полагает публицист.

«Если б в Крым отправили наших самых вменяемых националистов из России с их физиологической ненавистью ко всему советскому — они б там проиграли все на свете, — уверен Прилепин. — В тех местах, где и так много русских, — вовсе не обязательно кричать «Русские, вперед!».

Тем более, что там, как мы догадываемся, треть, а то и половина участников событий имеет украинское или, скажем, татарское, или какое угодно происхождение: зачастую они русские куда больше по внутреннему ощущению, чем по крови.

Педалирование этнической темы иной раз может и навредить.

Народные волнения в Крыму и на Юго-Востоке — проимперские по сути своей и во многом «левые» по риторическому содержанию.

Конечно, происходящее там при умелом подходе можно трактовать и как «борьбу наций за самоопределение», но на Юго-Востоке борьба за самоопределение, при всей ее очевидности — не очевидна.

По большому счету, они не хотят самоопределяться — они просто не желают жить в составе украинской империи — империя российская, даже в нынешнем ее виде, явно нравится им гораздо больше. Какое тут самоопределение: люди просто хотят вернуться домой — оттуда, где пребывали в статусе незваных гостей» [5].

«Итак, Крым выбирает, с кем жить, — реагирует прямо по ходу референдума 16 марта 2014 года писатель. — Данные экзит-пулла — 93% за жизнь с Россией. Даже крымские татары подвели, похоже, некоторых надеявшихся. Крымские татары — прекрасный народ.

Естественно, ждем песню на тему «массовых фальсификаций», как без нее.

Если всерьез: никаких массовых фальсификаций за полторы недели не придумаешь. Тем более, что не было такой необходимости.

Мой на фиг не нужный никому совет украинцам: возлюбить, пока не поздно, Юго-Восток Украины всей душой, дать права на широкую автономию, немедленно принять русский-второй-государственный, умерить антироссийскую риторику, прикрыть всевозможный «Правый сектор» большим чугуном, смирить, насколько возможно, свою непрерываемую правоту и понять, что все случившееся и происходящее — не случайно.

Тогда будет шанс на мир и взаимопонимание, которое так нужно вашей стране.

И не надо тут рассказывать про «титушек» и «донецкое быдло». Поберегите свою страну. Вас же слышат там. Ежедневно и уже которую неделю ваши бешеные голоса слышны всем» [5].

Прилепин был прав дважды. И в своих советах, и в том, что понимал: они на фиг не нужны тем, кто пришел к власти на Украине. Дальнейшие события, обернувшиеся кровопролитной гражданской войной на Донбассе, наглядно это подтверждают.

«Тут уже побежала веселая шутка «Почему 93%, а не 150%», и прочее зубоскальство на эту тему. Лучше идите и посмотрите на свой Юго-Восток, это отрезвляет. Там какие-то неправильные украинские люди начинают партизанскую войну против украинской армии. Их наверняка 0,00001% от всех правильных украинских людей. Как и в Крыму. Но они очень активны, и милиция переходит на их сторону.

Хоть бы один украинец вместо толпы зубоскалов зашел и сказал: «Вы, москали, мудаки, конечно, но мы реально что-то не досмотрели в хозяйстве».

Щас, зайдет. У всех час веселья. Прогрессивная общественность, вы тоже к столу поскорее. Вместе веселей. Итак, напоминаю шутку: «А почему 93%, а не 175%??? У-ха-ха, о-ха-ха».

Лечебный смех» [5].

Прилепин полностью поддерживает позицию, которую занял во время украинского кризиса Кремль: «Неужели России меньше дела до Украины, чем немцам или румынам? Ну, правда? На Украине куда больше людей, которые говорят на русском, чем на английском, французском, немецком или польском вместе взятых» [5].

По мнению писателя, Россия просто обязана была встать на защиту миллионов своих соотечественников, подвергавшихся опасности на Украине после прихода там к власти радикальных националистов. «Вы хотите, чтоб мы сделали вид, что здесь про это забыли? — задается Прилепин риторическим вопросом и резюмирует: «Грош цена была бы такой России» [5].

Воссоединение Крыма с Россией не было (и еще долго не будет) признано США и их союзниками. Коллективному Западу не нужна сильная,

собирающая земли Россия, у него были (и остаются) совсем другие виды на Крым, с незапамятных времен находящийся в центре борьбы сверхдержав.

Для Прилепина позиция США и их союзников — яркий пример двойных политических стандартов, когда то, что положено Вашингтонскому «Юпитеру», не положено московскому «быку».

«Насильственная смена режимов — было? Было! На половине континентов! Поддержка оружием сепаратистов — было? Было. В десятках стран! Обещали бомбу у Саддама — нашли? Не нашли. Ввод войск куда попало — было? Было! Раздел суверенных государств — было? Было! — восклицает Прилепин. — Но это, конечно же, не нарушало «баланс», кислотно-щелочной.

Даже присоединение одной части страны (Германии) к другой — и то было, вопреки голосам многих несогласных, но это не считается, потому что «оно само срослось», не то, что у нас.

Даже самолеты других стран сбивали, с мирными гражданами. И точно знали, кто сбил.

А еще ввали, лгали, пудрили целому миру мозги самой подлой пропагандой — все это было. Расстреливали парламенты и любовались.

Подогнали, вопреки обещаниям, ракеты к самому носу, НАТО раздудли, едва не лопаются.

Но баланс, конечно, подорвал кто-о-о?.. Правильно, Крым! А кто же? Такого ж не было. Остальное было, а этого нет. Винаватый найден» [5] — характеризует Прилепин политику двойных стандартов США и их союзников, поддержавших в конфликте из-за Крыма Украину.

«Если позицию России по Крыму поддерживает десять стран (и еще большая часть планеты воздерживается по этому поводу) — это, кричат нам, «изоляция», и вообще «Россию стыдит вся планета». А если иные решения по каким-нибудь израильским делам не поддерживает вообще никто, кроме собственно Израиля и США, то тут вообще нечего обсуждать, — пишет публицист. — Россия рассталась с Крымом двадцать три года назад — такой, господи, огромный срок, что об исправлении этой ситуации вообще нужно забыть, даже если в Крыму живут фактически те же самые люди, которых когда-то, не спросив, отделили. А если какой-то народ вдруг решает вернуться и построить свою государственность на той земле, где вроде бы жил несколько тысяч лет назад, — то тут снова нечего обсуждать, а то вам тут так пообсуждают, что голову набок свернут.

Можно обсудить, что Косово отличается от Крыма тем, что в Косово шла резня, и, значит, там требовалось стороннее вмешательство — а Россия на тот момент все проспала и не вмешалась. Пришлось, так уж вышло, американцам.

Но, следуя этой логике, хочется спросить, почему ж нельзя было в этот раз не дожидаться резни и, предотвратив ее, совершить миротворческое вмешательство?

«Но резни же не было в Крыму!» — скажут вам.

«Но могла бы случиться, — скажем мы. — На Юго-Востоке счет арестованным идет на десятки, и есть убитые».

«Это ж сепаратисты», — скажут нам.

И такой спор может продолжаться до бесконечности, до томительной и тоскливой бесконечности, по любому поводу» [5].

Однако, в конце концов, с украинскими националистами, пришедшими к власти в Киеве зимой 2014 года, равно как и с их западными спонсорами и покровителями, по большому счету, все ясно. Другая, не менее, а скорее всего даже более острая, более болезненная для Прилепина тема — позиция российской псевдолиберальной оппозиции, поддерживающей официальную украинскую легенду об оккупации и аннексии Крыма.

«Только в России сложился удивительный, непостижимый класс подавляющей части либеральной интеллигенции и серьезной части оппозиции, который с параноидальным усердием выступает в качестве прокурора интересов своего народа и адвоката народов других.

Кто эти люди? Откуда их завезли сюда?

Почему тридцать тысяч человек на киевском Майдане российской как бы оппозицией воспринимаются как соратники, а тридцать тысяч человек, вышедших на митинг в Севастополе — как противники? Это не титушки, вы же видите — это люди, просящие о помощи на вашем же языке.

Наши «властители дум» отказывают этим людям в пассионарности, силе воле, красоте, честности — и наделяют этими правами исключительно собравшихся в Киеве.

Это же нечестно. Это, в конце концов, не демократично — вы же демократы?

Это, более того, даже подло» [5], — недоумевает Прилепин.

И продолжает: «Подобные аберрации мы заметили уже давно. Когда в Киеве брали администрации — нам объясняли, что это украинцы формируются в «политическую нацию», а когда в Севастополе брали администрации — нам те же самые люди говорили, что это русские «ватники» вспомнили свою «рабскую натуру» и хотят обратно в «совок».

Когда на Майдане пели гимн Украины и гимн УНА-УНСО — все хорошие и мирные люди плакали, присутствуя при «подъеме национального самосознания украинского народа», а когда в Севастополе пели гимн России, а Москва им подпевала — те же самые хорошие и мирные люди морщились от брезгливости» [5].

«Певец Макаревич и режиссер Звягинцев пишут письмо «против войны» — которое вполне можно трактовать как «на кой черт нам полтора миллиона этих русских, пусть украинцы с ними разберутся по закону»; это позиция. Позиция с большой буквы. Но когда режиссер Лунгин и джаз-

мен Бутман выступают в поддержку Крыма — это «конформизм» и вообще «стыд». Потому что «позиция» бывает только у правильных и хороших людей» [5].

Тут невольно приходит на ум уже упоминавшийся нами Федор Михайлович Достоевский с его классической характеристикой: «По моим многочисленным наблюдениям, никогда наш либерал не в состоянии позволить иметь кому-нибудь свое особое убеждение и не ответить тотчас же своему оппоненту ругательством или даже чем-нибудь хуже» [2, с. 246].

Российские либералы ничтоже сумняшеся отказывают крымчанам в праве иметь собственное мнение на события в Киеве, в праве самим решать свою судьбу, наконец, просто в праве на самооборону, потому что мало у кого из ответственных экспертов есть сомнения в том, что в случае, если бы Крым не вернулся в Россию, здесь началась бы такая же война, как на Донбассе.

«Позиция Крыма и Юго-Востока в расчет не принимается: то есть этих людей с их не-желанием идти к европейским ценностям (можно даже без кавычек) в принципе — нет. Составляют ли они 97% или 57% от общего числа проживающих в регионах — не имеет значения, их в принципе не существует. Есть только свинцовая тяжесть кремлевских башен.

...А люди есть в Крыму? Люди-то есть там или нет? Они хоть что-то значат, с их собственным мнением?

Нет. Субъект истории — это только те, кто на Майдан выходят. А всякие там ополченцы — это пешки кремлевские.

Такая наша демократия. То она есть, то ее сразу нет.

Надо уже ввести во все европейские хартии новый закон. Вот он.

Так как русские люди — народ к демократии не склонный, демократические установки и демократические понятия на них не распространяются и к ним не применяются» [5], — пишет Прилепин.

У него (как и у подавляющего большинства бывших советских граждан) давние счеты с либералами.

«Это они в течение нескольких лет, с 1987-го по 1991-й, тоннами разоблачительных материалов взъярили огромную часть населения СССР до такой степени, что целый народ впал в экстаз самоубийственного мазохизма.

Это они подготовили в меру сил распад СССР, естественно, сказав, что он «сам развалился», хотя сегодня они почему-то не говорят, что распавшийся СССР «сам восстанавливается».

Это они в целом оправдали события 1993 года и расстрел парламента.

Это они настаивали (и настаивают) на легитимности убойных реформ девяностых годов, имевших катастрофические последствия для миллионов россиян.

Это они поддерживали «национальные фронты» во всех бывших республиках СССР, и потом, когда в этих странах воцарились режимы, испове-

дующие в той или иной степени русофобию, никоим образом не раскаялись в содеянном.

Это они дружно фальсифицировали и легимитизировали выборы 1996 года.

Это они во время приднестровских, чеченских, абхазских событий последовательно выступали в качестве сторонников сил, ориентированных не на Россию, а против России; и в югославском случае — тоже» [5], — излагает свой «счет» публицист.

И резюмирует: «То, что сегодня они предпочли «общемировые ценности», «закон и право» (в их понимании), «суверенные интересы Украины» — очевидному волеизъявлению миллионов граждан, считающих себя русскими и желающих связать свою судьбу с Россией, какой бы Россия ни была на данный момент, — это традиционная история» [5].

«Удивительно только то, что на этот раз сама жизнь обернулась иначе. Поверьте, если бы ситуация сложилась бы традиционно (в пользу «прогресса») — либеральная общественность не испытывала бы никакой жалости ко всей этой «русской весне», не вступалась бы за интересы русскоязычного населения, за какого-нибудь Чалого и какого-нибудь Аксенова, которых безусловно посадили бы, — а радостно праздновала бы свою победу, как праздновала уже не раз.

И всей нынешней ее риторики по поводу того, что «подло сеять рознь в обществе», «подло выступать на стороне силы» (как будто это не они зывали к НАТО и ОБСЕ только что — чтобы самим выступить на стороне силы) и «подло толкать и так уже гонимого», — не было бы.

Было бы чистейшее чувство упоения, не взирая на, на и на.

Я прожил большую часть своей жизни, наблюдая это упоение.

У меня очень мало сил осталось на чувство сочувствия. Осталось, но мало. И не только у меня. Четверть века — срок немалый. Постарайтесь это понять» [5].

По мысли Прилепина, такая в сущности антигосударственная оппозиция, существующая в России уже не одно столетие, не имеет аналогов в мире: «Вся эта как бы оппозиция и как бы интеллигенция отстаивает не русский народ и не русский язык — а свои ценности. Для них либеральные ценности (так, как они их понимают) или националистические ценности (как они их с трудом понимают) — важнее ценностей собственно русских. Подобная оппозиция аналогов в мире не имеет. Действуя в этом направлении, наши герои достигают удивительных глубин и высот демагогии» [5].

Прилепин недоумевает: «Почему одни и те же люди не хотят возвращения Крыма в Россию даже с референдумом, а Курилы предлагают отдать Японии совсем без оногo? Про Чечню вообще молчу. В 1996 году Борис Немцов, на тот момент губернатор Нижегородской области и вероятный

преемник Ельцина, собрал пятьсот тысяч подписей за независимость Чечни. Сегодня с удовольствием собрал бы, если б мог, столько же за независимость Крыма. Общее в данном случае одно: и та, и другая территория должна быть независима от России. И Курилы, Курилы!» [5].

Тут невольно вспоминается еще одно классическое русское произведение, только уже кинематографическое. «Иван Васильевич меняет профессию». Там, помните, даже у вора-рецидивиста Жоржа Милославского хватает государственного мышления, чтобы одернуть Ивана Васильевича Буншу, намеревающегося подарить шведам Кемскую волость: «Да ты что, сукин сын, самозванец, казенные земли разбазариваешь? Так никаких волостей не напасешься!».

«Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию. Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, все. Если есть для него оправдание, так разве в том, что он не понимает, что делает, и свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм...» [2, с. 277] — снова призыву я в союзники Федора Михайловича Достоевского.

Ирония по отношению к украинским националистам, российским либералам, американским и западноевропейским политикам — важный прием в публицистике Прилепина, часто работающий более эффективно, чем пафос. «Историк и политолог Андрей Зубов предсказал немедленное начало третьей мировой войны из-за аннексии Крыма, — пишет Захар. — Вы заметили, что политическая аналитика либеральной общественности — это, как правило, и не аналитика вовсе, а набор писем Дедушке Морозу: во-первых, дедушка, я хочу, чтоб за ради моей правоты началась война, во-вторых, пусть рухнет экономика и как можно скорей, в-третьих, пусть Крым останется без воды и поплачет о своей глупости, а в-четвертых, пусть резко обнищавший рабский народ приползет к нам на коленях, вопя о нашей правоте. Дедушка, але, записал?» [5].

О точности оценок и прогнозов либеральной псевдоэлиты мы можем сейчас уверенно судить с высоты прожитых после воссоединения Крыма с Россией пяти лет. Приведенный выше фрагмент — один из многих, наглядно демонстрирующих всю «глубину» их либерального анализа.

Прилепин предлагает свою ироничную классификацию российских либералов: «Либерал модификации «пора валить», модификации «моя страна больна», модификации «Слава Украине!», модификации «86% россиян, поддерживающих возвращение Крыма, — главная проблема России» — зачем он нужен, какая от него польза?» [5].

При этом одновременно публицист справедливо замечает, что никто не мешает нашим либералам свободно высказывать их часто в сущности антигосударственную точку зрения, и уже одно это наглядно свидетельствует о том, что современная Россия — свободная страна. «Позиция либеральной и части националистической общественности по поводу украинских событий — на мой вкус, является показателем высокой духовной свободы России. У нас представлена самая широкая палитра мнений: вот вам прекрасный поэт Дмитрий Быков с одной позицией, а вот вам прекрасный поэт Игорь Караулов — с другой. Вот вам классик Андрей Битов с одной позицией, а вот вам классик Юрий Кублановский — с другой. Вот вам Улицкая, а вот — Валентин Распутин. Вот Лев Рубинштейн, а вот Юнна Мориц. Вот Акунин, а вот — Лимонов. На любой вкус и цвет. Кому Девогченко и Богомолов, кому Ярмольник и Шахназаров. Кому Андрей Макаревич и Юрий Шевчук, а кому Константин Кинчев и Александр Скляр.

Смотрю и радуюсь. Красота.

Всех этих людей надо беречь. И первых, и вторых.

Но.

Если взгляды, которые излагают товарищи из первого ряда, начнут явно или втайне излагать люди, работающие в правительстве, в министерстве иностранных дел и в вооруженных силах — этих людей надо гнать и судить, судить и гнать.

Вот такие у нас двойные стандарты.

Что позволено поэту — не позволено политику. Поэтов обижать не стоит, а политика можно и повесить, у него работа такая. Ибо должен чувствовать свою ответственность» [5].

Захар Прилепин чувствует себя частью литературной традиции, можно сказать — частью истории русской словесности, регулярно апеллируя к классикам прошлого, демонстрируя фундамент, традиционную русскую почву (вспоминаем писателей-почвенников XIX века), на которой зиждутся его идеалы.

Прилепин как бы ищет себе поддержки у классиков, противостоя современным либеральным российским писателям, осуждающим воссоединение Крыма с Россией. По одну сторону литературных (и не только литературных) баррикад с писателем оказываются Пушкин, Толстой, Достоевский, Тютчев и даже Ильф с Петровым.

«Русская классика — опасная штука. Табличку «Не влезай — убьет» можно вешать» [5], — замечает Прилепин.

«Это я выписал в связи с тем, что тут один молодой литератор пытался мне через столичную газету объяснить: не стоит вспоминать имена Пушкина, Тютчева и Достоевского и пытаться угадать, как бы они реагировали на нынешние события.

Нет, ребята. Стоит вспоминать имена Пушкина, Тютчева и Достоевского, потому что если у вас временно помутился разум — можно взять ума взаймы у классиков. У классиков ума много.

Пушкин в те же времена писал, что отношение Европы к России характеризуется двумя вещами: «невежеством и неблагодарностью» [5].

«Образованные люди прекрасно отдают себе отчет, какую позицию заняли бы сегодня другие представители «советской культуры» в лице таких разных персонажей, как Солженицын или Бродский; идем дальше — как Михаил Булгаков или Леонид Леонов, идем еще дальше — как Достоевский или Константин Леонтьев, Гоголь или Пушкин; о Грибоедове или Державине вообще молчим — эти вообще были на службе у тиранов. Во всех перечисленных случаях вопрос выбора вообще не стоял бы и минуты» [5].

Прилепин цитирует письмо Федора Тютчева: «Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это русофобия некоторых русских людей. Раньше они говорили нам, и они действительно так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д. и т.п., что именно беспорядком в ней всего этого им и нравится Европа. А теперь что мы видим? По мере того, как Россия, добываясь все большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается. Что же касается Европы, то, как мы видим, никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации нисколько не уменьшили их расположения к ней... Словом, в явлении, о котором я говорю, о принципах как таковых не может быть и речи, действуют только инстинкты...» [5].

Именно в неправильном прочтении русской классики Прилепин видит причины ошибок либералов: «Русская классика — вещь страшная. Когда наша интеллигенция сначала признается в любви к «Пушкину-Лермонтову», зовет на помощь Чехова и Шукшина, а следом говорит: «...но мы ненавидим эту чудовищную Россию, с ее государством, с ее зверством» — это означает, что либо они классики не читали, либо читали ее каким-то особым способом. По диагонали, с конца к началу, в переводе с русского на древнеарамейский, или еще как-то, я не знаю» [5].

Противостоя Дмитрию Быкову, Виктору Шендеровичу и компании, Прилепин продолжает традиционную для русской литературы полемику между славянофилами и западниками:

«Времена — не изменились, — пишет Прилепин. — Ну, не считая того, что группа поддержки шляхты теперь сидит в лучших московских кафе, и отдельные ребята из числа крымских татар сидят с ними же» [5].

«Все это в который раз напоминает те самые сцены в «12 стульях» (и не только), когда собирается публика «из бывших» и питает друг друга слуша-

ми о назревающем перевороте в Москве и интервенции (даже в «Поднятой целине» это есть)» [5].

Борис Немцов немного похож на Остапа. Валерия Новодворская похожа на маму Остапа. Она вообще оказалась плодовита, у нее тысячи злых детей, к сожалению, лишенных очарования и остроумия товарища Бендера, зато политизированных.

Русская классика, как ты надежна» [5].

Рядом с литературными параллелями у Прилепина — параллели исторические, в частности, апелляции к событиям Крымской войны 1853–1856 годов, в которой действительно во многом реализовалась политическая проблематика, до сих пор не потерявшая своей актуальности.

Вот как наполовину иронично, наполовину всерьез осмысливает Прилепин первую Крымскую войну 1853–1856 годов:

«По поводу Крымской войны. Той, середины XIX века, где Лев Толстой сражался (после того, как повоевал в Чечне).

С чего началось.

Россия тогда ввела войска в Молдавию и Валахию, принадлежавшие Турции (которая в свое время, соответственно, захватила то, что ей не принадлежало).

Но, почувствовав, что «просвещенная Европа» осуждает «российскую военщину» (началась массированная кампания в европейских СМИ, все «цивилизованное человечество» потребовало осудить агрессора), Николай I, представьте, вывел войска.

«На фиг, на фиг, — решил Николай I. — Может, правда, что-то не то сделали».

Хотя отлично знал, что сделал все верно, пытаюсь остановить британское продвижение на Восток.

(Кстати, ровно половину населения Турции составляли на тот момент славянские народы, которые, мягко говоря, находили такое положение вещей несколько неприятным.)

Вывел войска и думает царь-батюшка: ну, обошлось.

Между тем, против России уже изготавились воевать Англия, Франция и Италия. (Все эти просвещенные страны очень болезненно переживали проблемы столь милого, любезного и даже родного им турецкого народа.)

И что вы думаете, просвещенная Европа передумала воевать? Как бы не так.

Французский император Наполеон III сказал тогда: «Мне все равно, желает ли Россия очистить княжества или нет, но я хочу ослабить ее и не заключу мира, пока не достигну своей цели».

Ни дать ни взять — Барак Обама. Спичрайтер у них точно общий.

Кстати, выражение «колосс на глиняных ногах» по отношению к России придумали именно тогда. Кто? Немецкие либералы.

...Да, надо напомнить, что к Англии, Франции и Италии присоединились, конечно же, Австрия и Пруссия» [5].

Коллективный Запад «сдерживал» Россию в Крыму тогда, в середине XIX века, пытается сдерживать ее на тех же рубежах и сейчас — в начале XXI.

При этом достается от Прилепина и официальным российским властям. Он замечает, что и сейчас в органах государственной власти немало сторонников Запада. «Люди либеральных взглядов до сих пор составляют не менее половины (хоть и молчаливой половины) в правительстве. Другую половину составляют «государственные патриоты», которые станут при любом изменении конъюнктуры хоть демократами, хоть анархистами, хоть свидетелями Иеговы» [5], — с сарказмом и одновременно сожалением констатирует Прилепин.

Лето 2014 года — не первое такое лето в России, замечает публицист и вспоминает, как в далеком 1870 году был опубликован циркуляр о расторжении Парижского трактата (того самого, что поставил Россию в униженное положение после Крымской войны).

«И как, вы думаете, реагировала российская столичная аристократия?

Тютчев писал тогда «про жалкое и даже возмутительное поведение петербургских салонов... «Я встречал бывших министров и теперешних государственных деятелей, которые на основании разглагольствований иностранной прессы краснели самым искренним образом за ужасный скандал, в котором мы провинились...»

Они заявляли, что впредь не решатся смотреть иностранцам в лицо... Буквально так...».

Узнаете нынешние голоса?

«Мне стыдно быть русским!».

А вы говорите: Шендерович, Шендерович.

Шендерович родился не вчера. Он всегда тут жил. Берегите его. По крайней мере, пока Шендерович выглядит как Шендерович — его можно опознать. А если он выглядит как «государственник», «бывший министр», «деятель», «патриот» и даже «борец с либерализмом»? Но при этом самой главной ценностью для него является «честно смотреть иностранцам в лицо»? Ведь и такое тоже случается» [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, воссоединение Крыма с Россией весной 2014 года стало индикатором, указавшим на испокон веков существующее среди отечественных литераторов разделение на «патриотов-государственников» и «либералов-западников».

Захар Прилепин — один из лидеров «патриотов-государственников», для которых воссоединение Крыма с Россией стало главным событием новейшей русской истории.

В наиболее концентрированном виде «прилепинский Крым» можно обнаружить в его публицистической книге «Не чужая смута». Как многим русским писателям прошлого и настоящего, Прилепину часто не хватает отстраненного писательского инструментария и он обращается к публицистике для того, чтобы здесь и сейчас, не откладывая в долгий ящик, отреагировать на происходящие события.

Крымская тема прорастает в публицистике писателя из темы Русского мира. В основе мировосприятия Прилепина и многих его современников лежит распад СССР — крупнейшая геополитическая катастрофа XX века, которая перевернула мир, а вместе с ним — и нашу жизнь.

Для Прилепина, так же как и, к примеру, для Солженицына, распад независимой Украины выглядел неизбежным задолго до 2014 года. Писатель не приемлет украинский национализм и полностью поддерживает позицию, которую занял во время украинского кризиса Кремль. По его мнению, Россия просто обязана была встать на защиту миллионов соотечественников, подвергавшихся опасности на Украине после прихода там к власти радикальных националистов. И наоборот, позиция США и их союзников, отказывающихся признавать воссоединение Крыма с Россией, для писателя яркий пример двойных политических стандартов.

Много внимания в своей публицистике Прилепин уделяет российской либеральной оппозиции, поддерживающей миф об оккупации и аннексии Крыма. По мысли Прилепина, российские либералы отказывают крымчанам в субъектности, в праве решать свою судьбу. Такая, в сущности антигосударственная, оппозиция, существующая в России уже не одно столетие, не имеет аналогов в мире, утверждает Прилепин. При этом одновременно публицист замечает, что никто не мешает нашим либералам свободно высказывать их точку зрения, и уже одно это наглядно свидетельствует о том, что современная Россия — свободная страна.

Захар чувствует себя частью литературной традиции, частью истории русской словесности, регулярно апеллируя к классикам прошлого, демонстрируя фундамент, традиционную русскую почву, на которой зиждутся его идеалы.

Прилепин как бы ищет себе поддержки у классиков, противостоя современным либеральным российским писателям, осуждающим воссоединение Крыма с Россией. По одну сторону литературных (и не только литературных) баррикад с писателем оказываются Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Тютчев, Булгаков, Солженицын, Бродский, которые, по мнению Прилепина, не колеблясь ни минуты поддержали бы крымчан в их решении.

Рядом с литературными параллелями у Прилепина — параллели исторические, в частности, апелляции к событиям Крымской войны 1853–1856 го-

дов, в которой реализовалась политическая проблематика, до сих пор не потерявшая своей актуальности.

Коллективный Запад «сдерживал» Россию в Крыму тогда, в середине XIX века, пытается сдерживать ее на тех же рубежах и сейчас — в начале XXI, полагает писатель.

По Прилепину, воссоединение Крыма с Россией — это мощнейший пассионарный всплеск в истории нашей страны. «К чему ведем: Россия переживает времена мощнейшего пассионарного всплеска. Нам не нужно подыскивать актеров, чтоб «красиво изобразили», — мы вполне можем на них посмотреть своими глазами... Все мы живем в необычные времена. Про такие времена потом дети в книжках читают и думают: ах, если б это было при мне! Это при тебе, сынок, это сейчас» [5], — пишет публицист.

Этот пассионарный всплеск обязательно найдет свое отражение и в великой русской литературе. Рано или поздно воссоединение Крыма с Россией вдохновит кого-то из отечественных писателей на большую художественную книгу о, пожалуй, главном событии в новейшей истории Русского мира. Не может быть, чтобы из такой плодородной почвы не вырос классический русский роман. Просто для этого нужно время. Сейчас идет период прежде всего публицистического осмысления произошедших исторических событий. Период художественного их воплощения — впереди. Вспомним, наша величайшая литературная эпопея — «Война и мир» — была создана через полвека после Отечественной войны 1812 года писателем, который не был ни ее участником, ни очевидцем. Хотя и у участников, и у очевидцев крымской весны и донбасского лета 2014 года, включая самого Захара Прилепина, еще есть шансы.

Список литературы

1. Быков, Д. Л. «Тут был один полуостров Божий, но Бога там больше нет» / Д. Л. Быков // «Новая газета». — № 28. — 20.03.2017.

2. Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений в 30 томах. — Т. 8. — М.: «Наука», 1973.

3. Дремлюгин, А. Захар Прилепин: «Нигде так остро и светло не чувствуешь себя русским, как в Крыму!» [Электронный ресурс] / А. Дремлюгин // «Крымский журнал». — 2016. — Режим доступа: <http://journalcrimea.ru/zahar-prilepin-nigde-tak-ostro-i-svetlo-ne-chuvstvuesh-sebya-russkim-kak-v-krymu/> (Дата обращения: 31.10.2019).

4. Подъяблонская, Т. Эдуард Лимонов: «Когда Крым воссоединился с Россией, даже я прослезился!» [Электронный ресурс] / Т. Подъяблонская // «Комсомольская правда». — 19.05.2016. — Режим доступа: <https://www.tver.kp.ru/daily/26531.4/3547862/> (Дата обращения: 31.10.2019).

5. Прилепин, З. Не чужая смута. Один день — один год (сборник) [Электронный ресурс] / З. Прилепин. — М.: АСТ, 2015. — 1 CD-ROM.

6. Проханов, А. А. Крымское солнечное затмение [Электронный ресурс] / А. А. Проханов // «Завтра». — 17.08.2018. — Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/krimskoe_solnechnoe_zatmenie (дата обращения: 31.10.2019).

7. Солженицын, А. И. Россия в обвале / А. И. Солженицын. — М.: «Русский путь», 2006. — 208 с.

8. Толстой, Л. Н. Севастополь в августе 1855 года / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений в 12 томах. — Т. 2. — М.: «Художественная литература», 1973.

9. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2006. — 571 с.

10. Шитов, А. Саша Соколов: у меня голова совершенно русская [Электронный ресурс] / А. Шитов // ТАСС. — 06.02.2017. — Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/3993932> (Дата обращения: 31.10.2019).

Большое искусство и большая политика: почему Уинстон Черчилль получил Нобелевскую премию по литературе раньше, чем Эрнест Хемингуэй?

***«Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки». Т.6. № 3 (72). 2020***

ВВЕДЕНИЕ

1953 год вошел в историю не только как год смерти генералиссимуса Сталина, но и как год необыкновенного триумфа его бывшего союзника во Второй мировой войне, партнера в дни Ялтинской конференции, а к тому времени — непримиримого политического соперника Уинстона Черчилля.

Генералиссимус Сталин в 1953 году умер, а Черчилль — получил Нобелевскую премию в совершенно невероятной ни до, ни после этого для политика области — в области литературы.

К тому времени еще ждали своей очереди за самой престижной литературной наградой такие мэтры, как Эрнест Хемингуэй, Джон Стейнбек, Альбер Камю, Жан-Поль Сартр, Борис Пастернак, Михаил Шолохов.

А, например, еще один признанный классик русской и мировой литературы, также уже хорошо известный к тому времени, Владимир Набоков, и вовсе эту премию никогда не получил. То же самое касается аргентинца Хорхе Луиса Борхеса, американца Джерома Сэлинджера и многих других мастеров художественного слова.

Почему же Нобелевский комитет по литературе предпочел в 1953 году действующего премьер-министра Великобритании — Черчилль тогда как раз во второй раз занимал этот государственный пост (с 1951 по 1955 годы) — всем вышеперечисленным конкурентам?

Поискам ответа на этот вопрос и посвящена наша статья «Большое искусство и большая политика: почему Уинстон Черчилль получил Нобелевскую премию по литературе раньше, чем Эрнест Хемингуэй?»

Задачи работы:

— решить одну из загадок мировой литературы XX века, объяснив причины, по которым в 1953 году Нобелевский комитет единственный раз в своей истории решил вручить премию в области литературы политику, а не беллетристу;

— на конкретном историческом примере проанализировать механизмы принятия решения о вручении престижнейшей литературной премии в мире;

— продемонстрировать влияние на решения Нобелевского комитета политического фактора, что не раз отмечалось и в дальнейшей истории премии.

Актуальность работы обусловлена тем, что она анализирует классический интеллектуальный сюжет XX–XXI веков, — историю вручения Нобелевской премии, традиционно считающейся высшей научной (творческой, общественной) наградой если не всего человечества, то как минимум — Западного мира. Политическое, литературное и журналистское наследие Уинстона Черчилля сохраняет свое значение и сегодня, а его участие в Ялтинской конференции 1945 года придает нашему исследованию географическую близость к Крыму.

Методы исследования — описательный; историко-генетический, позволяющий выявить связь решения Нобелевского комитета с развитием политического и литературного процесса в изучаемый период времени; биографический, устанавливающий зависимость между выбором Нобелевского комитета и особенностями биографии Черчилля и его «конкурентов».

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней предпринимается попытка решить одну из историко-литературных загадок XX века, при этом работа позволяет на конкретном историческом примере выяснить механизмы принятия Нобелевским комитетом решения о вручении престижнейшей литературной премии, что само по себе является важной литературоведческой научной задачей.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Сэр Уинстон Черчилль был равнодушен к литературе. Применительно к Крыму это выразилось, например, в том, что именно Черчиллю принадлежала идея дать Ялтинской конференции кодовое наименование «Аргонавты», отсылающее нас к древнегреческому мифу о Золотом руне. Черчиллю мало было просто приехать в советский Крым, чтобы «поделить» послевоенный мир. Он представлял себя одним из аргонавтов, отправляющихся за бесценным сокровищем в далекую землю. И, кстати, Черчилль же чуть раньше, в 1943 году, дал древнегреческий «псевдоним» более ранней встрече Большой тройки в Тегеране, назвав ее «Эврика».

Черчилль ковал свое литературное мастерство в качестве военного корреспондента на Кубе, где он в 1895 году освещал восстание местного населения против испанцев, в Малаканде (ныне территория Пакистана), описывая подавление восстания пуштунских племен в году 1897-м, в Северной Африке, рассказывая об усмирении союзной англо-египетской армией махдистского восстания в Судане в 1898-м, в Южной Африке, повествуя об Англо-Бурской войне, в 1899-м. Его журналистские статьи публиковали такие издания, как «Дэйли График», «Нью-Йорк Таймс», «Дэйли Телеграф», «Морнинг Пост».

«...Черчиллю представилась возможность проявить свой недюжинный литературный талант. Помимо того, что появившиеся в газетах военные репортажи Уинстона принесли ему успех, он понял, что на основе этих заметок можно написать настоящие книги, способные привлечь внимание широкой публики. Так, его первая большая работа «История Малакандской полевой армии», написанная за семь недель, была благосклонно принята критикой и девять тысяч экземпляров книги разошлись в течение года. Удача улыбнулась дерзкому юноше. Он с удовольствием обнаружил, что деньги и слава могут так удачно сочетаться» [1, с. 45].

Черчилль-журналист получил признание как у редакторов и читателей, так и у профессиональных военных. «Репортажи Черчилля получили широкое признание. Позже один офицер, в частном письме, отозвавшись критически об отсутствии реального боевого опыта у большинства журналистов, работавших в Южной Африке, отметил: «Уинстон Черчилль — единственное исключение из многих. Он все видит своими глазами и слышит своими ушами» [2, с. 141].

В изящной словесности Черчилль попробовал себя лишь однажды. Его перу принадлежит роман «Саврола, или Революция в Лаурании», впервые увидевший свет в 1900 году. Уинстону было тогда всего 26 лет. События в книге разворачиваются в вымышленной колониальной европейской державе, имеющей выход к Средиземному морю. Там единолично правит жестокий тиран, против которого восстает главный герой книги Саврола — убежденный демократ и сторонник реформ. Взбунтовавшийся народ свергает диктатора, который погибает на ступенях собственного дворца. Однако победа свободы и демократии омрачена происками тайного анархистского общества, члены которого являются сторонниками насилия. Как говорят биографы Черчилля, в образе главного героя романа он показал самого себя, вложив в этот персонаж многие черты своего характера и свои представления о жизни. Вот что пишет Дмитрий Медведев в своей книге «Черчилль. Оратор. Историк. Публицист. Амбициозное начало 1874–1929»: «Если продолжить сходство Савролы и Черчилля, то есть еще одно важное, системообразующее качество, которое объединяет их. Работа над романом

совпала с пробуждением в Черчилле огромной силы, давно дремавшей в его личности и оказавшей впоследствии огромное влияние на его поступки. Речь идет о силе, которая определит его будущие успехи и поражения. Эта сила — амбиции.

На страницах романа представлено описание мотивов и стремлений будущего политика:

«Саврола опустился в кресло. Да, это был долгий день, и день унылый. Он был молод — всего тридцать два года, — но уже ощущал на себе печать трудов и забот. Стоит ли это того? Борьба, работа, бесконечная череда дел, жертва столь многим, что делает жизнь легкой, приятной — ради чего? Амбиция — вот главная сила, и он не мог устоять перед ней» [3, с. 308].

Роман Черчилля имел определенный успех у публики и выдержал несколько изданий в Великобритании и США: «Многие обозреватели высоко оценили батальные сцены. Manchester Courier назвала их «блестящими». Роман буквально расходился на цитаты, среди которых было определение вырождающегося империализма: «Наши нравы исчезнут, но наши принципы останутся» [2, с. 141].

Тем не менее, справедливости ради следует отметить, что с точки зрения художественного мастерства «Саврола», конечно, заметно уступает таким произведениям, как «Старик и море» Хемингуэя, «Чума» Альбера Камю, «Гроздь гнева» Джона Стейнбека, «Тошнота» Жана-Поля Сартра, «Над пропастью во ржи» Джерома Сэлинджера или «Тихий Дон» Михаила Шолохова.

Черчилль написал роман бойкий, но схематичный и избобилующий банальностями. И, конечно, не он стал причиной, по которой Нобелевский комитет принял решение вручить сэру Уинстону свою премию. Но что «Саврола» действительно выдает, так это одержимость Черчилля политикой. Больше того, даже сегодня этот роман может читаться как... своеобразное пособие по политической борьбе.

«Но даже проливной дождь не разогнал толпы людей, собравшихся на огромной площади перед зданием парламента. ...Лица людей оставались встревоженными и суровыми; они промокли насквозь, но их волнение не ослабевало. Вероятно, происходило очень важное событие. Изумительное здание, где обычно собирались представители народа, казалось мрачным, несмотря на то что его фасад был украшен орнаментом в виде военных доспехов и статуями, созданными еще в древние времена людьми, поклонявшимися искусству. Отряд улан республиканской гвардии расположился у основания огромной лестницы, а усиленная пехотная рота охраняла большую территорию у входа. Позади военных находились обычные люди. Они толпились на площади и на прилегающих к ней улицах; они взгромоздились на многие памятники, олицетворявшие славу и гордость Республики,

воздвигнутые в память о древних героях. Люди заполнили их так плотно, что те казались гигантскими человеческими фигурами; кое-кто из зрителей оказались даже на деревьях, другие выглядывали из окон, забирались на крыши домов и административных зданий. Это была гигантская возбужденная толпа, нетерпеливо колыхающаяся, словно бурное море, охваченное штормом. Тут и там люди вставали и горячо и страстно обращались к тем, кто мог услышать их голоса. Призывы и возгласы подхватывались тысячами людей, которые не слышали слов, но стремились выразить свои чувства» [5, с. 7]. — Так запросто мог бы начинаться, например, газетный репортаж о какой-нибудь очередной цветной революции в конце XX — начале XXI века. А на самом деле это начало романа Черчилля «Саврола».

Знаменитый британский политик — автор целого ряда книг автобиографического и исторического плана. Это и совсем ранняя «Речная война» об африканской военной кампании, и замечательная автобиографическая книга «Мои ранние годы», которая местами читается как настоящий приключенческий роман. И, конечно, монументальная шеститомная «Вторая мировая война», выходящая как раз в годы, предшествовавшие вручению Черчиллю Нобелевской премии — 1948–1954.

Это, как говорят англосаксы, нонфикшн, но к тому времени Нобелевский комитет уже создал один прецедент, когда премия была вручена не за художественную литературу — в 1950 году ее получил Бертран Расселл.

Но была и еще одна причина, по которой Черчилль удостоился этой награды. Как гласит официальная формулировка, она была вручена ему «за высокое искусство исторического и биографического описания, а также за блестящее ораторство в защиту возвышенных человеческих ценностей».

Иначе говоря, премию Черчиллю вручили еще и как оратору. И это единственный случай такого рода в истории. Как заметил в своей речи член Шведской академии П. С. Сиверц, объявляя о присуждении премии, политические и литературные достижения Черчилля столь велики, что его можно сравнить как с Цезарем, так и с Цицероном. Соотечественник Черчилля, нобелевский лауреат 1983 года Уильям Голдинг говорил, что Черчилль получил Нобелевскую премию за свои страстные филиппики — пример отваги и непреклонности. Его поэзия факта изменила историю.

Вернувшись к единственному «настоящему роману» Черчилля, обнаруживаем там следующий любопытный фрагмент, рассказывающий о технологии ораторского искусства, какой она виделась тогда еще совсем молодому британцу:

«Так называемые неподготовленные шедевры ораторского искусства существовали только в умах слушателей; цветы риторики были тепличными растениями. Что он должен был сказать? Он механически выкуривал одну сигарету за другой. Окруженный сигаретным дымом, он представил

себе свою речь, которая должна была проникнуть глубоко в сердца людей, собравшихся в толпу. Она должна была изобиловать возвышенными мыслями, красочными сравнениями, выраженными доступным языком, понятным даже самым неграмотным и интересным для самых простых людей. Их мысли должны оторваться от материальных жизненных забот, и в душе должны были пробудиться высокие чувства. Его идеи начали формироваться в слова, из которых складывались предложения. Он проговаривал их про себя, ритм его собственных фраз вдохновлял Савролу, и инстинктивно он использовал аллитерацию. Идеи возникали одна за другой и неслись, словно стремительные потоки воды, обласканные солнечным светом. Он схватил листок бумаги и начал торопливо писать карандашом. Надо было выделить главную мысль, ее можно было подчеркнуть с помощью тавтологии. Он записал предложение на черновике, зачеркнул его, усовершенствовал и записал снова. Звук его голоса будет приятен для их ушей, их чувства станут светлее и души — более возвышенными» [5, с. 96].

Позже Черчилль войдет в историю как один из самых выдающихся ораторов XX века, а его речи станут образцами политической риторики. И он, как уже говорилось, станет единственным оратором — лауреатом Нобелевской премии в области литературы.

Пожалуй, первым по-настоящему классическим образцом черчиллевской риторики стала речь «Blood, Sweat, and Tears» — «Кровь, пот и слезы», произнесенная им 13 мая 1940 года. «В богатейшей палитре Черчилля-оратора надо отметить любовь к коротким фразам, а еще больше — к односложным словам. Черчилль прекрасно знал, что именно односложные слова сильнее всего врезаются в память слушателей, к тому же английский язык такими словами буквально изобилует. И напротив, Черчилль терпеть не мог прилагательные, понапрасну утяжеляющие речь. Ключевыми словами его первой речи в качестве главы правительства были: «кровь», «труд», «слезы» и «пот». Вспомним его фразы, ставшие впоследствии крылатыми и неизменно присутствующие во всех биографиях Черчилля: «звездный час», «железный занавес». Часто на первый взгляд казалось, что удачные формулировки случайно приходили ему на ум в момент выступления, но это не так. Каждое меткое слово было плодом долгих размышлений (секретарь Черчилля вел специальную тетрадь, в которую записывал все удачные мысли, приходившие шефу в голову)» [1, с. 353].

Потом будут «We shall fight on the beaches» — «Мы будем сражаться на пляжах» — от 4 июня того же 1940 года. «Their Finest Hour» — «Их звездный час» — от 18 июня 1940 года. Речь 22 июня 1941 года, в день, когда Гитлер напал на СССР: «...Опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара» [4, с. 193].

Ну и, конечно, будет Фултонская речь 5 марта 1946 года, от которой принято вести отсчет Холодной войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Место Уинстона Черчилля в нобелевском литературном пантеоне в итоге оказалось между Франсуа Мориак — лауреатом 1952 года и Эрнестом Хемингуэем, который получил эту премию в году 1954.

Причем, в 1953 году Хемингуэй был действительно главным соперником Черчилля в борьбе за награду. Как писала «Нью-Йорк Таймс» уже после вручения премии американскому классику в 1954 году, академия все-раз обсуждала его кандидатуру и годом ранее, но в конце концов выбрала Черчилля с учетом преклонного возраста англичанина.

По иронии судьбы, Черчилль в итоге переживет Хемингуэя на без малого четыре года.

Нужно отметить и тот факт, что Черчилль не только опередил Хемингуэя в списке нобелевских лауреатов, но и в определенном смысле вообще едва не оставил его без этой награды. В январе 1954 года знаменитый писатель чудом выжил в авиакатастрофе в Африке, которая позже отразилась в его повести «Снега Килиманджаро».

С тех пор, как сэр Уинстон Черчилль получил Нобелевскую премию по литературе, прошло 65 лет. Не раз и не два за эти годы на выбор лауреата влияли политические мотивы. Так было, например, с нашими соотечественниками — Борисом Пастернаком в 1958, Александром Солженицыным в 1970, Иосифом Бродским в 1987. Так было совсем недавно, в 2015 году, со Светланой Алексиевич.

Были случаи необыкновенные, как с Бобом Диланом, который получил премию в 2016 году. На данный момент это единственный случай, когда лауреатом стал певец и музыкант.

Были даже случаи, когда Нобелевскую премию по литературе получали люди, какое-то время профессионально занимавшиеся политикой. Например, лауреат 2010 года Марио Варгас Льюса в свое время баллотировался в президенты Перу. Но никогда — ни до, ни после — нобелевку по литературе не вручали политику прежде всего, и политику такого масштаба, как сэр Уинстон Черчилль.

Думается, не будет преувеличением сказать, что он как никто другой собственной жизнью и собственной карьерой доказал, что большая политика — это большое искусство.

Черчилль несомненно был лучшим писателем среди политиков и лучшим политиком среди писателей XX столетия.

Таким образом, в ходе исследования нами предложено решение одной из загадок литературного процесса XX века, заключающейся в том, что

Нобелевский комитет в 1953 году предпочел Уинстона Черчилля Эрнесту Хемингуэю, Джону Стейнбеку, Альберу Камю, Жан-Поллю Сартру, Борису Пастернаку и другим более титулованным в литературном смысле писателям.

Этот выбор Нобелевского комитета был обусловлен сразу целым рядом факторов: несомненным литературным талантом Черчилля, проявившимся, правда, в первую очередь, в исторической и мемуарной литературе; огромным творческим наследием, созданным Черчиллем в этих жанрах; выдающимся ораторским мастерством британского политика; харизмой и политическим авторитетом его личности, а также обстоятельствами его жизни.

Одновременно работа позволила на конкретном историческом примере проанализировать механизмы принятия решения о вручении престижнейшей литературной премии в мире, а также продемонстрировать влияние на решения Нобелевского комитета политического фактора, что не раз отмечалось и в дальнейшей истории премии.

В своих решениях Нобелевский комитет опирается не только на чисто литературные достижения и художественное мастерство номинантов, но и на их общественный и политический вес, который часто оказывается решающим фактором. Кроме того, при принятии решения учитываются обстоятельства жизни того или иного номинанта.

Присуждение Нобелевской премии — крупнейшее событие литературной жизни, одна из доминант литературного процесса XX–XXI столетий. В связи с этим перспективы работы заключаются в дальнейшем изучении и осмыслении истории этой награды, механизмов, которыми руководствуется Нобелевский комитет при определении победителей, изучении жизни и творчества лауреатов.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бедарида Ф. Черчилль [Текст] / Ф. Бедарида. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 458 с.

2. Гилберт М. Черчилль: биография [Текст] / М. Гилберт. — М.: Ко-Либри, Азбука-Аттикус, 2018. — 1056 с.

3. Медведев Д. Л. Черчилль. Биография. Оратор. Историк. Публицист. Амбициозное начало 1874–1929 [Текст] / Д. Л. Медведев. — М.: РИПОЛ классик, 2016. — 880 с.

4. Черчилль У. С. Вторая мировая война: В 6 т. Т. 3: Великий союз [Текст] / У. С. Черчилль. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб; «Книжная лавка — РТР», 1998. — 368 с.

5. Черчилль У. С. Саврола [Текст] / У. С. Черчилль. — М.: Алгоритм, 2012. — 361 с.

Гомер, Диоген и Мандельштам (За что крымчане должны поставить памятник поэту)

«Крымское эхо», 14.01.2021

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладаю когда-то поднялся.
Как журавлиный клин в чужие рубежи, —
На головах царей божественная пена, —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?
И море, и Гомер — все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море Черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью».

Цитируя знаменитое стихотворение Мандельштама, я сделал одну ошибку — написал «море Черное» с большой буквы «Ч». Написал специально — ведь поэт сочинил это стихотворение здесь, у нас в Крыму, в Коктебеле, у Черного моря.

Сегодня, 14 января, исполнилось 130 лет со дня рождения Осипа Эмильевича Мандельштама — одного из величайших русских поэтов, чья жизнь была тесно связана с Крымом. Будущий классик впервые побывал на полуострове еще совсем молодым, 24-летним литератором. Это было в 1915 году. Именно в тот первый приезд Мандельштам и сочинил в Коктебеле «Бессонницу».

С тех пор поэт возвращался на полуостров почти ежегодно. Его жена, Надежда Яковлевна, вспоминала: «Мандельштам всегда — всю свою жизнь — стремился на юг, на берега Черного моря... Средиземноморский бассейн, Крым, Кавказ были для Мандельштама историческим миром, книгой, «по которой учились первые люди».

Его Таврида — это древний античный край: Пантикапей, Феодосия, Херсонес, Керкинитида, Калос Лимен. Гомер, Овидий и другие. От Мандельштама нам остался своеобразный поэтический путеводитель по полуострову.

Вот Феодосия:

«Здесь девушки стареющие в челках
Обдумывают странные наряды
И адмиралы в твердых треуголках
Припоминают сон Шехерезады.
Прозрачна даль. Немного винограда.
И неизменно дует ветер свежий.
Недалеко до Смирны и Багдада,
Но трудно плыть, а звезды всюду те же».

Вот Алушта:

«Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
— Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, — и через плечо поглядела.
Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, — идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни
Далеко в шалаше голоса — не поймешь, не ответишь».

Вот Меганом:

«Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон...»

А вот Старый Крым:

«Холодная весна. Голодный Старый Крым,
Как был при Врангеле — такой же виноватый.
Овчарки на дворе, — на рубищах заплаты,
Такой же серенький, кусающийся дым.
Все так же хороша рассеянная даль —
Деревья, почками набухшие на малость,
Стоят, как пришьлые, и возбуждает жалость
Апрельской глупостью украшенный миндаль.
Природа своего не узнает лица,
А тени страшные — Украины, Кубани...
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца».

Это последнее крымское стихотворение написано во время голода 1933 года. «Калитку действительно стерегли день и ночь — и собаки, и люди, чтобы бродяги не разбили саманную стенку дома и не вытащили последних запасов муки, — вспоминала Надежда Мандельштам. — Тогда ведь хозяева сами стали бы бродягами. Они бы пошли побираться, чтобы не погибнуть от отсутствия хлеба».

В следующем, 34-м году, Мандельштама арестуют, и «Холодная весна» будет фигурировать в следственном деле поэта.

Классику, кстати, к арестам было не привыкать. В 1919 году братья Осип и Александр Мандельштамы, спасаясь от ужасов Гражданской войны, приехали в белогвардейский Крым, однако и здесь тогда было несладко. «Хуже всех было положение... О. Э. Мандельштама, менее всех приспособленного к реальной жизни и обносившегося и изголодавшегося до последней степени», — рассказывал 5 сентября 1920 года «Крымский вестник».

А сам поэт вспоминал в феодосийском очерке «Начальник порта»: «Не принадлежа к уважаемым гражданам города, с наступлением ночи я стучался в разные двери в поисках ночлега. Норд-ост свирепствовал на игрушечных улицах».

Летом 1920 года Мандельштама арестовала врангелевская контрразведка. По свидетельству Ильи Эренбурга, который в то время проживал в Коктебеле, причиной послужило заявление какой-то женщины, будто Осип Эмильевич, служа у красных, пытал ее в Одессе.

Конечно, это было полной ерундой.

Когда поэта заперли в одиночку, он начал стучать в дверь, а на вопрос надзирателя, что ему нужно, ответил: «Вы должны меня выпустить — я не создан для тюрьмы...».

И еще спросил: «А что, у вас невинных иногда отпускают?».

Мандельштама отпустили благодаря ходатайству друзей — Ильи Эренбурга, Викентия Вересаева, Майи Кудашевой и Максимилиана Волошина, который обратился к начальнику врангелевской контрразведки со следующим заявлением:

«Политическим розыском на этих днях арестован поэт Мандельштам. Т. к. Вы по своему служебному положению вовсе не обязаны знать современную русскую поэзию, то считаю своим долгом осведомить вас, что Ос. Мандельштам является одним из самых крупных имен в последнем поколении русских поэтов и занимает вполне определенное и почтенное место в истории русской лирики.

Сообщаю Вам это, дабы предотвратить возможные всегда ошибки, которые для Вас же могут оказаться неприятными.

Мандельштам, как большинство поэтов, человек крайне нервный, поддающийся панике, а за его духовное здоровье перед культурной публикой в конце концов будете ответственны Вы.

Не мне, конечно, заступаться за О. Э. Мандельштама политически, тем более, что я даже не знаю, в чем его обвиняют. Но могу только сказать, что для всех, знающих Мандельштама, обвинение его в большевизме, в партийной работе — есть абсурд. Он человек легкомысленный, общительный и ни к какой работе не способный и никакими политическими убеждениями не страдающий».

В общем, из белогвардейских застенков поэта освободить удалось, а вот из советских — увы, нет. 2 августа 1938 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило Мандельштама к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере за контрреволюционную поэтическую деятельность:

«Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны».

8 сентября Мандельштам был отправлен этапом на Дальний Восток и скончался от сыпного тифа во Владивостоке 27 декабря того же 1938 года.

В 1998 году во Владивостоке установили памятник поэту. В 2007-м памятник классику появился в его любимом Санкт-Петербурге, а на следующий год — в Воронеже, где Мандельштам жил во время ссылки 1934–1937 годов.

Следующей в этом списке может стать Феодосия. Вот уже несколько лет энтузиасты вынашивают мысль установить в этом городе памятник поэту. Идея принадлежит инициативной группе в составе ректора Литературного института Алексея Варламова, писателя — депутата Государственной Думы Сергея Шаргунова, писателя Романа Сенчина, а также Мандельштамовской лаборатории РГГУ, журналам «Вопросы литературы» и «Юность».

Уже выполнена модель скульптуры. Автор памятника Михаил Картузов признался, что идею ему подсказали строки стихотворения:

«О, если бы поднять фонарь на длинной палке,
С собакой впереди идти под солью звезд...».

Так, по-древнегречески «диогенисто», с фонарем на длинной палке, и встанет когда-нибудь поэт в Феодосии, у самого синего в мире Черного моря.

В трех рукопожатиях от Чехова **«Парламентская газета», 29.01.2021**

Помните теорию шести рукопожатий? Так вот, я нахожусь всего в трех рукопожатиях от Антона Павловича Чехова. Я пожимал руку старшей сотруднице дома-музея писателя в Ялте Алле Васильевне Ханило, а та — сестре классика Марии Павловне Чеховой.

Кстати, если продолжать двигаться по этой головокружительной дорожке, то и Лев Николаевич Толстой всего на одно рукопожатие дальше. Авторы «Войны и мира» и «Чайки» были друзьями и не раз встречались у нас в Крыму.

Сегодня писатель работал бы в «красной зоне»

Сегодня, 29 января, исполняется 161 год со дня рождения Антона Павловича Чехова, а еще через два с небольшим месяца — 9 апреля — грядет вековой юбилей дома-музея писателя в Ялте.

Страдавший туберкулезом Чехов поселился в Ялте по совету врачей в 1898 году. Он купил небольшой участок в Верхней Аутке и построил на нем двухэтажный дом с мезонином, который Александр Куприн назвал «Белой дачей».

В Ялте Чехов прожил с 1899 по 1904 год и сочинил «Три сестры» и «Вишневый сад», «Даму с собачкой» и «Невесту», «На святках» и «В овраге». При этом Антон Павлович не только писал, но и трудился как врач. Если бы Чехов жил сейчас, он наверняка работал бы в «красной зоне» с больными коронавирусом. К этому предположению подталкивает его биография. Во время холерной эпидемии он работал земским врачом, обслуживал 25 деревень, открыл на свои средства в Мелихове медицинский пункт, принимая множество больных и снабжая их лекарствами. В Крыму, будучи сам болен туберкулезом, работал в Попечительстве о приезжих больных. В то время очень многие чахоточные приезжали в Ялту почти без денег только потому, что были наслышаны о Чехове, который помогает устроиться всем просителям.

В последний раз Чехов ночевал в своем ялтинском доме 30 апреля 1904 года. На следующий день он уехал для врачебных консультаций в Мос-

кву, а оттуда — на немецкий курорт Баденвейлер, где и умер второго июля 1904 года.

«Белую дачу» по завещанию получила Мария Павловна. Де-факто она превратилась в импровизированный чеховский музей фактически сразу же после смерти писателя — сюда приезжали сотни людей со всей России, чтобы поклониться памяти классика.

Де-юре «Белая дача» обрела музейный статус 9 апреля 1921 года. В этот день председатель Ялтинского ревкома, бывший учитель Михаил Шабулин выдал Марии Павловне охранную грамоту, в которой говорилось: «Ввиду исключительного внимания российского пролетариата к трудам и литературным заслугам умершего писателя Антона Павловича Чехова, дачу его на Аутской улице взять под свое наблюдение в целях полной сохранности и неприкосновенности внутреннего размещения обстановки, в которой писатель провел свои последние года».

Как сестра классика обманула фашистов

В 1927 году «Белая дача» пережила разрушительное Ялтинское землетрясение, когда, по воспоминаниям Марии Павловны, многие дома на Южном берегу «превратились в пыль». После этого чеховский дом долго ремонтировали. Еще более трудные испытания пришлось на годы фашистской оккупации. В чеховском доме поселился немецкий майор Бааке. Квартирмейстеры, которые искали для него квартиру, хотели занять кабинет писателя и его спальню, но Мария Павловна воспротивилась. Для убеждения оккупантов она прибегла к хитрому ходу, выставив на видном месте открытку с изображением знаменитого германского драматурга Герхарта Гауптмана. Немцы решили, что он тоже бывал у Чехова, и согласились не занимать главные мемориальные комнаты. Майор Бааке поселился в столовой и, надо отдать ему должное, за время оккупации из дома не пропал ни один предмет. Красная армия освободила Ялту 16 апреля 1944 года. В ночь перед освобождением в чеховский сад попали четыре бомбы, одна из которых разорвалась в трех метрах от окна кабинета писателя.

«Мучительные три зимы дали себя знать — холод, голод, страх... Продавала вещи, платья, белье и покупала дрова мешками. Перенесла брюшной тиф. Мой музей изрядно пострадал от бомб, особенно сад. Чудом живы остались», — рассказывала Мария Павловна о периоде оккупации в одном из писем вдове писателя Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой.

В июне 1944 года Мария Павловна была награждена за сохранение чеховского литературного наследия орденом Трудового Красного Знамени. А вскоре после этого, в 1946 году, на работу в дом-музей поступила Алла Ханило, которая и рассказала мне эту историю во время одной из наших бесед.

Мария Павловна Чехова оставалась директором музея до последнего дня своей жизни — 15 мая 1957 года. Алла Васильевна Ханило тоже работала в музее в качестве консультанта до самой смерти в 2019 году.

«Парламентская вишня» в чеховском Крыму

Сегодня, в день рождения Чехова, на «Белой даче» открылась уникальная выставка из художественного собрания дома-музея. Она представлена в формате короткометражного фильма и доступна к просмотру на официальном сайте музея, а также на его страницах в социальных сетях. «Выставка призвана раскрыть необычную сторону «Белой дачи» — посетители узнают ее еще и как художественный музей с богатым наследием. Особое место в ней занимают работы Исаака Левитана, близкого друга Антона Чехова. В настоящее время в музее находятся восемь произведений художника. Одно из них, «Стога сена в лунную ночь», Левитан создал незадолго до своей смерти — в последний приезд в Крым в начале 1900 года и расположил напротив письменного стола Антона Чехова», — рассказала «Парламентской газете» директор Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника, в состав которого входит чеховский дом, Лариса Ковальчук.

К юбилею музея сотрудники готовят научное издание, посвященное истории ялтинского дома Чехова, где будут впервые представлены многие редчайшие документы и фотографии из фондового собрания. Кроме того, откроется тематическая выставка «Музею — быть!» и будет работать созданный в рамках национального проекта «Культура» мультимедиа-гид по «Белой даче» с использованием технологии дополненной реальности.

Чехов был не только писателем, не только врачом, но и садоводом. «Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша!» — мечтал классик, разбивший у себя на «Белой даче» замечательный сад. «Парламентская газета» решила внести свой скромный вклад в воплощение этой чеховской мечты. Теперь у нашего издания есть свое, «именное дерево», в вишневом саду в Крыму, в расположенном в Голубом Заливе парке-музее деревянной скульптуры «Возрождение. Вишневый сад». «Парламентскую вишню» там посадил собственный корреспондент издания на полуострове Александр Машченко. Скоро весна, столетие чеховского музея и... садовые работы.

Чеховские места в Крыму:

Ялта. До постройки собственного дома во время пребывания в Ялте Чехов жил на даче Фарбштейна, в гостинице «Россия», на даче Бушева «Стратеиз», на даче Иловайской «Омюр» и в гостинице «Марино».

Гурзуф. В этом поселке у Чехова была дача у моря, которая сейчас входит в состав Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника.

Гаспра. Чехов приезжал туда навещать жившего в имении графини Паниной Льва Николаевича Толстого.

Феодосия. Впервые Чехов побывал в городе в июле 1888 года — жил на даче издателя Суворина, посетил художника Айвазовского.

Севастополь. Чехов бывал в Георгиевском монастыре и в Херсонесе, а также на севастопольских гастролях МХАТа.

Кстати.

«Белая дача» — самое крупное хранилище подлинных чеховских предметов в мире. Коллекция насчитывает более 16 600 предметов основного фонда и 7 300 единиц научно-вспомогательных материалов.

Пушкин... о акциях в поддержку Навального (Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения) *«Крымское эхо», 25.01.2021*

Александр Сергеевич, в бронзовом плаще поверх длинного сюртука, задумчиво наклонив голову, взирал на митингующих внизу людей. Правая рука привычным жестом была заложена за борт сюртука; в левой, откинутой назад, — шляпа.

Увы, ни один из журналистов, освещавших главный российский митинг в поддержку Алексея Навального на Пушкинской площади в Москве, не догадался спросить у классика, что он думает о событиях, разворачивавшихся у подножия его пьедестала.

А то бы непременно услышал: «Никогда я не проповедовал ни возмущения, ни революции. Напротив, бунт и революция мне никогда не нравились».

Великий поэт знал, и к чему ведет бессмысленный и беспощадный русский бунт, и как легко бывает обмануть молодых людей, искренне стремящихся к свободе и справедливости.

«Последние происшествия обнаружили много печальных истин, — писал Пушкин в записке «О народном воспитании», поданной им в страшно далеком 1826 году по распоряжению тогдашнего российского «тирана» — императора Николая I. — Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения. Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий».

— Уж сколько лет, даже столетий минуло с тех пор, а ничего не изменилось, — Александр Сергеевич покачал головой и переступил с ноги на ногу на своем пьедестале, однако никто из увлеченных протестами журналистов и участников митинга снова ничего не заметил.

— А впрочем, чему удивляться, — вздохнул классик, — если еще Екклесиаст сказал: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

«Мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу, превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные», — это тоже из пушкинской записки «О народном просвещении».

Как предупредить безумные замыслы бунтовщиков?

У Пушкина есть ответы на этот вопрос.

С одной стороны, он был убежден в том, что «всякое правительство вправе не позволять проповедовать на площадях, что кому в голову придет».

С другой, отмечал важность работы с молодежью. «Молодой человек входит в свет безо всяких основательных познаний, без всяких положительных правил: всякая мысль для него нова, всякая новость имеет на него влияние», — объяснял классик механизм, с помощью которого Навальный и его западные кураторы пытаются превратить молодежь в пушечное мясо очередной «цветной революции».

Кстати говоря, все это очень сильно напоминает еще и события пресловутой украинской «революции достоинства», но об этом — в другой раз.

Молодой человек «не в состоянии ни поверять, ни возражать; он становится слепым приверженцем или жалким повторителем первого товарища, который захочет оказать над ним свое превосходство или сделать из него свое орудие», — писал Пушкин.

Юноши и девушки, вышедшие на митинги в поддержку Навального, могут, как присуще людям в их возрасте, обижаться на эту характеристику, почитая себя взрослыми, образованными, передовыми людьми, которым родители и чиновники не указ, но это характеристика от величайшего классика Русского мира. Поэтому лучше бы им вернуться в школьные классы и студенческие аудитории, а в свободное время вместо того, чтобы ходить по митингам, почитать Пушкина и не только его. Можно даже с экрана смартфона — вместо инстаграма с фейсбуком.

При этом у классика есть задача и для наших властей: «Надлежит защитить новое, возрастающее поколение, еще не наученное никаким опытом и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всем восторгом и готовностью принимать всякие впечатления».

«Воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла. Не просвещению, но праздности ума, более вредной, чем праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча

нравов, а конец — погибель. Скажем более: одно просвещение в состоянии удержат новые безумства, новые общественные бедствия», — был уверен Александр Сергеевич.

И вот если власть будет эффективно решать эту задачу, то люди, разделяющие образ мыслей заговорщиков, образумятся; с одной стороны, увидев ничтожность своих замыслов и средств, а с другой — необъятную силу правительства, основанную на силе вещей.

Не я сказал — Пушкин.

Получится ли из Бориса Джонсона... Уинстон Черчилль? (К 76-й годовщине окончания работы Крымской конференции «большой тройки») «Крымское эхо», 12.02.2021

76 лет тому назад в Ялте завершилась знаменитая Крымская конференция «большой тройки», на которой Сталин, Рузвельт и Черчилль заложили основы послевоенного мира на десятилетия вперед. Во многом именно Ялтинская система безопасности позволила (и продолжает позволять) человечеству избежать Третьей мировой войны. В то же время с тех давних достопамятных пор слишком много воды утекло и в Потомаке, и в Темзе, и в Москва-реке, и даже в... Салгире. Не случайно все последние годы у нас так много говорят о необходимости «новой Ялты», участниками которой могли бы стать лидеры стран теперь уже не «большой тройки», а «большой пятерки» — постоянных членов Совета безопасности ООН России, США, Великобритании, Китая и Франции.

Из журналистов в премьер-министры

На этой неделе члены Ливадийского клуба призвали лидеров «большой пятерки» взять пример со своих великих предшественников и встретиться в Ялте, как 76 лет назад, чтобы выработать новую систему международной безопасности. Однако способны ли на это сегодняшние руководители великих держав? Увы, даже при самом оптимистическом взгляде на нынешних западных лидеров, этот вопрос остается открытым.

Наш «коллективный соотечественник» Козьма Прутков когда-то очень точно сформулировал: «Нельзя объять необъятное». Поэтому я предлагаю сегодня взглянуть всего на одного кандидата в члены новой «большой пятерки» — британского премьер-министра Бориса Джонсона, причем взглянуть под немного неожиданным ракурсом: не только как на политика, но и как на... литератора.

Уинстон Черчилль был не только выдающимся политиком, но и выдающимся литератором. Он много работал как военный журналист,

написал роман «Саврола, или Революция в Лауралии» и огромное количество мемуарных произведений, включая монументальный шеститомник «Вторая мировая война». Писательский статус Черчилля закреплен высшей интеллектуальной наградой современного мира — Нобелевской премией в области литературы, которую Черчилль получил в 1953 году, опередив таких признанных к тому времени мастеров, как Эрнест Хемингуэй, Джон Стейнбек, Альбер Камю, Жан-Поль Сартр, Борис Пастернак, Михаил Шолохов, Владимир Набоков, Хорхе Луис Борхес, Джером Сэлинджер.

После ухода Черчилля в отставку журналистская и литературная традиция среди британских премьеров прервалась до 2019 года — пока эту должность не занял Борис Джонсон. Склонность Бориса к журналистике проявилась еще в детстве. Учась в колледже в Итоне, он редактировал школьную газету. Затем, в Оксфорде был одним из редакторов университетского сатирического журнала. После окончания учебы, в 1987 году начал работать в легендарной «Таймс», затем, с 1989-го по 1994 год был корреспондентом «Дэйли Телеграф» (той самой, что когда-то публиковала и материалы Черчилля) в столице Европейского Союза Брюсселе, одновременно выступая на страницах этого издания еще и как политический обозреватель. Статьи Джонсона всегда были пронизаны евроскептицизмом. Он, вне всяких сомнений, один из ведущих британских публицистов, сформировавших на Островах общественное мнение, приведшее в итоге к Брекситу.

Борис Джонсон и 72 девственницы

После возвращения с континента Джонсон просил использовать его как военного корреспондента (и здесь мы снова видим параллель с Черчиллем, который в молодости много работал как военкор) но получил отказ от редактора «Дэйли Телеграф» Макса Хейстингса, который предпочел использовать Бориса по его прямому назначению — как политического обозревателя. Джонсона очень много критиковали за эклектический стиль, непопулярные в интеллектуальном классе евроскептические идеи, неполиткорректность, расизм, антисемитизм, сексуальные домогательства, но, повторюсь, он был одним из самых читаемых, самых влиятельных и самых высокооплачиваемых журналистов страны. В 2005 году его ежегодный доход как обозревателя «Дэйли Телеграф» составлял 250 тысяч фунтов. В пересчете это 5 тысяч фунтов за текст, при том, что, по признанию самого Джонсона, в среднем у него на сочинение одной статьи уходило около полутора часов. Для сравнения: в начале XX века Черчилль был самым высокооплачиваемым журналистом в Британии. За освещение Англо-бурской войны он получал 250 фунтов в месяц, что равноценно нынешним 10 000 фунтов.

С 1999 по 2005 год Джонсон, продолжая сотрудничать с «Телеграф», редактировал влиятельный политический журнал «Спиктэйтор». В 2004 году Борис, будучи уже депутатом Британского парламента, опубликовал роман: «72 девственницы: комедия ошибок». «Девственницы», также, как и черчилевский «Саврола», — о политике. Очень коротко сюжет можно изложить следующим образом: президент США планирует посетить Вестминстерский дворец. Террорист ливанского происхождения стремится убить его; а Роджер Барлоу, несчастный, катающийся на велосипеде, взъерошенный член парламента, во многом написанный Джонсоном с самого себе, стремится предотвратить нападение.

Когда Джонсона критикуют за то, что у него слишком много разных работ и из-за этого ему некогда заниматься депутатской деятельностью, он прямо апеллирует к Бенджамину Дизраэли и Уинстону Черчиллю, которые успешно совмещали политическую и литературную карьеру.

Фактор Черчилля и фактор Джонсона

Но, пожалуй, самый интересный для нас литературный труд Джонсона — «Фактор Черчилля» — биография великого британского политика, в которой Борис вольно или невольно примеряет на себя образ знаменитого предшественника.

«Черчилль любил пошутить, не отличался почитительностью и даже по стандартам своего времени не был политически корректен», — пишет Джонсон, намекая на свою собственную репутацию.

Или вот вам еще один его пассаж: «С точки зрения... респектабельных людей приверженцы Черчилля были сущими гангстерами. Среди них — Боб Бутби, парламентарий, бисексуальный грубиян и впоследствии друг братьев-близнецов Крэй; Брендан Брэкен, огненно-рыжий ирландский фантазер, позднее ставший владельцем «Файнэншл Таймс»; Макс Бивербрук, крайне ненадежный владелец издательской группы «Экспресс». А возглавлял этот сброд неверных и своекорыстных пижонов «дикий слон» Уинстон Черчилль. Почтенные граждане выражали также недовольство его пристрастием к спиртному. «Мне хочется, чтобы он не производил впечатления хорошенько поддавшего человека», — сказал Морис Хэнки, государственный служащий высокого ранга, и мы как будто видим, что его нос при этом заметно морщится».

Джонсон проецирует эту репутацию Черчилля на себя — у него тоже имидж несносного ребенка британской политики. Борис подробно описывает технику писательской работы Черчилля и восхищается его произведениями: «Зайдите в дом респектабельного английского семейства из среднего класса, предпочтительнее старшего поколения, — и вы наверняка увидите, как на книжных полках рядом с Британской энциклопедией громоздятся

его работы: «Мировой кризис», «История англоязычных народов», «Вторая мировая война», «Мальборо — его жизнь и время» и многие другие».

Наконец, достается от Джонсона и тем, кто приуменьшает значение Нобелевской премии Черчилля: «Его поразительное достижение — присуждение Нобелевской премии по литературе — рассматривалось многими как анекдот, неуклюжая попытка шведов извиниться за свой нейтралитет во время войны. Это не только высокомерно, но и совершенно неверно. Посмотрите на список последних нобелевских лауреатов: авангардные японские драматурги, марксистско-феминистские латиноамериканцы, польские мастера стихографии. Каждый из них по-своему заслуживает награды, но многих читают меньше, чем Черчилля».

«Как политик я не достоин развязывать шнурки на ботинках Черчилля», — самоуничижительно замечает Джонсон, но мы чувствуем, что на самом деле он смотрит на Уинстона как на ролевую модель.

По Джонсону, смысл «фактора Черчилля» в том, что один человек может внести решающий вклад в историю — в данном случае, в историю Второй мировой войны. «Фактор Джонсона» в современной британской политике заключается в том, что он, несомненно, был одним из главных идеологов и пропагандистов выхода Великобритании из Европейского Союза — кстати, будучи уверенным в том, что это совершенно черчиллевская позиция.

Карикатура на Черчилля?

«Мы вправе сказать, что в наши дни пробивающиеся навверх молодые тори, в особенности мужская их часть, считают Уинстона Черчилля чуть ли не божеством. Эти честные малые украшают стены своих юношеских спален плакатами с его изображениями: Черчилль в костюме в светлую полоску держит пистолет-пулемет либо показывает двумя пальцами знак победы.

Поступив в университет, они могут стать членами обществ Черчилля или его обеденных клубов, которые встречаются в залах Черчилля, где его портрету приходится терпеть их разогретую портвейном болтовню. Частенько они надевают галстук-бабочку в горошек.

Если их избирают в парламент, они всякий раз перед выступлением набожно проводят пальцами по левому ботинку его бронзовой статуи, которая установлена в вестибюле. Они надеются, что это поможет им собраться с духом. Достигнув в установленном порядке поста премьер-министра и оказавшись в затруднительном положении (что с неизбежностью происходит), они находят уместным выступить с дерзкой речью в клубе Святого Стефана. Их фотографии будут по-

ходить на изображения старого лидера военного времени, сделанные в том же обрамлении, — раскрасневшиеся, с заигравшимися желваками и недовольными гримасами, обращенными их преемникам на посту (предполагается, что это гордость)», — писал Джонсон, еще не будучи премьер-министром.

Теперь он — премьер. И я задаю тот самый вопрос, который вынесен в заголовок этих заметок: «Получится ли из Бориса Джонсона Уинстон Черчилль, или он останется тем, кем видится сейчас — лишь карикатурой на своего великого предшественника?»

Книжные полки Крымской весны (Кто и когда напишет большой роман о воссоединении полуострова с Россией?) «Крымское эхо», 15.03.2021

Когда у меня спрашивают, кто сыграл главную роль в воссоединении Крыма с Россией, я показываю на... книжные ПОлки. Хотя одновременно — и книжные ПолкиИ тоже. Пушкин, Гоголь, Толстой, Тютчев, Чехов, Волошин, Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Куприн, Бунин, Шмелев, Булгаков, Маяковский, Симонов, Бондарев, Солженицын, Аксенов, Бродский...

Законы геопоэтики

Я мог бы на спор продолжать перечислять фамилии русских писателей и поэтов, так или иначе связанных с Крымом, еще очень долго. Их много — рядовых и великих, рядовых и... офицеров — таких, как тот же самый Лев Николаевич Толстой, в чине поручика оборонявший город-герой Севастополь (он был городом-героем уже тогда, задолго до официального присуждения ему этого звания) от армий цивилизованных европейских держав. Или как сражавшийся на фронтах Первой мировой прапорщик Николай Гумилев, например. Николай Туроверов — в Гражданскую, Константин Симонов — в Великую Отечественную. Все на одну полку и даже в один полк не поместятся. А впрочем, их главным оружием, конечно, было слово.

Русское слово. Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо, просил когда-то Маяковский. Именно эти люди — Пушкин, Толстой, Гумилев, Маяковский... — сделали Крым русской землей. Именно они превратили наш полуостров в часть Русского мира. И именно они, а не Чалый, не Константинов, не Аксенов и уж тем более не пресловутые «зеленые человечки» в конечном итоге привели крымчан на референдум 16 марта 2014 года.

Таковы законы геопоэтики — прошу не путать с геополитикой.

Никто, ни Украина, ни Турция, ни Америка с Европой, не могут составить литературную конкуренцию России в Крыму. Помнится, в первой

половине «нулевых» широко известный в узких кругах украинский поэт и писатель Юрий Андрухович опубликовал в киевской газете «Зеркало недели» цикл эссе под общим заглавием «Геопоэтика», пропагандировавших «европейский выбор Украины». Но если на кого эти сочинения и подействовали, то точно не на крымчан, ибо куда тому Андруховичу до Пушкина, Толстого или Бродского.

На протяжении всех 23 лет тяжелого изнурительного плавания Крыма в чужих территориальных водах было очевидно, что рано или поздно Россия обязательно вернет себе эту землю. Те, кто этого не понимал (и не понял до сих пор), просто плохо — не буду говорить знают — иногда они обладают тем или иным формальным запасом знаний — плохо понимают русскую литературу.

Что им до Крыма?

Из стихотворения рифмы не выкинешь, воссоединение полуострова с Россией разделило наших современных писателей на два противоположных, часто — враждебных лагеря. Или, еще точнее, — воссоединение Крыма с Россией стало индикатором, указавшим на давно, чуть ли не испокон русского веку, существующее среди отечественных литераторов разделение на «патриотов-государственников-славянофилов» и «либералов-западников». Рукописи первых, подобно лакмусовым бумажкам из школьных опытов по химии, окрасились в российско-крымские триколоры, рукописи вторых — в желто-блакитные цвета нэзалэжной, теперь уже и от Крыма с Донбассом, Украины.

Среди «патриотов-государственников» оказались Захар Прилепин, Эдуард Лимонов, Александр Проханов, Сергей Шаргунов, Саша Соколов и иже с ними. Среди сочувствующих обандерившейся, окончательно освобождающейся от «проклятого советского прошлого» Украине — Дмитрий Быков, Борис Акунин, Людмила Улицкая, Владимир Сорокин, Виктор Шендерович...

Эти списки можно продолжать. Выше приведенные фамилии — лишь, выражаясь языком современной массовой культуры, фронтмены двух противоположных мировоззренческих школ отечественной словесности.

«Я рад, что Крым удалось спасти от разрушения. Это был ход верный... Важно, что с него началось некое восстановление национальной гордости российской», — сформулировал, например, Саша Соколов.

А для Дмитрия Быкова все это «собрание Русского мира», все это «восстановление национальной гордости» оказалось всего лишь «кипящим патриотическим квасом».

«Что берег отнят — не в том досада, потерпим, не в первый раз; досада в том, что его не надо отнявшим его у нас. В Гурзуф ли едут они на

отдых? В Артеке ли их сыны? На склонах Альп, на карлсбадских водах их виллы размещены. Они же Крыма не знали сроду, на раз доказать могу: ни эти горы, ни эту воду... Им важно накласть врагу! Мы ясно помним весь этот скрежет, не дети, в конце концов: приедет Ярош и всех зарежет! Придет и взорвет Сенцов! Американский авианосец на Ялту уже залез, спешит к Тавриде и скоро скосит сакральный наш Херсонес...

Еще припомнят все эти бредни и пламенный абордаж, и то, как сами они намедни кричали, что Крым не наш, — что им до моря? Что им до Крыма? На что им страна моя? Им надо больше огня и дыма, и гордости, и вранья, и чтобы больше диванных воинств, и прочий кипящий квас...».

Кто из них прав?

Ответ на этот вопрос крымчане дали 16 марта 2014 года. Уверен, Крымская весна обязательно найдет свое отражение в великой русской литературе. Рано или поздно воссоединение Крыма с Россией вдохновит кого-то из отечественных писателей на большую художественную книгу о, пожалуй, главном событии в новейшей истории Русского мира. Не может быть, чтобы из такой плодородной почвы не вырос классический русский роман. Просто для этого нужно время. Сейчас идет период прежде всего публицистического осмысления произошедших исторических событий. Период художественного их воплощения — впереди. Вспомним, наша величайшая литературная эпопея — «Война и мир» — была создана через полвека после Отечественной войны 1812 года писателем, который не был ни ее участником, ни очевидцем. Хотя и у участников, и у очевидцев крымской весны и донбасского лета 2014 года тоже еще есть шансы.

Без России даже на том свете — тоскливо! (Он вогнал в Крыму дюжину ножей в спину Русской революции) «Крымское эхо», 24.03.2021

Пушкин, Гоголь, Толстой, Тютчев, Чехов, Волошин, Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Куприн, Бунин, Шмелев, Булгаков, Маяковский, Симонов, Бондарев, Солженицын, Аксенов, Бродский... Я недавно перечислял фамилии этих знаменитых русских писателей и поэтов, говоря о том, что именно они, а не Аксенов, не Константинов, не Чалый и даже не Путин навсегда связали Крым с Россией. Фамилия Аверченко — в этом же славном ряду. Мартовские дни — хороший повод с грустью вспомнить о русском «короле смеха». Он родился 27 марта 1880 года в Севастополе, умер 12 марта 1925 года в Праге.

Летом 1920-го здесь, у нас в Крыму, в Симферополе, Аркадий Аверченко вогнал двенадцать ножей в спину Русской революции. Так, «Дюжина ножей в спину революции», называется сборник рассказов писателя, впервые увидевший свет в симферопольской типографии «Таврического голоса».

Литературные ножи задели за живое самого Ленина, который отреагировал на сочинение Аверченко в статье «Талантливая книжка»:

«В последнем рассказе: «Осколки разбитого вдребезги» изображены в Крыму, в Севастополе бывший сенатор — «был богат, щедр, со связями» — «теперь на артиллерийском складе поденно разгружает и сортирует снаряды», и бывший директор «огромного металлургического завода, считавшегося первым на Выборгской стороне. Теперь он — приказчик комиссионного магазина, и в последнее время приобрел даже некоторую опытность в оценке поношенных дамских капотов и плюшевых детских медведей, приносимых на комиссию».

Оба старичка вспоминают старое, петербургские закаты, улицы, театры, конечно, еду в «Медведе», в «Вене» и в «Малом Ярославце» и т.д. И воспоминания прерываются восклицаниями: «Что мы им сделали? Кому мы мешали?»... «Чем им мешало все это?»... «За что они Россию так?»...

Аркадию Аверченко не понять, за что. Рабочие и крестьяне понимают, видимо, без труда и не нуждаются в пояснениях».

Неплохо писал Ульянов-Ленин — не отнимешь. Недаром в различных анкетах указывал в качестве профессии то «литератор», то «журналист». Однако вернемся к нашему главному герою.

Аверченко родился и вырос в Севастополе и туда же вернулся в финале российского периода своей жизни. «Я знаю в этом городе каждый камень, — говорил он Александру Вертинскому. — В детстве я недоумевал, как можно жить в Севастополе, когда существуют Филиппинские острова, южный берег Африки, пограничные города Мексики, мыс Доброй Надежды, реки Оранжевая, Амазонка, Миссисипи и Замбези? Все мечтал удрать отсюда в Америку... Потом в Питере нет-нет да и вспоминал родину, когда писал детские рассказы. Как только сяду за этакий рассказец, так сразу передо мной возникают Хрустальная бухта, наша Ремесленная канава, мать, отец, сестры... А теперь я счастлив, что я здесь. Вся моя большая родина — Россия — сжалась до размеров Севастополя. Мог ли я даже подумать, что мой маленький, тихий, скромный город волею судьбы и Божьим попущением станет столицей когда-то огромного Русского государства...».

Писателя и его героев действительно разбили вдребезги.

Через несколько месяцев после затеянной им «литературной поножовщины», 13 ноября 1920 года, Аверченко ушел из Севастополя в Константинополь, в эмиграцию, на одном из последних кораблей, навсегда увозивших из Крыма старую Россию.

Заключительные годы своей жизни Аверченко провел в Европе. В Европе, с которой впервые познакомился в счастливом для себя дореволюционном 1911 году. Итогом того знакомства стала блестящая книга путевых заметок «Экспедиция сатириконцев в Западную Европу».

«Промышленность распределяется так: в России — главным образом добывающая, за границей — обрабатывающая. Я до сих пор не могу забыть, как хозяин римского отеля обсчитал меня на 60 лир, добытых в России», — описывал Аверченко свои впечатления.

Его характеристика туристической отрасли Европы и сегодня остается пусть немного однобокой, но точной: «Милая, голодная, веселая, мелко-жульническая и бесконечно-красивая даже в этом жульничестве Италия! Нас обманывали на каждом шагу, но так мелко, так дешево, что мы только посмеивались».

Или вот еще: «Рим в отношении поборов — самый корыстолюбивый город. Там за все берут лиру: пойдете ли вы в Колизей, захотите ли взглянуть на картинную галерею, на памятник или даже на собственные часы.

В Ватикане с нас брали просто за Ватикан (лира!), за картинную галерею Ватикана (лира!), за левую сторону галереи (лира!), за правую (тоже!), за Сикстинскую капеллу (лира!) и еще за какой-то закоулочек, где стоит подсвечник — ту же лиру.

Немудрено, что самый захудалый папский кардинал имеет возможность носить бархатную шапку.

Все это сделано на наши лиры».

Перед путешествием его участники дали слово не читать русских газет, не вспоминать о России и не пить русской водки, но сдержать его, увы, не смогли.

В Париже один из путешественников был пойман на месте преступления — за чтением в кафе на бульваре Мишель обрывка русской газеты. Другой остановился послушать русскую речь случайного прохожего — она звучала для него как музыка. Наконец, самому Аверченко, увидевшему на небе нашу русскую добродушную луну, захотелось, как собаке, положить лапы на подоконник, вытянуть кверху голову и завывать от тоски!

Тогда, в 1911-м, Аверченко с друзьями вернулись в Россию. В 1920-м писатель покинул ее навсегда. Герой написанного в 1921 году рассказа Аверченко «Русский в европах» угощает на одном из европейских курортов компанию иностранцев.

« — Душа у меня горит! Вина!! Эй, кельнер, камерьере, шестерка — как тебя там?! Волоки вина побольше! Всех угощаю!! Поймете ли вы тоску души моей?! Сумеете ли заглянуть в бездну хаотической первозданной души славянской. Всем давай бокалы. Эх-ма! «Умру, похоро-о-нят, как не жил на свете»...

Сгущались темно-синие сумерки.

Русский, страшный, растрепанный, держа в одной руке бутылку Помери-сек, а кулаком другой руки грозя заграничному небу, говорил:

— Сочувствуете, говорите? А мне чихать на ваше такое заграничное сочувствие!! Вы думаете, вы мне все, все, сколько вас есть, — мало крови стоили, мало моей жизни отняли? Ты, немецкая морда, ты мне кого из Циммервальда прислал? (Намек на Ленина — Автор.) Разве так воюют? А ты, лягушатник, там... «Мои ами, да мои ами, бон да бон», а сам взял да большевикам Крым и Одессу отдал. Разве это боновое дело? Разве это фратерните? Разве я могу забыть? А тебе разве я забуду, как ты своих носатых китайских чертей прислал — наш Кремль поганить, нашу дор... доррогую Россию губить, а? А венгерец... тоже и ты хорош: тебе бы мышшеловками торговать да венгерку плясать, а ты в социалистические революции полез, Бела Кунов, черт их подери, на престолы сажать... а? Ох, горько мне с вами, ох, тошнехонько... Пить со мной мое вино вы можете сколько угодно, но понять мою душеньку?! Горит внутри, братцы! Закопал я свою молодость, свою радость в землю сырую... «Умру-у, похоронят, как не-е жил на свете!»...

И долго еще в опустевшем курзале, когда все постепенно, на цыпочках, разошлись, — долго еще разносились стоны и рыдания полупьяного одинокого человека, непонятого, униженного в своем настоящем трезвом

виде и еще более непонятного в пьяном... И долго лежал он так, неразгаданная мятущаяся душа, лежал, положив голову на ослабевшие руки, пока не подошел метрдотель:

— Господин... Тут счет.

— Что? Пожалуйста! Русский человек за всех должен платить! Получите сполна».

Аркадий Аверченко умер в Праге 12 марта 1925 года и покойся на тамошнем Ольшанском кладбище, однако завещал перезахоронить свой прах в России. Логичнее всего это было бы сделать в родном городе писателя — Севастополе.

Без России даже на том свете — тоскливо!

Пока завещание Аверченко остается невыполненным.

Почему Киплинг был великим писателем (Что написано в «Книге джунглей» об Украине, Грузии, Польше и странах Прибалтики) «Крымское эхо», 21.04.2021

Зеленскому, Зурабишвили, Шимоните, Кальюлайд, Кариньшу и Ко — срочно в библиотеку.

Перечитывать английскую классику.

Ну или мультик пусть посмотрят, что ли...

Великие литературные произведения дают блестящие иллюстрации человеческих нравов на много столетий вперед. «Книга джунглей» Редьярда Киплинга — безусловно, в их ряду. Неопровержимое тому доказательство дал во время послания Федеральному Собранию президент России Владимир Путин.

«В некоторых странах завели пренеприличный обычай — по любому поводу, а чаще всего вообще без всякого повода цеплять Россию. Спорт, какой-то новый вид спорта — кто громче что-то скажет», — заметил президент.

И продолжил: «Мы ведем себя в этой связи в высшей степени сдержанно, прямо, без иронии скажу, можно сказать, скромно. Часто вообще не отвечаем не только на недружественные акции, но и на откровенное хамство. Мы хотим иметь добрые отношения со всеми участниками международного общения. А мы видим, что происходит в реальной жизни: как я уже сказал, цепляют Россию то тут, то там без всяких причин. И конечно, вокруг них сразу же, как вокруг Шерхана, крутятся всякие мелкие Табаки, все как у Киплинга, подвывают, для того чтобы задобрить своего суверена. Киплинг великий писатель был...».

Аллюзия простая и оттого — особенно убийственная.

Шерхан — это, конечно, Америка. Герой пренеприятный, но шакал Табаки — гаже в сто тысяч раз. Я даже не знаю, есть ли вообще в мировой литературе более омерзительный персонаж.

У нас сдержанный президент. Он прямо никого не назвал, но мне-то можно строить предположения. Тем более, что, повторюсь, они выглядят очевидными — Украина, Грузия, страны Прибалтики, Польша, Чехия вот на днях принялась шакалить. Страны старой Европы ведут себя чуть приличнее, но только чуть...

Однако давайте вспомним «Книгу джунглей».

Волки презирали Табаки за то, что он был лизоблюдом. А еще — разносил сплетни, сеял раздоры, питался объедками и не брезговал рыться в мусорных кучах.

И, в то же время, Табаки нес угрозу. Он чаще других зверей в джунглях болел бешенством и тогда метался по лесу и кусал всех, кто только попадался ему навстречу.

Не правда ли, очень похоже?

Русофобия американских прихвостней в последнее время достигла стадии, которую вполне можно считать политическим бешенством.

Для такого ничтожества, как Табаки, и голая кость из-под стола хозяина — целый пир. «Нам, шакалам, не к лицу привередничать», — говорит он.

Вот сцена, в которой Шерхан ищет Маугли:

«Лунный свет померк в устье пещеры: большая квадратная голова и плечи Шерхана загородили вход. Табаки визжал позади него:

— Господин, господин, он вошел сюда!»

Визжать — хороший, точный глагол для характеристики заявлений вышперечисленных стран о России.

А вот слова Маугли на совете стаи: «Неужели мы все шакалы, чтобы пресмыкаться перед этим мясником?»

Судьба Табаки печальна.

Его жизнь омерзительна, а смерть страшна. Ближе к концу «Книги джунглей» Серый брат Маугли убивает шакала, сломав ему хребет.

И еще.

Показательно, что подавляющую часть послания Путин посвятил внутренней политике. В нынешнем мире Россия может рассчитывать только на собственные силы. Не случайно президент говорил о необходимости мощного надежного щита в сфере безопасности, причем не только военной, но и санитарно-биологической. Просто представьте себе, что было бы, если бы российские ученые не создали наших отечественных вакцин от коронавируса. Продали бы нам свою вакцину те же американцы или британцы? Очень сомневаюсь. Самим, сказали бы, надо. И заодно подняли вой — тоже как шакалы — о технологической отсталости России, стране-бензоколонке с ядерными ракетами и прочей чепухе.

Ну и в заключение. У Киплинга есть стихотворение «Заповедь». Так вот, мне кажется, оно очень подходит нашему президенту. Вы когда проч-

тете, может быть, скажете: много патетики. Я вам возражу: иногда не нужно бояться пафоса.

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.

Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.

Умей поставить в радостной надежде,
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать как прежде
И никогда не пожалеть о том,
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело
И только Воля говорит: "Иди!"

Останься прост, беседуя с царями,
Будь честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все в свой час считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье
Часов и дней неуловимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь как владенье
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

На троих с классиками (Русский алфавит — наше единственное богатство)

«Крымское эхо», 04.06.2021

Рука сама потянулась к стоявшему на колченогом столе старинному, советских времен, граненому стакану. Я оглянулся по сторонам — никого. Тетенька-смотрительница куда-то вышла. Достал из кармана флягу с водкой. Вина клюквенного крепкого, пустая бутылка из-под которого стояла рядом, увы, ныне не купить ни за какие деньги — рецептура и секреты производства утрачены вместе с ушедшей эпохой. Плеснул в стакан бесцветной сорокаградусной жидкости и немедленно выпил. Тепло растеклось по жилам. Русская литература была у меня в крови.

Память услужливо подсказала:

«Любимая, я в Пушкинских горах,

Здесь без тебя — уныние и скука,

Брожу по заповеднику, как сука,

И душу мне терзает жуткий страх...»

Музей Сергея Довлатова в деревне Березино расположен в том самом мемориальном доме, который описан в повести «Заповедник».

Помните?

«Дом Михал Иваныча производил страшное впечатление. На фоне облаков чернела покосившаяся антенна. Крыша местами провалилась, оголив неровные темные балки. Стены были небрежно обиты фанерой. Треснувшие стекла — заклеены газетной бумагой. Из бесчисленных щелей торчала грязная пакля.

В комнате хозяина стоял запах прокисшей еды. Над столом я увидел цветной портрет Мао из «Огонька». Рядом широко улыбался Гагарин. В раковине с черными кругами отбитой эмали плавали макароны. Ходики стояли. Утюг, заменявший гирию, касался пола».

С тех пор минуло лет сорок пять, за которые ходики не двинулись с места. Я осторожно поставил пустой стакан на стол. Гагарин — сам не дурак выпить был — одобрительно улыбнулся мне со стены.

Сегодня, 6 июня, большой праздник — день рождения Александра Сергеевича Пушкина, который отмечается во всем мире еще и как Международный день русского языка.

Им виртуозно владели и Александр Сергеевич, и Сергей Донатович, и... Михаил Иванович.

«Членораздельно и ответственно Миша выговаривал лишь существительные и глаголы. Главным образом, в непристойных сочетаниях. Второстепенные же члены употреблял Михал Иваныч совершенно произвольно. Какие подвернутся. Я уже не говорю о предлогах, частицах и междометиях. Их он создавал прямо на ходу. Речь его была сродни классической музыке, абстрактной живописи или пению щегла. Эмоции явно преобладали над смыслом.

Допустим, я говорил:

— Миша, пора тебе завязывать хотя бы на время.

В ответ раздавалось:

— Эт сидор-пидор бозна где... Пятерку утром хва и знато бысь в гадошник... Аванс мой тыка што на дипоненте... Кого же еньть завязывать?.. Без пользы тыка... И душа не взойде...

Мишины выступления напоминали звукопись ремизовской школы.

Болтливых женщин он называл таратайками. Плохих хозяек — росомахами. Неверных жен — шаландами. Пиво и водку — балдой, отравой и керосином. Молодое поколение — описью...

«На турбазе опись гаешная бозна халабудит...».

В смысле — молодежь, несовершеннолетняя шпана озорничает и творит бог знает что...».

Пушкинские горы — одно из самых красивых мест в мире, можете мне поверить на слово. Недостаток один — здесь слишком много... Пушкина. Классик смотрит на вас из-за каждого угла. Сходство, как заметил еще Довлатов, часто исчерпывается бакенбардами, размеры которых варьируются произвольно. У советских художников было три любимых объекта, изображая которые они не знали предела размаху и вдохновению, — борода Карла Маркса, лоб Ильича и бакенбарды Сергеича.

Может быть, еще и поэтому после нескольких дней интоксикации Пушкиным в Михайловском, Тригорском и Петровском так хорошо зайти «похмелиться» в довлатовский музей. Сообразить на троих с классиками. Благо, у меня с ними есть по крайней мере одна общая черта. Как писал Довлатов, русский алфавит — это наше единственное богатство. Переставляя его буквы в бесчисленных вариантах, мы зарабатываем на кусок хлеба и рюмку водки.

Я могу читать «Заповедник» с любого места. Открываю прямо сейчас, «при вас».

Ну!

«— Пушкин волочился за женщинами... Достоевский предавался азартным играм... Есенин кутил и дрался в ресторанах... Пороки были свойственны гениальным людям в такой же мере, как и добродетели...

— Значит, ты наполовину гений, — соглашалась моя жена, — ибо пороков у тебя достаточно...».

Довлатов работал экскурсоводом в Пушкинских горах в 1976–1977 годах, после того, как лишился работы в советских газетах и журналах. И, вольно или невольно, примерял на себя судьбу классика:

«Я твердил себе:

— У Пушкина тоже были долги и неважные отношения с государством. Да и с женой приключилась беда. Не говоря о тяжелом характере...

И ничего. Открыли заповедник. Экскурсоводов — сорок человек. И все безумно любят Пушкина...».

Теперь у Довлатова тоже есть свой музей. Да еще прямо в Пушкинском заповеднике. Экскурсовод, правда, пока всего один, но, как говорят на Руси, лиха беда начало.

И еще, создатели музея обещают вскоре открыть в нем нетленный символ советской эпохи — рюмочную. Тогда, наконец, больше не придется, прячась от смотрительницы, пить из мемориального граненого стакана.

Как это там у классика XX века: «Я столько читал о вреде алкоголя! Решил навсегда бросить... читать».

За Пушкина!

Отличный, согласитесь, повод...

Одно беспокоит. В стране опись гаешная бозна халабудит...

Пароль доступа к Русскому миру: 06061799 (Пушкинское путешествие из Санкт-Петербурга в Михайловское и обратно) «Парламентская газета», 06.06.2021

6 июня весь мир отмечает Международный день русского языка. Накануне этой даты корреспондент «РФ сегодня» проехал по местам, связанным с жизнью и творчеством того, к чьему дню рождения приурочен праздник.

От Михайловского замка до Сенатской площади

Санкт-Петербург — застывший в камне и бронзе, стихах и прозе — видите, я и сам заговорил в рифму — учебник русской литературы. Здесь сконцентрирована двухвековая история отечественной словесности.

Невский проспект Гоголя, Сенная площадь Достоевского, гостиница «Англетер» Есенина, дом Набокова на Большой Морской, Фонтанный дом Ахматовой, «полторы комнаты» Бродского на Литейном... Но мы сегодня только о Пушкине, ибо, как точно заметил другой, пусть и «коллективный» классик — Козьма Прутков, нельзя объять необъятное.

Мое пушкинское путешествие начинается, может быть, в не самом очевидном месте, у Михайловского замка. Здесь на заре XIX века, в 1801 году, был убит заговорщиками император Павел Первый. А Александр Пушкин в ноябре 1817-го, ровно за век до Русской революции, глядя на этот «пустынный памятник тирана, забвенью брошенный дворец», написал свою одновременно скандальную и пророческую оду «Вольность»:

«Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! Трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!».

Друзья боялись, что поэта сошлют в Сибирь или на Соловки, однако «самовластительный злодей» Александр Первый рассудил иначе. За непростительную «вольность» он выдал коллежскому секретарю Александру Пушкину тысячу рублей на дорожные расходы и отправил на юг «лечить»

ся от либерализма» — сначала в Екатеринослав, а потом на Кавказ и ко мне домой — в Крым. В известном смысле, именно тут, у Михайловского замка, начался путь Пушкина к веселым берегам Салгира.

Ну а мы с вами пока отправляемся по гоголевскому Невскому проспекту к воспетой Пушкиным адмиралтейской игле. Как точно заметил Николай Васильевич, «Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга... Боже, сколько ног оставило на нем следы свои! И неуклюжий грязный сапог отставного солдата, под тяжестью которого, кажется, трескается самый гранит, и миниатюрный, легкий, как дым, башмачок молоденькой дамы, оборачивающей свою головку к блестящим окнам магазина, как подсолнечник к солнцу...».

Ну и туфли Пушкина, конечно, тоже оставили в свое время здесь тысячи и тысячи отпечатков, добавлю я. Однако, не верьте этому Невскому проспекту! — призывал Гоголь: «Все обман, все мечта, все не то, чем кажется! Вы думаете, что этот господин, который гуляет в отлично сшитом сюртучке, очень богат? Ничуть не бывало: он весь состоит из своего сюртучка... Вы думаете, что эти дамы... но дамам меньше всего верьте...» Лучше простите меня за то, что немного увлекся Гоголем, и идемте на Сенатскую площадь.

«Всю жизнь свою провел в дороге, простыл и умер в Таганроге», — отреагировал на смерть Александра Первого Пушкин. А декабристы отреагировали на нее восстанием против самодержавия.

Я не историк, а журналист. И, пользуясь этой «вольностью», могу немного пофантазировать. Думаю, если бы император не упек в 1824 году Пушкина за «увлечение атеистическими идеями» в очередную ссылку — только теперь уже не на юг, а на северо-запад — в Михайловское, 14 (26) декабря 1825 года поэт наверняка был бы вместе со своими друзьями на Сенатской площади. Собственно, он сам признался в этом вступившему на престол Николаю Первому, который вернул Пушкина из деревни в столицу.

«Император долго беседовал со мною и спросил меня:

— Пушкин, если бы ты был в Петербурге, принял ли бы ты участие в 14 декабря?

— Неизбежно, государь, все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них. Одно отсутствие спасло меня, и я благодарю за то Небо», — пересказала со слов поэта этот разговор писательница Анна Хомутова.

До «разряда» пятерых повешенных заговорщиков — Рылеева, Пестеля, Каховского, Бестужева-Рюмина и Муравьева-Апостола — Пушкин не дотягивал, но на каторгу в случае участия в восстании отправился бы почти наверняка. Как его ближайшие друзья — Кюхельбекер и Пушкин.

Дворцовая площадь: как Пушкин «унизил» Александра Первого

Уже в конце своей жизни, в 1834 году, в письме жене Пушкин иронично заметил: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут». Первый (прошу прощения за много порядковых числительных) — это Павел Первый. Второй — Александр Первый. И третий — Николай Первый.

С Николаем у Пушкина действительно сложились добрые отношения. Специально для него поэт написал в 1826 году записку «О народном воспитании». Она свидетельствует об успешном излечении от либерализма (Крым — лучший курорт для исцеления от этого недуга, события весны 2014 года еще одно тому подтверждение) и остается поразительно злободневной до сегодняшнего дня, боюсь, и завтрашнего дня тоже. «Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения, — писал классик. — ...мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания... литературу, превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные».

«Должно надеяться, что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой — необъятную силу правительства, основанную на силе вещей», — замечал классик, имея в виду и своих друзей декабристов, и самого себя.

И призывал «защитить новое, возрастающее поколение, еще не наученное никаким опытом и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всем ее восторгом и готовностью принимать всякие впечатления».

Поэт указывал на пагубное влияние чужеземного идеологизма для нашего отечества и предлагал противопоставить ему патриотическую систему просвещения: «Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия».

Мы надолго задержались на Сенатской площади, но это ключевое место в истории России и русской литературы. Медный всадник (который на самом деле никакой не медный, а бронзовый, однако чего не сделает поэт из-за лишнего слога) — тому свидетель. «Петру Первому от Екатерины Второй», — начертано на пьедестале. Великая императрица умела играть словами и быть краткой — Чехову было у кого учиться.

В Санкт-Петербурге — огромное количество пушкинских мест. Ну, например, через Неву, на Васильевском острове — «Пушкинский дом» — Институт русской литературы. А на Дворцовой площади — «униженная» поэтесс Александровская колонна — в честь победы над Наполеоном Александра Первого, который поэта не жаловал. Помните же:

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрейского столпа».

Постоим, задрвав головы, несколько минут вместе с другими туристами на Дворцовой, и на автовокзал на Обводном канале. «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо как Россия», а я отправляюсь в тот уголок земли, где Пушкин провел изгнанником два года незаметных.

Из Михайловского в Тригорское: Пушкин-работодатель

06061799 — это не просто пароль к вайфаю в гостевом доме в деревне Савкино, где я приютился на несколько дней. 06061799 — это пароль доступа к Русскому миру.

На стенах в моей комнате — картинки с изображением поэта и цитата из его письма к хозяйке Тригорского Прасковье Александровне Осиповой: «Я просил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, сообщить мне, не могу ли я приобрести Савкино, и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году... меня этот проект приводит в восхищение и я постоянно к нему возвращаюсь...».

Этот проект Пушкину осуществить не удалось, но все равно здесь, «у себя в горах», он — один из главных, если не самый главный кормилец. Ему обязаны своим благополучием хозяева гостиниц, экскурсоводы, таксисты. Да и в целом туризм — важный источник наполнения бюджета этого района Псковской области. И в этом нет ничего дурного. Как у Пушкина в «Разговоре книгопродавца с поэтом»:

«Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят...».

Отправляюсь побродить и я. Сначала в Михайловское. Тут почти нет подлинных пушкинских вещей, сам дом несколько раз горел и строился заново; но

подлинно главное — атмосфера места, в котором рождались гениальные стихи.

Вообще, лучший рассказ о Михайловском, да не обидятся на меня местные экскурсоводы, принадлежит собственно Пушкину. Обнаружить его можно в «Евгении Онегине»:

«Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые...».

И жил здесь Пушкин примерно так же, как Онегин — анахоретом: «Прогулки, чтение, сон глубокой... бутылка светлого вина, уединенье, тишина...».

Из Михайловского, от Пушкина-Онегина, наш путь лежит в соседнее Тригорское — имение уже упоминавшейся здесь Прасковьи Александровны Осиповой, чьи дочери Анна и Евпраксия по одной из версий были прототипами сестер Лариных — Татьяны и Ольги. Где-то здесь

«Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью.
И, задыхаясь, на скамью
Упала...».

Потом
«Минуты две они молчали,
Но к ней Онегин подошел
И молвил: «Вы ко мне писали,
Не отпирайтесь. Я прочел...».

От этих размышлений меня отрывает внезапный сильный холодный дождь, тоже, впрочем, тотчас напоминая пушкинские стихи:

«Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим».

Недуг, которого причину давно бы отыскать пора — нет, не российская хандра

Действительно, пора собираться на юг, в «Земли полуденной волшебные края». И мне — работать, и многим нашим читателям — отдыхать. Но по пути — снова Санкт-Петербург. Черная речка. Два взгляда на одну из самых трагических страниц русской истории и точно самую трагическую страницу истории русской литературы. Один — Лермонтова:

«Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!»

Другой — Булгарина: «Великий был человек, а пропал, как заяц...». Дом на набережной Мойки, 12. Последняя квартира поэта. Отсюда он поехал на дуэль, сюда же его привезли умирать. Картина Александра Козлова «Пушкин в гробу». Лицо усталого, немолодого уже человека — поэту было без малого тридцать восемь.

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем...».

У Пушкина остались огромные — около 150 тысяч рублей долги, которые погасил Николай Первый. Жена и дети покойного получили пенсии. Кроме того, царь выкупил доли совладельцев в родовых имениях поэта — Болдино и Михайловском, которые получили сыновья. Камергер Павел Дурново (это вам не какой-то ничтожный камер-юнкер) написал по поводу такого «аттракциона невиданной щедрости»: «Это превосходно, но это слишком».

Однако на самом деле это мы с вами остались должны Пушкину и не расплатимся с ним никогда — если уместно здесь такое выражение. Формула Аполлона Григорьева «Пушкин — наше все», может быть, и звучит сегодня трюизмом, однако не перестает от этого быть абсолютной истиной. Она — как «дважды два четыре» для Русского мира. Будь моя воля, я бы хранил произведения Пушкина где-нибудь в Музее мер и весов как эталон Русского слова.

А еще, как точно отметил Достоевский, именно Пушкин первый указал на «самую болезную язву составившегося у нас после великой петровской реформы общества»: неверие в Россию и слепое, бездумное подражание Западу. «Его искусному диагнозу мы обязаны обозначением и распознаванием болезни нашей, и он же, он первый, дал и утешение: ибо он же дал и великую надежду, что болезнь эта не смертельна и что русское общество может быть излечено...», — говорил Федор Михайлович в своей знаменитой Пушкинской речи.

Признаем из нашего XXI столетия: «недуг, которого причину давно бы отыскать пора» (нет, не российская хандра — «поправлю» я классика) оказался трудно излечимым, но надежда не потеряна. Главное — следовать пушкинскому рецепту: «Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве».

Александр Сергеевич Пушкин похоронен на родовом кладбище в Святогорском монастыре — в тех местах, где мы с вами уже побывали во время этого путешествия. И в этом факте тоже эволюция его мировоззрения: от атеиста, сочинителя «Гаврииады», до автора вот таких строк:

«Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи».

Ну а дух Пушкина, согласно его поэтическому завещанию, обретается у меня дома в Крыму:

«Так, если удаляться можно
Отголь, где вечный свет горит,
Где счастье вечно, непреложно,
Мой дух к Юрзуфу прилетит...».
Лечу и я.

Сергий Булгаков и Владимир Путин: у стен Херсонеса

«Крымское эхо», 28.07.2021

28 июля (16 июля по старому стилю) исполняется 150 лет со дня рождения одного из самых знаменитых русских философов — отца Сергия Булгакова, чья судьба неразрывно связана с Крымом.

«Родина — там, где смерть», — написал однажды Булгаков. И назвал своей первой родиной маленький городок Ливны в Орловской губернии, где он родился и где похоронены его предки-священники, а второй родиной — Крым, где на маленьком кладбище в Кореизе лежит сын философа Иван. Булгаков мечтал быть похороненным рядом с ним, но судьба распорядилась иначе. Уезжая в 1922 году в изгнание, отец Сергий зашил в ладанку горсть кореизской земли и вместе с ней, в рясе, в которой служил в храме святого Александра Невского в Ялте, лег в 1944 году в могилу на кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем.

В Крым Булгаков попал благодаря тому, что его жена Елена Токмакова была дочерью владельца усадьбы в Олеизе — местечке между Мисхором и Кореизом. Именно там в июле 1909 года в возрасте трех лет умер Ивашек. Булгаков писал своему другу, еще одному классику отечественной философии Павлу Флоренскому: «Это лето было для нас исключительно тяжелым и оказалось в известном смысле роковым. Почти не переставая болели дети, главным же образом наш младший — Ивашек, светоносный мальчик, носивший на себе печать чего-то неземного — и по дню рождения своего — Рождественскую ночь, — и по необыкновенной ласковости и ясности своей и раннему интеллектуальному развитию и одаренности (м.б., Вы и помните его). Он перенес целый ряд болезней и 27 июля умер от слабости сердца в дизентерии после продолжительных, ужасных, при воспоминании о которых сердце перевертывается, страданиях, которые я не могу иногда называть — без тени всякого кощунства — иначе как распятием. И они обострялись болезненным обострением его интеллекта и сознания, обоявшего на границе двух миров и говорившего об обоих. Эта смерть была пережита мною — и нами обоими — с исключительной религиозной

остротой (о человеческих родительских чувствах нечего и говорить), да и до сих пор, конечно, не изжита и не будет изжита. На письме об этом не расскажешь, да и вообще о самом главном не расскажешь, но живая связь — ведь своя плоть и кровь там — с Тем миром и его подлинность, а здешнего неподлинность, и вся переоценка ценностей, с этим связанные, временами с ослепительной ясностью входили в сознание».

В Крыму находилась семья Булгакова и в роковые для России годы Гражданской войны. «Верно, все у нас теперь бывшее: бывший царь, бывшая армия, бывшая Россия. Впрочем, в окончательное разрушение России еще не верю, или, во всяком случае, допускаю, что этот номер эсхатологического репертуара может быть еще отсрочен новым периодом «ветхозаветного» царства. Однако порою кажется и обратное», — замечает мыслитель в 1918 году.

При Врангеле отец Сергей становится профессором политической экономии и богословия Таврического университета, откуда его изгоняют большевики в ноябре 1920 года. Булгаков возвращается из Симферополя в Олеиз, служит сначала в Кореизском и Гаспринском храмах, а затем становится помощником настоятеля собора святого Александра Невского в Ялте.

Однако, увы, вслед за изгнанием из университета следует изгнание и из России. По решению советских властей один из выдающихся отечественных мыслителей был выслан из РСФСР без права возвращения. Вечером 30 декабря (17 декабря по старому стилю) 1922 года пароход «Жан» с семьей Булгакова на борту вышел из Севастополя и взял курс на Константинополь. «Конечно, знаю, что ждут всякие испытания, тоска по родине, разочарование, всему этому и надлежит быть, и положение наше без средств и неизвестность могло бы смущать в другое время, но сейчас во мне по-человечески одно чувство — радости освобождения и благоговейное чувство удивления и благодарности перед милостью Божией. Господи, благослови путь наш!» — записал отец Сергей в своем дневнике.

Среди огромного творческого наследия Булгакова есть диалог «У стен Херсониса», действие которого разворачивается лунной ночью в Крыму у Черного моря, близ места херсонесских раскопок.

«Какая святая земля. Даже страшно ступить по ней. Во всей России нет места более древнего и священного. Здесь залегло несколько пластов античной культуры перед нами вскрытых, здесь и родилась духовно наша родина, в этом храме хранится купель святого Владимира», — говорит один из героев этого произведения, выведенный автором как «светский богослов».

«Да, тут говорят самые камни, и это молчание веков полновзвучнее всего теперешнего гама. Оно повелевает внять ему... Таинственная ворон-

ка, которая ведет в центр земли, для России находится здесь, и, вопреки вам, одна только мысль и владеет теперь моим сознанием, что только здесь и отсюда можно уразуметь происходящее... Ключа к трагедии России надо искать не в Петербурге, не в Москве, не в Киеве, но... в Херсонисе: здесь совершился «пролог в небе», и «потоп», как вы выразились, предопределен был тоже здесь», — вторит ему собеседник, «беженец». — ...Здесь кратер вулкана русской истории...».

Просто сравните с тем, что говорил президент России Владимир Путин после возвращения Крыма в 2014 году: «Именно здесь находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства. Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как называли его русские летописцы, Корсуни, принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь.

Наряду с этнической близостью, языком и общими элементами материальной культуры, общей, хотя и не очерченной тогда устойчивыми границами территорией, нарождающейся совместной хозяйственной деятельностью и властью князя христианство явилось мощной духовной объединяющей силой, которая позволила включить в формирование единой русской нации и образование общей государственности самые разные по крови племена и племенные союзы всего обширного восточнославянского мира. И именно на этой духовной почве наши предки впервые и навсегда осознали себя единым народом. И это дает нам все основания сказать, что для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение. Так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам или иудаизм. Именно так мы и будем к этому относиться отныне и навсегда».

Так получилось, что 28 июля — не только день рождения отца Сергея Булгакова, но и День Крещения Руси — официальная государственная памятная дата Российской Федерации.

За Довлатова! (Напиться как следует — это тоже искусство: к 80-летию классика) «Крымское эхо», 03.09.2021

Сегодня, 3 сентября, исполняется восемьдесят лет со дня рождения Сергея Довлатова — одного из моих любимых писателей (анти)советского периода. Пожалуй, так часто, как его, из беллетристов той эпохи я не перечитываю никого. Ироничная, точная, каждое слово, нет, даже не так, каждая буква на своем месте, проза Довлатова не раз и не два помогала мне в тяжелые и развлекала в «легкие» времена.

Я просто открываю любой том с любого места.

«Русский алфавит — мое единственное богатство».

«Проиграть в наших условиях, может быть, достойнее, чем выиграть».

«Здоровый цинизм помогает избегать громких слов».

«Бескорыстное вранье — это не ложь, это поэзия».

«Город у нас добродушный, все спектакли кончаются бурными аплодисментами».

«Нам ясно, что у гениев должны быть знакомые. Но кто поверит, что его знакомый — гений?».

В июне я рассказывал здесь, на кибернетических страницах «Крымского эха», о необычном музее Довлатова в Пушкинских горах, где он работал экскурсоводом в последние советские годы своей жизни. А сегодня захотелось поговорить о Довлатове-журналисте. Уча в университете уму-разуму будущих репортеров, я люблю вворачивать время от времени в лекции фрагменты довлатовского «Компромисса» — одной из лучших книг не только о советской журналистике, но и о журналистике вообще.

«В любой газетной редакции есть человек, который не хочет, не может и не должен писать».

«В нашей конторе из тридцати двух сотрудников по штату двадцать восемь называли себя: «Золотое перо республики». Мы трое в порядке оригинальности назывались — серебряными. Дима Шер, написавший в одной корреспонденции: «Искусственная почка — будничное явление наших будней», слыл дубовым пером».

«Вообще редакционные пьянки — это торжество демократии. Здесь можно подшутить над главным редактором. Решить вопрос о том, кто самый гениальный журналист эпохи. Выразить кому-то свои претензии. Произнести неумеренные комплименты. Здесь можно услышать, например, такие речи:

— Старик, послушай, ты — гигант! Ты — Паганини фоторепортажа!

— А ты, — доносится ответ, — Шекспир экономической передовицы!..»

«О журналистах замечательно высказался Форд: «Честный газетчик продается один раз». Тем не менее я считаю это высказывание идеалистическим. В журналистике есть скупочные пункты, комиссионные магазины и даже барахолка. То есть перепродажа идет всюю».

Себя журналиста Довлатов охарактеризовал так: «С работы меня уволили в начале октября. Конкретного повода не было. Меня, как говорится, выгнали «по совокупности». Видимо, я позволял себе много лишнего.

В журналистике каждому разрешается делать что-то одно. В чем-то одном нарушать принципы социалистической морали. То есть одному разрешается пить. Другому — хулиганить. Третьему — рассказывать политические анекдоты. Четвертому — быть евреем. Пятому — беспартийным. Шестому — вести аморальную жизнь. И так далее. Но каждому, повторяю, дозволено что-то одно. Нельзя быть одновременно евреем и пьяницей. Хулиганом и беспартийным...

Я же был пагубно универсален. То есть разрешал себе всего понемногу».

Крым, конечно, не самый довлатовский регион. Куда «более мемориальны» Ленинград, Таллин, Пушкинские горы, Нью-Йорк. Но, тем не менее, Довлатов бывал и у нас на полуострове. Отзвук одного из таких посещений можно услышать в «Соло на ундервуде»:

«Лет двадцать пять назад я спас утопающего. Причем героизм мне так несвойственен, что я даже запомнил его фамилию — Сеппен. Эстонец Пауль Сеппен.

Произошло это на Черном море. Мы тогда жили в университетском спортлагере. Если не ошибаюсь, чуть западнее Судака.

И вот мы купались. И этот Сеппен начал тонуть. И я его вытащил на берег.

Тренер подошел ко мне и говорит:

— Я о тебе, Довлатов, скажу на вечерней поверке. Я, помню, обрадовался. Мне тогда нравилась девушка по имени Люда, гимнастка. И не было повода с ней заговорить. А без повода я в те годы заговаривать с женщинами не умел. И вдруг такая удача.

Стоим мы на вечерней поверке — человек шестьсот. То есть весь лагерь. Тренер говорит:

— Довлатов, шаг вперед!

Я выхожу. Все на меня смотрят. Люда в том числе.

Тренер говорит:

– Вот. Обратите внимание. Взгляните на этого человека. Плавает как утюг, а товарища спас!».

Обязательно выпью сегодня за упокой души Сергея Донатовича. Ибо, подобно классику, я столько читал о вреде алкоголя, что решил навсегда бросить... читать.

И, кстати, напиться как следует – это тоже искусство! Не я сказал. Довлатов. В уже цитировавшемся здесь «Компромиссе».

Александр Мащенко, серебряное перо республики (если верить жюри одноименного конкурса, проходившего в теперь уже довольно далеком 2012 году).

Юлиан Семенов построил в Ялте виллу для Штирлица

«Парламентская газета», 08.10.2021

Восьмого октября исполняется 90 лет со дня рождения Юлиана Семенова — писателя, которого знают все, кто родился и вырос в СССР. Его полковник Исаев был одним из главных героев советского мира. Помните же: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться»? Он и остался — в истории, культуре, литературе, кинематографе нашей страны.

Два разведчика: Штирлиц и... Нарышкин

Приуроченные к дате юбилейные мероприятия пройдут в разных городах России, рассказала «Парламентской газете» дочь писателя Ольга Семенова. В Крыму, который занимал особое место в жизни классика, к его дню рождения открылась выставка «Штирлиц — образ собирательный...» Она экспонируется в выставочном центре Музея героической обороны и освобождения Севастополя — бывшем здании кинотеатра «Украина» — по адресу: улица Ленина, 35. Организаторы: Культурный фонд Юлиана Семенова и Российское историческое общество. Тема выставки — история советской разведки, ее воплощение в образе полковника Максима Максимовича Исаева. Среди экспонатов — фотографии и документы, рассказывающие о жизни Юлиана Семенова и его работе над циклом произведений о Штирлице, а также вещи из Музея Службы внешней разведки России. Как рассказал на открытии выставки председатель правления Российского исторического общества Константин Могилевский, в разведке ценят Юлиана Семенова и хранят память о нем. Поэтому по решению председателя РИО, директора Службы внешней разведки Сергея Нарышкина ряд вещей, специальных технических средств из Музея службы внешней разведки были специально переданы для проведения выставки в Севастополе.

Домик в горах

Еще один способ отметить день рождения писателя — съездить на экскурсию на его виллу «Штирлиц» в Мухалатке, где Ольга Семенова открыла в 2000 году мемориальный дом-музей.

Классик приобрел этот домик в горах в 1983 году. Сейчас туристы, заходя в музей, умиляются: «Батюшки, такой был знаменитый писатель, а как скромно жил!» Но тогда это было невиданной роскошью. И добиваться ее пришлось путем сложных ухищрений. Фактически Семенов купил даже не домик, а развалины, однако местные власти запрещали писателю «расширяться».

«Дом не мог превышать по размеру крохотную, еле заметную в зарослях лопухов и малины руину — 22 квадратных метра. Не густо, если учесть, что папа мечтал о столовой, кабинете и трех спальнях! Но самое печальное выяснилось позднее — вверх идти тоже было нельзя! Жили-то, как он горько шутил, в «Нельзании». Отец почесал в затылке, вспомнил свое любимое: «Что не запрещено, то разрешено» — и нашел-таки выход из критического положения, прибегнув к магическому термину «нежилое помещение». Так на плане первого этажа будущего дома возникли одна жилая комната в 22 метра и две маленькие мастерские (на самом деле кухня-столовая и кабинет), а низенький второй этаж с тремя небольшими комнатками прошел, как книгохранилище, — вспоминала Ольга Семенова. — И как же эмоционально объяснял папа строгим товарищам из бесконечных комиссий, бюро и управлений, что без мастерской и книгохранилищ писателю «никак нельзя», и как же радовался, когда те, многозначительно помывчав, поставили желанные закорючки в нужных бумагах и планах и благополучно отбыли со стопками «мгновений»!

Именной коктейль

По словам Ольги, Семенов был в Мухалатке абсолютно счастлив. Нисколько не переживая из-за безалаберности дома, он его моментально обжил, на стенах развесил фотографии Хэма, Кармена, Шаляпина, Шпеера, барона Фальц-Фейна, хвалебные письма Сименона, Хаммера, Джона Стейнбека и Юрия Бондарева в рамочках, картины старшей дочери Дарьи, расписные тарелки, шпаги, пистолеты и ножи. На камине расставил любимые сувениры: обломок американского самолета из Вьетнама, бумеранг из Австралии, копьё аборигенов с отравленным наконечником, огромный рог с инкрустацией и деревянную фигурку монаха в плаще, горестно облокотившегося на посох.

Среди экспонатов в доме-музее — доказательства правдивости слов Могилевского о том, что советские разведчики уважали Юлиана Семенова: дипломы за подписью сразу двух председателей КГБ, Виктора Чебрикова и Юрия Андропова, с одинаковой формулировкой: «За создание ярких высокоидейных произведений литературы и кино о чекистах и пограничниках».

Семенов проводил в Крыму часть весны, лето и осень, стараясь вести правильный образ жизни и избегать шумных пиршеств, однако удавалось это далеко не всегда. Виною тому — и многочисленные гости, и темперамент писателя. Вот что вспоминал, к примеру, известный актер Лев Дуров: «Я снимался и жил в доме отдыха «Актер». При этом регулярно ходил в гостиницу «Ялта»,

в которой был бассейн. И вот однажды, только я спустился по лестнице, увидел пробегающего таким мелким-мелким шажком в трусах и майке Юлиана Семенова. Мельком взглянул на меня и бросил через плечо: «Левочка, присоединяйся». Я почему-то присоединяюсь и таким же мелким шажком бегу по бетонной дорожке. «Я каждое утро бегаю трусцой. Ты бегаешь?» — обращается он ко мне. Смущенно говорю, что нет. «Вот теперь будешь бегать». Итак, мы бежим, а он говорит: «Сейчас добежим до палатки, а потом побежим в обратную сторону». И только мы подбегаем к палатке, оттуда моментально «высовываются» два фужера с апельсиновым соком. Юлиан комментирует: «Так, принимаем коктейль «Юлиан Семенов» и бежим обратно». Я начинаю пить и понимаю, что это не совсем апельсиновый сок, а сок с чем-то очень крепким! Но рассуждать некогда — надо бежать в обратную сторону. Так, а обратная сторона где кончается? Правильно, у той же палатки с коктейлем «Юлиан Семенов». Не помню точно, сколько кругов мы сделали, но мне сделалось уже совсем жарко, а чувствам — возбужденно».

Неиспользованный потенциал классика

В Ялте, у памятника классику, который расположен у входа в отель «Ореховая», восьмого октября соберутся его крымские друзья во главе с бывшим зампредом горисполкома Владимиром Попелянским. «Мы познакомились с писателем в 1988 году: он мечтал построить в Ялте несколько отелей мирового класса и нашел поддержку у городских властей. Был разработан ряд масштабных проектов. Кое-что удалось сделать, однако большая часть планов, увы, осталась нереализованной. Виной тому — прежде всего, распад страны и смерть Семенова, который был главным мотором этих начинаний», — рассказал Попелянский «Парламентской газете».

Недавно Владимир Антонович издал книгу «ЮБК — забытое прошлое». Ее вторая часть называется «Неиспользованный потенциал» и рассказывает в том числе о проектах Юлиана Семенова по превращению Ялты в курорт мирового уровня.

Между прочим, среди проектов, которые разрабатывались при участии писателя, был в том числе и проект очистки ялтинских рек. И если бы он был реализован, наводнения нынешнего года в Ялте имели бы куда меньшие последствия.

Кстати.

Юбилей Семенова отмечают не только в России, но и за рубежом. Во Франции к дате выходит перевод романа «Третья карта», главный герой которого — Исаев-Штирлиц. Действие романа происходит в июне 1941 года, поэтому французский издатель предпочел дать переводу более «говорящее» для европейских читателей название — «Операция «Барбаросса». Это уже третий роман цикла, выпускаемый издательством «Éditions du Canoe» в переводе Мо-

ники Слодзиан, ранее были изданы «Семнадцать мгновений весны» и «Бриллианты для диктатуры пролетариата».

Справка.

История Штирлица не заканчивается с последними титрами «Семнадцати мгновений». В общей сложности, он является действующим лицом 14 книг Юлиана Семенова. После войны знаменитый литературный герой попадает в Южную Америку, где, вместе с американцем Полом Роумэном, разоблачает конспиративную нацистскую организацию «ОДЕССА», которой руководил бежавший от расплаты Мюллер. Потом сотрудники МГБ арестовывают самого Штирлица. Он выходит из тюрьмы только после смерти Берии и устраивается на работу в Институт истории, где пишет диссертацию «Национал-социализм, неофашизм; модификации тоталитаризма». Ознакомившись с текстом этой работы, секретарь ЦК КПСС Михаил Суслов рекомендует присвоить Штирлицу ученую степень доктора наук без защиты, а рукопись изъять, передав в спецхран...

**По следам героев Достоевского:
из Петербурга в Скотопригоньевск
(К 200-летию классика наш журналист
прошел по следам Раскольникова
и братьев Карамазовых)
«Парламентская газета», 11.11.2021**

11 ноября 2021 года — дата даже не всероссийского, а планетарного масштаба. Двести лет назад родился Федор Михайлович Достоевский. Его произведения стали классикой мировой литературы. По ним за рубежом формируется представление о России, Русском мире, русском национальном характере. Накануне юбилея корреспондент журнала «Российская Федерация сегодня» прошел по следам главных героев произведений писателя — Раскольникова и братьев Карамазовых.

На месте преступления

Есть мемориальные дома писателей и поэтов — их много, а есть мемориальные дома литературных героев — их гораздо меньше. Дом на углу Столярного переулка (современный адрес: улица Гражданская, 19) — один из самых необыкновенных в Санкт-Петербурге. Здесь жил, может быть, самый известный персонаж в истории русской литературы — Родион Романович Раскольников.

«Трагические судьбы людей этой местности Петербурга послужили Достоевскому основой его страстной проповеди добра для всего человечества», — читаю я на мемориальной доске, установленной на доме. Рядом экскурсовод рассказывает группе иностранных туристов о создании «Преступления и наказания». «Crime and Punishment», «Crime et Châtiment», «Verbrechen und Strafe» — роман переведен едва ли не на все существующие языки и давно стал «транснациональной историей» — так же, как произведения Гомера, Данте или Шекспира.

Топографически Раскольников шел на убийство старухи процентщицы именно отсюда, из Столярного переулка, метафизически он проделывал

этот же путь вместе со своими читателями в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Берлине.

Топографически идти Раскольникову было недалеко, он точно знал, сколько шагов от его дома до дома старухи: семьсот тридцать. Он шел тихо и степенно, не торопясь, чтобы не подать подозрений. Мало глядел на прохожих, даже старался совсем не глядеть на лица и быть как можно неприметнее. Я двигался за ним с томиком Достоевского в руках. Но вот уже и близко, вот и дом, вот и ворота. Набережная канала Грибоедова, 104. Здесь было совершено главное преступление в истории мировой литературы: «Ни одного мига нельзя было терять более. Он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками, едва себя чувствуя, и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом».

В огромном квадратном дворе, у парадного, школьники с учительницей литературы изучали роман «на местности». Эх, был бы богачом, обязательно купил бы квартиру в этом доме и открыл в ней Музей ломбарда. Какие сюжеты подарили и еще подарят эти учреждения писателям!

Тут же, неподалеку, на набережной, другой примечательный дом, где жила еще одна героиня «Преступления и наказания» — Соня Мармеладова. Современный адрес: Набережная канала Грибоедова, 73.

Адреса Достоевского

Петербург — главный город Достоевского. В 1838 году он приехал сюда учиться в Инженерном училище, расположенном в Михайловском замке, «забвенью брошенном дворце», где был убит заговорщиками император Павел Первый. Военного инженера из Достоевского, правда, не получилось, однако сделанные во время учебы знакомства как минимум однажды здорово выручили писателя. В 1856 году, служа после каторги в солдатах в далеком Семипалатинске, Достоевский написал герою Крымской войны генералу Эдуарду Тотлебену, с которым был знаком по училищу, письмо с просьбой ходатайствовать, чтобы ему разрешили публиковаться. Тотлебен согласился. Так, с помощью прославленного однокашника, Достоевский вернулся в литературу. А мы возвращаемся в Санкт-Петербург.

За время своей жизни в городе на Неве Достоевский переменял десятки квартир. Это обстоятельство подчеркивает не только материальную нужду, в которой много лет прожил писатель, но и его (а вместе с ним — и его литературных героев) склонность к... «бродяжничеству». Достоевский любил бесцельно бродить по тогдашней российской столице, «блуждал по самым темным и отдаленным улицам Петербурга. Во время ходьбы он разговаривал сам с собою, жестикулировал, так что прохожие оборачивались на него. Друзья, встречавшиеся с ним, считали его сумасшедшим», — вспоминала дочь писателя Любовь Федоровна Достоевская.

Точно так же мы постоянно встречаем бродящими без видимой цели по улицам и площадям города героев классика. Именно на таких прогулках складывалась у Раскольникова его идея о праве на насилие. Помните сакраментальный вопрос из школьной программы: «Тварь ли я дрожащая или право имею?».

«Вы выходите из дому — еще держите голову прямо. С двадцати шагов вы уже ее опускаете, руки складываете назад. Вы смотрите и очевидно ни перед собой, ни по бокам уже ничего не видите. Наконец, начинаете шевелить губами и разговаривать сами с собой, причем иногда вы освобождаете руку и декламируете, наконец, останавливаетесь среди дороги надолго», — характеризует Раскольникова Свидригайлов.

Сравните с воспоминаниями дочери писателя. Похоже, не правда ли? А впрочем, может, она свое описание из романа и взяла. Большие писатели все свои книги пишут о самих себе. Никак иначе не бывает.

Петербург — один из главных источников и, одновременно, главных героев произведений Достоевского. Как подсчитали литературоведы, город выступает как фон для развития сюжета в двадцати произведениях классика: «Бедные люди», «Двойник», «Господин Прохарчин», «Роман в девяти письмах», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Чужая жена и муж под кроватью», «Елка и свадьба», «Неточка Незванова», «Скверный анекдот», «Записки из подполья», «Крокодил», «Униженные и оскорбленные», «Вечный муж», «Идиот», «Преступление и наказание», «Подросток», «Бобок», «Кроткая», «Бесы».

Подросток в одноименном романе говорит: «Есть у меня в Петербурге несколько мест счастливых, то есть таких, где я почему-нибудь бывал когда-нибудь счастлив, и что же — я берегу эти места и не захожу в них как можно дольше нарочно, чтобы потом, когда буду уж совсем один и несчастлив, зайти, погрузить и припомнить...» Думается, Достоевский «подарил» в этом случае своему герою собственную идею. Хотя у писателя было в Петербурге немало и других мест, где он, наоборот, был несчастлив. Петропавловская крепость, в камерах которой Достоевский несколько месяцев ждал наказания за участие в кружке петрашевцев. Семеновский плац (ныне — Пионерская площадь), где 22 декабря 1849 года Достоевский поднялся на эшафот, мысленно прощаясь с жизнью, однако в последний момент смертную казнь писателю заменили каторгой.

Главный петербургский адрес Достоевского прямо сейчас — Кузнечный переулок, дом № 5. Там он прожил последние три года жизни, там располагается замечательный мемориальный музей писателя. Вечное успокоение классик нашел в Александро-Невской лавре. Могилу Достоевского украшает монумент из серого гранита. На скале — крест с терновым венцом, у подножия — бюст писателя. Надпись на камне гласит: «Аминь, аминь глаголю вамъ: аще зерно пшенично падъ на земли не оумреть, то едино

пребывает: аще же оумреть, мнозь плодь сотворить». Цитата из Евангелия от Иоанна, выбранная Достоевским в качестве эпиграфа к его последнему роману — «Братья Карамазовы».

В поисках трактира

Туда, где разворачивались его события, в заштатный русский городок Скотопригоньевск, я и направляюсь из имперского Петербурга. Однако не ищите Скотопригоньевск на карте. Название выдуманно писателем. В реальной жизни это городок Старая Русса в Новгородской области. Поезд привез меня туда рано утром, и я первым делом решил согреться в трактире «Столичный город» — уверен был в том, что таковой должен в Старой Руссе существовать. Увы, ошибался. А ведь именно там, в скотопригоньевском трактире «Столичный город» состоялся едва ли не главный философский диспут в истории человечества. Там Иван Карамазов возвращал свой билет Господу Богу и излагал Алеше поэму о Великом инквизиторе. И вот если в Санкт-Петербурге я бы купил квартиру в доме старухи процентщицы, то в Старой Руссе всенепременно открыл бы трактир «Столичный город», который может стать местом паломничества не хуже, чем какая-нибудь гаванская «Бодигита». Ну а заодно там можно будет... защищать диссертации по русской литературе, философии и богословию.

За этими размышлениями я зашел в первое попавшееся по пути кафе. Заказал, как Иван Карамазов, чаю. Открыл роман.

«- Отвечай: мы для чего здесь сошлись? Чтобы говорить о любви к Катерине Ивановне, о старике и Дмитриии? О загранице? О роковом положении России? Об императоре Наполеоне? Так ли, для этого ли?»

— Нет, не для этого.

— Сам понимаешь, значит, для чего. Другим одно, а нам, желторотым, другое, нам прежде всего надо предвечные вопросы разрешить, вот наша забота. Вся молодая Россия только лишь о вековых вопросах теперь и толкует...

О мировых вопросах, не иначе: есть ли бог, есть ли бессмертие? А которые в бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о перedelке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца».

В «оправдание» жителям Старой Руссы можно сказать, что интерьер русского трактира эпохи Достоевского воспроизведен в одной из комнат музея романа «Братья Карамазовы». Перед нами — трактирная стойка и предметы быта XIX века: самовар, утварь, посуда, вешалка для одежды.

В Старой Руссе Достоевский провел восемь летних сезонов — с 1872 по 1880 год. На карте города обозначены места, которые посещал классик. По этим обозначениям можно легко воспроизвести маршруты его героев — Ми-

ти и Алеши Карамазовых. Из газеты «Новгородские ведомости» за 1875 год мы узнаем о деле Петра Назарова, старорусского мещанина, который убил своего отца. Этот случай, сообщенный Достоевскому, повлиял на развитие замысла сюжетной линии романа.

Любовь Федоровна Достоевская вспоминала: «Действие «Братьев Карамазовых» он перенес в этот город; читая их впоследствии, я легко узнавала топографию Старой Руссы. Дом старика Карамазова — это наш загородный дом с небольшими изменениями». В доме Достоевского-Карамазова на набережной реки Перерыгицы сейчас работает еще один музей классика. Жена писателя, Анна Григорьевна, впервые открыла его всего через два года после смерти Достоевского — в 1883 году.

Достоевский и «русские европейцы»

Старая Русса — единственный город, который Достоевский выбрал по собственному желанию. Все другие города, в которых приходилось жить писателю, за него выбирали или обстоятельства или другие люди. Полагаю, это был еще и цивилизационный выбор. Старая Русса. Старая Россия. У нас в стране литература — это не просто беллетристика, это способ философствования, способ постижения мира, способ решения самых главных вопросов как человеческого, так и государственного бытия. А Достоевский — не только один из самых известных за рубежом отечественных писателей и мыслителей, но и, одновременно, последовательный критик западной цивилизации, а вместе с ним и западного проекта развития России.

Представления классика об отличиях между Россией и Западом прошли самое главное испытание — испытание временем. «Да, вновь сшибка с Европой, вновь на русских смотрят в Европе недоверчиво... Но, однако, чего нам гоняться за доверчивостью Европы? Мы вовсе не Европа и все у нас до того особливо, что мы, в сравнении с Европой, почти как на Луне сидим», — писал классик в одном из своих дневников.

Сравните с нынешней ситуацией, когда Россия — едва ли не единственная остается защитницей традиционных ценностей, выступая против пропаганды ЛГБТ-ценностей и прочих вывихов современной западной цивилизации.

Европа боится Россию. «Россия усилится, овладеет Востоком, Константинополем, Средиземным морем, портами, торговлей. Россия низринется варварской ордой на Европу и «уничтожит цивилизацию»... Вот что кричат теперь в Англии, в Германии, и опять-таки лгут поголовно, сами не верят ни в одно слово из этих обвинений и опасений. Все это лишь слова для возбуждения масс народа к ненависти, — писал Достоевский. — В Европе кричат о «русских захватах, о русском коварстве», но единственно лишь, чтобы напугать свою толпу, когда надо, а сами крикуны отнюдь тому не верят, да

и никогда не верили». Похоже ведь на то, что кричат в Европе (и в Америке) и сейчас, вот уже семь с половиной лет после возвращения Крыма. А пожалуй, что и дольше — с «войны 08.08.08».

Ну и, конечно, здорово достается от Достоевского «русским европейцам»: «Мы начали с бесцельного скитальчества по Европе при алчном желании переродиться в европейцев, хотя бы по виду только... Мы только и делали, что пока лишь вид перенимали. Мы нагоняли на себя европейские вкусы, мы даже ели всякую пакость, стараясь не морщиться: «Вот, дескать, какой я англичанин, ничего без кайенского перцу есть не могу». Да, действительно есть и всегда были такие русские (имена многих из них известны), которые не только не отрицали европейской цивилизации, но, напротив, до того преклонялись перед нею, что уже теряли последнее русское чутье свое, теряли русскую личность свою, теряли язык свой, меняли родину... Зачем-де у нас все это не так, как в Европе? В Европе-де везде хорош талер, а у нас рубль дурен. Так как же это мы не Европа, так зачем же это мы не Европа? Нужна-де только европейская формула, и все как раз спасено; приложить, взять из готового сундука, и тотчас же Россия станет Европой, а рубль талером. Главное, что приятно в этих механических успокоениях, — это то, что думать совсем не надо, а страдать и смущаться и подавно... Чего думать, чего голову ломать, еще заболит; взять готовое у чужих — и тотчас начнется музыка, согласный концерт —

Мы верно уж поладим,
Коль рядом сядем.

Ну, а что коль вы в музыканты-то еще не годитесь, и это в огромнейшем, в колоссальнейшем большинстве, господа?».

Больше полутора веков прошло с тех пор, как были написаны эти слова, а кажется, что они о сегодняшнем дне.

Достоевский о Крыме и шелудивых русских либералах (На 200-летие со дня рождения классика Русского мира) «Крымское эхо», 11.11.2021

11 ноября — главная дата Русского мира в 2021 году. Двести лет со дня рождения Федора Михайловича Достоевского — писателя, который не нуждается в представлении ни в Москве, ни в Киеве, ни в Нью-Йорке, ни в Токио, ни в Лондоне, ни в Пекине, ни в Асунсьоне, ни в Аддис-Абебе, нигде. «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы», «Дневник писателя» переведены на все мировые языки. Родиона Раскольникова, Льва Мышкина, Николая Ставрогина, Андрея Версилова, Ивана Карамазова знают везде.

Обыкновенно Достоевский ассоциируется прежде всего с Санкт-Петербургом, однако и Крым был для классика отнюдь не чужим — пусть ему и не удалось никогда здесь побывать. Так, например, в «Дневнике писателя» за июль-август 1876 года Достоевский размышляет о развитии Крыма и приходит к выводу о необходимости переселения на полуостров русских. «Вообще если б переселение русских в Крым (постепенное, разумеется) потребовало бы и чрезвычайных каких-нибудь затрат от государства, то на такие затраты, кажется, очень можно и чрезвычайно было бы выгодно решиться», — убежден писатель.

Другая чрезвычайно современная забота классика — противодействие распространению в Крыму экстремистских версий ислама. «Заезжали тоже, говорят, из Турции проповедники фанатизма и в Крым, — замечает Достоевский в «Дневнике писателя» в сентябре 1876 года. — ...если молчать и дать развиваться делу, то есть фанатизму, то ведь пострадают и фанатики, и те из русских, которые живут подле них». Полтора века прошло с тех пор, а мы продолжаем выметать сор из нашей крымской «хизбы» — имею в виду деятельность на полуострове запрещенной в России террористической организации «Хизб ут-Тахрир».

Ключевое событие в истории полуострова в XIX столетии — Крымская война 1853–1856 годов. В те годы сам Достоевский — сначала каторжанин

в Омске, а потом солдат русской армии в Семипалатинске. Он пристально следит за развитием событий на полуострове. Во многом именно реакция на Крымскую войну либеральной российской общественности наталкивает Достоевского на замысел одного из самых знаменитых его романов — «Бесы».

9 (21) октября 1870 года, как раз в период работы над романом, в письме Аполлону Майкову классик замечает, что в Крымскую кампанию некоторые «шелудивые русские либералы» радовались «успехам оружия союзников и поражению наших».

«Я вон как-то зимою прочел в «Голосе» (была такая либеральная газета в Санкт-Петербурге — автор.) серьезное признание в передовой статье, что «мы, дескать, радовались в Крымскую кампанию успехам оружия союзников и поражению наших», — пишет Достоевский.

И продолжает: «Нет, мой либерализм не доходил до этого; я был тогда еще в каторге и не радовался успеху союзников, а вместе с прочими товарищами моими, несчастенькими и солдатиками, ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому и — хоть и оставался еще тогда все еще с сильной закваской шелудивого русского либерализма, проповедованного говнюками вроде букашки навозной Белинского и проч., — но не считал себя нелогичным, ощущая себя русским. Правда, факт показал нам тоже, что болезнь, обуявшая цивилизованных русских, была гораздо сильнее, чем мы сами воображали, и что Белинскими, Краевскими и проч. дело не кончилось. Но тут произошло то, о чем свидетельствует евангелист Лука: бесы сидели в человеке, и имя им было легион, и просили Его: повели нам войти в свиней, и Он позволил им. Бесы вошли в стадо свиней, и бросилось все стадо с крутизны в море, и все потонуло. Когда же окрестные жители сбегались смотреть совершившееся, то увидели бывшего бесноватого — уже одетого и смыслящего и сидящего у ног Иисусовых, и видевшие рассказали им, как исцелился бесноватый. Точь-в-точь случилось так и у нас. Бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней, то есть в Нечаевых, в Серно-Соловьевичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых. Так и должно было быть. Россия выблевала вон эту пакость, которою ее окормили, и, уж конечно, в этих выблеванных мерзавцах не осталось ничего русского. И заметьте себе, дорогой друг: кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога. Ну, если хотите знать, — вот эта-то и есть тема моего романа. Он называется «Бесы», и это описание того, как эти бесы вошли в стадо свиней. Безо всякого сомнения, я напишу плохо; будучи больше поэтом, чем художником, я вечно брал темы не по силам себе. И потому испорчу, это наверно. Тема слишком сильна. Но так как еще никто, из всех критиков, судивших обо мне, не отказывал мне в некотором таланте, то, вероятно, и в этом длинном романе будут места недурные».

Роман получился не просто недурной — величайший. А вы сравните Крымскую войну 1853–1856 годов с Крымской весной 2014 года, когда такие же шелудивые русские либералы, только уже не девятнадцатого, а двадцать первого столетия, все эти Быковы, Шендеровичи, Макаревичи, Дуди, Акунины, Улицкие и Ко, ходили по Москве с украинскими флагами, протестуя против «оккупации» полуострова российскими войсками.

Прилагательное «шелудивый», которое Достоевский использует для характеристики российских либералов, это не просто ругательство; это — диагноз. Шелудивый означает «больной паршой, имеющий струпья, коросту на коже», и это короста европейничанья (сегодня — американничанья).

Достоевский называет либеральничанье болезнью, обуявшей «цивилизованных русских», и иллюстрирует свой тезис евангельской притчей о бесах, которые вошли в стадо свиней. «Россия выблевала вон эту пакость, которую ее окормили, и, уж конечно, в этих выблеванных мерзавцах не осталось ничего русского», — эти слова писателя звучат приговором не только Белинскому, Краевскому или Нечаеву, но и Быкову, Шендеровичу и Макаревичу.

**200 лет назад родился человек, который
задал наш главный национальный
вопрос: кому на Руси жить хорошо?
(Ответ на него он искал
в том числе и в Крыму)
«Крымское эхо», 10.12.2021**

Двести лет назад, 28 ноября (10 декабря по новому стилю) 1821 года родился человек, который задал один из наших главных национальных вопросов.

Помните Николая Алексеевича Некрасова:

«В каком году — рассчитывай,

В какой земле — угадывай,

На столбовой дороженьке

Сошлись семь мужиков:

Семь временнообязанных,

Подтянутой губернии,

Уезда Терпигорева,

Пустопорожней волости,

Из смежных деревень:

Заплатова, Дырявина,

Разутова, Знобишина.

Горелова, Неелова —

Неурожайка тож,

Сошлись — и заспорили:

Кому живется весело,

Вольготно на Руси?

Рядом можно поставить, пожалуй, только Александра Герцена с «Кто виноват?» и Николая Чернышевского с «Что делать?».

Ответ на вопрос «Кому на Руси жить хорошо?» Николай Алексеевич Некрасов искал всю жизнь, в том числе и у нас, в Крыму, в Ялте, где он написал последнюю часть знаменитой поэмы — «Пир на весь мир».

Сегодня Некрасов находится как бы в тени других русских писателей — Пушкина, Толстого, Чехова. Это касается его места как в литературе вообще, так и в литературной истории Крыма. Между тем, Некрасов — действительно большой русский поэт, чей грандиозный двухвековой юбилей точно стоит того, чтобы быть отмеченным.

В годы Крымской войны именно у Некрасова в «Современнике» впервые увидели свет знаменитые «Севастопольские рассказы» Льва Толстого.

30 апреля 1855 года Толстой писал из Севастополя Некрасову: «Вы уже должны были получить статью мою «Севастополь в декабре»» и обещал ежемесячно присылать два, три или четыре материала о войне разных авторов.

Николай Алексеевич и сам собирался ехать в Севастополь в дни войны. «Хочется ехать в Севастополь, — писал он Тургеневу 30 июня — 1 июля 1855 года. — Ты над этим не смейся. Это желание во мне сильно и серьезно — боюсь, не поздно ли уже будет?».

Тогда же в рецензии на напечатанную в «Современнике» брошюру «Осада Севастополя» Некрасов замечал: «Несколько времени тому назад корреспондент газеты «Times» сравнивал осаду Севастополя с осадой Трои. Он употребил это сравнение только в смысле продолжительности осады, но мы готовы допустить его в гораздо более обширном смысле, именно в смысле героизма, которым запечатлены деяния защитников Севастополя... Мы решительно утверждаем, что только одна книга в целом мире соответствует величию настоящих событий — и эта книга «Илиада».

Наконец, обратился к теме Крымской войны Николай Алексеевич и в собственном творчестве, в поэме «Тишина», написанной в 1856–1857 годах:

«Свершилось! Мертвые отпеты,
Живые прекратили плач,
Окровавленные ланцеты
Отчистил утомленный врач.
Военный поп, сложив ладони,
Творит молитву небесам.
И севастопольские кони
Пасутся мирно... Слава вам!
Все были там, где смерть летает,
Вы были в сечах роковых
И, как вдовец жену меняет,
Меняли всадников лихих».

Однако жизнь сложилась так, что в Крым Некрасов в конце концов попал только в августе 1876 года — уже будучи смертельно больным. Попробовать полечиться на полуострове ему посоветовал знаменитый доктор Сергей Петрович Боткин, который сопровождал царскую семью на отдыхе

в Ливадии, но тем не менее находил время присматривать и за поэтом, поселившимся в ялтинской гостинице «Россия».

«Прибыл я сюда хорошо, здоровье не до отчаянья плохо, но боли те же, сон плох, похудел я, как скелет, ноги едва двигаются. В одном успех — желудок стал лучше работать. Если он наладится, то, говорят, и все придет в порядок. Посмотрим», — писал Некрасов в одном из писем.

И далее: «Даже я в моем трудном положении нахожу минуты, когда море и здешняя природа вообще покоряют меня и утоляют. Выезжаю теперь по утрам каждый день, всего чаще в Орианду — это лучшее, что здесь пока видел; проходит в езде и прогулке от полутора до двух часов весьма приятно». «Погода здесь и природа — чудо», — характеризовал поэт Южный берег Крыма.

Как уже говорилось, именно в Ялте Некрасов написал заключительную часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо», которая называется «Пир на весь мир»:

«Над Волгой, как набатные,
Согласные и сильные
Гремели голоса:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Мы же немного
Просим у бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!»

Увы, исцелиться от смертельной болезни в Крыму Некрасов не смог — у него был рак. Поэт умер 27 декабря 1877 года (8 января 1878 по новому стилю) в Санкт-Петербурге. А ответ на поставленный им вопрос, также, как и на вопросы, сформулированные Герценом и Чернышевским, на Руси ищут до сих пор.

Кстати, напомним варианты ответа на вопрос «кому на Руси жить хорошо?», которые предлагали герои поэмы:

«Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.

Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...».

В 1971 году, к 150-летию со дня рождения классика, в Ялте появился сквер Некрасова. А в 2021 году — году двухсотлетия поэта — депутаты Ялтинского городского совета приняли решение установить там памятник поэту, однако пока, увы, эта инициатива остается нереализованной.

**На смену году Достоевского
идет год Данилевского
(Оба мыслителя знали: Америка и Европа
никогда не признают нас своими)
«Крымское эхо», 30.12.2021**

Уходящий 2021-й год был годом Достоевского — не только в России, но и в мире. Напомню, 11 ноября исполнилось двести лет со дня рождения одного из величайших писателей в истории человечества. Из своего XIX столетия Федор Михайлович предвидел многое из того, что происходит с нами прямо сейчас и будет происходить в будущем.

Я много писал об этом в уходящем году, поэтому всего пару цитат в подтверждение тезиса. «Да, вновь сшибка с Европой, вновь на русских смотрят в Европе недоверчиво... Но, однако, чего нам гоняться за доверчивостью Европы? Мы вовсе не Европа и все у нас до того особенно, что мы, в сравнении с Европой, почти как на Луне сидим. И чего-чего мы не делали, чтоб Европа признала нас за своих, за европейцев, за одних только европейцев, а не за татар. Мы лезли к Европе поминутно и неустанно, сами напрашивались во все ее дела и делишки».

И чего же мы достигли?

«Результатов странных: главное, все на нас в Европе смотрят с насмешкой, а на лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерным снисхождением. Не хотели европейцы нас почтить за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в каком случае... И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, тем более они презирали нас самих. Мы виляли пред ними, мы подобострастно исповедовали им наши «европейские» взгляды и убеждения, а они свысока нас не слушали и обыкновенно прибавляли с учливой усмешкой, как бы желая поскорее отвязаться, что мы это все у них «не так поняли».

Наступающий 2022-й год будет годом Данилевского. 10 декабря исполнится двести лет со дня рождения этого классика русской мысли. Николай Яковлевич тоже заглянул в своем творчестве на несколько столетий вперед. Читаешь главную работу философа — книгу «Россия и Европа» — и кажется,

что написана она не 150 лет назад, а сегодня. Хотите узнать, почему Европа враждебна России? Читайте Данилевского. Одна из глав его книги прямо так и называется. Европа никогда не признает нас своими, заявил Данилевский еще в середине XIX века и оказался прав. «Смешны эти ухаживания за иностранцами с целью показать им Русь лицом, а через их посредство просветить и заставить прозреть заблуждающееся и ослепленное общественное мнение Европы. Почему и не удовлетворить любопытству доброго человека; только напрасно соединять с этим разные окулистические мечтания. Нечего снимать бельмо тому, кто имеет очи и не видит; нечего лечить от глухоты того, кто имеет уши и не слышит. Просвещение общественного мнения книгами, журналами, брошюрами и устным словом может быть очень полезно и в этом отношении, как и во всех других, — только не для Европы, а для самих нас, русских, которые даже на самих себя привыкли смотреть чужими глазами, для наших единоплеменников. Для Европы это будет напрасный труд: она и сама без нашей помощи узнает, что захочет, и если захочет узнать», — писал мыслитель.

По его оценке, Европа, с одной стороны, видит в России нечто ей чуждое, а с другой — хочет превратить нашу страну в материал, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает их из Китая, Индии, Африки, большей части Америки, материал, который можно формировать и обделять по своему образу и подобию.

Согласитесь, невероятно похоже и на рассуждения Достоевского, и, собственно говоря, на то, что сейчас происходит с Россией и Европой (США, на самом деле, тоже... Европа, просто переселившаяся на другой берег Атлантического океана и там по своей известной цивилизаторской привычке уничтожившая аборигенную цивилизацию).

Достоевский и Данилевский были очень хорошо знакомы. В молодости оба посещали фурьеристский кружок Петрашевского. Достоевский расплатился за это каторгой в Сибири, Данилевский — ста днями в Петропавловской крепости и высылкой из столицы. Оба пережили похожую идеологическую эволюцию — от увлечения революционными идеями к консервативным государственным ценностям. Достоевский сам прямо указывал на это: «И вот из фурьериста обратиться к России, стать опять русским и возлюбить свою почву и сущность!» Писатель называл «Россию и Европу» «будущей настольной книгой всех русских надолго». «Статья же Данилевского, в моих глазах, становится все более и более важною и капитальною... Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь на иных страницах сходству выводов», — замечал Федор Михайлович.

Анна Григорьевна Достоевская, жена писателя, вспоминала, как зимой 1871–1872 годов постоянно живший в Крыму Данилевский приезжал

в Петербург и приходил в гости к Достоевским обедать, и они беседовали до глубокой ночи о России и Европе.

Как видим, исчерпать эту тему ни Достоевскому, ни Данилевскому не удалось. Противостояние России с Западом продолжается. И в нем нам нужна не только «жесткая» сила ракет и боеголовок, но и «мягкая» сила Достоевского и Данилевского.

10 декабря уходящего года в Ялте прошло очередное заседание Ливадийского клуба, участники которого приняли резолюцию, где, в частности, предложили объявить 2022 год годом Данилевского, обратиться к Государственному Совету Крыма с идеей вернуть Береговому, где похоронен философ, историческое название Мшатка, и учредить республиканскую премию Данилевского — за достижения в области общественно-политической мысли.

Будет замечательно, если мы вспомним об этих начинаниях не за неделю до двухсотлетнего юбилея автора «России и Европы».

Крым в прозе и публицистике

Эдуарда Лимонова

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки». Т.7. № 4. 2021

ВВЕДЕНИЕ

Эдуард Лимонов (Савенко) — один из крупнейших русских писателей, публицистов, общественных деятелей и политиков второй половины XX — начала XXI веков. Он вошел в историю отечественной литературы с такими произведениями, как «Это я — Эдичка», «У нас была великая эпоха», «Подросток Савенко», «Молодой негодяй», а в историю отечественной журналистики — с книгами «Анатомия героя», «Моя политическая борьба», «Киев капут». Национал-большевистская партия Лимонова, при всей противоречивости ее деятельности (запрещена в России в 2007 году), стала ярким явлением в общественно-политической жизни страны.

Важную роль в жизни, творчестве, политической и общественной деятельности Эдуарда Лимонова играл Крым. Своими художественными и публицистическими произведениями, политическими акциями и выступлениями он много сделал для воссоединения полуострова с Россией в 2014 году.

Историко-литературное изучение огромного (и в буквальном, и в переносном смысле этого слова) творческого и общественно-политического наследия Эдуарда Лимонова только начинается, и эта статья призвана внести свой вклад в предстоящую длительную работу исследователей — историков, литературо- и журналистиковедов, политологов, политтехнологов, философов.

Цель исследования:

— изучить роль Крыма в жизни, творчестве, политической деятельности Эдуарда Лимонова и, одновременно, роль самого Лимонова в истории полуострова.

Задачи:

— проанализировать обращения автора к крымской тематике как в его художественных, так и в публицистических произведениях; выделить «самые крымские» тексты писателя;

- описать образ Крыма в творчестве Лимонова;
- продемонстрировать и объяснить неразрывную связь художественного творчества Лимонова с его общественной и политической деятельностью;
- определить связь представлений Лимонова о Крыме, России, Украине с представлениями его предшественников — классиков русской литературы более ранних исторических периодов;
- определить роль Лимонова в воссоединении Крыма с Россией.

Методы исследования — описательный; историко-генетический, позволяющий выявить связь между традициями русской литературы и представлениями писателя; биографический, устанавливающий зависимость между жизнью, творчеством и политической деятельностью Лимонова.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней предпринимается одна из первых системных попыток изучить роль Крыма в жизни, творчестве и политической деятельности такого яркого героя отечественной истории последних десятилетий, как Эдуард Лимонов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Эдуард Лимонов (Савенко) родился и вырос в Харькове, из которого открываются дороги на русский юг. «Харьковский вокзал огромный. Один из самых больших в СССР, ибо Харьков — важный миллионный промышленный город, открывающий путь на юг, на всю Украину. За Харьковом именно начинается по-настоящему теплая плодородная земля Украины, а за нею Крым, а дальше жаркий экзотический Кавказ, и основные железнодорожные пути ведут туда через Харьков» [8], — читаем мы в автобиографическом романе «Подросток Савенко».

Крым манил юного Эдуарда как экзотический, романтический южный край, поэтизированный Пушкиным и другими классиками отечественной литературы. Им двигала жажда путешествий и приключений, жажда новых сильных впечатлений, которые должны были вылиться в литературные тексты.

«Эпоха неорганизованных периодических путешествий в Крым, на Кавказ и в советские азиатские республики (конец пятидесятых — начало шестидесятых годов) поставила в мою коллекцию целую серию оригинальных постелей. В эту эпоху мне приходилось спать на вокзальных скамьях, на лестничных площадках, в полях, на мешках с картошкой, на пляжах» [3], — вспоминал Лимонов в рассказе «Кровати».

К двадцати одному году, побывав вором, взломщиком, литейщиком, монтажником-высотником, грузчиком, пропутешествовав по кымам, кавказам и азиям, Эдуард, по его собственному признанию, еще не нашел себя, еще не знал, кто он.

Как мы видим, поиски себя шли не только в литературном, но и в географическом пространстве — в том числе, часто, в Крыму. В романе «Молодой

негодяй» Лимонов рассказывает сразу о нескольких поездках на полуостров. Одна — в Алушту в 1961 году, где Эдуарду пришлось ночевать на крыше киоска на пляже. Другая — в ту же Алушту в 1965-м, в поисках возлюбленной, Анны Рубинштейн. Именно в Алуште их роман (не литературный, а любовный) достигает кульминационной точки.

Еще одна поездка «молодого негодяя» в Крым — командировка-путешествие почти через весь полуостров по маршруту: Феодосия — Алушта — Ялта — Севастополь. Феодосия ассоциируется у него с Грецией: «Суп-харчо в ресторане им подали с плавающими в супе черными маслинами, и по маслинам, и по остроте супа поэт-авангардист вспомнил о близости Греции, всего лишь через Понт, о мраморных безголовых статуях, о том, что, может быть, такой суп хлебал Одиссей» [6].

Лимонов — не первый и не последний русский писатель, для которого Таврида — это ворота в античную историю, культуру и натуру. Неслучайно в Севастополе он отправляется в Херсонес. Там Эдуард «бродил в тщательно разрытых развалинах и пытался представить этот город живым, полным воинов, купцов, гладиаторов и женщин» [6].

На вечеринке с офицерами Черноморского флота Лимонов читает стихи Николая Гумилева «Лейтенант, водивший канонерки Под огнем неприятельских батарей...» и поднимает тост за победу русского оружия. Уже тогда Эдуард позиционирует себя как русского патриота: «Сказать, что авангардист не участвовал во взрыве военно-морской национальной гордости, было бы глупейшей несправедливостью к нашему герою. Сделать вид, что он, не участвуя, скептически улыбался, глядя на олухов, готовых облупить и заживо сгореть или утонуть в красивых мундирах во славу России (которая будто бы не чиста на руку, как твердят журналисты, президенты и целые нации), — значит согрешить против истины и пойти на поводу у моды. Даже и индивидуалистов — мечтателей типа нашего героя — трогают такие вещи. У авангардиста щипало в глазах...» [6].

Из Херсонеса Лимонов привез домой, в Харьков, «камень с гробницы древнего жителя», который «грел ему ногу в кармане. Жег его лучами древнего мира» [6].

В «Книге воды» Лимонов рассказывает о посещении в 1970 году Коктебеля. Если в Феодосии ему виделась Древняя Греция, то в Коктебеле — Африка: «Бодрым шагом путешественника по джунглям Центральной Африки я пошел вдоль кромки прибой. В детстве я серьезно готовился стать путешественником, выписывал и классифицировал знания, набирая их из книжек по географии» [5].

Настоящего путешественника должны преследовать приключения и опасности. И в эту поездку в Крым Эдуард едва не погиб во время прогулки по Карадагу. Писателя смыло штормом, и он только чудом сумел выбраться в конце концов на берег.

В реальности с заграничной жизнью Лимонов познакомился в 1974 году — политическим штормом его на много лет «выбросило» из Советского Союза. Но Черное море — первое море в жизни Лимонова-Савенко, как первая любовь, навсегда осталось для него самым красивым.

«Когда-то подруга Марьи Николаевны Изергиной, жившая с мужем-дипломатом за границей, уверяла меня, что Коктебель и вообще Крым гораздо красивее хваленной Италии. Много красивее Генуэзской бухты» [4], — вспоминал писатель, рассказывая о поездке на Апеннины.

«Мы прошли песочное поле и за ним увидели полотно скромной серой воды.

— И это хваленое Средиземное море, которое бороздили триремы? — спросила Елена.

— Да, — сказал я с сожалением, — оно оказалось не на высоте...

Мы сели, теперь закурил я. Море было в полсотне метров от нас. Оно было мелкое, и в нем валялись ржавые банки, несколько бутылок, всякая дрянь» [5].

Вернуться на родину Эдуард Лимонов сумел только в самом начале девяностых годов, восстановив при этом советское гражданство. В отличие от большинства диссидентствовавших эмигрантов, писатель воспринял распад СССР как трагедию. И родной Харьков, и Крым для него — часть Русского мира, часть России, доставшаяся независимой Украине, с одной стороны, в результате исторического казуса, а с другой — предательства политической элиты. «Украине несправедливо, противно здравому смыслу в 1991 году достался Крым и некоторые совсем не украинские области, такие как Донбасс, только потому, что советская власть для удобства администрирования объединила их в Украинскую Советскую Социалистическую Республику» [4], — замечает Лимонов. По его оценке, «в 1991 году Ельциным и его либералами было допущено преступление, они отдали, не пикнув даже, отделяющимся от СССР республикам в общей сложности двадцать семь миллионов русских, отдали на неведомую судьбу. Легкомысленно и торопливо отдали. Даже сунули сами: «Нате!» [4].

В книге «Убийство часового» Лимонов рассказывает о предпринятой вскоре после распада СССР поучительной поездке через Украину в поезде Одесса — Москва. «Поезд идет добрые 17–18 часов по территории ныне чужого, еще не враждебного, но совсем не дружественного государства. Это чувствуешь кожей. Молчаливо-угрожающая обстановка на разомлевших от жары пустых станциях. На всех вокзалах, запущенных, грязных, новенькие гербы нового государства. Физически пугает тот факт, что географически наша русская граница передвинулась так близко к Москве» [9].

На одной из железнодорожных станций Лимонов видит плакаты УНА-УНСО, авторы которых требуют от тогдашнего президента Украины

Леонида Кравчука «дать сигнал к крестовому походу на Крым!» [9], чьи жители недовольны тем, что полуостров оказался оторванным от России. «Пока российские демократические телевидение и пресса эйфорически освещают встречи все более игривых и самодовольных, упоенных властью Кравчука с Ельциным, убаюкивая себя и общественное мнение России тем, что все спокойно на Украине, на деле там идет необратимый процесс все большего отравления украинцев ядом агрессивного национализма» [9], — констатирует писатель.

В 1993 году Лимонов создает Национал-большевистскую партию (запрещена в России в 2007 году), одной из программных целей которой становится возвращение Крыма в состав России. «Административные границы коммунистической эпохи должны быть немедленно пересмотрены согласно двум критериям. 1. Минимальный: там, где живет русский народ, — суть российская территория. Крым, к примеру, с городом-героем Севастополем — российская земля, так же как и Харьков, Донецкий бассейн и населенные казаками области Казахстана и приднестровские русские области. 2. Максимальный. Там, где живут народы, считающие себя принадлежащими к российской цивилизации, суть российская территория и находится под защитой могущества России. Осетия, воевавшая во всех наших войнах, — яркий пример» [4], — формулируют нацболы.

В сентябре 1994 года Лимонов — теперь уже не только писатель, но и политик — отправляется в Крым, чтобы поддержать охватившие полуостров пророссийские настроения. Он присутствует на заседании Верховного Совета республики, где решается вопрос об ограничении полномочий президента Крыма. Самое подробное описание поездки дано в книге «Анатомия героя». Писатель называет Мешкова позером и сравнивает его со сладко-красивеньким актером-премьером провинциального театра. Кроме того, в книге можно обнаружить характеристики многих других крымских политиков того периода — Сергея Цекова (ныне член Совета Федерации Федерального Собрания РФ от российского Крыма), Виктора Межака, Евгения Сабурова, Александра Круглова, Владимира Шевьева, Сергея Шуриги (Кондратевского).

Отдельно Лимонов останавливается на деятельности депутатов от меджлиса крымских татар (ныне запрещен в России). «Неумолимо, методично, умело гнут татарскую линию, — замечает писатель. — ...умело играют на противоречиях между пророссийской и проукраинской партиями в парламенте» [2].

Вообще, советский диссидент, председатель меджлиса Мустафа Джемилев впервые упоминается Эдуардом Лимоновом еще в его скандальном эмигрантском романе «Это я — Эдичка». И затем писатель следит за деятельностью лидера татарского национального движения вплоть до событий

крымской весны 2014 года. По мнению Лимонова, Джемилев и меджлис совершают большую историческую ошибку: «Поведение меджлиса крымских татар неумное и контрпродуктивное и восстанавливает против крымских татар все остальное население Крыма. Пророссийское большинство не простит им их проукраинской ориентации и того, что меджлис ставит палки в колеса воссоединения Крыма с Россией. Долгие годы помнить будут и на крымских татар коситься будут. Им это надо, крымско-татарской массе? Нет, не надо» [4].

Однако вернемся пока в год 1994-й. 6 сентября Лимонов выступил на митингах в Симферополе и Севастополе, где заявил о том, что Крым должен вернуться в состав России, чем вызвал в общем естественное неудовольствие официального Киева. В ночь с 8 на 9 сентября писатель был задержан и выслан из Украины. Против Лимонова возбудили уголовное дело по обвинению в посягательстве на территориальную целостность Украины и навсегда запретили въезд в страну. Из-за этого впоследствии, в 2004 году, писатель не смог попасть даже на похороны отца в Харьков.

Двадцать лет спустя, в 2014 году, Лимонов будет апеллировать к той крымской истории следующим образом: «Сенатор Маккейн (вообще-то Мак-Каин) выступил на майдане Незалежности в Киеве и заявил: «Соединенные Штаты с вами!» Ну и что СБУ, знаменитая Служба безпеки Украины, делает? Приехал махровый гад ползучий и подливает масла в огонь на майдане, где и без него трещит по швам как раз безопасность Украины, которую доверено охранять СБУ. Ты, подполковник Гончаренко, который меня задерживал в Севастополе, в 1994 году, и потом выдворял с Украины, ты чего спишь? На пенсию ушел? Ты куда глядишь, подполковник Гончаренко? И все подполковники, полковники и генералы СБУ?! Вашу государственность, и без того бумажную, шаткую, сейчас какие-то сраные маккейны приехали растащить? Кто дал им визу? Кто провел Викторию Нуланд, и Маккейна, и Кэтрин Эштон на майдан? Вы чего там, с глузду з'іхали, хлопці?» [4].

Национал-большевистская партия была одновременно очень радикальной и очень... артистической политической силой. В ее деятельности было много от такой формы современного искусства, как акционизм. Хотя в то же время, как справедливо замечает Андрей Балканский, неверно было бы называть нацболов «акционистами» в духе арт-группы «Война» или художника Петра Павленского. Акции прямого действия были важны для НБП не сами по себе, а рассматривались как средство продвижения партии и вынужденный в условиях России третий путь — между парламентской и вооруженной борьбой.

Апогеем политико-артистической борьбы национал-большевиков за возвращение Крыма стала «акция прямого действия» в Севастополе в День независимости Украины 24 августа 1999 года. Пятнадцать «юных бойцов из

лимоновских войск» захватили Матросский клуб и вывесили на нем гигантский транспарант: «Севастополь — русский город!».

Вот как Лимонов описывает те события в книге «Моя политическая борьба»: «Пятнадцать национал-большевиков поднялись на башню клуба моряков в Севастополе, сумели заварить за собой дверь и люки и на последней площадке башни вывесили лозунг «Севастополь — русский город!», флаги НБП, после чего стали выбрасывать с высоты 36 метров листовки. В листовках, озаглавленных: «Кучма — подавишься Севастополем», под текстом была воспроизведена репродукция картины Дейнеки «Оборона Севастополя» — матросы в белом отбиваются от гитлеровцев штыками и прикладами. Текст оповещал граждан Севастополя, что это политическая акция, что Украина незаконно владеет городом русской славы» [7].

Планируя акцию в Севастополе, партия, разумеется, понимала, что национал-большевикам придется отсидеть в украинских тюрьмах какое-то время, объяснял Лимонов. Однако, взвешивая пропагандистский эффект акции и цену, которую придется заплатить, партия все же приняла решение в пользу акции. «К тому же с точки зрения закона как Российской Федерации, так и с точки зрения украинского законодательства ребята не совершали, оккупируя башню клуба моряков, преступления. Было совершено правонарушение, даже не тянущее на хулиганство. Никто не пострадал, никого даже не толкнули. Пришли, заняли пустующее помещение башни, закрылись... В европейской стране дело закончилось бы штрафом. В самостоятельной Украине это стоило пятнадцати товарищам шести месяцев отсидки в тюрьмах и на пересылках» [7].

Подобно многим русским писателям, Лимонов одновременно работает и как журналист. Его «Лимонка» — одно из самых ярких политических изданий России рубежа XX–XXI столетий. С первых же номеров «крымский вопрос» становится важнейшей темой газеты. В одном из выпусков Лимонов публикует полу-художественный, полу-технологический сценарий вооруженного восстания в Крыму, которое должно завершиться воссоединением полуострова с Россией и сменой власти в Москве. «Так что Крым, и только Крым. И только Севастополь. Другого варианта нет. Увязнув в русско-украинском конфликте, правительство не устоит. В Крым стянутся все, кто воевал в Приднестровье, в Сербии, в Чечне. Таких людей сейчас десятки тысяч. Крым будет нашей Сьерра-Маэстрой, откуда мы придем в нашу Гавану, в Москву» [2], — мечтает примеряющий берет Че Гевары Лимонов.

Ему нужны великие исторические потрясения, и он дожидается их осенью 2013 года, когда начинаются события на киевском Майдане незалежности. Лимонов откликается на них почти ежедневными короткими «проповедями» в «Живом журнале», которые позже будут объединены в может быть самую яростную публицистическую книгу эпохи — «Киев капут».

Лимонов знает Украину изнутри: «Украина мне не чужая и никогда не будет чужая. Помимо того что я жил в Харькове до двадцати трех лет, так я еще, на минуточку, автор харьковской трилогии: это книги «У нас была великая эпоха», «Подросток Савенко» и «Молодой негодяй». Доколе жив будет двухмиллионный город Харьков, бывшая столица Украины, дотоле будут читать и эти мои книги.

Поэтому, когда депутат Верховной рады Украины, некий Олесь Доний несколько дней назад сказал вот такое: «То, что гражданин России Эдуард Лимонов предлагает использовать ситуацию для откола некоторых областей Украины, является ярким примером вмешательства в наши внутренние дела. Это совершенно скандальное заявление!» — то я сказал себе: «Кто это такой гражданин Украины Олесь Доний? Знать никто его не знает. Его электорат выбрал в депутаты — да, выбрал. Ну а меня Господь Бог выбрал написать о Харькове трилогию». Господь Бог выше электората» [4].

По оценке Лимонова, то, что происходит на майдане, это распад Украины на западную часть, готовую уйти под Европу, и восточную часть, Левобережную Украину, которая чувствует себя не то чтобы пророссийской, но просто российской территорией. На неизбежность такого развития событий обращали внимание многие политики, историки, писатели. Пожалуй, метафоричнее всех это выразил Александр Солженицын, однажды заметивший Украине, что рано или поздно «нахватанное — ребром выпрет» [10, с. 79].

«Украина как государство не состоялась и не состоится. Я говорил это раньше и повторяю это, Украина была собрана из различных частей советской властью, она просуществовала два десятилетия кое-как, но вот пришли первые серьезные испытания, и Украина их не выдерживает, — повторяет тот же тезис Лимонов. — То, что мы видим, — это вовсе не борьба за свободу, как кажется российским неолибералам, но обыкновенная пошлая гибель того искусственного территориального единения, которое создала советская власть для своих целей когда-то» [4]. И замечает: «Как бы порадовался, думаю, старый Солженицын, если бы был жив. Но его нет, вот я радуюсь» [4].

Так же легко и быстро Лимонов понял роль, которую играл в украинских событиях Запад. Его он тоже знал изнутри, потому что прожил там лишь чуть меньше чем на Украине — 17 лет. «Я вот думаю, какого черта вся эта сволочь наехала в страну моего детства и там вопит?!» [4] — написал Лимонов обо всех этих Байденах, Нуландах и всяких прочих Тусках, красиво тусовавших на майдане.

Лимонов предчувствует совсем близкую гражданскую войну на Украине: «От их будущего никакой Европой не пахнет, — пишет он. — Я чую, из украинского будущего исходит вонь гнилой капусты бандеровских схронов и запах заскорузлой от крови одежды... Из всего из этого родится большой кровавый бордель, расхлебывать который придется множеством жизней

украинских и русских парней. Более того, я уверен, что борделя не избежать, Украина вцепится России в рукав своими окровавленными руками и втащит нас» [4].

В самом названии книги Лимонова — «Киев капут» — мы слышим отсылку к Великой Отечественной войне, к выражению «Гитлер капут», хорошо известному каждому советскому ребенку, росшему в послевоенные годы. Лимонов ставит на место Гитлера — Киев. К власти в столице Украины рвутся бандеровцы из «Правого сектора» (запрещен в России) и других неонацистских организаций.

26 февраля 2014 года здания парламента и правительства Крыма в Симферополе захватывали не лимоновские войска, но классик восторженно приветствовал это историческое событие.

Его взяла.

С первых дней крымского сопротивления Лимонов призывал российскую власть поддержать жителей полуострова в их стремлении к воссоединению. По оценке писателя, это исторический вызов для России, с которым она, к счастью, справилась.

«Сейчас, когда обстоятельства прижали ВВП в угол и он не может не принять Крым в состав России без риска вызвать общенародное возмущение и в перспективе потерять власть, он принял прагматичное решение: принять. Так или иначе, может быть, из своих шкурных интересов, но его решение соответствует воле подавляющего большинства российского народа и народа Крыма. Национал-большевистская партия, которую я возглавлял вплоть до ее запрета в 2007 году, осуществила еще в 1999-м захват башни Клуба моряков, в восьмую годовщину их, украинской независимости. Был вывешен баннер «Севастополь — русский город!». Ну и теперь — кто кого поддержал?

Это Путин поддержал Лимонова.

Слава богу, у Путина хватило ума» [4].

«Я не приближался к президенту Путину. Это он приблизился ко мне и к таким, как я, послав вежливых людей присоединить Крым. Он нас, империалистов, Крымом морально купил» [4], — признается Лимонов.

Лимонов восторженно принял Крымскую весну. Никак иначе и не мог. Он вообще был восторженным человеком. Циничным и одновременно восторженным — так случается. «Свершилось! Референдум в Крыму был ошеломляюще прост, ангельски наивен, и, кто бы ни повисил на него, этот референдум, голос, выглядит сегодня утром и будет выглядеть в веках — гнусной скотиной» [4], — писал классик 16 марта 2014 года.

«Что, крысы бандеровско-американские, скушали? Корчит вас? [4] — вырывается у Лимонова. Он сравнивает воссоединение Крыма с Россией с Победой в Великой Отечественной войне: «Наступаем! Ведь с 1945 года не

наступали, пора. Ветераны, наверное, радуются! Лишние годы проживут из-за Крыма, уверен» [4].

Протестующие против возвращения Крыма российские либералы для Лимонова — «конченные люди». «В Москве прошли шествием от Пушкинской до проспекта Сахарова наши конченные люди — ультралибералы, — пишет он. — ...Шли под крики «Слава Украине», «Слава героям!» и «Бандера придет — порядок наведет!»... Скатились ниже плинтуса» [4].

При этом Лимонов прекрасно понимает, что возвращение Крыма приведет к конфликту с «коллективным Западом». «Процесс воссоединения пошел, и это, само собой разумеется, конфликт с ЕС и Соединенными Штатами, да. Но не нужно бояться конфликта. Вся мировая история — это непрерывная цепь конфликтов. Когда-то нам говорили, что современный мир, родившийся из соглашений в Ялте и Потсдаме, — вечен. Но мы с вами увидели, как он был перекрыт. Мир не застыл раз и навсегда, карты будут перекрыты, хотим мы этого или нет. А мы хотим» [4].

Прежних отношений с Западом уже никогда не будет. Впредь будет ежедневное состояние конфликта, и к этому нужно подготовиться и жить в таком режиме, констатирует Лимонов. — «Старые добрые времена отношений с Западом казались только потому добрыми, что мы прогибались под каждое их желание все эти годы. Один раз не прогнулись в случае Крыма, и они теперь нас возненавидели» [4].

Лимонову мечталось, что возвращение Крыма положит начало собиранию русских земель, оказавшихся за пределами России после распада Советского Союза. Он знал, о чем пишет. «Мне вообще-то надо верить, когда я говорю про будущее. У меня есть скромный дар его чутать» [4], — нескромно, но точно заметил однажды классик. Его правоту подтвердила и подтверждает жизнь. Писатель в России — больше, чем писатель. Это наша национальная традиция. Русская литература перестанет быть русской, если станет всего лишь беллетристикой, просто развлекающая читателя интересными историями.

«Лимонова-мыслителя весьма тяжело отрывать от Лимонова-писателя, публициста или политика» [1, с. 331]. Неслучайно классик апеллирует к своим великим предшественникам: «Прогрессивный» наш великий писатель Лев Толстой не только написал патриотическую «Войну и мир», но и воевал в Крымской войне, если кому неизвестно. Его антипод «реакционный философ», на мой взгляд, великий философ, русский Ницше, Константин Леонтьев участвовал в Крымской войне в качестве военного медика.

«Наше все», великий Александр Сергеевич Пушкин, помимо того что являлся с декабристами, был отъявленным империалистом. Одно другому не мешало. Так он сетовал на неуклюжесть покойной тогда уже царицы Екатерины, пенял ей на то, что не воспользовалась Французской революцией и не прибавила к российской территории от территории европейских стран.

Лермонтов храбро и весело воевал на Кавказе. Не за царя, но за Российскую империю.

Взгляды Достоевского на политику России в Польше широко известны.

Все значительные литераторы России были империалистами и патриотами. Сегодня, когда всякие насекомые вроде Улицкой и сестры Прохорова созвали на уворованные Прохоровым-братом деньги конгрессик задрипаных предателей под названием «Интеллигенция против войны», не стоит даже обращать на них внимания, насекомые есть насекомые, они противно зудят, но вреда от них немного» [4].

«Я — за войну (если она будет), я за присоединение территорий, я за отъем тех городов и областей, которые у нас обманом забрали в 1991 году. В этой своей позиции я чувствую себя уверенно и крепко, потому что мои великие предшественники, литераторы, таланты и гении России убеждают меня в правильности моего справедливого империализма» [4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь, творчество и политическая деятельность Эдуарда Лимонова неразрывно связаны с Крымом на биографическом, литературном, идеологическом уровнях.

Его первые поездки на полуостров относятся к ранней юности и носят романтико-приключенческий характер. Этот период отражается в таких произведениях писателя, как «Подросток Савенко», «Молодой негодяй», «Книга воды». На полуострове достигает кульминационной точки первый и, может быть, главный любовный роман писателя с Анной Рубинштейн; через Крым он открывает для себя историю и культуру Античности и мир Средиземноморья; черпает здесь впечатления и вдохновение для своих текстов.

Распад Советского Союза, в результате которого Крым оказывается в составе независимой Украины, воспринимается Лимоновым как трагическая несправедливость. Почти четверть века его общественная и политическая деятельность направлена на воссоединение полуострова с Россией. Ярчайшие вехи этой борьбы — поездка писателя в Крым в 1994 году, закончившаяся высылкой из Украины, и захват активистами Национал-большевистской партии Матросского клуба в Севастополе в 1999 году.

Размышления о судьбах Крыма, России, Украины отражаются в публицистических книгах Лимонова «Анатомия героя», «Моя политическая борьба», «Как мы строили будущее России», чтобы ярче всего реализоваться в книге «Киев капут», вдохновленной событиями на Майдане осенью 2013–2014 годов, воссоединением Крыма с Россией и гражданской войной на Донбассе.

Безусловно, особое место Крыма в творчестве писателя обусловлено прежде всего его последовательной политической, артистической и лите-

ратурной борьбой за возвращение полуострова в состав России. Лимонов восторженно приветствовал события Крымской весны 2014 года. В его понимании, воссоединение полуострова с Россией стало признанием официальными властями страны правоты писателя, выполнением одной из главных задач не только его политической деятельности, но и всей его жизни.

Список литературы

1. Балканский, А. Эдуард Лимонов / А. Балканский. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 367 с.
2. Лимонов, Э. В. Анатомия героя [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. — М.: Русич, 1998. — CD-ROM.
3. Лимонов, Э. В. Девочка-зверь [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. — М.: Амфора, 2007. — CD-ROM.
4. Лимонов, Э. В. Киев капут. Яростная книга [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. — М.: Центрполиграф, 2015. — CD-ROM.
5. Лимонов, Э. В. Книга воды [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. — М.: Ад Маргинем, 2002. — CD-ROM.
6. Лимонов, Э. В. Молодой негодяй [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. — М.: Амфора, 2002. — CD-ROM.
7. Лимонов, Э. В. Моя политическая борьба [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. — М.: Амфора, 2002. — CD-ROM.
8. Лимонов, Э. В. Подросток Савенко [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. — М.: Амфора, 2002. — CD-ROM.
9. Лимонов, Э. В. Убийство часового [Электронный ресурс] / Э. В. Лимонов. — М.: Амфора, 2002. — CD-ROM.
10. Солженицын, А. И. Россия в обвале / А. И. Солженицын. — М.: «Русский путь», 2006. — 208 с.

Острый «московитис»: история болезни (Американцы опять отбрасывают очевидные факты и готовы поверить в любую чушь о России) «Крымское эхо», 04.03.2022

Виноват, забыл отметить вовремя. Война. Склероз. 27 февраля исполнилось 120 лет со дня рождения американского писателя Джона Стейнбека. Это они там у себя за океаном могут запрещать изучение Достоевского, Толстого и Чехова. Идиоты. Не путать с романом Достоевского. А мы тут у себя будем продолжать читать Твена, Стейнбека, Хемингуэя и не только их.

В свое время Джон Стейнбек поставил своей стране точный диагноз: «острый московитис». Дело было так. В марте 1947 года в нью-йоркском баре «Бедфорд» у Джона Стейнбека и фоторепортера Роберта Капы за бокалом абсента родилась идея отправиться в... Советский Союз и своими глазами посмотреть на страну, которой их так пугали политики и газетчики. Стейнбека и Капу не интересовало, о чем думает Путин, то есть, виноват, Сталин, что планирует русский генштаб, где дислоцированы русские войска. Их интересовало, «что там люди носят, что у них на ужин, бывают ли у них вечеринки?» Ибо ни американские политики, ни журналисты-международники не имели (и не имеют до сих пор) представления о реальной России.

Выпито, сказано, сделано.

С момента, когда стало известно, что Стейнбек и Капа собираются в Советский Союз, их засыпали советами, предупреждениями и предостережениями, которые исходили от людей, никогда в нашей стране не бывавших.

«Пожилая женщина с ужасом в голосе говорила нам:

— Да вы там сгинете, сгинете, как только перейдете границу! И мы ответили, стремясь к репортажной точности:

— А вы знаете кого-то из пропавших?

— Нет, — отреагировала она, — сама я не знаю никого, но пропало много, много людей.

— Вполне может быть, но вы можете назвать хоть кого-то из пропавших? Или, может быть, вы знаете кого-нибудь, кто знает тех, кто исчез? — настаивали мы.

— Да тысячи исчезли, — не унималась она.

А один человек с ироничным взглядом, со знанием дела поднимавший брови, тот самый, кто два года назад в клубе Stork излагал общий план высадки в Нормандии, сказал нам:

— Ясно, что у вас все как надо с Кремлем, иначе бы они вас не пустили. Купили они вас, это точно.

— Нет, насколько нам известно, они нас не купили. Мы просто хотим сделать репортаж, — ответили мы.

Он поднял глаза и бросил на нас косою взгляд. Он верил в то, во что верил. Человек, который два года назад знал, что было на уме у Эйзенхауэра, теперь твердо знал, что на уме у Сталина.

Один пожилой джентльмен покивал головой и заявил:

— Они будут измываться над вами, вот что! Они просто бросят вас в какую-нибудь ужасную тюрьму, будут мучить вас, будут выкручивать вам руки, будут морить вас голодом, пока вы не скажете все, что им нужно.

— Но почему? Чего ради? Зачем это им? — поинтересовались мы.

— Да они со всеми так поступают, — ответил джентльмен. — Я сам недавно читал об этом в какой-то книге.

Некий весьма важный бизнесмен предложил нам:

— В Москву едете, да? Так возьмите с собой пару бомб и сбросьте их на этих красных, этих сукиных сынов!» — описывал Стейнбек в своем «Русском дневнике».

Диагноз, поставленный классиком своим соотечественникам, звучит следующим образом: «Мы обнаружили, что тысячи людей страдают от острого «московитиса» (acute Moscowitis) — заболевания, при котором человек отбрасывает очевидные факты и готов поверить в любую чушь...».

Образцы этой чуши:

«— О, эти русские, — рассказывал нам один таксист. — У них мужчины и женщины купаются вместе, да еще и голыми.

— Да ну?

— Да точно. А это так аморально!

При дальнейших расспросах, правда, выяснилось, что человек прочитал заметку о финской бане. Но он сильно переживал, что именно русские так себя ведут.

После прослушивания всей этой информации мы пришли к выводу, что мир небылиц, описанный в книге «Приключения Сэра Джона Мандевилля», никуда не исчез, что этот мир двуглавых мужчин и летающих змей по-прежнему существует. Действительно, за время, пока мы были вдали от

дома, тут появились летающие тарелки — что только подтверждает незыблемость нашего тезиса. Нам кажется, что сейчас самая опасная тенденция в мире, — это желание верить слухам, а не собирать факты».

Столько лет прошло с тех, а ничего не изменилось.

Америка по-прежнему готова поверить в любую чушь о России. Да и самая опасная тенденция в мире — та же. Желание верить слухам, а не собирать факты. Раньше просто слова не было этого идиотского у нас в обиходе — фейк. А явление — было. И будет, к сожалению.

Во время поездки по Советскому Союзу Стейнбек и Капа побывали в Москве, Сталинграде, Грузии и на Украине. Путевые заметки Стейнбека сначала печатались в газете «Нью-Йорк Геральд Трибьюн», а потом, в 1948 году, вышли отдельной книгой «Русский дневник».

Американскому классику удалось обнаружить секретное оружие русских. Нет, это были не «Катюши», не «тридцатьчетверки» и не атомная бомба. Это было... русское гостеприимство.

«О завтраке придется рассказать во всех подробностях, поскольку ничего подобного ему свет еще не видел, — вспоминал Стейнбек встречу в селе под Киевом. — Началось все со стакана водки, затем каждому подали по яичнице из четырех яиц, по две огромные жареные рыбы и по три стакана молока. После этого появилось блюдо с соленьями, стакан домашней вишневой наливки, черный хлеб с маслом; потом принесли полную чашку меда с двумя стаканами молока и опять стакан водки. Кажется невероятным, что мы съели это все на завтрак, но мы действительно это съели, и нам было хорошо».

Я все думаю когда-нибудь повторить этот прием пищи.

Ну а теперь к истории болезни. Сегодня в Америке (и Европе вместе с ней) пандемия. И не коронавируса. Сегодня в Америке и Европе вместе с ней пандемия «острого московитиса». Вакцина от него есть — это как раз книги Стейнбека, Твена, Хемингуэя, Достоевского, Толстого, Чехова. Вот только американские и европейские политики — увы, убежденные антиваксеры.

Кстати, у Стейнбека есть великолепная документальная книга не только о России, но и об Америке. Называется «Путешествие с Чарли в поисках Америки» и тоже рекомендуется к прочтению. И им, и нам. Ибо, открою вам страшную тайну, знания о мире сосредоточены не только в социальных сетях и телеграм-каналах.

В жанре трагедии (Специальная военная операция приведет к очищению и обновлению страны) «Крымское эхо», 15.04.2022

Война, даже если назвать ее специальной военной операцией, — это трагедия; а трагедия — это высокий жанр. Ее результатом станет очищение и обновление страны.

Собственно, они уже идут. Особенно ярко это заметно на примере наших деятелей культуры. Сегодня клеймят позором сбежавших из России или просто выступивших против специальной военной операции режиссеров, актеров и музыкантов. Их действительно немало. Писатели Дмитрий Быков, Борис Акунин, Людмила Улицкая. Режиссеры Андрей Звягинцев, Павел Лунгин, Александр Сокуров. Журналисты Леонид Парфенов, Ксения Собчак, Алексей Пивоваров, Дмитрий Муратов. Музыканты Андрей Макаревич, Борис Гребенщиков, Юрий Шевчук, Земфира Рамазанова, Илья Лагутенко, Валерий Меладзе, Алла Пугачева, София Ротару, Макс Барских (вообще, он Коля Бортник, но Коля Бортник в его музыкальных ушах не звучит, Макс Барских — совсем другое дело). Актеры Лия Ахеджакова, Чулпан Хаматова, Максим Виторган. Список можно продолжать.

Их клеймят позором, а я думаю — не стоит этого делать. Во-первых, скатертью дорога. Во-вторых, как показала специальная военная операция, у нас много других, настоящих русских деятелей культуры, а не этих «граждан глобального мира» с российскими, а часто и не только с российскими паспортами в ящиках стола.

Писатели Александр Проханов, Захар Прилепин, Юрий Поляков, Сергей Шаргунов, Евгений Рейн, Сергей Лукьяненко, Николай Черкашин. Режиссеры Никита Михалков, Владимир Бортко, Владимир Машков, Карен Шахназаров, Юрий Кара, Тигран Кеосаян. Журналисты Владимир Соловьев, Дмитрий Куликов, Маргарита Симоньян, Владимир Корнилов, военкоры Александр Коц, Дмитрий Стешин, Евгений Поддубный, Семен Пегов. Музыканты Валерий Гергиев, Денис Мацуев, Юлия Чичерина, Александр Скляр, Вадим Самойлов, Алексей Джанго-Поддубный. Актеры Василий и Аристарх

Ливановы, Сергей Безруков, Дмитрий Певцов, Николай Пореченков, Марат Башаров, Владимир Гостюхин, Иван Охлобыстин. И список тоже далеко-далеко-далеко неполный.

Война — это всегда источник великих произведений искусства. Так было в Гражданскую, в Великую Отечественную, так будет и сейчас. Мы обязательно прочитаем новые классические русские романы и стихотворения, посмотрим классические фильмы и услышим замечательные, на все времена песни о том, что происходит сейчас. Кто станет их авторами, я уже перечислил. Собственно, в малых жанрах «образцы» уже есть. Почитайте публицистику Проханова и Прилепина, послушайте песни Чичериной и Джанго, выучите стихи Пегова или, например, еще одного военкора Анны Долгаревой — уроженки Харькова, выпускницы Харьковского национального университета.

«В гильзу от АГС помещается 20 грамм
в данном случае — виски. Мы пьем без звона,
ветер с востока хлопает дверью балкона.
Пьем за тех, кто более не придет к нам.

...

Сентябрь начался, с востока идет гроза,
молчат минометы, автоматы притихли даже.
Один комроты, смотря на меня, сказал,
что мечтает увидеть женщину не в камуфляже.
Здесь земля отверженных, нам уже от нее не деться,
ветер степной пахнет смертью, мятой и медом.
Мы пьем за любовь, за правду, за счастливое детство,
пьем, не чокаясь, из гильз от гранатомета».

Я вообще надеюсь, что у нас будет настоящая новая большая военкорская литература — такая же, как военкорская литература Великой Отечественной — Михаила Шолохова, Константина Симонова, Ильи Эренбурга, Александра Твардовского. И будет новая лейтенантская проза — как была проза Виктора Некрасова, Юрия Бондарева, Бориса Васильева, Григория Бакланова, Виктора Курочкина.

Война всегда выдвигает новых людей — способных отвечать экстраординарным вызовам эпохи и задвигает старых — вроде Чубайса или еще какого-нибудь Шендеровича. Включает пресловутые «социальные лифты». Так обязательно будет и на этот раз. К уже названным писателям, режиссерам, журналистам, музыкантам, артистам добавятся новые, сегодня еще никому не известные. И то же самое произойдет в политике, в науке и, конечно, в военном деле. Уже происходит. Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

**Семь лет назад в Киеве был убит публицист
Олесь Бузина
(Среди подозреваемых – украинские
неонацисты, однако официально преступление
до сих пор остается нераскрытым)
«Парламентская газета», 16.04.2022**

В этот день, 16 апреля 2015 года, в Киеве был убит Олесь Бузина. Известного украинского публициста расстреляли среди бела дня, в 13.20, возле типовой многоэтажки на улице Дегтяревской, 58, где он проживал. С тех пор прошло семь лет, однако убийцы так до сих пор и не понесли заслуженного наказания.

Обратная сторона майдана

Суд над ними должен стать частью денацификации Украины после окончания специальной военной операции, заявил «Парламентской газете» вице-спикер Государственного совета Крыма, историк Владимир Бобков.

«Убийства Бузины и других знаковых противников киевского режима, захватившего власть в стране в результате государственного переворота в феврале 2014 года, были направлены на устрашение всех несогласных с нацификацией Украины. Убийцы как будто говорили: смотрите, если вы посмеете выступить против нас, с вами будет то же самое! Это было запугивание русской, русскокультурной, русскоязычной Украины! Однако я уверен, что имена убийц Бузины, имена тех, кто сжег людей в Одессе 2 мая 2014 года, кто на протяжении восьми лет убивал женщин, детей и стариков на Донбассе, известны нашим спецслужбам и преступники понесут заслуженное наказание», – сказал Бобков.

Я был знаком с Олесем. В декабре 2013 года мы с коллегами снимали в Киеве документальный фильм «Обратная сторона майдана». К тому времени украинские нацисты уже захватили городскую администрацию, уже отгремел первый штурм Администрации президента, уже маршировали, зигуя, по столице боевики «Правого сектора» (запрещен в России) и других националистических организаций.

Бузина был одним из экспертов, к которым мы обратились за комментарием. Он пригласил нас к себе домой, на ту самую Дегтяревскую улицу, 58. Угощал чаем с конфетами.

Вывод Олеся звучал безапелляционно: Майдан — это попытка государственного переворота.

Под диктовку Запада

«Призывы к свержению конституционного строя есть? Есть. У нас в конституции смена президента предусмотрена по решению майдана? Нет, на выборах. Президент у нас легитимно избран? Легитимно. Даже оппозиция никогда не ставила под сомнение тот факт, что Янукович честно победил на выборах. Он сделал что-то такое, за что ему полагался бы импичмент? Нет, потому что отказ от подписания евроассоциации не является ни государственным преступлением, ни превышением полномочий. Между тем, на майдане призывают свергать Януковича и действующую власть. Теперь дальше. Захват государственных зданий — это что? Вот захватили в Киеве городскую администрацию — это пять лет по уголовному кодексу. На администрацию президента бунтовщики шли с чем? С мирными лозунгами? Нет, с цепями, с палками, со специально подготовленными боевиками в авангарде. Что это, если не попытка вооруженного захвата власти? А кроме того, была еще и государственная измена. Потому что все эти люди, которые называют себя вождями майдана, выполняют то, что им говорят иностранные политики. Вестервелле, Качиньский, Квасьневский и прочие, уже ничего не стесняясь, приезжают на Украину и открыто поддерживают бунтовщиков, призывая к свержению государственного строя», — говорил Бузина.

Боевиков из «Правого сектора» (запрещен в России) Олесь называл «майдаунами» и объяснял: «Главная движущая сила нашей очередной цветной революции — это выходцы из Западной Украины, необразованные, с неонацистскими лозунгами, которых оппозиционеры специально завозят в Киев, чтобы попытаться снести действующую власть».

Дело рук украинских националистов

Убийство Бузины — наглядный пример того, как уже тогда, семь лет назад, обстояли на Украине дела со свободой слова и демократией. После госпереворота Олеся не раз и не два угрожали украинские националисты, а аккуратно накануне преступления персональные данные публициста, включая его домашний адрес, были размещены на печально известном сайте «Миротворец».

Ответственность за убийство Бузины взяла на себя запрещенная в России «Украинская повстанческая армия». Даже у киевских правоохранителей не было ни малейших сомнений в том, что преступление связано с профес-

сиональной деятельностью публициста. Расследование «взял под контроль» тогдашний президент Украины Петр Порошенко, преступление публично осудили генсек ООН Пан Ги Мун, «Репортеры без границ» и представители ОБСЕ, однако до суда дело так и не дошло.

Главными подозреваемыми были (и остаются) участники государственного переворота на майдане и антитеррористической операции на Донбассе Андрей Медведько-«Мэнсон» и Денис Полищук. Однако сегодня эти двое не только не сидят за решеткой, но и официально входят в президентскую комиссию при украинском министерстве по делам ветеранов и получают государственное финансирование на свои проекты, например на концерты неонацистской группы «Сокира Перуна». А Медведько еще и включен в состав Совета общественного контроля Национального антикоррупционного бюро Украины.

Восторг фашистского нахрапа

Идеологические взгляды Бузины были не просто чуждыми, а враждебными победившим на Украине националистам. Олесь называл себя одновременно и украинцем, и русским, и вообще придерживался теории о триединстве русского народа. Он поддерживал федерализацию Украины и двуязычие. «Свидомые украинцы озабочены не столько созданием украинской культуры, сколько уничтожением русской», — замечал Бузина. Этого было достаточно, чтобы убить его в 2015 году, и этого тем более достаточно, чтобы убивать сегодня всех, кто думает также.

Поэтесса Юнна Мориц, урожденная киевлянка, еврейка по национальности, написала стихотворение памяти Олесь Бузины — задолго до начала нынешней специальной военной операции и как будто специально для тех, кто утверждает, что на Украине нет неонацистов.

Не возвращайся в Украину!
Угроза жизни дышит в спину,
В затылок дышит подлецо —
Фашизма подлое лицо!

Не возвращайся, там — гестапо,
Восторг фашистского нахрапа,
Кровавый скачет карнавал,
По спискам гробит наповал!

Не возвращайся в их зверинец,
Ты — драгоценный украинец,
Тебя убьют за твой талант, —
Убить талант — призванье банд!

Но ты вернулся — и убит.
Имеет запад жалкий вид,
С фашистами в одной компании
Он Лорку расстрелял в Испании,

С фашистами в одном флаконе
Он полон русофобской вони,
С фашистами сейчас и здесь
Он расстрелял тебя, Олесь!..

Кстати.

Еще в мае 2009 года Олесь Бузина предлагал принять пакет законов, запрещающих неонацистские организации и пропаганду нацизма, и запретить пропаганду идеологического наследия ОУН (запрещена в России) как тоталитарной фашистской партии.

Избранная библиография Олеся Бузины:

- «Вурдалак Тарас Шевченко» — 2000.
- «Тайная история Украины-Руси» — 2005.
- «Верните женщинам гаремы» — 2008.
- «Революция на болоте: взгляд белогвардейца» — 2010.
- «Воскрешение Малороссии» — 2012.
- «Союз плуга и трезуба: как придумали Украину» — 2013.
- «Докиевская Русь» — 2014.
- «Утешение историей» — 2015.

Где остановится армия Россия? – отвечает Самюэль Хантингтон «Крымское эхо», 21.04.2022

Чем закончится специальная военная операция? Где остановится армия Россия? Опять, как в сорок пятом, в Берлине? Шутка, конечно, но, как известно, в каждой шутке есть доля истины. На польской границе? На границе Западной Украины? У Днепра? На границе Донецкой и Луганской народных республик?

Эти вопросы сегодня задают себе миллионы людей не только в России и на Украине, но и далеко за их пределами. Ответы на них предлагаю поискать в... Америке. У классика мировой геополитической мысли Самюэля Хантингтона.

Easy peasy lemon squeezy

В современном мире политические границы все чаще корректируются, чтобы совпасть с культурными, был убежден ученый. И продолжал: вмешательство Запада в дела других цивилизаций является, вероятно, наиболее опасным источником нестабильности и потенциального глобального конфликта в полицивилизационном мире.

Миру упорно, через все мыслимые и немыслимые информационные и пропагандистские каналы, навязывают мысль о том, что Россия напала на Украину, однако на самом деле Россия всего лишь защищается от надвигающейся натовской армады. Здесь все проще пареной репы. Ну или как говорят англосаксы – easy peasy lemon squeezy. За годы после распада Советского Союза и роспуска организации стран Варшавского договора НАТО расширилось на 14 стран. В 1999 году в альянс вступили Венгрия, Польша, Чехия. В 2004-м – Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония. В 2009-м – Албания и Хорватия. В 2017-м – Черногория. В 2020-м – Северная Македония. Украина стояла в очереди. Зачем? Зачем (опять использую классический англосаксонский образ) было тыкать палкой в берлогу русского медведя? Зная вроде бы из истории Наполеона, Гитлера и компании, что загнать медведя назад не удастся. Впрочем, к сожалению,

среди западных политиков сегодня огромное количество невежд — и это действительно очень опасно, ибо от незнания школьной программы по истории могут простекаать страшные разрушительные катаклизмы.

Кстати, об опасности вмешательства Запада в дела России задолго до Хантингтона предупредил Александр Сергеевич Пушкин:

«Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы».
И он же очертил границы нашей цивилизации:
«Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..».

Расколота́я страна

Ну а теперь все-таки о границах, на которых, стальной щетиною сверкая, остановится армия России — не претендуя на абсолютную точность, но основываясь на построениях ученого из страны, которая является нашим главным геополитическим противником.

По классификации Хантингтона, постсоветская Украина принадлежит к числу так называемых расколотых стран. «Линия разлома между цивилизациями, отделяющая Запад от православия, проходит прямо по ее центру. В различные моменты прошлого западная Украина была частью Польши, Литвы и Австро-Венгерской империи. Значительная часть ее населения является приверженцами униатской церкви, которая совершает православные обряды, но признает власть Папы Римского. Исторически западные украинцы говорили по-украински и были весьма националистичны в своих взглядах. Население Восточной Украины, с другой стороны, было в массе своей православным, и значительная его часть говорила по-русски. Крым в подавляющем большинстве населения является русским и был частью Российской Федерации до 1954 года, когда Хрущев, якобы в честь принятого Хмельницким 300 лет назад решения, передал его Украине», — объяснял ученый в книге «Столкновение цивилизаций».

По его мнению, глобальная политика сейчас выстраивается по-новому, в соответствии с направлением развития культуры. Народы и страны со схожими культурами объединяются, народы и страны с различными культурами распадаются на части. Объединения с общими идеологическими установками или сплотившиеся вокруг сверхдержав уходят со сцены, уступая место новым союзам, сплотившимся на основе общности культуры

и цивилизации. Политические границы все чаще корректируются, чтобы совпасть с культурными: этническими, религиозными и цивилизационными. Культурные сообщества приходят на смену блокам времен «холодной войны», и линии разлома между цивилизациями становятся центральными линиями конфликтов в глобальной политике. Вопрос «На чьей вы стороне?» сменился более принципиальным: «Кто вы?» Каждая страна должна иметь ответ. Этот ответ, культурная идентичность страны, и определяет ее место в мировой политике, ее друзей и врагов.

Восточная Украина войдет в состав России?

Так вот, в связи с этим один из наиболее вероятных сценариев будущего (того самого, в котором мы с вами сейчас живем) виделся ученому в расколе Украины по линии разлома на две части, восточная из которых войдет в состав России. При этом, по его мнению, «обрезок» униатской и прозападной Украины может быть жизнеспособным только при активной и серьезной поддержке Запада в условиях значительного ухудшения отношений между Россией и Западом.

Основной проблемой взаимоотношений с другими цивилизациями является несоответствие между стремлением Запада — особенно Соединенных Штатов — насаждать универсальную западную культуру и все снижающейся способностью делать это, был убежден Хантингтон еще в 1996 году.

«Запад пытается и будет продолжать пытаться сохранить свое высокое положение и защищать свои интересы, называя их интересами «мирового сообщества». Это выражение стало эвфемизмом (заменив «свободный мир») и призвано придать иллюзию правомочности в глазах всего мира действиям, отражающим интересы США и других западных держав», — писал он, сетуя на то, что американское правительство исключительно тяжело приспосабливается к эпохе, в которой глобальная политика формируется культурными и цивилизационными течениями.

В заключение еще один совет от Хантингтона для Байдена, Джонсона и Шольца с Макроном: «Чтобы оберечь западную цивилизацию, в интересах США и европейских стран признать Россию как стержневую страну православной цивилизации и крупную региональную державу, имеющую законные интересы в области обеспечения безопасности своих рубежей». И важнейшая часть этого признания, опять-таки — по Хантингтону, а не по Путину — «Запад обязуется не расширять НАТО дальше на восток, если только Украина не расколется на два государства».

**Сто лет назад россияне впервые увидели
алые паруса
(В Международный день музеев
«Парламентская газета» рассказывает об
удивительном доме-музее Грина в Феодосии)
«Парламентская газета», 18.05.2022**

Алые паруса видел, наверное, каждый россиянин. На прогулочных яхтах. Конфетных обертках. Этикетках духов и шампуня. Названиях гостиниц, кинотеатров, санаториев, пионерских лагерей. В великолепном фильме Александра Птушко с Анастасией Вертинской и Василием Лановым в главных ролях. А придумал этот образ, ставший едва ли не самым известным коммерческим «литературным брендом» Советского Союза, романтик до мозга костей Александр Степанович Грин.

Чем Гринландия отличается от Гренландии

Широкая читательская публика впервые познакомилась с повестью-феерией Грина ровно сто лет назад. В мае 1922 года в газете «Вечерний телеграф» была опубликована глава «Алых парусов» «Грэй», а в виде отдельной книги произведение увидело свет уже в следующем, 1923 году. Сегодня, в Международный день музеев, «Парламентская газета» рассказывает об удивительном доме-музее писателя в Феодосии.

Его придумал в шестидесятых годах прошлого века организатор музейного дела Геннадий Иванович Золотухин. Автором проекта стал художник, книжный иллюстратор, скульптор, архитектор, поэт Савва Григорьевич Бродский. По тем строгим советским временам это был один из самых необычных литературных музеев страны. Его иногда сравнивают с лондонским музеем Шерлока Холмса на Бейкер-стрит и музеем Ганса Христиана Андерсена в Копенгагене.

Прямо с улицы мы попадаем «за границу». В Гринландию — не путать с Гренландией. Первую комнату музея украшают карты вымышленной страны, в которой жили (и живут до сих пор) герои произведений писателя.

Вот ее столица — город Лисс, в четырех верстах от которого жила Ассоль. Вот Гель-Гью, где развиваются события романа «Бегущая по волнам». А вот «самый посещаемый» гриновский городок Зурбаган. Даже если вы не читали «Золотую цепь» и «Фанданго», то наверняка слышали песенку Владимира Преснякова-младшего.

«Засыпает синий Зурбаган.
А за горизонтом ураган
С грохотом и гомоном и гамом
Путь свой начинает к Зурбагану.
Грянет ливень резкий и косой,
И продрогнет юная Ассоль.
И опять понять не смогут люди,
Было это или только будет».

Жажда странствий

В следующей комнате, рабочем кабинете Грина, — маленький письменный стол, за которым Александр Степанович сочинил свой самый известный феодосийский роман — «Бегущую по волнам». «Писатель за большим столом — это слишком мастито, профессионально, неудобно. От писателя меньше всего должно пахнуть писателем», — цитирует классика наш гид по Гринландии — заместитель директора дома-музея по науке Светлана Колотупова.

Первой книгой, которую прочитал в своей жизни Саша Грин, были «Путешествия Гулливера» — так родилась в душе у будущего писателя страсть к морю, кораблям и приключениям, которую он пронес через всю жизнь. Из рабочего кабинета мы попадаем в «Трюм фрегата», а оттуда в «Каюту странствий». Дальше — «Клиперная», а за ней — «Ростральная». Именно здесь посетитель узнает историю создания «Алых парусов». Идея повести пришла Грину во время прогулки по Петербургу в 1916 году. «У меня есть «Алые паруса» — повесть о капитане и девочке. Я разузнал, как это происходило, совершенно случайно: я остановился у витрины с игрушками и увидел лодочку с острым парусом из белого шелка. Эта игрушка мне что-то сказала, но я не знал — что, тогда я прикинул, не скажет ли больше парус красного, а лучше того — алого цвета, потому что в алом есть яркое ликование», — рассказывал об этом сам Грин.

«Алые паруса» полностью написаны в городе на Неве, в знаменитом «Доме искусств», где соседями Грина были Николай Гумилев, Осип Мандельштам, Вениамин Каверин, Всеволод Рождественский. «Трудно было представить, что такой светлый, согретый любовью к людям цветок мог родиться здесь, в сумрачном, холодном и полуголодном Петрограде, в зимних сумерках сурового 1920 года; и что выращен он человеком внешне угрюмым,

неприветливым и как бы замкнутым в особом мире, куда ему не хотелось никого впускать», — вспоминал Всеволод Рождественский.

В поисках цвета

«Грин выбирал название повести так же тщательно, как Грэй — шелк для парусов своего корабля, — рассказывает Светлана Колотупова. — Красный, багровый, пурпурный цвета были отвергнуты и писатель остановился, наконец, на алых».

Читаем в книге: «Роясь в легком сопротивлении шелка, он различал цвета: красный, бледный розовый и розовый темный; густые закипи вишневых, оранжевых и мрачно-рыжих тонов; здесь были оттенки всех сил и значений, различные в своем мнимом родстве, подобно словам: «очаровательно» — «прекрасно» — «великолепно» — «совершенно»; в складках таились намеки, недоступные языку зрения, но истинный алый цвет долго не представлялся глазам нашего капитана; что приносил лавочник, было хорошо, но не вызывало ясного и твердого «да». Наконец один цвет привлек обезоруженное внимание покупателя; он сел в кресло к окну, вытянул из шумного шелка длинный конец, бросил его на колени и, развалясь, с трубкой в зубах, стал созерцательно неподвижен.

Этот совершенно чистый, как алая утренняя струя, полный благородного веселья и царственности цвет являлся именно тем гордым цветом, какой разыскивал Грэй».

За «Роstralной» — «Каюта капитана Геза» из «Бегущей по волнам». Экспонаты — подзорная труба, капитанская фуражка, глобус, навигационные приборы. Ну и, наконец, последняя комната музея — «Корабельная библиотека». На полках — книги писателя, переведенные на десятки языков и изданные общим тиражом в сотни миллионов экземпляров.

Встречи в Зурбагане

Грин впервые увидел Крым в 1896 году, шестнадцатилетним юношей, с борта парохода «Платон». Много лет спустя, в мае 1923-го, получив гонорар за роман «Блестящий мир», Александр Степанович с женой посетили Севастополь, Балаклаву, Ялту, Феодосию. Именно во время того путешествия писателю и пришла в голову мысль перебраться на полуостров на постоянное место жительства. Задумано — сделано. В сентябре 1924 года Грины поселились в Феодосии, в домике на улице Галерейной, где сейчас устроен музей. Его, как алые паруса, лучше увидеть собственными глазами. Сейчас ежегодно дом-музей Грина посещают около тридцати пяти тысяч человек, в советское время их бывало в несколько раз больше. В общей сложности за почти 52 года существования музей принял более трех миллионов посетителей.

Лучшее время для посещения Феодосии — конечно же, приближающееся лето, когда море у берегов древнего города будет бороздить не одна прогулочная яхта с алыми парусами. А лучший день для того, чтобы заглянуть в гриновский музей, — это день рождения писателя, 23 августа, когда алые паруса по традиции поднимаются еще и над его домом-фрегатом, где проходит фестиваль «Встречи в Зурбагане».

Александр Степанович Грин умер 8 июля 1932 года и похоронен недалеко от Феодосии, в городе Старый Крым, где он провел последние годы своей жизни. С тех пор прошло почти девяносто лет, но и до сих пор читателям известны не все произведения классика. Недавно сотрудники дома-музея расшифровали рукопись неоконченного романа писателя «Таинственный круг» о Фритьофе Нансене. Фрагменты произведения были опубликованы издательским домом «Коктебель», но целиком расшифрованная рукопись пока не издана.

Цифры.

Около 35 тысяч человек в год посещают дом-музей Грина в Феодосии. Более трех миллионов побывали в нем за весь период существования.

Открытие.

Сотрудники дома-музея расшифровали рукопись неоконченного романа писателя «Таинственный круг» о Фритьофе Нансене.

Кстати.

В 1968 году в Ленинграде придумали знаменитый праздник выпускников школ «Алые паруса», который с тех пор отмечается каждый год в последних числах июня.

скими корнями. Его мать родом из семьи переселенцев с Черниговщины. Казаки поддразнивали таких: «Хохол мазница, давай дражниться: этот — турок, тот — поляк, ты — хохол, а я казак!» В детстве Мишка любил «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Тараса Бульбу», а в юности, в Гражданскую войну, попал в плен к самому батьке Махно. И тот приказал его расстрелять, но после просьбы какой-то сердобольной казачки смиловился. Таким оказался вклад Нестора Ивановича в русскую литературу — оставил в живых будущего классика.

Продолжали литературный парад на набережной бронзовые герои шолоховских произведений — Григорий Мелехов, Аксинья и дед Щукарь, а командовал им... генерал советской литературы Алексей Максимович Горький. Тоже, конечно, весь из бронзы. Они были хорошо знакомы, Горький и Шолохов. Михаил Александрович в молодости часто обращался к Алексею Максимовичу за помощью — протолкнуть через выставленные бдительными чиновниками и редакторами цензурные и бюрократические рогатки то очередную часть «Тихого Дона», то «Поднятую целину».

Тихий Дон и Дон-...Кихот

В гостинице «Тихий Дон» свободных мест не оказалось, и я поселился в другом литературном отеле. Правда, испанизированном. Называется не «Тихий Дон», а «Дон-...Кихот». Шолохов тоже много и бескорыстно сражался за своих земляков — правда, не с ветряными мельницами, а с куда более опасными противниками. Сначала — с белогвардейцами, а потом — с советскими чиновниками и даже с самим товарищем Сталиным. К слову, именно Иосиф Виссарионович стоял до разоблачения культа его личности на ростовской набережной на том пьедестале, где возвышается сейчас Алексей Максимович.

«Я, житель станицы Вешенской на Верхнем Дону, в годы гражданской войны боролся за победу Советской власти. Меня родила и воспитала Советская власть и партия большевиков. Я — сын советского народа. И заботу советской власти обо мне я не могу назвать иначе, как ласковой материнской заботой о сыне» — Шолохов писал это искренне. Он боролся не против советской власти, а против ее «перегибов», и не боялся сообщать о них на самый верх.

Иначе поступал его земляк и ненавистник Солженицын. Он обвинял не только Советскую власть в создании ГУЛАГа, но и Шолохова в плагиате, утверждая, что тот украл рукопись «Тихого Дона» у полузабытого казачьего писателя Федора Крюкова. Александр Исаевич окончил в Ростове-на-Дону сначала среднюю школу № 15, а потом физико-математический факультет местного университета, однако культа личности Солженицына в городе нет, ну разве что удалось мне обнаружить фрагмент экспозиции о нем в краеведческом музее.

Вообще, я Солженицыну должное отдаю, но думаю, что в отношении Шолохова им двигала зависть. Была у Александра Исаевича такая черта характера, чего уж там. Тем не менее оба они, и Шолохов, и Солженицын, по праву вошли в историю литературы.

Шолохов и Сталин

Анекдот.

«Шолохов пришел к Сталину хлопотать за сына Платонова. Вождь, насупившись, выслушал и говорит:

— Вот вы, товарищ Шолохов, пишете, ходите, за всех просите. То за голодающих, то за казаков, то за вешенских руководителей. Берия мне говорил, что вы приходили к нему и убеждали в невинности Клейменова (советский ученый — организатор разработок ракетной техники. Расстрелян в 1938 году — автор). Вы верите, что он не был вредителем?

— Верю, товарищ Сталин, — спокойно ответил Шолохов.

— Вот всем вы верите. За всех просите. А кто при случае за вас попросит? Кто вам поверит?

— Вы, товарищ Сталин.

— Вы так думаете? Мой совет — не ошибитесь, товарищ Шолохов».

У них были сложные отношения, но, тем не менее, Шолохов уважал Сталина и как руководителя государства, и как знатока литературы. Можно сказать, Сталин был личным критиком и цензором Шолохова. Как Николай Первый — Пушкина. Это старая русская литературно-политическая традиция взаимоотношений между первым лицом в государстве и первым лицом в литературе.

«Знаменитый писатель нашего времени товарищ Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что «Тихий Дон» — никуда не годная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?» — писал Сталин. И «Тихий Дон» издавали и «продавали» — «с грубейшими ошибками».

Собственно, во многом именно Сталин — недаром в юности стихи сочинял — сделал СССР самым литературоцентричным государством в мире. При нем писатели и поэты стали одними из главных героев страны. В их честь называли улицы и города, открывали музеи, ставили памятники.

В «Тихом Доне» выведены в качестве героев или упоминаются больше сотни реальных исторических лиц — Керенский, Ленин, Брусилев, Буденный, Каледин, Краснов, Деникин... И ни слова о Сталине! Не нашлось у Шолохова добрых слов для вождя и в «Поднятой целине», и в военном романе «Они сражались за Родину». Зато после погромного доклада Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 году, где он развенчивал «культ личности» Сталина, Шолохов горько и метко заметил: «Культ, конечно, был, но была и личность».

О Хрущеве писатель оставил другой отзыв: «Оценки придут со временем, но то, что он болен, — это так... Серьезная болезнь — понос слов».

В уездном городе Т.

Донской край дал России и миру сразу двух лауреатов Нобелевской премии — Шолохова и Солженицына, а мог дать и третьего — да еще какого! В соседнем Таганроге родился и вырос Антон Павлович Чехов. Впервые Нобелевская премия была вручена в 1901 году, а Чехов умер в 1904-м. Три шанса у него было. Или, точнее, три шанса было у членов Нобелевского комитета, потому что, в отличие от них, Чехов велик вне всяких премиальных контекстов. А потом в дело вмешалась чахотка.

В Таганрог на Азове и лежал мой путь из Ростова-на-Дону. Дорога такая, что не вспомнить чеховскую «Степь» нельзя: «Перед глазами ехавших расстилалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается...».

В уездном городе Т. было так много улиц, площадей, музеев и памятников Чехову и его героям, что, казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы посмотреть на фокусы «Каштанки», пофлиртовать с «Тремя сестрами», вырастить «Вишневый сад» и сразу же умереть. Ну а если без шуток, то Антон Павлович — не только самый известный в мире таганрожец, но и крупнейший городской «работодатель». Его наследие кормит музейных работников, экскурсоводов, театральных режиссеров, актеров, администраторов, отельеров и даже хозяев некоторых продуктовых магазинов, которые не стесняются использовать в названиях фамилию классика.

В музее, располагающемся в здании бывшей классической мужской гимназии, которую окончил когда-то Чехов, лежит в витрине журнал «Русская мысль» с говорящим подзаголовком: «Ежемесячное литературно-политическое издание». Литература у нас неотделима от политики. Так было, есть и будет. От Ломоносова, Пушкина, Лермонтова через Достоевского, Толстого, Чехова, Солженицына, Бродского к нашим современникам — Лимонову, Проханову, Прилепину да и их антиподам вроде какого-нибудь Акунина тоже.

В актовом зале выставлен аттестат Чехова об окончании гимназии. «Пятерки» по... закону Божьему, географии и немецкому, «четверки» по русскому языку и словесности (!), истории, логике и греческому, «тройки» по математике, физике и латыни. Здесь же на стенах вывешены раззолоченные доски с фамилиями тех, кто окончил гимназию с золотыми и серебряными медалями — никого не знаю.

Школьники, которых привели прикоснуться к святому, оживленно обсуждали успеваемость классика и его однокашников. Найдется ли когда-нибудь в Таганроге еще один великий троечник? — подумал я и отправился на родину Шолохова, который в школе тоже в общем-то не блистал.

Вежа в истории

Станица Вешенская была когда-то вехой на большом водном пути из Воронежа в Азов, а стала вехой в русской и мировой литературе. Если Чехов — кормилец Таганрога, то уж Шолохов — Вешек тем более. Заботился о земляках при жизни, продолжает делать это и с того света. У него «на содержании» — десятки сотрудников музея-заповедника, туристических фирм, хозяева гостиниц и кафе.

Писатель мог легко обосноваться в Москве, в одной из знаменитых сталинских высоток, например, но даже не мыслил себе этого никогда. Всегда спешил из родной столицы в родную станицу, предпочитая ее не только Москве, но и всему остальному миру. Даже за границу на писательские съезды не любил ездить.

На станичной набережной памятник Григорию и Аксинье, в характере которой отразились черты матери писателя Анастасии Даниловны, которая с одним узелком ушла от первого мужа к Александру Михайловичу Шолохову.

Будущий классик был незаконнорожденным, нахаленком, как говорили на Дону.

Среди экспонатов в музее Шолохова — удостоверение специального корреспондента «Красной Звезды». На второй день войны он телеграфировал в Москву: «Наркому обороны Тимошенко. Дорогой товарищ Тимошенко. Прошу зачислить в фонд обороны СССР присужденную мне Сталинскую премию... (Ленинскую раньше отдал на строительство школы в станице Каргинской — автор.) По Вашему зову в любой момент готов стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину и великое дело Ленина — Сталина». Подпись: «Полковой комиссар запаса РККА, писатель Михаил Шолохов».

Выполняя задания редакции, Шолохов служил на Западном, Южном, Юго-Западном, Сталинградском, Третьем Белорусском фронтах. Получил тяжелую контузию. Награжден боевыми медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией». Его рассказ «Судьба человека» и главы из романа «Они сражались за родину» — лучшее из того, что написано о войне. Жаль, роман не успел закончить. Или, точнее, не захотел сохранить в том виде, в котором закончил. Камин в шолоховском доме — немой тому свидетель. В его чреве, по рассказу младшего сына писателя, Михаила, сгорела рукопись романа. И это тоже русская традиция — вспоминаем Гоголя и его «Мертвых душ».

Коллекция оружия на стене, и охотничьего — именной карабин с оптическим прицелом от Брежнева, и боевого — маузер и ППШ, с которыми Шолохов прошел всю войну. Рыболовные снасти. Рыбачьи лодки. Пустые бутылки. Гараж с машинами — черная «Волга» для форсу, катал на ней Гагарина, и два советских «джипа» — ГАЗ и УАЗ для охоты и рыбалки. Вырисовывается стиль жизни. Недаром своим любимым зарубежным писателем Шолохов называл Хемингуэя.

Фрак, в котором писатель в 1965 году получал Нобелевскую премию. Через одиннадцать лет после Хэма. Один раз в жизни его надел. Плевался: «Ну, официант!» «У тех черная бабочка, а у вас белая...» — успокаивали его.

Незадолго до кончины Шолохов попросил дочь Светлану напомнить ему слова из песни военных лет «В лесу прифронтовом». И когда услышал: «И что положено кому, пусть каждый совершит!» — проговорил: «Да, правильно, вот так...» На могиле писателя над одной из главных рек Русского мира стоит памятник — простая глыба камня с одной строкой по стесу: «Шолохов». Он глыбой и был.

Как чванство, тщеславие и спесь ведут Америку к гибели (Объясняем вместе с Патриком Бьюкененом) «Крымское эхо», 14.06.2022

Чванство, тщеславие и спесь — отличительные признаки внешней политики США, сформулировал больше десяти лет назад в своей книге «Самоубийство сверхдержавы» американский политик и публицист Патрик Бьюкенен. Прошедшие с тех пор годы и позиция, которую Штаты заняли в связи с событиями на Украине, лишь подтверждают этот тезис.

Куда янки совали свой длинный нос

Особенно сильно эти характерные черты проявились после победы Америки в холодной войне. Историки запомнят три последних десятилетия не как эпоху пресловутой однополярности, а как время, когда США поддались напору чванства и тщеславия. Высокомерие и уверенность в собственном всемогуществе раз за разом толкают американских лидеров на вмешательство в дела других государств, констатировал Бьюкенен.

И перечислил: Буш-старший вмешался в ситуацию в Панаме, напал на Ирак, освободил Кувейт, направил вооруженные силы США в Саудовскую Аравию и в Сомали. Клинтон вторгся на Гаити, вмешался в ситуацию в Боснии, бомбил Сербию на протяжении семидесяти восьми дней и послал американские войска, чтобы оторвать от Сербии ее «колыбель» — Косово. Буш-младший вторгся в Афганистан, оккупировал Ирак и призвал к глобальному крестовому походу за демократию, олицетворением которого стало свержение законных правительств и установление проамериканских режимов в Сербии, Грузии, Киргизии, Ливане и на Украине. Обама удвоил американские силы в Афганистане, приказал нанести ряд ударов беспилотниками по Пакистану и начал войну в Ливии.

Я добавлю: при поддержке Обамы произошел государственный переворот на Украине в 2014 году, итогом которого стало начало распада этого государства. Ну а нынешний президент США Джозеф Байден фактически объявил России «войну по доверенности».

Причины прокси-столкновения США и России на Украине Бьюкенен тоже объяснил оттуда, из прошлого. После распада Советского Союза и отказа от коммунистической идеологии казус белли холодной войны исчез. И, казалось бы, мышление холодной войны и военные союзы должны были исчезнуть вместе с ним. Но, к сожалению, этого не произошло. Америке следовало сделать Россию стратегическим партнером и союзником, однако вместо этого она, цинично воспользовавшись ситуацией, сыграла на временной слабости Москвы.

Старая пьеса: США против злобного «русского медведя»

Вашингтону следовало распустить НАТО вслед за Варшавским договором, но американская политическая элита не захотела снимать пьесу из репертуара после сорокалетнего «прогона», с США в главной роли защитника Запада против могущественного и злобного «русского медведя».

«Притворившись, будто забыли о договоренностях с Горбачевым, мы вовлекли страны Варшавского договора и три бывшие советские республики в НАТО. Русским это не понравилось, разумеется, и, по совести, можно ли их винить в чрезмерной чувствительности?» — задавался Бьюкенен риторическим вопросом.

Как результат, «убежденная, что Америка попросту воспользовалась ею после распада Советского Союза, Россия стала налаживать отношения с Китаем, принялась формировать новую сферу влияния в бывших советских республиках, наказала Грузию, партнера США, и укрепляет связи с режимами, которые Америка воспринимает как враждебные, — например, с Венесуэлой и Ираном».

Уже после начала боевых действий на Украине Бьюкенен в журнальной статье подтвердил свои выводы десятилетней давности: «Дело все в том, что мы воспользовались нашей победой в холодной войне и расширили НАТО до самых границ России, включив в альянс целую дюжину стран Центральной и Восточной Европы. А затем принялись заманивать в НАТО еще и Украину — бывшую советскую республику с самой долгой и богатой историей с Россией-матушкой. Таким образом Путин лишь начал этот конфликт, а почву для него подготовили США. Это мы продвинули НАТО — военный альянс, созданный в 1949 году для сдерживания России, а, если потребуется, и вооруженной борьбы с ней — на тысячи километров вперед прямо ей под нос».

Военное освоение США территории Украины и отказ дать гарантии дальнейшего нераспространения НАТО на Восток привели к тому, что Россия вынуждена была начать специальную военную операцию, одна из целей которой заключается в том, чтобы отодвинуть Северо-Атлантический блок от своих границ.

Крах американской утопии

К чему привело нежелание США считаться с интересами других стран? — спрашивал Бьюкенен в книге «Самоубийство сверхдержавы». И отвечал: «Нас меньше ценят, меньше уважают, с нами меньше считаются и меньше опасаются, чем в 1991 году... Наша имперская спесь заставляет другие народы объединяться, чтобы противостоять нашей гегемонии, и мы сознательно портим, например, отношения с Россией, которая была готова сотрудничать. Люди, к которым относятся как к неблагонадежным друзьям и потенциальным врагам, часто в итоге становятся таковыми... Наше чрезмерное военное присутствие за рубежом (у США около тысячи известных и засекреченных военных баз за границей — автор.), поддержка деспотических режимов и наши бесконечные вмешательства и войны сделали Америку, прежде уважаемую страну, государством, которое вызывает негодование и возмущение».

В конце холодной войны Вашингтон усвоил утопическую идеологию, которая заключается в следующем: Америка — это единственная сверхдержава, которая по воле Провидения «уполномочена» использовать свои богатство и власть, чтобы привести человечество в обетованную землю свободы, мира, процветания и демократии. Утрата этих иллюзий неминуема, и она подступает. Крах американского могущества видится вполне предсказуемой развязкой и, как в свое время распад СССР, будет иметь серьезные геополитические последствия, уверен Бьюкенен.

США тратят на вооружение больше десяти следующих сильнейших в военном отношении стран, вместе взятых, однако все равно не в состоянии диктовать свою волю всему остальному миру. Особенно, если их не боятся. Доказательством тому — Куба, Вьетнам, Никарагуа, Венесуэла, КНДР, Ирак, Сирия, Афганистан.

«Мы больше не в силах поддерживать империю. Pax Americana подходит к концу. Вопрос только в том, произойдет ли ликвидация империи добровольно и рационально или ее спровоцирует некое стратегическое фиаско, наподобие Сайгона в 1975 году или финансово-экономического коллапса, как в 1929 году», — констатировал Бьюкенен еще десять лет назад.

Сегодня чванство, тщеславие и спесь Байдена, Блинкена и компании ведут Америку одновременно и к стратегическому геополитическому фиаско, и к финансово-экономическому коллапсу.

Марина Цветаева везде и всюду искала Крым «Парламентская газета», 08.10.2022

Сегодня в Крыму, в Феодосии, в честь 130-й годовщины со дня рождения знаменитой поэтессы «зажгут» традиционный Цветаевский костер. Беру это слово в кавычки, потому что на самом деле это будет не костер, а концерт в память о поэтессе, которая всю жизнь везде и всюду искала Крым.

Памятный песок Коктебеля

Первый «Цветаевский костер» был зажжен в теперь уже довольно далеко 1986 году в Тарусе, — рассказал «Парламентской газете» заведующий Музеем Марины и Анастасии Цветаевых в Феодосии Владимир Чешуин, — и с тех пор его «пламя» распространилось — без преувеличения — по всему миру. «Несмотря на попытки «отмены русской культуры», в этом году цветаевские костры будут «пылать» в более, чем тридцати странах мира», — сказал Чешуин.

Еще одно место в Крыму, связанное с жизнью и судьбой Марины Цветаевой, — Коктебель. Там, в Доме-музее Максимилиана Волошина, тоже отметят юбилей поэтессы. Вообще же, для Дома поэта нынешний год — юбилейный дважды. 28 мая исполнилось 145 лет со дня рождения его хозяина, Максимилиана Волошина, и вот теперь, 8 октября, — 130 лет со дня рождения Марины Цветаевой.

«Под знаком этих двух памятных дат прошел наш традиционный, уже двадцатый по счету международный научно-творческий симпозиум «Волошинский сентябрь», — рассказала заместитель генерального директора мемориального музея-заповедника «Киммерия М. А. Волошина» Наталья Мирошниченко. — Больше двадцати связанных с жизнью и творчеством Цветаевой экспонатов — прижизненные издания, фотографии — выставлены сейчас на крупнейшей в России межмузейной выставке в ростовском «Шолохов-Центре», которая называется «Марина Цветаева. Правда поэта».

Восемнадцатилетняя Марина Цветаева впервые приехала в Коктебель в мае 1911 года, в гости к Максиму Волошину, который первым открыл ее поэтический гений.

Много лет спустя Цветаева вспоминала: «Столь памятный моим ладоням песок Коктебеля! Не песок даже — радужные камешки, между которыми и аметист, и сердолик... 1911 год. Я после кори стриженная. Лежу на берегу, рою, рядом роет Волошин Макс.

— Макс, я выйду замуж только за того, кто из всего побережья угадает, какой мой любимый камень.

— Марина! (вкрадчивый голос Макса) — влюбленные, как тебе, может быть, уже известно, — глупеют. И когда тот, кого ты полюбишь, принесет тебе (сладчайшим голосом)... булыжник, ты совершенно искренно поверишь, что это твой любимый камень!

— Макс! Я от всего умнею! Даже от любви!

А с камешком — сбилось, ибо С. Я. Эфрон, за которого я, дождавшись его восемнадцатилетия, через полгода вышла замуж, чуть ли не в первый день знакомства отрыл и вручил мне — величайшая редкость! — генуэзскую сердоликовую бусу, которая и по сей день со мной».

Волшебная Феодосия

В тот же первый приезд в Крым Марина и ее младшая сестра Анастасия побывали в соседней Феодосии, которая показалась им кусочком Константинополя. «Мы поняли — Марина и я — что Феодосия — волшебный город и что мы полюбили его навсегда», — написала Анастасия Цветаева в своих «Воспоминаниях».

27 января 1912 года в Москве, в Церкви Рождества Христова в Палашах, состоялось венчание Марины Цветаевой и Сергея Эфрона. Сразу после него молодые уехали в свадебное путешествие в Европу, но и оттуда, из Италии, Франции, Германии Марина писала письма в Крым, в Феодосию, художнику Константину Богаевскому.

После похорон отца, в октябре 1913-го, сестры Цветаевы вновь приезжают в Феодосию и остаются в городе до лета следующего года. Марина с мужем и дочерью Ариадной снимают квартиру на даче Редлихов по улице Анненской (ныне — улица Шмидта, 14), Анастасия с сыном Андреем селится на улице Бульварной (ныне — улица Вити Коробкова, 13).

«Я снимала... домик на Бульварной улице. Дом был с приподнятым фундаментом, так что второй этаж был довольно высоким. Здесь было три комнаты: столовая, моя комната и детская. Квартира была угловая..., — вспоминала Анастасия Цветаева. — Марина жила в минутах десяти от меня, вверх по отлогой горе... Садик вокруг низкого длинного домика был густой, уютный, веселый, с холма был вид на море... Комнатки, где жили Марина с Сережей, Алей и няней, были низкие, старенькие; старинная простенькая мебель радовала глаз пуфами, диванчиком, ламповым абажуром, картиной в поблекшей раме». И добавляла: «Марина была счастлива с ее удивительным

мужем, с ее изумительной маленькой дочкой — в те предвоенные годы. Это было время расцвета Марининой красоты. Ее золотоволосая голова, пушистая, с вьющимися у висков струйками легких кудрей, с густым блеском над бровями подрезанных, как у детей, волос. Ясная зелень ее глаз, затуманенная близоруким взглядом, застенчиво уклоняющимся, имеет в себе что-то колдовское... Да, в это время Марина была счастлива».

Вот каким предстает этот город в, пожалуй, «самом феодосийском» стихотворении поэтессы:

«Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов».

На литературных вечерах в Феодосии Цветаева читала свои стихи, посвященные Эфрону, а сам Сергей... сдавал экстерном экзамены в местной гимназии и получал аттестат, с которым потом поступил в Московский университет.

Последний раз в Крыму

Крымскую идиллию разрушили начавшаяся в июле 1914 года Первая мировая война, а за ней Октябрьская революция и новая, еще более страшная война — Гражданская.

В последний раз Марина Цветаева побывала на полуострове вместе с Сергеем Эфроном осенью 1917 года, в самый разгар революционных событий. В Коктебеле, в снеговую бурю, Макс Волошин, картинка за картинкой, пророчески раскрыл им завтрашние и послезавтрашние судьбы России — всю русскую Революцию на пять лет вперед: террор, гражданскую войну, расстрелы, заставы, Вандею, озверение, потерю лица, раскрепощенные духи стихий, кровь, кровь, кровь... — вспоминала много лет спустя поэтесса.

Цветаева собиралась провести в Феодосии зиму, но вынуждена была в ноябре вернуться в Москву. «25 ноября 1917 года я выехала в Москву за детьми, с которыми должна была тотчас же вернуться в Коктебель, где решила — жить или умереть, там видно будет, но с Максом и Пра, вблизи от Сережи, который на днях должен был из Коктебеля выехать на Дон.

Адам. Рьдван. Те самые кони. Обнимаемся с Пра.

— Только вы торопитесь, Марина, тотчас же поезжайте, бросайте всё, что там вещи, только тетради и детей, будем с вами зимовать...

— Марина! — Макси́на нога на подножке рьдвана. — Только очень торопись, помни, что теперь будет две страны: Север и Юг.

Это были его последние слова. Ни Макса, ни Пра я уже больше не видала», — читаем в очерке Цветаевой «Живое о живом».

По словам дочери поэтессы Ариадны, Марина Цветаева «Крым... искала везде и всюду — всю жизнь».

Если Марина Цветаева после 1917 года в Крыму больше ни разу не бывала, то Сергей Эфрон сражался на полуострове в рядах Русской армии Врангеля и вместе с ней эвакуировался осенью 1920 года в Галлиполи, а оттуда перебрался в Константинополь и дальше в Прагу. Марина уехала из России к мужу весной 1922-го. Там, за границей, 1 февраля 1925 года у Цветаевой родился давно желанный сын Георгий или, как называли его домашние, — Мур.

Как многих эмигрантов первой волны, за границей поэтессу мучила тяжелая тоска по Родине:

«Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,

И все — равно, и все — едино.

Но если по дороге куст

Встает, особенно — рябина...».

Ни к городу и ни к селу

Дочь Ариадна вернулась в Советский Союз в марте 1937-го. Работавший к тому времени на советскую разведку Сергей Эфрон — осенью того же года. Марина с Муром приехали в Москву в июне 1939-го. Как написала поэтесса в автобиографии — чтобы дать сыну Родину.

«Ни к городу и ни к селу —

Езжай, мой сын, в свою страну, —

В край — всем краям наоборот!..

Да не поклонимся словам!

Русь — прадедам,

Россия — нам,

Вам — просветители пещер —

Призывное: СССР, —

Не менее во тьме небес

Призывное, чем: SOS.

Нас родина не позовет!

Езжай, мой сын, домой — вперед —

В свой край, в свой век, в свой час, — от нас —

В Россию — вас, в Россию — масс,
В наш-час — страну! в сей-час — страну!
В на-Марс — страну! в без-нас — страну!»

В ночь на 27 августа 1939 года арестовали Ариадну. 10 октября 1939 года — Сергея. 31 августа 1941 года Марина покончила жизнь самоубийством. Сергея расстреляли 16 октября того же года. Ариадну приговорили к восьми годам лагерей за «шпионаж» и реабилитировали только в 1955 году.

Младшую сестру Марины Анастасию арестовали еще раньше — в 1937-м и приговорили к десяти годам лагерей по обвинению в «контрреволюционной пропаганде и агитации и участии в контрреволюционной организации». После освобождения и реабилитации, начиная с шестидесятых годов, Анастасия Ивановна часто приезжала в Крым, в Коктебель и Феодосию. В последний раз она побывала на полуострове в ноябре 1988 года со съемочной группой, работавшей над телевизионным фильмом о ее старшей сестре.

В 1913 году в Коктебеле в, может быть, самые счастливые дни ее жизни, Марина Цветаева написала:

«Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед».

Кстати.

Цветаевские костры «зажигают» в Европе, Азии, Африке, Америке и Австралии.

**Жив ты или помер, главное, чтоб в номер
матерьял успел ты передать
(Военные корреспонденты в Великой
Отечественной войне и специальной
военной операции на Украине)
«Крымское эхо», 19.10.2022**

Начну с цитаты. «Каждое утро обходишь каналы военкоров. Многих — не только этих, уже выросло целое поколение местных донецких военкоров, уже и новая смена подросла в России. Но именно они освещали русскую весну, донбасскую войну с первых дней, дружили с Захарченко, знали всех легендарных полевых командиров, и прочая, прочая.

Пегов, Коц, Поддубный, Стешин, Сладков.

В который раз вся разумная страна ждет их слова, их весточки. И что хочю сказать, может вы не знаете. В девяти случаях из десяти они вовсе не обязаны лезть под пули, заходить с штурмовыми группами в еще не взятые города, дворы, здания. То есть, если б они этого не сделали бы — с них бы никто не спросил. Зарплата была бы точно та же.

Но они делают это из раза в раз, из года в год.

Это невероятные люди, я всех их знаю. Их всех надо если не в школе, то на филфаках проходить на отдельном спецкурсе «Военкор: как стать героем». Тем более, что почти все они — пишущие: Пегов отличный поэт, Стешин — рассказчик, Сладков, скажем так, мемуарист.

Привет им, поклон, благодарение».

Офицеры и ополченцы русской журналистики

Это слова Захара Прилепина. Он сам — не только один из больших современных русских писателей и один из перспективных современных русских политиков, но и совершенно выдающийся военный корреспондент, солдат, воевавший в Чечне и на Донбассе. Его документальный роман «Некоторые не попадут в ад» и сборник рассказов «Ополченский романс» принадлежат к этому роду журналистской литературы и точно станут клас-

сикой. Уже стали. А еще у Прилепина есть великолепная, сверхактуальная книга публицистики «Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы».

Сегодня, в дни специальной военной операции на Украине, военный корреспондент — не только главная специализация в журналистике, но и одна из главных, одна из важнейших профессий в стране в целом. От военных корреспондентов мы узнаем настоящую, окопную правду войны, узнаем о ее героях и антигероях, о подвигах и преступлениях, о самопожертвовании и предательстве.

Слава богу, в этой профессии у нас есть образцы, на которые можно равняться. Образцы, равных которым нет больше ни у кого в мире. Это совершенно точно. Их дала нам Великая Отечественная война, с которой часто сравнивают нынешнюю специальную военную операцию. Аналогия здесь, конечно, не полная. С не меньшим основанием мы можем, например, сравнивать СВО с войной Гражданской. Но и от Отечественной в спецоперации тоже немало — прежде всего, то обстоятельство, что воюем мы, конечно, не с Украиной, а с пресловутым коллективным Западом. Украина в этой истории — всего лишь... запущенный из Вашингтона дрон. При этом киевские войска вооружены не только американским, французским и немецким оружием, но и уходящей своими корнями в Германию периода Третьего рейха националистической идеологией. «Герои» Бандера и Шухевич, которым слава на сегодняшней Украине, — прямые пособники Гитлера. И их современные последователи из «Азова», «Кракена», «Батальона имени Номана Челебиджихана» и офиса президента Украины — тоже прямые пособники не только Байдена, но и Гитлера.

Штык и перо, перо и штык

Однако вернемся от их «героев» к нашим.

Великая Отечественная война дала нам выдающиеся образцы военной журналистики в исполнении Михаила Шолохова, Константина Симонова, Ильи Эренбурга, Евгения Халдея, Бориса Полевого, Александра Твардовского, Евгения Долматовского, Леонида Леонова и многих-многих других.

Она же дала нам, кстати говоря, и выдающиеся образцы художественной литературы, которая естественным образом выросла из журналистской работы на фронте.

Всего один пример. Из Шолохова. Его знаменитый рассказ «Наука ненависти» написан для газеты «Правда» и там же впервые опубликован 22 июня 1942 года. То же самое касается другого, еще более известного рассказа классика «Судьба человека», с той разницей, что он был написан уже после войны и опубликован в «Правде» в двух номерах — 31 декабря 1956-го и 1 января 1957 года — такое тогда было новогоднее чтение у нашего народа вместо «голубых огоньков» с пугачевыми и галкиными.

На второй день после начала Великой Отечественной Шолохов телеграфировал в Москву: «Наркому обороны Тимошенко. Дорогой товарищ Тимошенко. Прошу зачислить в фонд обороны СССР присужденную мне Сталинскую премию... (Ленинскую раньше отдал на строительство школы в станице Каргинской. — Прим. Авт.) По Вашему зову в любой момент готов стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину и великое дело Ленина-Сталина». Подпись: «Полковой комиссар запаса РККА, писатель Михаил Шолохов».

Выполняя задания редакции, Шолохов служил на Западном, Южном, Юго-Западном, Сталинградском, Третьем Белорусском фронтах. Получил тяжелую контузию. Награжден боевыми медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией». Его рассказ «Судьба человека» и главы из романа «Они сражались за Родину» — лучшее из того, что написано о войне. Жаль, роман не успел закончить. Или, точнее, не захотел сохранить в том виде, в котором закончил. Камин в шолоховском доме в Вешенской — немой тому свидетель. В его чреве, по рассказу младшего сына писателя Михаила, сгорела рукопись романа.

Помните Владимира Владимировича? Другого — Маяковского. Он просил к штыку приравнять перо. Но бывает, литераторам приходится поступать и наоборот: брать вместо пера в руки настоящее оружие. В Вешенской, в доме-музее Шолохова, среди экспонатов — не только рукописи его книг, но и оружие — маузер и ППШ, с которыми писатель и военкор прошел всю войну.

Русская литература о Великой Отечественной — лучшее, что написано о войне в истории человечества. Это касается и военкорской литературы Михаила Шолохова, Константина Симонова, Бориса Полевого, Александра Твардовского и лейтенантской прозы Юрия Бондарева, Виктора Некрасова, Василя Быкова, Григория Бакланова, Бориса Васильева, Константина Воробьева, Вячеслава Кондратьева, Виктора Курочкина.

Никто, никогда и нигде так о войне не написал. Увы, в годы перестройки, ускорения и нового мышления эта литература была незаслуженно, преступно оболгана и оклеветана и от того до сих пор так до конца и не оценена. Однако она у нас есть, и вместе с ней есть образцы, на которые ориентируется нынешнее поколение военкоров, работающих на фронтах специальной военной операции и должны ориентироваться наши студенты-журналисты, если мы, конечно, хотим, чтобы у нашей страны было будущее.

Как стать героем

Я вынес в название этой статьи строки из «Песенки военных корреспондентов», написанной поэтом Константином Симоновым и композитором

Матвеем Блантером в 1943 году: «Жив ты или помер, главное, чтоб в номер матерьял успел ты передать». Строки, в которых содержится квинтэссенция журналистского ремесла. И строки, замечу, вымаранные из текста стихотворения поздней советской цензурой. Вымарали из него и еще некоторые настоящие ценности войны и журналистики. Например — ...водку, без которой не бывает ни войны, ни журналистики, ни Победы. Строку «от ветров и водки хрипли наши глотки» заменили на «от ветров и стужи петь мы стали хуже». Вымарали и... Крым. Полностью убрали строфу: «Помянуть нам впору мертвых репортеров. Стал могилой Киев им и Крым. Хоть они порою были и герои, не поставят памятника им». Памятники, правда, отдадим должное, военным журналистам поставили — в том числе и у нас в Симферополе.

Военкоры были героями тогда, в годы Великой Отечественной, они остаются героями и сегодня, в дни спецоперации на Украине. А их профессиональный кодекс чести можно отыскать в полной версии вышеупомянутой «песенки», которая, несмотря на уменьшительно-ласкательный суффикс, содержит большую Правду о войне и журналистике.

Имена и фамилии тех, кто продолжает сегодня дело Шолохова и Симонова я уже называл: это Семен Пегов, Александр Коц, Евгений Поддубный, Дмитрий Стешин, Александр Сладков, Анна Долгарева и многие-многие другие.

Помните идею Прилепина о спецкурсе «Военкор: как стать героем». Это не красное словцо. Это то что нужно делать здесь, у нас, в Крымском федеральном университете и в других университетах, где готовят журналистов, сегодня. Или, точнее, то что нужно было сделать вчера.

Вместо составления бесконечных канцелярских бумажек, планов, отчетов и графиков и переписывания слева направо и справа налево пресловутых РПД — прошу не путать с ППШ, РПГ, РСЗО и ЗРК. РПД — это всего лишь «рабочая программа дисциплины».

Все, что делает эта бюрократическая квазиактивность, — отнимает у ученых и преподавателей время, которое они должны тратить на совсем-совсем другое. От этого зависит судьба страны. В буквальном смысле зависит, не в фигуральном.

А в засилье бесконечных канцелярских бумажек, планов, отчетов и графиков можно усмотреть разное. Можно — недомыслие, можно — глупость, а можно — сознательный саботаж реальной работы на Победу.

И что положено кому, пусть каждый совершит

У нас в высшем образовании такие же проблемы, как в армии. Я тут снова Прилепина процитирую: «Разнообразная проштрафившаяся бюрократия в последние полгода совершала беспрецедентные атаки на всех

военкоров — лишь бы никто не узнал про их чудовищные косяки. Именно поэтому Путин догадался однажды прямо с военкорами поговорить, сам. Накануне харьковской беды, дней за десять начали сначала мягко, а потом все жестче и жестче писать о возможности катастрофы.

Всякий раз вся московская рать диванных аналитиков кидалась в атаку, получая вполне ожидаемые комментарии лохов под своими эскападами: «да ну этих военкоров, ноют и ноют, перестала им верить...» «Лайки зарабатывают!».

Нужно иметь невероятную нервную систему, чтоб пробираться сквозь эту человеческую подлость и глупость».

Так вот, я боюсь, как бы не пришлось Президенту встречаться с учеными и преподавателями для того, чтобы узнать правду не только о том, что происходит в армии, но и о том, что происходит в высшем образовании.

Подумайте об этом.

И тоже испугайтесь — кому есть чего бояться.

Мы должны приблизить преподавание журналистики к жизни. Иначе ничего хорошего не будет. Иначе мы будем продолжать выращивать здесь вместо военных корреспондентов исследователей и исследовательниц гендерной проблематики.

Мы должны реабилитировать высокое понятие пропаганды — незаслуженно оболганное и оклеветанное в рамках засилья псевдошколы западной журналистики. Потому что пропагандировать означает убеждать. А убеждать — это высочайшая функция настоящей журналистики.

Мы должны раз и навсегда объяснить студентам, что журналист без собственного мнения, без собственной позиции — это не журналист, а робот. Что именно равнодушие, стремление оказаться в гуще событий, рассказать другим о том, что ты увидел, убедить других в собственной правоте — обязательные качества, без которых никакого журналиста из студента не получится.

Мы должны сами понять и объяснить студентам, что стандарт «журналист должен находиться «над схваткой» и давать две точки зрения» — это лишь один из возможных форматов подачи материала, и не более того, а вовсе не высеченная в камне истина. Иначе главреду «Красной Звезды» пришлось бы загонять Шолохова и Симонова в окопы к гитлеровцам, а главреду «Комсомольской правды» — Коца и Стешина в окопы к бандеровцам.

Незадолго до своей кончины Михаил Александрович Шолохов попросил дочь Светлану напомнить ему слова из песни военных лет «В лесу прифронтовом». И когда услышал: «И что положено кому, пусть каждый совершит!» — проговорил: «Да, правильно, вот так...».

У нашей современницы, харьковчанки, военного корреспондента Анны Долгаревой, которая обязательно войдет в историю русской литературы еще и как замечательная поэтесса, есть стихотворение «Совсем не о войне».

«В город пришла война.
В город ложатся мины.
В городе разорвало водопровод,
и течет вода мутным потоком длинным,
и людская кровь, с ней смешиваясь, течет.

А Серега — не воин и не герой.
Серега обычный пареньь.
Просто делает свою работу, чинит водопровод.
Под обстрелом, под жарким и душным паром.
И вода, смешавшись с кровью, фонтаном бьет.

И, конечно, одна из мин
становится для него последней.
И Серега встает, отряхиваясь от крови,
и идет, и сияние у него по следу,
и от осколка дырочка у брови.

И Серега приходит в рай — а куда еще?
Тень с земли силуэт у него чернит.
И говорит он: «Господи, у тебя тут течет,
кровавый дождь отсюда течет,
давай попробую починить».

Каждый из нас должен совершить то, что ему положено.

Что вычитал у Данилевского Путин (Двести лет назад родился философ, который знал, почему Европа враждебна России) «Парламентская газета», 09.12.2022

Минувший год прошел в России под знаком Федора Михайловича Достоевского, двухсотлетие которого мы отметили 11 ноября 2021-го. Нынешний проходит под знаком Николая Яковлевича Данилевского, чье двухсотлетие будет отмечаться 10 декабря. Два грандиозных юбилея великих русских консервативных мыслителей как будто специально выстроились в ряд в это историческое для России время, чтобы напоминать об их идеях гражданам нашей страны — от школьников и студентов до Президента.

На чем будет основываться новый миропорядок

Выступая 27 октября на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», Владимир Путин процитировал и Достоевского, и Данилевского. Федора Михайловича Президент вспомнил, говоря о нетерпимости современного неолиберализма. «Все это еще в XIX веке пророчески предсказал Федор Михайлович Достоевский. Один из персонажей его романа «Бесы» — нигилист Шигалев, так описал выдуманное им светлое будущее: «выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом», — заметил Путин.

Данилевский «пригодился» Президенту для аргументации тезиса о многообразии мира. По его словам, Россия не бросает вызов элитам Запада, а всего лишь отстаивает свое право на существование и свободное развитие. «При этом мы сами не собираемся становиться каким-то новым гегемоном. Россия не предлагает заменить однополярность двухполярностью, трехполярностью и так далее, доминирование Запада — доминированием Востока, Севера или Юга. Это неизбежно привело бы к новому тупику», — объяснил Путин и добавил: «...хочу здесь привести слова великого русского философа Николая Яковлевича Данилевского, который считал, что прогресс состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении, как нас подталкивают некоторые наши оппоненты, — в таком случае прогресс скоро бы прекратился, говорит

Данилевский, — а в том, чтобы «исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях». И он добавляет, что ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития».

Смысл нынешнего исторического момента состоит в том, что перед всеми цивилизациями, государствами и их интеграционными объединениями действительно открываются возможности для своего, демократического, оригинального пути развития. Новый миропорядок должен основываться на законе и праве, быть свободным, самобытным и справедливым, убежден Президент России.

На Валдае Путин не впервые цитировал Данилевского. Еще в ноябре 2018 года, выступая на XXII Всемирном русском народном соборе, Президент говорил: «В одном не сомневаюсь точно: голос России в мире будущего будет звучать достойно и уверенно. Это предопределено и нашей традицией, и нашей внутренней духовной культурой, самосознанием и, наконец, самой историей нашей страны как самобытной цивилизации, уникальной, но не претендующей самоуверенно и хамовато на свою исключительность. Потому что невозможно представить историю человечества без таких же неповторимых цивилизаций, как Индия, Китай, Западная Европа, Америка и многих других. Это действительно многоликая сложность, каждая грань которой дополняет и обогащает друг друга. И здесь хочу напомнить слова выдающегося русского мыслителя XIX века Николая Данилевского: «Ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтобы она представляла высшую точку развития...».

Место встречи изменить нельзя

Главные юбилейные мероприятия, посвященные двухсотлетию Данилевского, проходят в Крыму. Место встречи выбрано не случайно: он много лет жил и работал на полуострове. В октябре по инициативе Государственного совета республики состоялась научная конференция «Н. Я. Данилевский — русский гений». Николай Яковлевич Данилевский заложил идейный и теоретический фундамент современной концепции Русского мира и для Крыма, и для всей России, отметил, обращаясь к участникам форума, спикер регионального парламента Владимир Константинов. По его словам, концепция Русского мира Данилевского сегодня актуальна, как никогда. Об этом свидетельствует хотя бы то, с какой яростью на это словосочетание — «Русский мир» — набрасываются все ненавистники России, стремящиеся сдержать развитие нашей страны, остановить распространение ее влияния в современном мире.

«Очень символично и совсем не случайно такой научный диалог происходит именно в Крыму. Здесь создан его основополагающий труд — «Россия и Европа», здесь находится святое место его захоронения, здесь неоднократно

происходили знаковые, поворотные в формировании Русского мира события. Где еще, как не в Крыму, говорить о перспективах развития нашей цивилизации или, по определению Данилевского, нашего культурно-исторического типа?!», — заметил Константинов.

В день рождения мыслителя, 10 декабря, пройдет заседание консервативного Ливадийского политического клуба, который был создан в 2018 году как неформальное объединение сторонников идеи Русского мира. «Название клуба и место проведения его ежегодных заседаний в Ливадийском дворце символизирует преемственное единство между имперской, советской и современной эпохами развития Русского мира», — говорилось в решении о его создании. Среди тех, кто поставил свои подписи под резолюцией об учреждении клуба, — историки и политологи Сергей Киселев и Андрей Никифоров, директор Центрального музея Тавриды Андрей Мальгин, президент Фонда развития институтов гражданского общества Алексей Кочетков, профессор Высшей школы экономики Дмитрий Евстафьев, директор Института Русского зарубежья Сергей Пантелеев, философы и публицисты Борис Межуев и Дмитрий Выдрин и многие другие, включая автора этих строк.

Данилевский был крупнейшим русским философом XIX века — без преувеличения, властителем дум тогдашней патриотической России. Чтобы познакомиться с мыслителем, Лев Николаевич Толстой пешком ходил из Симеиза в Мшатку, а это, между прочим, двадцать километров. Федор Михайлович Достоевский называл «Россию и Европу» «будущей настольной книгой всех русских надолго». Однако, увы, в советские годы идейное наследие Данилевского оказалось невостребованным — впервые после 1895 года «Россия и Европа» была переиздана в нашей стране только в 1991 году.

В имении философа в Мшатке открыли пионерлагерь, а его могилу заасфальтировали и устроили над ней спортивную площадку. Из-под «асфальта забвения» мыслителя извлекли в середине девяностых годов прошлого века крымские ученые во главе с политологом и географом Сергеем Киселевым. Был среди тех, кто с киркой и ломом возвращал Данилевского к «жизни после смерти», и я.

Око за око, зуб за зуб

По традиции, участники юбилейного заседания Ливадийского клуба отдадут дань памяти Данилевскому на его могиле в «Кипарисовом зале» в Мшатке, а потом переберутся в «Белый зал» Ливадийского дворца, чтобы обсудить «место и роль Русского мира в формирующемся новом миропорядке».

Из далекого XIX столетия Данилевский предвидел многое из того, что происходит с нами прямо сейчас и будет происходить в будущем. Одна из глав его книги так и называется: «Почему Европа враждебна России?».

Запад никогда не признает нас своим, пророчески заметил философ. Он, с одной стороны, видит в России нечто чуждое, угрожающее, а с другой — хочет превратить нашу страну в материал, из которого он мог бы извлекать свои выгоды, как извлекает их из Китая, Индии, Африки, большей части Америки, материал, который можно формировать и обдирать по своему образу и подобию.

«Не надо себя обманывать, — призывает философ. — Враждебность Европы слишком очевидна: она лежит не в случайных комбинациях европейской политики, не в честолюбии того или другого государственного мужа, а в самых основных ее интересах».

В борьбе против России Европа поддерживает любые антигосударственные силы внутри нашей страны. «И что же, переменялась хоть на волос Европа в отношении к России? Да, она очень сочувствовала крестьянскому делу, пока надеялась, что оно ввергнет Россию в нескончаемые смуты... Вешатели, кинжальщики и поджигатели становятся героями, коль скоро их гнусные поступки обращены против России. Защитники национальностей умолкают, коль скоро дело идет о защите русской народности, донельзя угнетаемой в западных губерниях...», — писал Данилевский. Разве не то же самое видели мы, когда Запад поддерживал чеченских террористов, или сейчас, когда он без устали снабжает оружием киевский политический режим?

Ослабление, подчинение, расчленение слишком огромной России — истинная мечта Европы. «Пусть бы соседи ополчились на Россию и, победив, стали бы распоряжаться с нею по произволу. Пусть отняли бы шведы Финляндию и даже Лапландию до Белого моря, пруссаки — якобы немецкий Прибалтийский край и часть Ковенской губернии для сохранения связи; пусть восстановленной Польше с западною Галициею отдали бы весь Северо-Западный край; Австрии в соответствии с теорией об особой русинской народности — Вольнь, Подолию и Киев, а Румынским княжествам — Бессарабию, Турции — Крым и Закавказье, последнее хоть пополам с Персией.- Услышался ли бы в Европе хотя один голос в пользу России, во имя принципа нарушенного равновесия? Конечно, ни одного! Все бы нашли, напротив, что этим-то и утверждено равновесие настоящим образом», — констатировал Данилевский.

Однако это не означает, что мы должны прервать с Европой всякие связи, оградить себя от нее Китайской стеной; это не только невозможно, но и вредно. Просто наши неизбежные сношения с Европой должны быть не интимными, родственными, душевными, а прагматичными: «В политическом отношении не может быть другого правила, как око за око, зуб за зуб,- отмеривание тою же мерою, которою нам мерят».

Рецепт от европейничанья

Есть у Данилевского и удивительно актуальные мысли о геополитическом значении Крыма для России. «Овладения морскими берегами или

даже одним только Крымом было бы достаточно, чтобы нанести России существеннейший вред, парализовать ее силы», — объясняет Данилевский из прошлого упорство, с которым Запад отказывается признавать воссоединение полуострова с Россией.

Данилевский поставил точный диагноз части нашего образованного класса. Россию истощает серьезная болезнь — европейничанье, констатировал он. «Фамусов, ввиду бесчестия своей дочери, восклицает: что скажет княгиня Марья Алексеевна! — и этим обнаруживает всю глубину своего нравственного ничтожества. Мы возвели Европу в сан нашей общей Марьи Алексеевны, верховной решительницы достоинства наших поступков. Вместо одобрения народной совести, признали мы нравственным двигателем наших действий трусливый страх перед приговорами Европы, унижительно-тщеславное удовольствие от ее похвал», — писал философ.

«Те же недоразумения, тот же туман единой истинной и спасительной европейской цивилизации отуманивает головы многих из тех лиц, которые составляют так называемую «интеллигенцию», — эти слова Данилевского написаны как будто сегодня.

Лекарством от европейничанья может служить, по мнению философа, только целебная сила исторических событий, которая одна только и может поднять дух нашего общества. Таких исторических событий, как воссоединение Крыма с Россией и специальная военная операция на Украине, добавим мы из настоящего. Так что, похоже, Президент еще не раз будет цитировать Данилевского.

Крым в прозе и публицистике Александра Проханова

***«Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки». Т.8. № 3. 2022***

ВВЕДЕНИЕ

Александр Проханов — один из крупнейших русских писателей, публицистов и общественных деятелей второй половины XX — начала XXI веков. Он вошел в историю отечественной литературы с такими произведениями, как «Дерево в центре Кабула», «Последний солдат империи», «Красно — коричневым», «Господин Гексоген», «Крым», а в историю отечественной журналистики — как военкор, один из самых страстных публицистов поздней советской и постсоветской эпох, главный редактор таких знаковых газет, как «День» и «Завтра».

Над Прохановым пытаются иронизировать, представлять его в качестве безнадежного маргинала, обвинять в графомании и отсутствии вкуса, однако история России последнего десятилетия — возвращение Крыма, восстание Донбасса, специальная военная операция на Украине, фактический распад этого государства, углубление конфликта с США и их сателлитами — наглядно демонстрирует актуальность проблематики прохановского творчества и точность его оценок и прогнозов. Больше того, на современном этапе идеология российского государства во многом совпадает с идеологией Проханова, которая в первые годы после распада СССР воспринималась как атавизм и маргинез. Великая Россия пошла по стопам «безвкусного графомана» Проханова, а не по стопам утонченных эстетов из квазилиберального литературного лагеря.

При этом важно подчеркнуть, что свои идеи, свое мировоззрение Проханов выработал, не предаваясь теоретическим рассуждениям на диване в комфортном московском кабинете, а работая репортером в горячих точках. Его ценности прошли испытание огнем афганской и чеченской войн, водой Черного и Белого морей и медными трубами «красного» и «белого» политических режимов.

Важнейшее место в жизни, творчестве, общественной и политической деятельности Александра Проханова занимает Крым. Писатель воспринимает распад Советского Союза, в результате которого от исторического российского государства были отторгнуты многие исконные земли, а вместе с ними — миллионы русских людей, не только как крупнейшую геополитическую катастрофу, но и как личную трагедию.

С тех пор Крым как регион, большинство населения которого — русские люди, как колыбель отечественного православия, как полуостров русской славы — земля, обильно политая кровью наших солдат в многочисленных войнах, постоянно находится в фокусе внимания писателя.

Своими художественными и публицистическими произведениями, общественной работой Проханов много сделал для воссоединения полуострова с Россией в 2014 году. Эта деятельность писателя отмечена памятной медалью «За освобождение Крыма и Севастополя», но гораздо важнее другое — она навсегда останется в истории отечественной литературы и журналистики, неразрывно связанной с историей нашей страны.

Изучение огромного творческого и общественно-политического наследия Александра Проханова только начинается, и эта статья призвана внести свой вклад в предстоящую длительную работу исследователей — историков, литературо- и журналистиковедов, политологов, политтехнологов, философов. Как точно заметил еще пятнадцать лет назад Лев Данилкин, «человеку, решившему ознакомиться с творчеством Александра Проханова в полном объеме, лучше всего первым делом пойти в отдел кадров и отнести туда заявление об увольнении по собственному желанию» [2].

Цель исследования:

— изучить роль Крыма в жизни, творчестве, общественной и политической деятельности Александра Проханова и, одновременно, роль самого писателя в истории полуострова.

Задачи:

— проанализировать обращения автора к крымской тематике в его художественных и публицистических произведениях; выделить «самые крымские» тексты писателя;

— описать образ Крыма в творчестве Проханова;

— продемонстрировать и объяснить неразрывную связь художественного творчества Проханова с его общественной и политической деятельностью;

— охарактеризовать связь представлений Проханова о Крыме, России, Украине с представлениями его предшественников — классиков русской литературы более ранних исторических периодов;

— определить роль Проханова в воссоединении Крыма с Россией.

Методы исследования — описательный; историко-генетический, позволяющий выявить связь между традициями русской литературы и представлениями писателя; биографический, устанавливающий зависимость между жизнью, творчеством и политической деятельностью Проханова.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней предпринимается одна из первых системных попыток изучить роль Крыма в жизни, творчестве, общественной и политической деятельности такого яркого героя отечественной истории последних десятилетий, как Александр Проханов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Распад СССР — ключевое историческое событие, определившее главное содержание литературного, журналистского, политического творчества Александра Проханова. Пережив крушение родины как личную трагедию, писатель всю последующую жизнь стремится к собиранию потерянных русских земель и людей.

В 1991 году он написал «Слово к народу», подписанное, кроме Проханова, другими классиками отечественной словесности — Юрием Бондаревым и Валентином Распутиным.

«Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие. И эта погибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии» [18], — говорилось в этом документе эпохи.

«Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и велеречивые власти-тели, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего — обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у всесильных соседей?.. Неужели допустим вторично за этот век гражданский раздор и войну, снова кинем себя в жестокие, не нами запущенные жернова, где перетрутся кости народа, переломится стеной хребет России?» [18] — задавались пророческими вопросами Проханов и его единомышленники.

Увы, как мы знаем теперь, — допустили.

Оказавшийся в результате распада СССР в составе независимого украинского государства, позиционировавшего себя сначала как «не-Россия», а затем как «анти-Россия», Крым находится на острие драматических исторических процессов, и прежде всего этим обстоятельством определяется пристальный интерес Проханова к полуострову.

По мнению писателя, Таврида — не просто одна из ключевых точек, а «столица Русского мира». Здесь крестился святой равноапостольный князь

Владимир, здесь сражались за Россию Суворов, Кутузов, Нахимов, Корнилов, Истомин, отсюда уходила в изгнание Русская армия Врангеля, здесь бились с фашизмом герои Севастополя и Керчи во время Великой Отечественной войны.

Связан с Крымом и распад Советского Союза. В роковые дни августа 1991 года на полуострове, в Форосе, «отдыхал» от государственных дел первый и последний президент СССР Михаил Горбачев. Эти события отражаются в романе Проханова «Гибель красных богов». Герои или, точнее, антигерои романа — советники Горбачева — строят в президентской резиденции геополитические «замки на песке». Действие происходит в буквальном смысле в песочнице, символизируя качество этих «государственных прожектов».

Среди возводимых «строений» — зал Братства Мира, зал Экономики Мира, зал Птицы Мира, «куда один из советников, тощий, с английскими седыми усами, положил мертвого воробья. Другой советник, весь в складках прозрачного жира, ловил бегающих вокруг муравьев, заталкивал внутрь сооружения, мешая покинуть песочный замок. Сооружение росло, наполнялось обитателями, а советники, счастливые, неумолимые, воплощали в жизнь свой кровавый проект» [4].

Муравьи — это граждане отсчитывающего свои последние дни СССР, которых под присмотром послов Франции и Великобритании насильно заталкивают в отдельные псевдонезависимые государства. Советский Союз растворяется, распускается под демагогическую болтовню Горбачева о том, что планета — наш общий дом, а «ядерный чемоданчик» президента превращается в хранилище для купальника его жены и маленькой крымской ракушки.

Проханову очевидна глобальная цель «коллективного Запада», которая заключается в расчленении и уничтожении России с целью воспользоваться ее огромными природными ресурсами для поддержания нынешнего уровня потребления и благосостояния пресловутого «золотого миллиарда». В 2002 году, в статье «Полковнику Путину никто не пишет» Проханов отмечал: «Американские дровосеки раскалывают Россию, как березовый чурбак. В распиленный торец с кольцами тысячелетней империи, в радиальные трещины вбивают аккуратные клинья. Несколько — в Среднюю Азию. Еще один — в Грузию. Другой — в Крым. Третий — в Приморье. Осторожно постукивают, расширяют трещины, вгоняют новые клинушки. Чтобы с последним ударом распалась огромная деревянная плаха. Не разлетелась с грохотом в разные стороны, а с мягким треском развалилась грудой поленьев. Долби себе каждое по отдельности колуном, бери в охапку, тащи в печь «нового мирового порядка» [12].

«Уже прозвучали из уст крупнейших политиков Запада слова об «интернационализации» российских ресурсов. Войны будущего будут вестись за нефтяные поля Западной и Восточной Сибири, за пресную воду Бай-

кала и Онежского озера, за пространства русской Евразии, позволяющей в сжатые сроки перебрасывать нефть с Таймыра в Китай, товары из Токио в Берлин...» [17], — замечал Проханов в 2006 году в очерке «Сияющий меч державы». И прогнозировал, что США и их союзники будут стремиться дестабилизировать Россию, провоцируя внутренние смуты и конфликты.

Писатель критиковал тогдашнюю политику России, отказывающейся поддерживать русское движение в Крыму, Абхазии, Приднестровье и других регионах. Бандеровская, нацистская природа постсоветской Украины стала очевидной для него намного раньше, чем для облеченных государственной властью кремлевских политиков. Еще в 1997 году Проханов опубликовал статью с говорящим названием: «Гитлер и Бандера в гостях у Ельцина», в которой констатировал: тогдашний президент России отдал русский Крым украинским националистам — последователям фашистской идеологии.

В 2006 году, в очерке «Империя Полярной звезды», Проханов, анализируя «непрестанную склоку» между Украиной и Россией, отмечал: «В этом пестром и затейливом ворохе маскируются две встречные тенденции, создающие долговременный, не поддающийся урегулированию конфликт. Первая тенденция — Украина, выпавшая из гнезда СССР, стремится что есть мочи стать суверенным, самодостаточным, национальным государством. Вторая тенденция — после пятнадцатилетнего обморока затоптанная либеральными башмаками Россия вновь начинает осознавать себя империей, втягивает гравитацией своего континента отвалившиеся «дурные» окраины. Две эти тенденции сталкиваются, как океанская и речная вода, создавая бурлящий слой непрерывных противоречий» [6].

По оценке Проханова, Украине мешает стать полноценным национальным государством мощный русский компонент населения в Крыму и Левобережье, тяготеющий к России, а также экономическая ущербность и недостаточность этого «огрызка» СССР. Помогает — протекторат Америки и Европы, стремящихся «отцепить» Украину от России, и воля киевского руководства, сделавшего национальный, «европейский» выбор.

«Этот тлеющий, похожий на гниение конфликт будет длиться как угодно долго, вплоть до «глобального обвала», предполагающего смещение центров влияния и новый «передел мира» [6], — прогнозировал писатель. Сегодня, в году 2022-м, мы не просто наблюдаем, а переживаем этот «глобальный обвал».

«Мощный русский компонент населения в Крыму» сначала на протяжении 23 лет удерживал независимую Украину в российской орбите, не позволял ей превратиться в откровенно антироссийское государство, заставлял захвативших власть в Киеве националистов считаться с русским фактором. Когда же это стало невозможно, после событий на майдане и государственного переворота 2014 года, Крым просто ушел из Украины домой, к родным

берегам. Вслед за ним двинулись Донбасс, Новороссия, Слобожанщина. Этот распад постсоветской Украины в ее неестественных, а еще точнее — противоестественных границах продолжается на наших глазах.

Исторические события, героями, статистами, свидетелями, жертвами которых мы являемся, — не что иное, как продолжение тектонических сдвигов, вызванных крушением СССР — величайшей геополитической катастрофы не только XX-го, но и XXI века. Это длящийся во времени процесс, который растягивается на десятилетия — долгие для конкретного человека и ничтожные по меркам истории.

Критикуя в нулевых годах XXI столетия государственную политику России в Крыму и на всем постсоветском пространстве, Проханов одновременно замечал, что еще не поздно поменять ход игры, перехватить инициативу и переломить ситуацию.

Этот перелом наметился в 2008 году, в ходе пятидневной российско-грузинской войны, которую писатель характеризовал как первую авангардную войну возрождающейся России. По его мнению, это было первое столкновение новой России с НАТО, в ходе которого наша страна доказала, что больше не будет отступать. «Пружина, которую так жестоко согнули в 1991 году, стала распрямляться» [13], — констатировал Проханов.

Ключевым событием на пути возрождения России стало возвращение Крыма. За три дня до исторического референдума, 13 марта 2014 года, Проханов опубликовал статью «Крымское вино победы», в которой писал: «В девяносто первом году по русским нанесли страшный удар. Оглушили, изрезали, исполосовали. Отсекли самые сочные, цветущие ломти государства. А чтобы русские не восстали и не закричали, их топтали и мучили все девяностые годы. И все обрубки русского государства кровоточили и исходили болью. И вот наступает исцеление. Русские просыпаются, русские восстают из глени и стряхивают прах. Русские сбрасывают страшное иго и идут в свой новый поход, в свое победное шествие, идут, как весна. Чаша великого государства, расколота варварами и негодьями, начинает склеиваться» [10].

Среди причин, по которым Крым дорог сердцу русского человека, Проханов называет историю полуострова, тесно связанную с историей России, начиная с крещения святого князя Владимира, и преломившуюся в творчестве Александра Пушкина, Льва Толстого и других классиков отечественной литературы.

«В крымском воздухе, в его соленом ветре, в знойных дуновениях, в ароматах роз содержится таинственный эликсир, который страстно вдыхали русские художники и писатели. Этот сладостный эликсир вдохнул Пушкин, когда писал:

«Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел nereиду...».

Этот воздух пил и не мог напиться Максимилиан Волошин, писавший в Коктебеле свои грозные стихи. Бунин, Чехов, Горький... В Ялте каждый камень, каждый цветущий куст может рассказать нам о них.

В Ливадийском дворце на берегу бирюзового моря стояли три кресла, в которых восседали Сталин, Рузвельт и Черчилль. И Сталин самшитовым прутиком чертил на песке план будущего послевоенного мира.

Крым своей волшебной росой во все века, во все времена окропляет государство российское, не давая ему исчахнуть» [8], — убежден Проханов.

В упоминавшейся выше статье «Крымское вино победы» писатель также объяснил причины, по которым жители полуострова решили вопреки угрозам Киева и давлению так называемого международного сообщества вернуться в Россию. По его мнению, это произошло прежде всего потому, что крымчане отказались жить под властью пришедших к власти на Украине неонацистов. «На западе украинские города один за другим становились фашистскими. Их жуткая ненависть к русским, яд фашистской энергии хлестнули из Киева по левобережным городам Украины. Русским показали, как выглядит их плаха, как висит над ними топор, как раскачивается над ними петля. Если в сорок третьем фашисты тысячами убивали евреев и сбрасывали их в Бабий Яр, то теперь носители свастик готовы отрыть на Левобережье гигантский котлован и сбросить в него тела двадцати миллионов русских» [10], — писал Проханов.

Крым восстал первым из русских регионов, оторванных от исторической родины в результате распада СССР, и Россия наконец поддержала этот порыв. Писатель уверен: этот грандиозный шаг свидетельствует о том, что Россия поднялась на новый исторический уровень, вновь обрела утерянный было смысл своего существования.

После референдума о воссоединении Крыма с Россией, 20 марта 2014 года, Проханов опубликовал статью, которая называется «Путин Таврический», «уравняя» таким образом президента России с Григорием Потемкиным-Таврическим, который присоединил полуостров к нашей стране в конце XVIII столетия.

«Крым — как драгоценная перламутровая раковина среди зеленых восхитительных вод. Приложи к ней ухо, и услышишь таинственную музыку русской истории. Но это — поэтический образ, сквозь который просматривается жесткая схватка континентов, стран, политических систем, идеологических моделей» [14], — писал Проханов.

Сравните маленькую крымскую ракушку в ядерном чемоданчике Горбачева и драгоценную путинскую перламутровую раковину, в которой звучит таинственная музыка русской истории.

В 2014 году Россия вступила в посткрымский период своей истории, который характеризуется новой холодной войной, экономическими сан-

кциями, информационными атаками Запада и «спецоперациями» внутренней пятой колонны, констатировал Проханов. Реакцией на это должна стать духовная мобилизация. Кончился период безмятежных развлечений, легкомысленной иронии, либеральных разглагольствований о свободе и либерального скепсиса по отношению к российскому государству.

«Государство еще раз являет себя выразителем национальной воли и народной судьбы. Консолидация народа вокруг государства и вера в него даст спасительную силу среди угроз и напастей мира сего, станет содержанием общественной жизни во многих ее проявлениях. Нам предстоит работа, пусть запоздалая, но неизбежная, по преобразованию общества. Спасибо Крыму с его курортами и его севастопольской базой» [14], — писал Проханов.

В художественном пространстве воссоединение полуострова с Россией осмысливается писателем в романе «Крым», который увидел свет в том же 2014 году. Сюжет не связан с событиями, приведшими к возвращению полуострова в родную гавань, книга писалась раньше, тем не менее, Крым неслучайно оказался на обложке романа. Он становится символом грядущего духовного преображения главного героя романа Евгения Лемехова, новой обетованной землей, в которую стремится его душа.

Возвращение Крыма знаменует собой возвращение Россией статуса сверхдержавы, начало собирания русских земель и, одновременно, становится вызовом самому существованию нашей страны. Лемехов говорит в романе: «Наш президент дал нам задание. Не только нам, оборонщикам, но и всему народу. В кратчайший срок преодолеть двадцатилетнее отставание. Перепрыгнуть яму, которую вырыли нам либералы. Успеть до начала крупного военного конфликта восстановить оборону, оснастить армию сверхсовременным оружием. Если нет, то нас сомнут, как сказал Сталин. Он-то знал, что до начала войны остаются считанные годы. Тогда Советский Союз дни и ночи строил танки, отливал орудия, запускал самолеты. Это был гигантский рывок, ведущий к Победе. Сейчас мы должны повторить этот тигриный бросок. Не догонять Запад, а, как тигр, срезать угол. Выйти наперерез и оказаться впереди» [7]. Напомним, роман вышел в 2014 году. Крупный военный конфликт, о котором говорит Проханов устами Лемехова, начался восемь лет спустя — в 2022-м.

Для Проханова Крым — не столько географический или исторический объект, сколько глобальное Русское чудо, которым заканчиваются скитания Лемехова, писал в «Российской газете» литературный критик Шамиль Керашев.

«Крым — это метафора, — пояснял в свою очередь сам писатель журналисту «Комсомольской правды» Александру Гамову. — Это не тот Крым, который недавно к нам вернулся, и мы все видели эту блестящую операцию, эти референдумы и эти толпы людей, и этих вежливых в зеленом одеянии

спецназовцев. Нет, в моей книге Крым — как русская мечта, как русское чудо. Это олицетворение тех таинственных и лучезарных надежд, которые русский народ питал после страшной драмы 1991 года, когда он был ранен, когда он был унижен, когда он был повергнут в прах. И вот из этого праха, из этой тьмы русская мечтательность, русская вера и русская надежда обрела вот эту волшебную метафору Тавриды, Тавриды — Крыма русского» [1].

Анализируя воссоединение полуострова с Россией, Проханов заглядывает в будущее: по его мнению, за Крымом последуют Донецк, Луганск, Харьков, Запорожье, Днепропетровск, Николаев, Одесса. Символом этого собирания русских земель является священный холм в Изборске, куда Проханов с его единомышленниками по консервативному политическому Изборскому клубу всыпали землю из самых значительных мест Крыма — Херсонеса, Ливадии, Сапун-горы, Малахова кургана.

Первая религия русских людей — это православие, а вторая, по Проханову, — это государство. Читаем в романе «Виртуоз»: «Для русских людей государство — это вторая религия. Вся история русских — это летопись обретения государства и его потери, неоглядные беды и траты, связанные с этой потерей, и новые траты — для восстановления павшего государства. Русские готовы платить, не считаясь, за создание государства, ибо знают страшную цену, которую платит народ, теряя свою суверенность» [3].

Согласно геополитическим построениям Проханова, история российского государства — это история пяти империй. Первой была Киевская Русь. Второй — Московское царство Рюриковичей. Третей — «белое царство» Романовых. Четвертой — «красный» Советский Союз. И, наконец, сейчас мы являемся свидетелями (и участниками) зарождения Пятой империи.

Рассматривая историю России сквозь призму прохановских идей, мы видим, что территории современной Украины входили в состав всех четырех предыдущих империй и сейчас возвращаются в состав Пятой в силу геополитической логики, в силу естественного исторического, языкового, культурного притяжения, которое не могут преодолеть носители украинской националистической идеологии и их американские и европейские «кураторы». Это возвращение началось с воссоединения Крыма с Россией и продолжается интеграцией Донецкой и Луганской народных республик, а за ними — освобожденных территорий Херсонской, Запорожской и Харьковской областей. Воссоединение Крыма с Россией стало, по Проханову, ключевым этапом зарождения и развития Пятой империи. Без Тавриды не было бы и не будет новой России.

«Пятая империя объявит русский народ «разделенным народом», возвращая соотечественникам за пределами изуродованной России веру в то, что они не брошены, не оставлены в плену отступившим воинством. Их видят, помнят, станут вызволять из плена. Это вернет русским по обе стороны

временно проведенных «демаркационных линий» чувство общности, «сборности». Русские в Крыму, в Харькове, в Семипалатинске, в Приднестровье и в Нарве станут не обреченным арьергардом убегающих, разгромленных армий Четвертой империи, а сражающимся авангардом атакующей Пятой империи — гвардией «имперских пространств» [11], — писал Проханов.

При этом его Пятая империя — это не национальное русское государство, а именно многонациональная империя, опирающаяся в своем строительстве на опыт Советского Союза. Смысл национальной идеологии Пятой империи заключается в том, что «разделенным» будет назван не только русский, а все населявшие СССР народы, строившие единую великую страну, утверждает Проханов.

По его мнению, особую роль в возвращении Крыма в состав России и строительстве Пятой империи играет Владимир Путин. Первую империю писатель связывает с князем Владимиром, Вторую — с Иваном Грозным, Третью — с Петром Великим, Четвертую — с Иосифом Сталиным и Пятую — с действующим президентом России.

«Мы помним мелькнувший на телевидении эпизод, когда Путин в маске и ластах ныряет в море и достает с морского дна амфору. Иные насмешники издевались над этим постановочным кадром. Они не ведали, что Путин поднимает со дна морского не амфору, а Крым. Путин будет записан на скрижали русской истории как Путин Таврический» [13], — писал Проханов в статье «Путин — русский мечтатель».

Возвращение Крыма было возвращением в Россию сакрального центра русской государственности, раз за разом повторяет и разъясняет, расширяет, разрабатывает Проханов в своих статьях тезис Владимира Путина.

При этом, одновременно, «не Путин строит Россию, не Путин создает все новые и новые этапы, включая возвращение Крыма, а Россия строит Путина, выстраивает его сознание, душу. Осмелюсь сказать, что не Путин вернул Крым в Россию, а Крым пригласил Путина сделать это!» [16].

Вернув Крым и вместе с ним Херсонес, Россия крестилась второй раз, утверждает писатель. По его мнению, главный ресурс Тавриды — не море, не солнце и не виноград, а могучая таинственная духовная энергия православия, которая изливается на Россию уже больше тысячи лет.

23 мая 2018 года Проханов откликнулся на открытие Крымского моста статьей «С Богом! Поехали!» По оценке писателя, его строительство — это огромная экономическая и геополитическая победа. «Крым теперь соединен с коренной Россией и стал неуязвим для всевозможных экономических, водных, газовых и электрических блокад, которые постоянно устраивает Украина. По этому мосту в Крым пойдет могучая электрическая энергия, потекут потоки пресной воды, потянутся эшелоны с продовольствием, со строительным материалом, поедут туристы. А если, не дай Бог, случится

беда, по этому мосту с российского побережья двинутся танки. Мост — прочный и великолепный — выдержит хоть танковую армию [15], — прозорливо отметил писатель.

Однако, по его мнению, открытие Крымского моста имеет не только материальное, но и духовное значение. «В одну сторону по этому мосту может идти электричество, газ, продовольствие, грузы, медикаменты, туристы, а в другую сторону идет таинственная загадочная энергия, которая именуется энергией чуда, победы, уверенности. И еще неизвестно, что дороже» [9], — говорил Проханов в интервью — беседе с главой Крыма Сергеем Аксеновым.

По Проханову, каждая из пяти русских империй создает свой Большой стиль. В Первой империи это Софийские соборы Киева и Великого Новгорода, во Второй — колокольня Ивана Великого и храм Василия Блаженного, в Третей — Медный всадник, в Четвертой — сталинские высотки и, наконец, в Пятой — Мост русской мечты, символизирующий русское чудо возвращения Крыма.

По мнению писателя, возвращение Крыма в Россию можно разделить на пять этапов. Первый — это внутренняя подготовка, народное движение, которое шло на полуострове все 23 года его нахождения в составе Украины. Второй — собственно события Крымской весны 2014 года. Третий — эйфория после референдума и заключения договора о вхождении в состав России. Четвертый — сложнейшая бюрократическая, экономическая, юридическая состыковка с Россией. И пятый — нынешний, характеризующийся военнополитическим кризисом на Украине, который имеет прямую связь с воссоединением Крыма с Россией.

В глазах Проханова нелепым выглядит внутреннее деление Крыма на Республику Крым и город федерального значения Севастополь. Речь здесь идет не о бюрократической, а о духовной нелепости. «Это одна судьба, одна территория, одна стратегия, одни и те же люди» [9], — полагает Проханов.

Писатель «любит считать». Мы уже видели, что он насчитал пять этапов возвращения Крыма и пять русских империй. А еще — три великие русские горы: Мамаев курган в Сталинграде, Сапун-гора в Севастополе и Саур-Могилы под Донецком — так, среди прочего, перебрасывается еще один мост — из Крыма в Донбасс. «Кажется, что все три горы знают друг друга, находятся в таинственном общении. И когда у Саур-Могилы грохотали киевские установки залпового огня, громили величественный монумент, убивали засевших на вершине горы ополченцев, Саур-Могилы молила о помощи. И Мамаев курган, и Сапун-Гора откликнулись, пришли на помощь, спасли Донбасс» [5], — пишет Проханов.

У писателя религиозное сознание и религиозная вера в Россию. Он может повторить вслед за Тютчевым:

«Умом — Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья —
В Россию можно только верить».

Или:

«Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя».

Касаясь херсонесского колокола, Проханов понимает, что не князь Владимир выбрал православие среди других мировых религий, а православие выбрало его, а через него — и всю Россию.

«С тех пор, когда высохли брызги святой воды на кудрях крещеного князя, Христос выбрал Россию и уже никогда, вплоть до наших дней, не покидал ее. И русская история с ее муками, восхождением на Голгофу, с ее пасхальным воскрешением, с ее чудесной, неумирающей верой в благодатное царство, — все это начиналось здесь, в Херсонесе. Здесь начиналась священная история России. Херсонес и есть священный корень русской истории. И возвращение Крыма в Россию, как сказал президент Путин, вернуло русской государственности ее сокровенный священный смысл» [5], — утверждает Проханов.

Россия для писателя не только и даже не столько исторический, географический, геополитический или бюрократический, сколько религиозный феномен. По Проханову, Русский мир рождается в момент крещения князя Владимира. Крым — столица Русского мира, колыбель пяти грандиозных империй, которые одна за другой облекали и облекают русскую жизнь в плоть великого государства.

Значение Крыма — в идеологическом, духовном, метафизическом, религиозном смысле — обнаруживается сейчас в полной мере и будет становиться все сильнее, объяснял Проханов на открытии севастопольского филиала Изборского клуба. По его сравнению, мир сегодня меняет кожу, сбрасывает старый отживший либеральный уклад, на смену которому идет новый, еще до конца не ясный, источником которого являются Крым и Россия.

Непосредственно связанной с Крымом является для Проханова и борьба Донбасса за независимость и воссоединение с Россией — в его понимании это главы одной великой Русской драмы. Этой теме посвящен роман «Убийство городов», написанный в 2015 году и рассказывающий о гражданской войне на Донбассе.

Герой романа Кольчугин, прототипом которого является сам Проханов, говорит президенту России:

«— Очень много разнотолков, много разногласий. Еще недавно Крым объединил народ и власть. Между властью и народом был построен Крымский мост. Но теперь события на Донбассе расшатывают этот мост... Солнце Крыма начинает меркнуть. Народ охвачен сомнениями, боится предстоящих трудностей, страшится ссоры с Америкой. И невыносимо для русского сердца зрелище окровавленного Донбасса. Когда же мы поможем городам Новороссии?» [19].

Президент внимательно слушал. Его брови сдвигались. Нос и подбородок становились острее. Губы стискивались. Словно его мысль стремилась к невидимой точке, в которой сходились все замыслы, все опасения, таилось решение, одно-единственное, предельно опасное, которое ему предстояло принять. Решение, пробивающее тромб русской истории, открывающее путь русскому времени.

«— Вы правы, Крым — это чудо. Я буду откровенен, это чудо и моей жизни. Но за чудо надо платить. Наступил посткрымский период русской истории. Опасности, которые подстерегают Россию, велики. Здесь нельзя ошибиться... России предстоят труднейшие испытания. Повторяю, на нас напали. У нас у всех должна быть длинная воля, терпение и стоицизм на годы. Мы опять почувствуем себя русскими, особым народом, которому история во все века готовит тягчайшие испытания. Либо мы примем эти испытания, либо уклонимся от них. И перестанем быть русскими» [19], — отвечает президент.

А его мысли стремятся к «решению, пробивающему тромб русской истории, открывающему путь русскому времени» — решению, которое было принято через семь лет после написания романа — 24 февраля 2022 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крым занимает важнейшее место в жизни и творчестве Александра Проханова. Это обусловлено историей полуострова, который осмысливается писателем как духовный исток Русского мира и российского государства. Именно поэтому «империалист Проханов» так остро переживал отторжение Крыма от России в результате распада Советского Союза.

Русская история Тавриды отражается в творчестве Александра Пушкина, Льва Толстого и других классиков отечественной литературы, наследником которых чувствует себя Александр Проханов.

Писатель одним из первых понял бандеровскую, националистическую природу постсоветской Украины, в составе которой после распада СССР оказался Крым, и во многом предвидел дальнейшее драматическое развитие российско-украинских отношений.

Публицистическая, общественная, политическая деятельность Проханова, направленная на воссоединение полуострова с Россией, навсегда останется в истории отечественной литературы и журналистики, неразрывно связанной с историей нашей страны.

Возвращение Крыма стало ключевым событием на пути возрождения России, знаменовало собой начало собирания русских земель, уверен писатель. Согласно его геополитическим построениям, история российского государства — это история пяти империй. Первой была Киевская Русь. Второй — Московское царство Рюриковичей. Третьей — «белое царство» Романовых. Четвертой — «красный» Советский Союз. И, наконец, сейчас мы являемся свидетелями (и участниками) зарождения Пятой империи.

Россия для писателя не только и даже не столько исторический, географический, геополитический или бюрократический, сколько религиозный феномен. По Проханову, Русский мир рождается в момент крещения князя Владимира в Херсонесе. Таврида — это колыбель пяти грандиозных империй, которые одна за другой облекали и облекают русскую жизнь в плоть великого государства. Эти идеи Проханова отчетливо прослеживаются как в его художественном творчестве — прежде всего, в романе «Крым» — так и в многочисленных публицистических статьях.

Сегодня Россия находится в посткрымском периоде своей истории, который характеризуется новой холодной войной, экономическими санкциями, информационными атаками Запада и «спецоперациями» внутренней пятой колонны, которым мы должны противопоставить духовную мобилизацию общества, констатирует Проханов. Мир «меняет кожу», сбрасывает старый отживший либеральный уклад, на смену которому идет новый, еще до конца не ясный, источником которого являются Крым и Россия.

Список литературы

1. Гамов, А. П. Александр Проханов: предсказал и майдан, и возвращение Крыма [Электронный ресурс] // «Комсомольская правда». — 15.09.2014. — Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26282.5/3160066/> — (Дата обращения: 19.08.2022).
2. Данилкин, Л. А. Человек с яйцом [Электронный ресурс] / Л. А. Данилкин. — М.: Ад Маргинем, 2007. — CD — ROM.
3. Проханов, А. А. Виртуоз [Электронный ресурс] / А. А. Проханов. — М.: Алгоритм — Книга, 2009. — CD — ROM.
4. Проханов, А. А. Гибель красных богов [Электронный ресурс] / А. А. Проханов. — М.: Эксмо, 2007. — CD — ROM.
5. Проханов, А. А. Гимн Севастополю [Электронный ресурс] // «Завтра». — 20.03.2019. — Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/gimn_sevastopolyu — (Дата обращения: 19.08.2022).
6. Проханов, А. А. Империя Полярной звезды [Электронный ресурс] // Проханов А. А. Алюминиевое лицо. Замковый камень. — М.: Центрполиграф, 2014. — CD — ROM.
7. Проханов, А. А. Крым [Электронный ресурс] / А. А. Проханов. — М.: Центрполиграф, 2014. — CD — ROM.

8. Проханов, А. А. Крым обетованный [Электронный ресурс] // «Завтра». – 17.08.2016. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/krim_obetovannij – (Дата обращения: 19.08.2022).

9. Проханов, А. А. Крым как судьба [Электронный ресурс] // «Завтра». – 10.04.2019. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/krim_kak_sudba – (Дата обращения: 19.08.2022).

10. Проханов, А. А. Крымское вино победы [Электронный ресурс] // «Завтра». – 13.03.2014. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/krymskoe_vino_pobedy – (Дата обращения: 19.08.2022).

11. Проханов, А. А. Народ и империя едины [Электронный ресурс] // Проханов А. А. Алюминиевое лицо. Замковый камень. – М.: Центрполиграф, 2014. – CD – ROM.

12. Проханов, А. А. Полковнику Путину никто не пишет [Электронный ресурс] // Проханов А. А. Четыре цвета Путина. – М.: Алгоритм, 2013. – CD – ROM.

13. Проханов, А. А. Путин – русский мечтатель [Электронный ресурс] // «Завтра». – 30.01.2019. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/putin_russkij_mechtatel – (Дата обращения: 19.08.2022).

14. Проханов, А. А. Путин Таврический [Электронный ресурс] // «Завтра». – 20.03.2014. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/putin_tavrisheskij – (Дата обращения: 19.08.2022).

15. Проханов, А. А. С Богом! Поехали! [Электронный ресурс] // «Завтра». – 23.05.2018. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/s_bogom_poejali – (Дата обращения: 19.08.2022).

16. Проханов, А. А. Священный Севастополь [Электронный ресурс] // «Завтра». – 01.12.2016. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/svyashennij_sevastopol – (Дата обращения: 19.08.2022).

17. Проханов, А. А. Сияющий меч державы [Электронный ресурс] // Проханов А. А. Алюминиевое лицо. Замковый камень. – М.: Центрполиграф, 2014. – CD – ROM.

18. Проханов, А. А. Слово к народу [Электронный ресурс] // «День». – № 15. – 1991. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20131014202353/http://www.zavtra.ru/denlit/050/12.html> – (Дата обращения: 19.08.2022).

19. Проханов, А. А. Убийство городов [Электронный ресурс] / А. А. Проханов. – М.: Эксмо, 2015. – CD – ROM.

Дело в Шаляпине: в Крыму отмечают полуторавековой юбилей певца (Главное дело своей жизни маэстро хотел сделать в Гурзуфе) «Парламентская газета», 12.02.2023

Федор Шаляпин родился в Казани первого (по новому стилю — 13-го) февраля 1873 года. Творческий путь великого певца пролегал также через Москву, Санкт-Петербург, Уфу, Тбилиси, Нижний Новгород, Милан, Нью-Йорк, Париж, однако главное дело своей жизни он мечтал сделать в Крыму, в маленьком южнобережном поселке Гурзуф. К полуторавековому юбилею, пожалуй, самого известного русского певца на полуострове пройдут торжественные мероприятия и откроются книжные выставки, а «Парламентская газета» рассказывает о крымских страницах биографии маэстро.

Его мечта была неразрывно связана с Россией

Мечтой Шаляпина был собственный театр. Он считал это главным делом своей жизни. «Я согрел мечту, которая была мне дороже всего. Я решил посвятить и мои материальные средства, и мои духовные силы на создание в России интимного центра не только театрального, но и вообще — искусства, — писал маэстро в автобиографической книге «Маска и душа».

Свой театр Шаляпин хотел построить в Гурзуфе — эта идея появилась у него в 1917 году. «Есть в Крыму, в Суук-Су, скала у моря, носящая имя Пушкина. На ней я решил построить замок искусства. Именно замок. Я говорил себе: были замки у королей и рыцарей, отчего не быть замку у артистов? С амбразурами, но не для смертоносных орудий. Я приобрел в собственность Пушкинскую скалу, заказал архитектору проект замка, купил гобелены для убранства стен», — писал Шаляпин.

Скалу певец купил у хозяйки имения «Суук-Су» Ольги Соловьевой, о чем свидетельствует купчая от 29 июля 1917 года: «продано Федору Ивановичу Шаляпину участок земли 1488 кв. сажень за 10000 рублей... Скала, именовавшаяся прежде «Пушкинской», должна ныне называться «Шаля-

пинский утес»». На карте имения «Суук-Су» проданный участок отмечен как «имение Ф. И. Шаляпина».

Увы, мечта певца о собственном театре в Крыму так и осталась нереализованной — в 1922 году он эмигрировал и прожил последние годы своей жизни в Америке и Европе. «Мечту мою я оставил в России разбитой», — констатировал Шаляпин. И продолжал: «Иногда люди говорят мне: еще найдется какой-нибудь благородный любитель искусства, который создаст вам ваш театр. Я их в шутку спрашиваю:

— А где он возьмет Пушкинскую скалу?».

Шаляпин был мировой знаменитостью, выступал на самых известных сценах Америки и Европы, но свой идеальный театр мыслил только в российском Крыму. «Моя мечта неразрывно связана с Россией, с русской талантливой и чуткой молодежью. В каком-нибудь Охайо или на Рейне этот замок искусства меня не так прельщает...», — писал он.

Чтобы не лезли разные корреспонденты

Художник Константин Коровин рассказал в воспоминаниях, что сначала Шаляпин хотел купить для реализации своего проекта знаменитые скалы-островки Адалары — романтические символы Гурзуфа. Друзья и знакомые как могли отговаривали его от этой затеи, но маэстро строил разнообразные несбыточные прожекты: провести на скалы воду, привезти чернозем, разбить там сады и построить виллу.

«— Ты мне построишь там виллу, а я у Сухомлинова попрошу старые пушки.

— Зачем же пушки? — удивился я.

— А затем, чтобы ко мне не лезли эти разные корреспонденты, репортеры», — пересказал Коровин свои беседы с Шаляпиным.

Идея с покупкой Адаларов отпала после поездки Шаляпина в Суук-Су по приглашению хозяйки этого имения Ольги Соловьевой.

«Ночью, на возвышенном берегу моря, около Суук-Су был зажжен фейерверк и устроен большой пикник. Лилось шампанское, гости бросали бокалы со скалы в море, ездили на лодке, при факелах, показывать Шаляпину грот Пушкина.

Хозяйка Суук-Су сказала:

— Эту землю, над гротом великого поэта, я прошу вас принять от меня в дар, Федор Иванович. Это ваше место. Вы постройте здесь себе виллу.

Шаляпин был в восхищении и остался в Суук-Су. На другой день утром у него уже был нотариус и писал дарственную. Адалары были забыты», — вспоминал Коровин.

Дарственная — это легенда. На самом деле, как мы с вами уже знаем, Шаляпин скалу все-таки купил — причем, за весьма внушительную по тем временам сумму.

А вот как рассказывал о импровизированном представлении, устроенном на скале в том же 1917 году, бывший его свидетелем искусствовед Лев Никулин. Однажды вечером к скале двинулась странная процессия с фонарями и свечами под стеклянными колпаками. В ней участвовали приглашенные Шаляпиным артисты, гитаристы, рыбаки из Гурзуфа и повара из ресторана-поплавка. У костра стояли симметрично расставленные четыре бочонка с вином, жарили шашлыки, потрескивал бараний жир.

«Ярко светили звезды, была теплая крымская ночь, трещали цикады, и чуть слышно долетал до скалы тихий плеск прибоя. И неожиданно Шаляпин запел. Он пел без аккомпанемента «Лучинушку». Как странно, как чудесно прозвучала южной ночью на скале над морем русская песня! И с этой минуты он пел песню за песней, не заставляя себя просить, пел в каком-то радостно снизошедшем на него вдохновении», — вспоминал Никулин.

Крымский писатель и поэт Сергей Сергеев-Ценский запечатлел этот же эпизод в стихах:

«В семнадцатом году, в июле,
В ночном двенадцатом часу
Шла из Гурзуфа в новолунье
По направленью в Суук-Су
Толпа людей. Их вел Шаляпин
К своей на берегу скале
В рубахе белой, в белой шляпе,
Огромный двигался во мгле...».

Герой должен пить бочками

С выпивкой связано и еще одно шаляпинское место в Крыму — «грот Шаляпина» в поселке Новый Свет, который «отец российского шампанского» князь Лев Голицын использовал одновременно и как винотеку, и как концертную площадку. Легенда гласит, что винодел потчевал здесь певца своим знаменитым шампанским, а тот дал в благодарность за это концерт, однако документального подтверждения этой истории не существует. Что, впрочем, не отменяет любовь Шаляпина к шампанскому и не только. Сам певец, правда, считал рассказы о его пристрастии к спиртному преувеличением.

«В представлении русского человека герой не может пить из стакана — он должен пить ушатами. Я пил рюмками, но так как я был «герой», надо было сказать, что я пью бочками сороковыми, и ни в одном глазу! Это, пожалуй, даже комплимент мне — молодец. Сила русского человека часто измерялась количеством алкоголя, которое он может безнаказанно поглотить. Если он мог выпить дюжину шампанского и не падал на пол, а гордо шатаясь, шел к выходу, его благоговейно провожали словами:

— Вот это человек!

Так что «пьянство» мое я понимаю — и даже польщен», — писал Шаляпин.

Последний концерт в Севастополе

Впервые Шаляпин побывал в Крыму в 1898 году на гастролях Частной русской оперы — концерты проходили в Ялте и Севастополе. В 1902 году певец гостил в Олеизе у своего друга Алексея Максимовича Горького, к которому приехал с корзиной шампанского.

«— Вот нам сегодня на вечер, а то боюсь, у вас тут не достанешь, а сегодня я хочу пить и петь. Какие у тебя, Алекса, на сегодня планы?».

«— Такие же, как и у тебя, — петь и пить», — описал встречу друзей в своих воспоминаниях участвовавший в ней писатель Степан Скиталец.

В тот приезд в Крым Шаляпин встречался с Чеховым, Бунинным, Немировичем-Данченко, а вот Лев Николаевич Толстой их с Горьким у себя в Гаспре не принял, сославшись на слабость после болезни.

Следующие наезды Шаляпина на полуостров пришлись на 1909 и 1913 годы. В 1916-м он вместе с Горьким работал в Форосе над своей первой автобиографией «Страницы из моей жизни». Идея принадлежала Горькому. Уговаривая друга сесть за книжку, он писал: «Будет очень печально, если твой материал попадет в руки и зубы какого-нибудь человечка, неспособного понять всю огромную — национальную — важность твоей жизни, жизни символической, коя неоспоримо свидетельствует о великой силе и мощи родины нашей». В Форосе Шаляпин рассказывал под запись стенографистке о своем детстве, первых шагах в искусстве, работе на сцене, а писатель редактировал эти воспоминания, заодно дописывая кое-что и от себя.

Свой последний официальный концерт в Крыму Шаляпин, одетый в матросскую форму, дал на Приморском бульваре в революционном Севастополе в июле 1917 года. А в 1922 году, как уже упоминалось, маэстро навсегда уехал из революционной России.

Шаляпинские места в Крыму:

— Шаляпинская (Пушкинская) скала в Гурзуфе на территории современного «Артека».

— Дворец Александра Кузнецова в Форосе, где Шаляпин и Горький работали над книгой «Страницы из моей жизни».

— Шаляпинский грот в Новом Свете.

**Как Пушкин и его «наследники» сделали
Крым частью России
(Ко Всемирному дню писателя
«РФ сегодня» рассказывает о таврическом
измерении отечественной словесности)
«Парламентская газета», 03.03.2023**

Всемирный день писателя отмечается третьего марта. Придумали этот профессиональный праздник не так давно — в 1986 году, однако на самом деле литераторы заслужили его гораздо-гораздо раньше — даже не десятки, а сотни лет назад. Заслуги русских писателей перед Отечеством среди прочего заключаются в том, что они, придя в Крым вслед за графом Суворовым-Рымникским, князем Потемкиным-Таврическим и Екатериной Великой, сделали полуостров частью Русского мира в XVIII–XIX веках и вместе с Владимиром Путиным вернули его обратно к родным берегам в XXI-м.

Штыком и пером

Пушкин, Жуковский, Грибоедов, Гоголь, Толстой, Тютчев, Чехов, Волошин, Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Куприн, Бунин, Шмелев, Тuroверов, Набоков, Маяковский, Есенин, Булгаков, Симонов, Бондарев, Солженицын, Аксенов, Бродский, Пелевин, Лимонов, Проханов, Прилепин... Перечислять фамилии классиков, связанных с Крымом, можно еще очень долго.

Некоторые из них сражались за российский Крым в буквальном смысле. Лев Толстой — в Крымскую войну, Николай Тuroверов — в Гражданскую, Константин Симонов — в Великую Отечественную. Но, конечно, их главным оружием было слово.

Русское слово.

Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо, просил когда-то Маяковский.

После присоединения Крыма к России в 1783 году началось активное политическое, административное, экономическое и... литературное освоение региона. Вместе с солдатами, чиновниками, путешественниками,

учеными заново открывать для России забытый за несколько столетий край, в котором когда-то крестился святой равноапостольный князь Владимир и на территории которого находилось древнерусское Тмутараканское княжество, отправились Жуковский, Батюшков, Грибоедов и, конечно, Пушкин. При этом они нашли в Крыму не только русскую Святую землю, но и земной рай, куда на протяжении многих последующих десятилетий будут стремиться с холодного российского материка цари, вельможи, политики, писатели, поэты, художники.

Александр Пушкин помнил «земли полуденной волшебные края» всю жизнь. Он похоронен на Псковщине, в Святогорском Свято-Успенском монастыре, но его дух обретается в Крыму: «Так, если удалиться можно Отголь, где вечный свет горит, Где счастье вечно, непреложно, Мой дух к Юрзуфу прилетит...» Во многом именно под влиянием пушкинского гения в Крым направились другие писатели и поэты. Пушкин создал литературную славу Крыма или, правильнее, Пушкин создал славу Крыма среди литераторов, сделал полуостров модным в артистической элите России.

Глупо звать его «Красная Ницца»

При этом они искали на полуострове не только святые дары князя Владимира, не только необыкновенную природу, но и исцеление от недугов. С представлением о Крыме как «земном рае» связано более прагматичное понимание полуострова как всероссийского курорта, где можно избавиться от плотских земных недугов.

В июне 1835 года в Крым, в Саки, приехал на лечение Николай Гоголь. О лечебных свойствах сакских грязей автор «Тараса Бульбы» узнал из сочинений другого российского литератора Павла Сумарокова: «Путешествие по Крыму и Бессарабии» и «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду». Причем, судя по всему, сакские грязи Гоголю помогли, иначе едва ли он задумывал бы снова ехать в Крым лечиться уже в конце жизни. Увы, в силу разных причин, прежде всего — безденежья, эта поездка так и не состоялась.

Другой большой русский писатель и, «по совместительству», врач, который прославил крымские курорты, — Антон Чехов переехал в Ялту в самом конце XIX века, после того, как у него проявились первые признаки туберкулеза. Чеховская «Белая дача» была центром притяжения и при жизни писателя — там бывали Бунин, Горький, Куприн, Короленко, Шалапин, Рахманинов и другие крупнейшие деятели культуры, остается таковым и сегодня, являясь одним из лучших литературных музеев полуострова.

А неистовый Владимир Маяковский уже в советские годы посвятил крымским курортам следующие стихотворные строки:

«И глупо звать его «Красная Ницца»,
и скучно звать «Всесоюзная здравница».
Нашему Крыму с чем сравниться?
Не с чем нашему Крыму сравниваться!».

Еще одна важнейшая роль Крыма — это не только рай на Земле, не только всероссийская здравница, курорт, на который стремятся люди со всей страны, но и важнейший военно-стратегический форпост России на юге, завоеванный в ходе русско-турецких войн XVIII века и удержанный потом в Крымскую войну, в Первую мировую, в Гражданскую, в Великую Отечественную; увы, утерянный по итогам войны холодной, но возвращенный весной 2014-го. «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникли в душу вашу чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...» — писал в «Севастопольских рассказах» участник первой героической обороны города Лев Толстой. Крымская война сделала Севастополь городом русской славы, а в годы Великой Отечественной его защитники продолжили традиции, заложенные предшественниками в середине XIX века.

Кстати, Лев Толстой соединил в своей жизни две «функции» Крыма — и военно-стратегического форпоста России, и курорта. Великий писатель не только защищал полуостров от европейских и турецких захватчиков во время Крымской войны, но и отдыхал здесь в старости, в 1901 году, во дворце графини Паниной в Гаспре.

В начале XX века Крым вновь воспринимается как земной рай — во многом этому способствует литературная «колония», основанная в Коктебеле Максимилианом Волошиным. У поэта гостили едва ли не все светила русской литературы той поры — Манделштам, Белый, Горький, Брюсов, Булгаков, Цветаева, Гумилев, Зощенко, Чуковский и многие другие. Именно Волошин фактически превратил ранее никому не известный поселок в Восточном Крыму в литературную столицу Крыма и один из литературных центров России.

В Гражданскую войну полуостров стал последним оплотом старой уходящей России. Наиболее остро это, пожалуй, отразилось в одной из самых пронзительных книг русской литературы XX века — «Солнце мертвых» Ивана Шмелева и в поэзии Николая Тuroверова, который навсегда запомнил «уходящий берег Крыма».

Остановись, мгновенье!

В отличие от историков, писатели и поэты знают сослагательное наклонение. Уже во второй половине XX века мечту о «белом Крыме» отразил в своем романе «Остров Крым» Василий Аксенов. Историческое допущение, лежащее в основе сюжета этого произведения, заключается в том, что

в 1920 году белым удалось отстоять Крым и построить на полуострове независимое государство.

В реальной же жизни и Василий Аксенов, и его коллеги по ремеслу — Битов, Ерофеев, Вознесенский, Евтушенко и многие другие — в мирные «застойные» шестидесятые-восьмидесятые годы прошлого века продолжили в Крыму традицию, заложенную Волошиным. Крым (и прежде всего — Коктебель) стал для них убежищем, творческой мастерской, в которой родились многие заметные произведения русской литературы той поры.

Иосиф Бродский сформулировал в «Письмах римскому другу» место Крыма в СССР:

«...Если выпало в империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря.

И от Цезаря далеко, и от вьюги,
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говорят, что все наместники — воруги,
Но воруга мне милей, чем кровопийца».

Сбежать к морю, чтобы читать, спорить о прочитанном, писать и наслаждаться жизнью — мечта советских (и антисоветских литераторов) «эпохи застоя». «Остановись, мгновенье! Ты не столь прекрасно, сколько ты неповторимо», — вслед за Пушкиным призывал из Крыма тот же Бродский. Однако мгновенья было не остановить. «Свистят они как пули у виска». И вот-вот грядет крупнейшая геополитическая катастрофа XX века — распад Советского Союза, поначалу воспринимавшийся как освобождение от опостылевшего коммунистического режима.

Дни августовского путча ГКЧП в 1991 году первый и последний президент СССР Михаил Горбачев провел в «заточении» на государственной даче в Форосе, а буквально в нескольких десятках километров от него, в поселке Курортном под Карадагом отдыхал в это время будущий классик современной русской литературы Виктор Пелевин. Эпоха распада большой страны отразилась в его романе «Жизнь насекомых», действие которого происходит в Крыму в исторические дни. «Я был там летом путча, и я написал роман в следующую зиму, — рассказывал писатель. — Видите ли, политика влияет на вас, даже если вы не хотите. Вы можете быть полностью исключены из сферы политики и общественной жизни, но каждый раз, когда происходит путч или обстреливают парламент, или избирают Жириновского, что-то изменяется. Вы можете сидеть, запершись в квартире с выключенным телевизором, но каким-то образом вы чувствуете это. Это как если бы химический состав воздуха изменился».

На глазах у Пелевина бывшая глухая римская провинция у моря, а затем всесоюзная здравница начала превращаться в регион независимой

постсоветской Украины. Репродуктор в поселке «несколько минут шипел вхолостую, а потом мечтательно заговорил по-украински». Однако сбывься этим «мечтам» было не суждено. Понимание того, что Крым не может быть частью Украины, пожалуй, наиболее ярко выразилось в публицистическом наследии абсолютного иного и по творческой манере, и по мировоззрению писателя — Александра Солженицына. В девяностые годы прошлого века он одним из немногих открыто возвысил свой голос в защиту полуострова от украинских националистов: «Сколько русские с негодованием и ужасом пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма — и предательство его при каждом потом крымском конфликте. И беспрекословную, без малейших политических шагов, отдачу Севастополя, алмаза русской военной доблести. Злодейство это совершено было нашей же выборной властью — однако и мы же, граждане, не воспротивились вовремя».

По законам геополитики

К счастью, времена изменились — Крым вернулся в состав России. Солженицын до этого не дожил, но пророчески предвосхитил, что Украина в ее постсоветских границах нежизнеспособна: «Отяжелительная ошибка ее — именно в этом непомерном расширении на земли, которые никогда до Ленина Украиной не были: две донецкие области, вся южная полоса Новороссии (Мелитополь — Херсон — Одесса) и Крым. (Принятие хрущевского подарка — по меньшей мере недобросовестно, присвоение Севастополя вопреки, не говорю, русским жертвам, но и советским юридическим документам, — государственное воровство). По пословице: нахватанное — ребром выпрет».

В 2014 году это предсказание сбылось почти с абсолютной точностью. Таковы законы геополитики — прошу не путать с геополитикой. Никто, ни Украина, ни Турция, ни Америка с Европой, не могут составить литературную конкуренцию России в Крыму. В первой половине «нулевых» широко известный в узких кругах украинский писатель Юрий Андрухович опубликовал в киевской газете «Зеркало недели» цикл эссе под общим заглавием «Геополитика», пропагандировавших «европейский выбор Украины». Но если на кого эти сочинения и подействовали, то точно не на крымчан, ибо куда Андруховичу до Пушкина, Толстого или Бродского. 16 марта 2014 года жители полуострова почти единогласно проголосовали за другой — российский выбор. «Возвращение Крыма России было, как чудо, как восход солнца», — сформулировал патриарх современной русской литературы Александр Проханов, которому 26 февраля 2023 года исполнилось 85 лет.

Пушкин и его наследники создали на полуострове культурный щит, сохраняющий Крым в составе Русского мира несмотря ни на какие полити-

ческие катаклизмы. Это щит будет крепче любого военного щита. Его не пробить ни санкциями, ни беспилотниками, ни «хаймарсами». Крым был, есть и будет частью великой России. И никто и никогда не сможет этого изменить — ни Байден, ни Сунак, ни Шольц, не говоря уже о Зеленском. Все, что можно посоветовать вышеназванным господам — немного... почитать. Ибо иногда от незнания школьной программы по литературе проистекают грандиозные исторические катаклизмы.

Теперь перед современными русскими писателями стоит огромная творческая задача, которую они обязаны решить, если являются достойными наследниками Пушкина, Толстого и Чехова. Россия и мир ждут от них большой русский роман о возвращении Крыма в родную гавань и продолжении этого грандиозного исторического сюжета на Донбассе и в Новороссии. Уверен, Проханов, Прилепин и компания справятся. Нужно время. Помните Есенина: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье». Доказательством тому — еще и пример Льва Николаевича Толстого, который написал «Войну и мир» в 1865–1869 годах, то есть, более, чем через полвека после Отечественной войны 1812 года. При этом в самой грандиозной русской литературной эпопее отразился в том числе и Крым. Батальные сцены классик писал, основываясь на своем боевом опыте, полученном во время обороны Севастополя.

Главные крымские книги русской литературы

Александр Пушкин. «Бахчисарайский фонтан».

Лев Толстой. «Севастопольские рассказы».

Антон Чехов. «Дама с собачкой».

Иван Шмелев. «Солнце мертвых».

Василий Аксенов. «Остров Крым».

Стихи о Крыме

Александр Пушкин. «Погасло дневное светило».

Афанасий Фет. «Севастопольское братское кладбище».

Максимилиан Волошин. «Дом поэта».

Иван Бунин. «Учан-Су».

Николай Гумилев. «Капитаны».

Владимир Набоков. «Крым».

Николай Туроверов. «Уходили мы из Крыма».

Марина Цветаева. «Встреча с Пушкиным».

Владимир Маяковский. «Крым».

Иосиф Бродский. «Зимним вечером в Ялте».

Что знал о России Габриэль Гарсиа Маркес **«Крымское эхо», 03.03.2023**

«Я всегда говорил и никогда не откажусь от своих слов, что самые интересные люди живут в России», — был уверен великий писатель Габриэль Гарсиа Маркес — автор романа «Сто лет одиночества», повести «Полковнику никто не пишет» и многих других знаменитых книг. А вот его замечательные путевые очерки о Советском Союзе «22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы», написанные после посещения Всемирного фестиваля молодежи и студентов в далеком 1957 году, известны только сравнительно узкому кругу специалистов. Я вспомнил о них в связи с двумя памятливыми датами.

Во-первых, сегодня, 3 марта отмечается Всемирный день писателя. Во-вторых, 6 марта — день рождения Маркеса — одного из любимых писателей моей юности. Герой «Ста лет одиночества» говорит: «Надо прислушаться к голосу ребенка, которым ты был когда-то и который существует еще где-то внутри тебя. Если мы прислушаемся к ребенку внутри нас, глаза наши вновь обретут блеск. Если мы не утратим связи с этим ребенком, не порвется и наша связь с жизнью». Это примерно то, что я стараюсь делать всю свою взрослую жизнь.

«Человеческое воображение с трудом может осмыслить такие необозримые просторы, — объяснял Маркес, приехавший на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в качестве репортера, своим читателям размеры Советского Союза. — Из Владивостока — на побережье Тихого океана — по понедельникам отправляется скорый поезд, в Москву он прибывает в воскресенье вечером, преодолев пространство, равное расстоянию от экватора до полюса. Когда на Чукотском полуострове пять часов утра, в районе озера Байкал — полночь, а в Москве еще семь часов вечера предыдущего дня. Эти детали дают приблизительное представление о распростершемся на всю свою величину колоссе — Советском Союзе с его 200 миллионами человек, говорящих на 105 языках, бесчисленными национальностями — есть такая, что умещается в одной деревне, двадцать населяют маленькую республику Дагестан, а некоторые даже еще не определены окончательно, — колоссе, чья территория, равная трем

Соединенным Штатам, занимает пол-Европы, — треть Азии и в сумме составляет шестую часть земного шара — 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы».

Кстати, площадь современной России — больше 17 000 000 квадратных километров — и теперь она снова без единой рекламы кока-колы, которая ушла из страны вскоре после начала специальной военной операции вместе со многими другими западными брендами.

Вы уже поняли: как и многие писатели, Маркес начинал свою карьеру журналистом. Затем, спустя годы, основным ремеслом Габриэля стала литература, но он все равно всю жизнь время от времени возвращался к журналистике, которую считал «самой лучшей работой на свете» — так называется эссе классика о журналистской профессии.

«Я сибаритствовал между Барранкильей и Картахеной де Индиос, на карибском побережье Колумбии, каким-то образом существуя на то, что мне платили за ежедневные заметки в «Эль Эральдо», а это было даже меньше, чем ничего, но прекрасно спал, иногда не один, там, где меня заставала ночь. Более-менее ясной цели в моей жизни-хаосе не было, мы, несколько неразлучных друзей, просто жили», — описывал Маркес свою юность в книге мемуаров «Жить, чтобы рассказывать о жизни».

Платили Маркесу три песо за заметку и четыре — за передовицу, и этого едва хватало на жизнь. Ницета заставила его предвосхитить моду. Задолго до появления хиппи он перестал бриться, отпустил усы, носил длинные, нерасчесанные волосы, потертые джинсы, рубашки в цветочек и сандалии паломника.

Вот разговор с матерью, который Маркес пересказал в той же книге мемуаров:

«— Я зарабатываю на жизнь тем, что пишу в газеты, — сказал я.

— Это ты говоришь, чтобы меня успокоить, — сказала она. — Увидев в книжном магазине, я тебя не узнала.

— Я тоже вас не узнал, — сказал я.

— Но по другой причине, — вздохнула она. — Я подумала, что ты — нищий попрошайка.

Она посмотрела на мои стоптанные сандалии и добавила:

— Даже без носков.

— Так удобней, — заверил я. — Две рубашки и двое трусов: одни надеты, другие сохнут. Что еще нужно?»

Однажды, чтобы отправить рукопись романа издателю, Маркесу пришлось заложить последнюю ценную вещь в доме — фен жены. Зарабатывать на жизнь рассказами, повестями и романами Габриэль смог, только когда ему уже перевалило за сорок. Нобелевскую премию получил в пятьдесят пять — за «Сто лет одиночества», но отнесся к награде и причитающимся

вместе с ней деньгам философски. «Я всегда был уверен в том, что мы, писатели, приходим в этот мир не для того, чтобы быть коронованными, ведь большинство из вас знает, что публичные почести — это начало бальзамирования. Я всегда полагал, что в конечном счете мы становимся писателями не из-за своих собственных заслуг, а по несчастью, просто потому что не умеем делать что-либо другое, и наша затворническая работа не должна заслуживать больших вознаграждений и привилегий, чем их заслуживает за свой труд, например, сапожник, тачающий сапоги», — считал классик.

В заключение давайте вместе с Маркесом вернемся в Россию. «История — это воистину бездонный колодец, из которого мы, наверное, вечно будем черпать мудрость, глупость, полезный и бесполезный опыт, знания, массу открытий и т.д. Но история России — это особый колодец, полный мистики и чем-то напоминающий «русские горки» (в России, как я недавно узнал, их, в отличие от всего остального мира, почему-то называют «американскими»), — написал Маркес в 2007 году, ровно через полвека после первого посещения нашей страны.

Любовь Маркеса к России была взаимной. Он был и остается одним из самых печатаемых и самых читаемых зарубежных авторов. В свое время 2012 год был официально объявлен в России годом Габриэля Гарсиа Маркеса, а тогдашний президент нашей страны Дмитрий Медведев наградил классика орденом Почета за вклад в укрепление дружбы между народами России и Латинской Америки.

С днем писателя вас, уважаемые читатели!

Что нужно успеть сделать в Крыму до двухсотлетия Льва Толстого (На полуострове предлагают создать Толстовский историко-культурный, литературный и природный заповедник) «Парламентская газета», 31.03.2023

С одной стороны, до двухсотлетия Льва Николаевича Толстого еще далеко — оно будет отмечаться 9 сентября 2028 года. С другой, учитывая толстовский «статус» едва ли не главного русского национального гения, успеть нужно многое.

От Севастополя до Гаспры

Указ о праздновании эпохального толстовского юбилея президент России Владимир Путин издал еще 2 февраля 2022 года. Оргкомитет по подготовке и проведению празднования возглавил руководитель Администрации президента Антон Вайно. Среди его членов — праправнуки классика, заместитель председателя Государственной Думы Петр Толстой и советник президента России Владимир Толстой, сенатор Лилия Гумерова, председатель думского Комитета по культуре Елена Ямпольская, ее первый заместитель Сергей Шаргунов, кинорежиссер Карен Шахназаров, актер и режиссер Константин Хабенский и другие.

Одним из центров юбилейных торжеств должен стать Крым — в молодости Лев Толстой оборонял Севастополь от армий коллективного Запада, а потом, много лет спустя, уже пожилым, лечился на южном берегу полуострова, в Гаспре.

«Лев Николаевич провел в Крыму в общей сложности почти два года своей жизни, — рассказал «Парламентской газете» заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Института филологии Крымского федерального университета, доктор филологических наук Сергей Курьянов. — Здесь благодаря «Севастопольским рассказам» началась его мировая слава. Однако достойного воплощения память о великом русском писателе на

крымской земле пока не получила, и грядущий юбилей — отличная возможность исправить это упущение».

Ученые кафедры разработали план мероприятий, которые, по их мнению, дадут возможность достойно встретить одну из главных дат Русского мира ближайших лет. Они предлагают создать два новых музея — Крымский республиканский литературный музей имени Л. Н. Толстого в Симферополе и Музей Л. Н. Толстого во дворце графини С. В. Паниной в Гаспре как месте наиболее продолжительного пребывания писателя на полуострове — которые вместе с другими местами пребывания Л. Н. Толстого могли бы быть объединены и наделены статусом Всекрымского Толстовского историко-культурного, литературного и природного заповедника.

«Дворец в Гаспре был построен в конце 1820-х годов для министра народного просвещения князя Александра Голицына в стиле английского замка — князь подражал графу Михаилу Воронцову и его знаменитому Алушкинскому дворцу. Графине Софье Паниной дворец достался в конце XIX века. Лев Толстой жил здесь с сентября 1901-го по июль 1902 года, проходя лечение и одновременно работая над повестью «Хаджи-Мурат». В гости к нему приезжали Антон Чехов, Максим Горький, Александр Куприн, Федор Шаляпин. Позже, в период Гражданской войны, здесь же жила семья Владимира Набокова. Сейчас дворец принадлежит санаторию «Ясная поляна» и, к сожалению, находится не в лучшем состоянии», — рассказал С. Курьянов.

Далеко не полный список

Еще один толстовский объект расположен в Симеизе. Дом Сергея Мальцова, где писатель жил в марте 1885 года, не сохранился, однако его помнит Мальцовский парк, увы, тоже нуждающийся в уходе. Нет никакого упоминания о пребывании Толстого в имении философа Николая Данилевского в Мшатке (Санаторное), к которому писатель приходил в гости. Без должной заботы находится дом, в котором останавливался Лев Николаевич в Симферополе в 1855 году — улица Толстого, 4.

«В стороне от туристических маршрутов находится место сражения на Черной речке под Севастополем, участником которого был Толстой. Тогда это сражение именовали также сражением у Трактирного моста. Опоры этого моста сохранились до сих пор. И при желании можно было бы воссоздать и мост, и трактир, и подвести дорогу к ним и памятному знаку, установленному к 50-летию Чернореченского сражения, связав таким образом личность Толстого и одно из самых драматических сражений Крымской войны», — также рассказал Курьянов.

Потерялся за строениями и зелеными насаждениями бюст Толстого в районе села Лозовое (бывшее Эски-Орда) Симферопольского района, где писатель провел в общей сложности несколько десятков дней. Это один из

важных толстовских ландшафтов, именно здесь писались части «Севастопольских рассказов», была исписана не одна страница дневника писателя. При этом бюст, установленный в середине 1950-х годов, — гипсовый и лишь отдаленно напоминающий молодого Толстого.

«Нет никаких памятных знаков в деревнях Голубинка (Фоти-Сала) и Высокое (Керменчик), где стоял со своей батареей поручик Толстой, равно как и в Алушке, Симеизе и других местах Южного берега Крыма, которые он посещал, нет памятных знаков в Бахчисарае, в котором писатель неоднократно бывал и во время Крымской войны, и позже, нет их на вокзале в Севастополе и на станции Мекензиевы горы. И это далеко не полный список», — рассказал Курьянов.

Дорогами графа

В связи с этим ученые и его коллеги предлагают к двухсотлетию Толстого установить памятник писателю в Симферополе, создать мемориальный комплекс у трассы Симферополь — Ялта в Лозовом, установить памятные знаки или мемориальные доски с текстом о пребывании Толстого на Байдарских воротах, в Бахчисарае, в селах Высокое (Керменчик) и Голубинка (Фоти-Сала) Бахчисарайского района, в Алушке, Ялте, Санаторном, Ореанде, Кореизе, Инкермане, на станции Мекензиевы горы и еще в ряде мест.

Среди других идей — создание и обустройство Толстовской тропы от дворца графини Паниной в Гаспре до берега моря в Алушке, обустройство подхода и подъезда к монументу, посвященному сражению на Черной речке, восстановление «Трактирного моста» через реку Черную и трактира возле него, создание в этом месте единого комплекса памятников, посвященных Крымской войне.

Наконец, граф Лев Николаевич Толстой может «поработать» и на благо крымского туризма. Для этого ученые предлагают разработать специализированный туристический маршрут «Крымскими дорогами графа Льва Толстого»: Ялта (достопримечательности города, Гаспра, Кореиз, Олеиз, Ай-Тодор, Горное (Эриклик), Симеиз, Мшатка (Санаторное) — Севастополь (Байдары, памятные места в городе, долина Черной речки) — Бахчисарай (достопримечательности города, Бельбекская долина, Высокое (Керменчик), Голубинка (Фоти-Сала)) — Симферополь (достопримечательности города, Лозовое (Эски-Орда)).

В свою очередь, «Парламентская газета» обещает следить за тем, как идет подготовка к грандиозному юбилею великого русского писателя и рассказывать об этом нашим читателям. Тем более, что промежуточная дата на пути к нему — совсем скоро. 9 сентября этого года исполнится 195 лет со дня рождения классика.

Р. С. По поразительному стечению обстоятельств, день рождения Льва Толстого совпадает с Днем памяти русских воинов, павших в Крымской войне, который официально отмечается на полуострове как памятная дата. 9 сентября 1855 года завершилась 349-дневная героическая оборона Севастополя. Поручику Русской армии Льву Толстому в тот день исполнилось 27 лет.

**Памятные даты 2023–2028 годов,
связанные с пребыванием Толстого в Крыму**

2023 год — 195-летие со дня рождения Л. Н. Толстого и 170-летие начала Восточной (Крымской войны) 1853–1856 годов.

2024 год — 170-летие приезда Л. Н. Толстого в Крым в 1854 году.

2025 год — 170-летие сражения на Черной речке и 140-летие 2-го приезда Л. Н. Толстого в Крым (1885).

2026 год — 170-летие окончания Крымской войны и 125-летие 3-го приезда Л. Н. Толстого в Крым в 1901 году.

2027 год — 170-летие выхода всех «Севастопольских рассказов».

2028 год — 200-летие Л. Н. Толстого.

Слово против чисел (Наступит ли и когда время решительных побед в специальной военной операции) «Крымское эхо», 09.06.2023

«Русский мир на переломе» — так была сформулирована тема заседания Ливадийского клуба в Ялте. Его участникам предложили ответить на один из трех ключевых вопросов:

— Наступит ли и когда время решительных побед в специальной военной операции?

— Будут ли восстановлены естественные границы России в Причерноморье?

— Обречены ли мы всякий раз возвращаться к взаимодействию с Западом после его очередного похода на Россию?

Я выбрал первый.

Я не военный эксперт. И не взялся бы говорить о том, наступит ли и когда коренной перелом, время решительных побед в специальной военной операции на Украине, если бы не был уверен в том, что военное измерение, военный фронт в этой операции — лишь один из многих.

Среди других измерений можно говорить о геополитическом, идеологическом, экономическом, научно-техническом, образовательном, информационно-пропагандистском. На значении двух последних в обеспечении этого самого крутого перелома в специальной военной операции я и остановлюсь.

Фестиваль, в рамках которого по традиции прошло заседание Ливадийского клуба, называется «Великое русское слово». Его название, придуманное в тяжелые, но все-таки мирные для нас, крымчан, девяностые годы прошлого века, восходит к стихотворению Анны Андреевны Ахматовой «Мужество», написанному в военном, переломном — замечу — для России 1942 году.

«Мы знаем, что ныне лежит на весах

И что совершается ныне.

Час мужества пробил на наших часах,

И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки».

Тогда, в девяностые, организаторы фестиваля вкладывали в это стихотворение переносное значение, сегодня это значение стало прямым. Тогда еще были мирные способы сохранить русскую речь и великое русское слово.

Сегодня мирных способов не осталось.

Сегодня «крутой перелом» в специальной военной операции во многом зависит от того, сколько людей могут повторить за Ахматовой: «Не страшно под пулями мертвыми лечь».

Ныне, как и в 1942 году, на весах лежит судьба России, ее выживание. Здесь вообще нет ни грамма пафоса. Здесь просто констатация геополитической реальности. И это должны, наконец, понять люди, которые от этой грозной геополитической реальности прячутся — одни сознательно, другие инстинктивно, пытаясь жить «как ни в чем не бывало».

Хочу здесь заметить, что Анна Андреевна Ахматова не любила советскую власть, но это не помешало ей оставаться со своим народом в годы тяжелейших испытаний Великой Отечественной войны, чего, увы, нельзя сказать о большом количестве современных российских поэтов и писателей — всех этих Акуниных, Улицких, Быковых и всяких прочих Шендеровичей.

Помните, чего хотел Владимир Владимирович? ... Другой. Маяковский. Он хотел, чтоб к штыку приравнили перо.

Когда началась Великая Отечественная война, военными корреспондентами на фронт отправились все крупнейшие советские писатели: Михаил Шолохов, Константин Симонов, Илья Эренбург, Борис Полевой, Александр Твардовский, Леонид Леонов, Константин Паустовский и многие-многие другие. Это «боевое писательско-журналистское подразделение» внесло свой огромный вклад в Победу над Германией, формируя, как сказали бы сейчас, общественное мнение, рассказывая о том, что происходило на фронте, создавая образы наших героев и образы наших врагов тоже.

Грандиозная, героическая, эпическая легенда о Великой Отечественной войне — создана нашими «деятелями искусств», мастерами пера, кинокамеры, фотоаппарата.

Нельзя сказать, что подобная работа не идет сегодня. Есть Захар Прилепин, есть Александр Проханов, Александр Дугин, есть военкоры-журналисты Александр Коц, Евгений Поддубный, Дмитрий Стешин, Семен Пегов, Есть телеведущие Владимир Соловьев, Вячеслав Никонов и другие. Но все

равно эта идеологическая, публицистическая, литературная, информационно-пропагандистская работа явно нуждается в усилении.

Я убежден в том, что мы должны реабилитировать высокое понятие пропаганды — незаслуженно оболганное и оклеветанное в рамках засилья псевдошколы западной журналистики. Потому что пропагандировать означает убеждать. А убеждать — это высочайшая функция настоящей журналистики.

Нужно в конце концов перестать использовать слово «пропаганда» в качестве синонима слова «ложь».

Нам не случайно не хватает на фронте людей. Их не хватает потому, что в стране не хватает тех, кому «не страшно под пулями мертвыми лечь». Люди не понимают, за что и ради чего они должны это делать.

Только денежными контрактами эту проблему не решить — сколько бы нулей в этих контрактах не было.

Ее можно решить, используя силу слова.

Я тут вам опять стихотворение процитирую, мне можно, я филолог, — на этот раз боевого русского офицера, георгиевского кавалера Николая Степановича Гумилева.

Называется «Слово».

«В оный день, когда над миром новым

Бог склонял лицо свое, тогда

Солнце останавливали словом,

Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,

Звезды жались в ужасе к луне,

Если, точно розовое пламя,

Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,

Как домашний, подъяремный скот,

Потому что все оттенки смысла

Умное число передает».

Для низкой жизни были числа. Контракты с нулями. Они нужны и важны и сегодня, но они не заменят Слова, Смысла.

Почему сотни тысяч сбежали из страны после начала специальной военной операции и после начала мобилизации? Почему люди не спешат на фронт добровольцами?

Тому есть целый ряд причин.

Выделю две.

Первая — ценности современного глобального мира, в котором смысл человеческой жизни заключается в потреблении и удовольствиях. Россия являлась да и сейчас де-факто является частью этого мира. Мы, конечно, громко заявили о том, что Россия — это страна-цивилизация, но содержанием этот

тезис пока не наполнили. И будет плохо, если он так и останется тезисом, лозунгом, фрагментом из неплохо сочиненного политтехнологами текста.

Вторая причина — ситуация в системе образования. Много лет после распада СССР мы строили ее как сферу услуг, а воспитательная, патриотическая функция была сведена к минимуму.

Не случайно после начала специальной военной операции практически одновременно в президентскую повестку дня встали вопросы о необходимости улучшения работы военно-промышленного комплекса и подготовки... гуманитариев.

И ВПК, и гуманитарная сфера обеспечивают государственную безопасность страны, ВПК — ее военную составляющую, а гуманитарная сфера — культурную, мировоззренческую.

Граждане России должны понимать, что они живут в великой стране, а не в «отсталой рашке», что их соотечественники — Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов, Суворов, Кутузов, Жуков, Курчатов, Гагарин. Что у них есть права, но вместе с правами есть и обязанности — в том числе обязанность защищать свою Родину.

Когда граждане России будут знать настоящую, а не подделанную историю и литературу своей страны, им невозможно будет повесить лапшу на уши о том, что проклятая тоталитарная Россия начала 24 февраля 2022 года немотивированную агрессию против свободной цивилизованной демократической Украины.

Они будут прекрасно знать всю эту историю с начала противостояния Запада и России, уходящего на самом деле в глубину веков. Ибо вести историю СВО с 24 февраля 2022 года — это все равно, что читать роман с середины. А в первых «главах» остаются «непрочитанными» — ведя обратный отсчет — требования России к США гарантировать ее безопасность и не милитаризовать Украину, длившаяся восемь лет агрессия Киева против Донбасса, государственный переворот 2014 года, несколько волн расширения НАТО к нашим границам, распад Советского Союза и т. д., и т. п.

Образованным человеком манипулировать в тысячи раз сложнее, чем людьми с памятью аквариумных рыбок, которых усиленно «разводит» в прямом и переносном смысле этого слова современный глобальный мир.

Как давно и хорошо известно, Победа куется в тылу. Ну или иначе — Победа куется не только на военном, но и на других фронтах. Уверен, крутого перелома в специальной военной операции и глобальной войне с Западом, всего лишь частью которой она является, нам без серьезных изменений в информационно-пропагандистской и образовательной сфере не достичь.

**Толстовская экспедиция «РФ сегодня»:
навстречу двухсотлетию классика
(Наши корреспонденты проехали
по крымским местам, связанным
с жизнью и творчеством писателя)
«Парламентская газета», 09.09.2023**

Если Джозефу Байдену, Риши Сунаку, Эммануэлю Макрону, Олафу Шольцу или Владимиру Зеленскому правда хочется узнать, чей же на самом деле Крым, им нужно всего-навсего прочитать... «Севастопольские рассказы» Льва Николаевича Толстого.

По великим следам

«Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникли в душу вашу чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах», — писал классик, рассказывая о героической обороне города от англичан, французов и турок во время Крымской войны, в которой он участвовал не только и не столько как начинающий писатель и журналист, сколько как офицер-артиллерист, награжденный орденом святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и медалью «За защиту Севастополя». Эти же чувства проникают в душу каждого русского человека и сегодня, когда он попадает в этот легендарный город, который вновь, как 170 лет назад, хотят отнять у России ведущие мировые державы, чтобы лишить нашу страну форпоста в Черном море. «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский», — пророчествовал Толстой. И точно так же надолго оставит в России великие следы нынешняя специальная военная операция, за которой фактически скрывается новая Крымская война.

Попытка отказа от русской культуры на Западе, а иногда даже попытка ее запрета обусловлена именно стремлением закрыть глаза на очевидные доказательства того, что и Крым, и Новороссия, и Донбасс — это русская

земля; доказательства, которые содержатся в книгах Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова и других классиков.

Мы приближаемся к одному из главных юбилеев Русского мира — 9 сентября 2028 года исполнится двести лет со дня рождения Льва Николаевича Толстого. Указ о праздновании этой эпохальной даты президент России Владимир Путин издал еще 2 февраля 2022 года. Оргкомитет по подготовке и проведению празднования возглавил руководитель Администрации президента Антон Вайно. Среди его членов праправнуки классика — заместитель председателя Госдумы Петр Толстой и советник президента Владимир Толстой, а также сенатор Лилия Гумерова, председатель думского Комитета по культуре Елена Ямпольская, ее первый заместитель Сергей Шаргунов, кинорежиссер Карен Шахназаров, актер и режиссер Константин Хабенский и другие.

Промежуточная веха на пути к юбилею — 9 сентября нынешнего, 2023 года. В этот день исполнится 195 лет со дня рождения Льва Толстого. Кстати, по поразительному стечению обстоятельств, день рождения классика совпадает с Днем памяти русских воинов, павших в Крымской войне, который официально отмечается на полуострове. 9 сентября 1855 года завершилась 349-дневная героическая оборона Севастополя. Поручику Русской армии Льву Толстому в тот день исполнилось 27 лет.

Накануне этой даты журналисты «РФ сегодня» вместе с доктором филологических наук, заведующим кафедрой русской и зарубежной литературы Института филологии Крымского федерального университета Сергеем Курьяновым проехали по толстовским местам на полуострове, чтобы рассказать о них нашим читателям и предложить свои идеи по подготовке к двухсотлетию классика.

Севастопольские рассказы

«Лев Николаевич провел в Крыму в общей сложности почти два года, — рассказал Курьянов. — Здесь благодаря «Севастопольским рассказам» началась его мировая слава. Однако достойного воплощения память о великом русском писателе на крымской земле пока не получила, и грядущий юбилей — отличная возможность исправить это упущение».

Толстой приезжал в Крым трижды. Классика помнят Севастополь, Инкерман, Терновка (Шули), Верхнесадовое (Дуванкой), Бахчисарай, Высокое (Керменчик), Голубинка (Фоти-Сала), Симферополь, Ялта, Ореанда, Гаспра, Алупка, Симеиз, Ай-Тодор, Береговое (Мшатка), Олеиз... Где-то он провел много месяцев, где-то — несколько часов. В Севастополе защищал Россию и российский Крым от врагов, на Южном берегу лечился и отдыхал; и там, и там — писал произведения, которые вошли в сокровищницу мировой литературы.

Впервые Толстой приехал в Крым, в Севастополь, 7 (19) ноября 1854 года и был прикомандирован к 3-й легкой батарее 14-й артиллерийской бригады. Будущий классик признавался в письме брату: «Я просился в Крым больше из патриотизма, который в то время, признаюсь, сильно нашел на меня». В свою очередь, герой «Севастопольских рассказов» Владимир Козельцов говорит своему старшему брату: «А главное, знаешь ли что, брат... все это пустяки; главное, я затем просился, что все-таки как-то совестно жить в Петербурге, когда тут умирают за Отечество».

Крымская война к тому времени была в разгаре. Уже отгремело Альминское сражение, а за ним — первая бомбардировка Севастополя, во время которой погиб командующий обороной города адмирал Владимир Корнилов, чьи предсмертные слова: «Отстаивайте же Севастополь!» стали девизом города русской славы даже не на годы, а на десятилетия и столетия вперед.

Туда, в Севастополь, первым делом отправились и мы. Пожалуй, главное толстовское место в городе — Исторический бульвар, где располагался легендарный четвертый бастион, на котором установлен памятник писателю. «Когда кто-нибудь говорит, что он был на четвертом бастионе, он говорит это с особенным удовольствием и гордостью; когда кто говорит: «Я иду на четвертый бастион», — непременно заметны в нем маленькое волнение или слишком большое равнодушие; когда хотят подшутить над кем-нибудь, говорят: «Тебя бы поставить на четвертый бастион»; когда встречают носилки и спрашивают: «Откуда?» — большей частью отвечают: «С четвертого бастиона», — писал Толстой.

Тридцать лет спустя

При этом классик бывал и на Малаховом кургане, и на Мекензиевых горах, и в Инкермане, и на Северной стороне, где прошло детство автора этих строк в семидесятых-восьмидесятых годах прошлого века. Наверное, поэтому я с особенными чувствами читаю в «Севастопольских рассказах» фрагменты, рассказывающие об этих местах: «На Северной денная деятельность понемногу начинает заменять спокойствие ночи: где прошла смена часовых, побрякивая ружьями; где доктор уже спешит к госпиталю; где солдатик вылез из землянки, моет оледенелой водой загорелое лицо и, оборотясь на зардевшийся восток, быстро крестясь, молится Богу; где высокая тяжелая маджара на верблюдах со скрипом протащилась на кладбище хоронить окровавленных покойников, которыми она чуть не доверху наложена...». Это знаменитое Братское кладбище, в десяти минутах ходьбы от двенадцатизэтажки, в которой я вырос.

«Какой тут дышит мир! Какая славы гризна

Средь кипарисов, мирт и каменных гробов!

Рукою набожной сложила здесь отчизна

Священный прах своих сынов», — написал о нем другой классик русской литературы Афанасий Афанасьевич Фет.

Еще одно место, связанное с пребыванием Толстого в Крыму, — монумент на месте сражения у Черной речки, в котором участвовал писатель. Он установлен между селами Штурмовое и Хмельницкое к пятидесятилетию сражения, в 1905 году. Оттуда мы двигаемся через Терновку, Мангуп-Кале, Высокое и Голубинку в Бахчисарай и далее в Симферополь, где сохранился дом (ныне — улица Толстого, 4), в котором жил писатель. Затем на нашем пути лежит Эски-Орда, современное Лозовое — село на выезде из Симферополя в сторону Ялты, где располагалась на отдыхе батарея Толстого, а в пятидесятых годах прошлого века был установлен скромный бюст писателя. Толстой оборонял Севастополь до самого конца этой великой эпопеи и покинул полуостров в октябре 1855 года.

Второй раз Лев Николаевич приехал в Крым через тридцать лет, в 1885 году, уже в статусе великого русского писателя — автора «Войны и мира», «Анны Карениной» и других классических произведений. 14 (26) марта 1885 года он приехал в Севастополь, а оттуда, через Байдарские ворота, отправился на Южный берег полуострова — остановился в Симеизе, где написал рассказ «Ильяс», побывал в Алушке, Ялте, Мшатке (ныне Береговое) — у знаменитого русского философа Николая Данилевского. Это пребывание классика в Крыму было непродолжительным. 21 марта (3 апреля) он отправился поездом из Бахчисарая назад, в Москву.

Между жизнью и смертью в Гаспре

Последний, третий приезд Толстого в Крым в 1901–1902 годах продлился около десяти месяцев. Классик прибыл поездом в Севастополь 7 (20) сентября 1901 года, осмотрел музей Севастопольской обороны, переночевал в гостинице Киста на Графской пристани и на следующий день отправился в Гаспру, в имение графини Софьи Паниной, в котором и прожил все десять месяцев.

«Дворец в Гаспре был построен в конце 1820-х годов для министра народного просвещения князя Александра Голицына в стиле английского замка — князь подражал графу Михаилу Воронцову и его знаменитому Алушкинскому дворцу. Графине Софье Паниной дворец достался в конце XIX века. Лев Толстой жил здесь с сентября 1901-го по июль 1902 года, проходя лечение и одновременно работая над повестью «Хаджи-Мурат». В гости к нему приезжали Антон Чехов, Максим Горький, Александр Куприн, Федор Шаляпин», — рассказал Сергей Курьянов.

Пожалуй, именно гаспринский дворец нужно считать главным толстовским мемориальным объектом в Крыму. В советские годы он принадлежал санаторию «Ясная Поляна». С 1954 года там действовала небольшая музейная экспозиция. Много лет ею заведовал сотрудник здравницы Олег Вальковский, который стал нашим гидом по дворцу, нуждающемуся сегодня

в серьезной реставрации. Экспозиция, посвященная пребыванию писателя, частично перенесена в один из корпусов санатория, а частично хранится в подсобном помещении.

Три месяца в Гаспре Лев Николаевич находился в буквальном смысле между жизнью и смертью. «Наступили тяжелые дни. С каждым днем положение ухудшалось. Температура то поднималась, то падала, сердце работало плохо, с перебоями; отец стонал, задыхался, метался и слабел с каждым днем», — описывал Сергей Львович Толстой. Однако в конце концов врачи, могучий организм и целебный крымский климат взяли верх над болезнью.

«Я вынес из моего пребывания в Гаспре самые хорошие воспоминания. Во внутренней жизни я приобрел очень много для себя драгоценного. Во внешней же жизни, особенно во время выздоровления, я получил большие наслаждения от прелестной природы», — писал Толстой.

Кроме того, в свой последний приезд в Крым Толстой побывал также в Ялте, Ореанде, Алушке, Симеизе, Ай-Тодоре, Олеизе. Домой в Ясную Поляну писатель отправился 25 июня (8 июля) 1902 года поездом из Севастополя.

Крым нужен музей Льва Толстого

С одной стороны, до двухсотлетия Толстого еще далеко. С другой, учитывая его статус едва ли не главного русского национального гения, успеть нужно многое. Работу по подготовке к юбилею на полуострове необходимо оформить организационно, считает Сергей Курьянов и предлагает создать наряду с московским и крымский юбилейный организационный комитет, в который должны войти представители двух регионов — Республики Крым и Севастополя.

По мнению ученого, во главу угла должно быть поставлено создание Музея Льва Толстого в Крыму. Для этого было бы правильно головное учреждение создавать в Симферополе, в доме по улице Толстого, 4, где писатель останавливался в 1855 году в квартире врача, краеведа и общественного деятеля Николая Плешкова и где он работал над очерком «Севастополь в декабре». Филиалом Крымского центрального музея Толстого должен стать Музей в Гаспре, в здании Дворца графини Паниной «Александрия», территории парка возле которого необходимо сделать охранной музейной зоной.

В числе других задач Курьянов предлагает создать толстовские экспозиции в Центральном музее Тавриды, Ханском дворце в Бахчисарае, Музее города Симферополя, Ялтинском историко-литературном музее, реконструировать или заменить бюст Толстого в Лозовом, установить памятные знаки и мемориальные доски в Симеизе, Бахчисарае, Ялте, Ай-Тодоре, Береговом и других местах, присвоить имя классика школе в Гаспре, а также разработать толстовские туристические маршруты.

И в силу того, что поручик Толстой защищал российский Крым от объединенных сил тогдашнего «коллективного Запада» с оружием в руках, и в силу того, что его литературные произведения навсегда канонизировали российский статус полуострова надежнее любых юридических документов из сферы международного права, Крым должен стать одним из центров юбилейных толстовских мероприятий.

Написано в Крыму и о Крыме:

«Севастопольские рассказы» («Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае», «Севастополь в августе 1855 года») — 1854–1855.

«Ильяс» — 1885.

«Хаджи-Мурат» — 1896–1904.

«Солдатская памятка» — 1901.

«Офицерская памятка» — 1901.

«О веротерпимости» — 1901.

«Что такое религия и в чем сущность ее?» — 1901–1902.

«К рабочему народу» — 1902.

Лев Толстой как зеркало... специальной военной операции «Крымское эхо», 09.09.2023

9 сентября — День памяти русских воинов, павших в Крымской войне 1853–1856 годов, и, одновременно, день рождения ее участника и летописца Льва Николаевича Толстого. 9 сентября (по старому стилю — 28 августа) 1855 года, когда русские войска покидали южную часть Севастополя (северная врагу сдана не была), подпоручику Толстому исполнилось 27 лет.

Две Крымские войны

Сегодня, 9 сентября 2023 года, мы отмечаем 195-ю годовщину со дня рождения одного из главных русских национальных гениев и готовимся к его грядущему двухсотлетию. Указ о праздновании этой эпохальной даты президент Путин издал еще 2 февраля 2022 года. Оргкомитет по подготовке и проведению празднования возглавил руководитель Администрации президента Антон Вайно. Среди его членов праправнуки классика — заместитель председателя Госдумы Петр Толстой и советник президента Владимир Толстой, а также сенатор Лилия Гумерова, председатель думского Комитета по культуре Елена Ямпольская, ее первый заместитель Сергей Шаргунов, кинорежиссер Карен Шахназаров, актер и режиссер Константин Хабенский и другие.

Люди старшего поколения, знакомые с сочинениями Ленина, помнят, что вообще-то «Лев Толстой — зеркало русской революции», однако я думаю, что в его творчестве отражается не только она, но и многие другие важнейшие события отечественной истории, включая нынешнюю специальную военную операцию России на Украине.

Как — сейчас объясню.

Крымская война была и остается ключевым событием в истории полуострова. Остается — потому что фактически сегодня идет не просто специальная военная операция, а Новая или, если угодно, Вторая Крымская война.

Она началась весной 2014 года, после того, как полуостров по результатам референдума вернулся в состав России, и сначала разворачивалась на политическом, дипломатическом, экономическом, информационно-

пропагандистском фронтах, а 24 февраля 2022 года перешла в нынешнюю горячую стадию.

Вот лишь несколько параллелей.

И Крымская война, и специальная военная операция начинались как региональные конфликты. В первом случае — между Россией и Турцией, во втором — между Россией и Украиной.

И Крымская война, и специальная военная операция перерастали в более масштабные военные конфликты. Крымскую войну часто называют нулевой мировой — боевые действия велись не только на полуострове, но и на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Азовском, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке.

Специальная военная операция вскоре после своего начала также превратилась в столкновение между Россией и «коллективным Западом» с риском перерастания в новую мировую войну.

В обоих случаях расширение конфликта стало результатом вмешательства ведущих мировых держав, стремящихся «сдержать Россию». В Крымской войне — Великобритании, Франции и примкнувшей к ним Сардинии. В специальной военной операции — США и их союзников по НАТО.

В Крымской войне Россия одна воевала против ведущих мировых держав того времени. Сегодня, во время специальной военной операции, история повторяется.

Великобритания рассматривала Россию как своего главного геополитического соперника, против которого с ее стороны велась так называемая «Большая игра». Лорд Палмерстон писал:

«Моя заветная цель в войне, начинающейся против России, такова: Аландские острова и Финляндию отдать Швеции, часть остзейских провинций России у Балтийского моря передать Пруссии, восстановить самостоятельное королевство Польское как барьер между Германией и Россией. Валахию, Молдавию и устье Дуная отдать Австрии <...> Крым, Черкессию и Грузию отторгнуть от России: Крым и Грузию отдать Турции, а Черкессию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана».

Сегодня цели «коллективного Запада», в сущности, те же: максимально ослабить Россию, отнять у нее Крым, а в идеале — и вообще разделить нашу страну на несколько марионеточных проамериканских государств.

Надолго оставят в России великие следы эти эпопеи

Лев Толстой защищал российский Крым с оружием в руках. Впервые будущий классик приехал в Севастополь 7 (19) ноября 1854 года и был прикомандирован к 3-й легкой батарее 14-й артиллерийской бригады. Будущий классик признавался в письме брату: «Я просился в Крым больше из патриотизма, который в то время, признаюсь, сильно нашел на меня». В свою очередь, герой «Се-

востопольских рассказов» Владимир Козельцов говорит своему старшему брату: «А главное, знаешь ли что, брат... все это пустяки; главное, я затем просился, что все-таки как-то совестно жить в Петербурге, когда тут умирают за Отечество».

За оборону Севастополя русский офицер (сначала подпоручик, а потом поручик — это звание он получил в марте 1856 года) Толстой был награжден орденом святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», медалями «За защиту Севастополя 1854–1855» и «В память войны 1853–1856 годов». Однако самая большая заслуга Толстого заключается в том, что он в своих «Севастопольских рассказах» канонизировал российский статус Крыма надежнее любых юридических документов из области международного права. Если Байден, Блинкен, Милли, Сунак, Макрон, Шольц или Зеленский хотят узнать, чей Крым на самом деле, им нужно всего-навсего перечитать Толстого.

«Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникли в душу вашу чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах», — писал классик, рассказывая о героической обороне города от англичан, французов и турок.

Эти же чувства проникают в душу каждого русского человека и сегодня, когда он попадает в этот легендарный город, который вновь, как 170 лет назад, хотят отнять у России ведущие мировые державы, чтобы лишить нашу страну форпоста в Черном море.

При этом Толстой отнюдь не закрывал глаза на ошибки, допущенные нашим командованием в ходе обороны Севастополя. Достаточно вспомнить его знаменитую «Песню про сражение на реке Черной 4 августа 1855 года», в котором подпоручик Толстой принимал участие: «Как четвертого числа нас нелегкая несла...» «Чисто писано в бумаге, да забыли про овраги, как по ним ходить» — писал Толстой о планировании сражения российским генералитетом.

Фактически именно Толстой был первым русским военным корреспондентом. Его «Севастопольские рассказы» впервые опубликованы в журнале «Современник». Десятилетия спустя, в годы Великой Отечественной войны, толстовскую традицию продолжили Михаил Шолохов, Константин Симонов, Илья Эренбург, Борис Полевой, Александр Твардовский, Евгений Долматовский, Леонид Леонов. Сегодня, в дни Второй Крымской войны, в этот строй встали Захар Прилепин, Александр Сладков, Александр Коц, Дмитрий Стешин, Евгений Поддубный и их коллеги.

«Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский», — пророчествовал Лев Толстой в своих «Севастопольских рассказах». И точно так же надолго оставит в России великие следы нынешняя специальная военная операция, за которой фактически скрывается Вторая Крымская война.

Пятьдесят лет назад умер человек, который «вручил» нашей планете «орден Крым» «Крымское эхо», 22.09.2023

Пятьдесят лет назад, 23 сентября 1973 года, умер Пабло Неруда — знаменитый чилийский поэт и общественный деятель, политик, который «вручил» планете Земля «орден Крым». Именно этой, яркой, но, признаемся честно, затертой до дыр фразой: «Крым — это орден на груди планеты Земля!» Неруда и известен подавляющему большинству жителей полуострова. Немногим больше (если не меньше) знает о нем сегодня и подавляющее большинство жителей других регионов России. Между тем, Пабло Неруда прожил ярчайшую, достойную приключенческого романа жизнь, написал стихи, которые навсегда вошли в историю мировой литературы, не раз и не два бывал в нашей стране, которую искреннее любил.

«Готовясь» к этой дате, я перечитал книгу воспоминаний Неруды, которая называется «Признаюсь: я жил». И желаю себе и всем, кто прочтет эти заметки, чтобы в конце нашего земного пути мы могли повторить слова великого латиноамериканского поэта: «Я жил»...

Не хочу и не буду пересказывать здесь биографию Неруды — вы легко можете познакомиться с ней без меня. Лучше приведу несколько фрагментов из его воспоминаний.

О Советском Союзе

С самого начала меня поразило в Советском Союзе то, что все в нем проникнуто чувством простора, безбрежной шири — плавный бег берез по лугам, бескрайность нетронутых, непостижимо чистых лесов, огромные реки и кони в колыханье спелой пшеницы.

О Москве

Москва для меня — праздник. Не успев приехать, я отправляюсь гулять по московским улицам, где мне легко дышится. Насвистывая куэку, я глядяюсь в русские лица, люблюсь русскими косами, я вижу яркие бумажные цветы и мороженое, которое продается на всех углах.

О москвичах

Один мой испанский приятель рассказывал мне, что во время Великой Отечественной войны в самые страшные морозы, да еще сразу после

бомбежки, ему случалось встречать москвичей, которые прямо на улице ели мороженое. «Именно тогда я понял, что они победят, — сказал он, — понял, глядя на то, как они невозмутимо едят мороженое при таком морозе, в самый разгар страшной войны».

О Санкт-Петербурге и... Ленинграде

У города Петра Великого, у города Великого Ленина есть своя неповторимая душа, свой «ангел», как у Парижа. Серебристо-серый «ангел» города... Он в отвсечивающих сталью проспектах, в дворцах, сложенных из свинцово-серого камня, в стальной прозелени моря. Самые прекрасные в мире музеи, сокровища царей, их картины, одежды, ослепительные украшения, парадные мундиры, оружие, посуда — все предстало перед моими глазами. И крейсер «Аврора» — память о новых, бессмертных событиях, — чьи оружия вместе с великой мыслью Ленина разрушили стены прошлого и распахнули двери грядущей истории.

О Сталине

Темные стороны периода культа личности, о которых я не знал долгие годы, не могли вытеснить из моей памяти образ Сталина, который сложился у меня с самого начала, — образ строгого к себе, как анахорет, человека, титанического защитника русской революции. Помимо всего, война возвеличила этого невысокого человека с большими усами; с его именем бойцы Красной Армии шли на штурм гитлеровской крепости и не оставили от нее камня на камне. Но я написал лишь одно стихотворение, посвященное Сталину — этой сильной личности. По случаю его смерти. Стихотворение можно найти в любом собрании моих сочинений. Эта смерть получила космический резонанс. Содрогнулась человеческая сельва. И мое стихотворение отразило вселенскую панику тех дней.

О Че Геваре

Неруда встретился с Геварой в Национальном банке Кубы, который Че возглавлял после победы революции. Эрнесто был в сапогах, в походной военной форме, с пистолетами за поясом, что, мягко говоря, не вязалось с банковской обстановкой.

Поэту польстило, что Че читал партизанам Сьерра-Маэстры его книгу «Всеобщая песнь». «Прошли годы, но меня и сейчас пронизывает дрожь при мысли о том, что мои стихи были с ним до самой смерти. Режи Дебре рассказал мне, что в горах Боливии Гевара до последнего часа хранил в вещевом мешке две книги: арифметический задачник и «Всеобщую песнь».

А еще Неруду поразили слова Гевары, сказанные во время их встречи: «Война... Война... Мы против войны, но коль скоро мы воюем, нам без нее нельзя. В любой момент мы к ней готовы».

«Он размышлял вслух, разъясняя это себе и мне. Я был потрясен. Для меня война — угроза. Для него — неизбежность, судьба, — вспоминал

Неруда. — Мы простились, и больше я его не видел. Потом был бой в боливиийской сельве и трагическая гибель Гевары. В моей памяти он остался тем задумчивым человеком, у которого во всех его героических битвах рядом с оружием было место для поэзии».

О Нобелевской премии

Пабло Неруда много лет считался одним из главных кандидатов на получение Нобелевской премии в области литературы. В 1963 году казалось, что премия точно будет вручена именно ему. Накануне объявления победителя дом поэта окружили журналисты. «Они кружили возле каменной ограды, точно ягуары», — заметил Пабло, запасшись красным вином и повесив на ворота большой замок. Когда по радио объявили, что премию получил греческий поэт Сеферис, «журналисты мгновенно улетучились и к нам с Матильдой вернулся покой. Мы торжественно сняли замок со старых ворот, чтобы весь мир снова входил в наш дом без стука, без предупреждения. Как весна», — вспоминал Неруда. Вечером в гости к Пабло пришел шведский посол с супругой, уверенные в том, что он станет лауреатом, чтобы отпраздновать его победу. Вместо этого им пришлось выпить по бокалу вина за удостоенного награды Сефериса. Перед уходом посол отвел Пабло в сторону и спросил: «Журналисты наверняка захотят, чтобы я дал интервью, — сказал он. — Объясните мне, кто такой Сеферис?» «Не знаю», — откровенно признался Неруда.

Пабло Неруда получил Нобелевскую премию восемь лет спустя, в 1971 году.

О жизни и смерти

Идут годы. Ты снашиваешься — в печали, в радости, в цветенье. Время уносит и приносит человеческие жизни. Все чаще на твоем пути — разлука. Друзья попадают в тюрьму и выходят на волю, кто-то уезжает в Европу, кто-то из Европы, а за кем-то приходит смерть. Тот, кто умирает вдали от тебя, вроде не умирает, а живет в памяти таким, каким был всегда. С годами у поэта начинает складываться антология, посвященная умершим друзьям. Но я не стал составлять эту траурную антологию — из страха перед однообразием, которое есть в человеческой скорби об ушедших. Зачем превращать в список покойников, как бы дороги они тебе ни были?

Поэт и политик

Пабло Неруда был не только большим поэтом, но и политиком. В 1969 году Коммунистическая партия Чили выдвинула Неруду кандидатом в президенты страны, однако затем сняла его кандидатуру в пользу социалиста Сальвадора Альенде. В 1970 году Пабло стал послом Чили во Франции.

На государственный переворот 11 сентября 1973 года, в результате которого к власти в Чили пришел Пиночет, Неруда откликнулся так: «Я пишу эти беглые строки — они войдут в мою книгу воспоминаний — три дня

спустя после не поддающихся здравому смыслу событий, которые привели к гибели моего большого друга — президента Альенде. Его убийство старательно замалчивали, его похороны прошли без свидетелей, только вдове позволили пойти за гробом бессмертного президента. По версии, усиленно распространявшейся палачами, он был найден мертвым и, по всем признакам, якобы покончил жизнь самоубийством. Но зарубежная печать говорила совсем другое. Вслед за бомбардировкой в ход были пущены танки. Они «бесстрашно» вступили в бой против одного человека — против президента Чили Сальвадора Альенде, который ждал их в кабинете, объятom дымом и пламенем, наедине со своим великим сердцем».

Через восемь дней, 19 сентября 1973 года Неруду госпитализировали — поэт был тяжело болен, у него еще в 1972 году диагностировали рак предстательной железы. 23 сентября 1973 года Пабло Неруда скончался в клинике Санта Мария в Сантьяго — по одной из версий, смерть наступила не из-за болезни, а в результате отравления по приказу Пиночета. Похороны поэта, проходившие под дулами автоматов, стали первой демонстрацией протеста против чилийской хунты.

Он знал, что солнце в Крыму бывает разным (150 лет назад родился Иван Шмелев)

«Крымское эхо», 03.10.2023

«К морю — малютка гора Кагель, крепость над виноградниками, гремящими недалеко славой. Там и золотистый сотерн — светлая кровь горы, и густое бордо, пахнущее сафьяном и черносливом, — и крымским солнцем! — кровь темная», — Иван Сергеевич Шмелев оставил нам удивительно поэтичные описания Крыма — Алушты, Чатырдага, Демерджи, Бабугана и многих других мест. Это тем более удивительно, что они разбросаны по страницам эпопеи «Солнце мертвых» — одной из самых трагических, самых страшных книг русской литературы, рассказывающей о красном терроре и голоде в послереволюционном Крыму.

Железная метла революции

«Нужно было устроить боины, заносить цифры для баланса, подводить итоги. Нужно было шикнуть, доказать ретивость пославшим, показать, как «железная метла» метет чисто, работает без отказа. Убить надо было очень много. Больше ста двадцати тысяч. И убить на бойнях.

Не знаю, сколько убивают на чикагских бойнях. Тут дело было проще: убивали и зарывали. А то и совсем просто: заваливали овраги. А то и совсем просто-просто: выкидывали в море», — описывал Шмелев красный послереволюционный террор.

Один из героев эпопеи, доктор, подсчитал, что за три месяца красного террора в Крыму «заготовили» десять тысяч тонн свежего человеческого мяса. «У меня и количество крови высчитано, на ведра если... сейчас, в книжечке у меня... вот... альбуминный завод бы можно... для экспорта в Европу, если торговля наладится... хотя бы с Англией, например», — говорит герой.

«Эх, Россия! Соблазнили тебя — какими чарами? Спойли каким вином?» — сокрушается Шмелев. И обращается к пресловутому «просвещенному цивилизованному миру»: «Смотри, Европа! Везут товары на кораблях, товары из стран нездешних: чаши из черепов человеческих — пирам веселье, человечесьи кости — игрокам на счастье, портфели из «русской» кожи — ра-

боты северных мастеров, «русский» волос — на покойные кресла для депутатов, дароносицы и кресты — на портсигары, раки святых угодников — на звонкую монету. Скупай Европа! Шумит пьяная ярмарка человеческой крови... чужой крови. Цела Европа? Не видно из Виноградной балки. Как там — с... правами человека?».

Гибель сына

Впервые Иван Шмелев побывал в Крыму, в Алуште, в Профессорском уголке, в 1907 году. Жил на даче своего редактора Дмитрия Тихомирова. Живописная крымская природа и климат запомнились надолго. Десять лет спустя, в июне 1917-го писатель вместе с женой уехал на полуостров от революции. Около месяца прожил на даче своего коллеги по литературному ремеслу Сергея Сергеева-Ценского в Алуште, а затем купил по соседству участок земли, чтобы построить небольшой дом и обзавестись хозяйством. В 1918 году писатель написал в этом домике одну из своих самых знаменитых повестей — «Неупиваемую чашу».

Увы, революция и Гражданская война «догнали» писателя. Старая Россия вытекала из Крыма, как из раны кровь. В ноябре 1920 года семья Шмелевых, включая сына Сергея, который служил офицером в армии Врангеля, могла уехать в эмиграцию вместе с остатками белогвардейцев, но предпочла остаться. «Мы имели возможность уехать, но у меня не было сил покинуть родное, — писал Иван Сергеевич. — Также и мой мальчик. Он прямо заявил: он не уедет. И остался с открытой душой, веря, что его поймут, что он, сколько сможет, будет работать для новой России».

Его не поняли. Сергей Шмелев был расстрелян как офицер-врангелевец в Феодосии в районе Карантина. А Иван Шмелев вслед за гибелью сына пережил в Крыму еще и страшный голод. В 1922 году писатель вернулся в Москву, чтобы вскоре все-таки уехать в эмиграцию — сначала в Берлин, а потом в Париж. Именно там, во Франции, и была написана эпопея «Солнце мертвых», охватывающая события, происходившие в Крыму с августа 1921-го по февраль 1922 года. Книга почти тут же была переведена на английский, немецкий и французский и создала Шмелеву литературное имя за границей. Дважды он выдвигался на Нобелевскую премию, но так и не получил этой награды.

Ошибки старости

Увы, из биографии строчки не выбросишь, в 1941 году писатель поддержал гитлеровскую Германию. Боль от утраты единственного сына заслонила все остальное. Шмелеву казалось, что немцы освободят Россию от власти ненавистных советов. Ни прощения, ни забвения этому заблуждению нет и быть не может. И все-таки Шмелев вошел в историю русской литера-

туры с такими классическими произведениями, как «Человек из ресторана», «Неупиваемая чаша», «Богомолье», «Лето Господне», «Пути небесные», а его «Солнце мертвых» стало одной из лучших книг о революции и ее последствиях и одной из лучших книг, написанных у нас в Крыму.

Последние годы запутавшегося писателя прошли в болезнях, бедности и одиночестве. Большинство знакомых отвернулись от него, не сумев простить поддержку Гитлера. Скончался Шмелев 24 июня 1950 года в Покровском монастыре в Бюсс-ан-От и был похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа». 30 мая 2000 года прах писателя, согласно его предсмертной воле, перезахоронили в некрополе московского Донского монастыря.

В Крыму, в Алуште, в 1993 году, к 120-летию юбилею писателя, был открыт дом-музей Ивана Шмелева.

500 дней Александра Коца: кто, если не он? «Крымское эхо», 13.11.2023

«500 дней поражений и побед. Хроника СВО глазами военкора» — так называется книга Александра Коца, которая обязательно войдет в историю российской военной журналистики, продолжив ряд, начатый Львом Толстым, Аркадием Гайдаром, Михаилом Шолоховым, Константином Симоновым, Александром Прохановым, Эдуардом Лимоновым, Захаром Прилепиным.

Собственно, уже само название книги Коца — это прямая отсылка к одному из великих предшественников. Похоже, «В дни поражений и побед», называется первая повесть Аркадия Гайдара о событиях Гражданской войны. В Великую Отечественную Гайдар работал военкором «Комсомольской правды» и погиб 26 октября 1941 года в бою с немцами на Украине, недалеко от села Лешляево Каневского района Черкасской области. Имя Аркадия Гайдара выбито на мемориале в редакции «Комсомольской правды», где работает Александр Коц, в память о военных корреспондентах, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной.

Специальную военную операцию часто сравнивают с Великой Отечественной, но не менее, а может быть и более справедливо сравнение с Гражданской. Трудно себе представить, сколько солдат и офицеров с фамилией Шевченко сражаются сейчас в армии России. И, увы, наоборот, сколько Ивановых воюют в Вооруженных силах Украины.

В сентябре этого года Александр Коц участвовал в Крымском медиафоруме «Журналистика в период Специальной военной операции», главным организатором которого был Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета вместе с Крымским и Херсонским отделениями Союза журналистов России, телерадиокомпаний «Крым» и информационным агентством «РИА Новости. Крым».

Я спросил у Александра, чувствует ли он историческую связь с Михаилом Шолоховым, Константином Симоновым, Ильей Эренбургом и другими знаменитыми военкорами Великой Отечественной.

«Чувствую ответственность, — ответил он. — Я, конечно, читал и Шолохова, и Симонова, и Эренбурга, и Гроссмана, и Гайдара. Они дали нам

образцы мастерства, к которым надо стремиться. При этом мне до них расти и расти».

«Я не могу представить себе военных корреспондентов Великой Отечественной беспристрастными. Они жили и работали в воюющей стране, и мы сегодня тоже живем и работаем в воюющей стране, — говорил Коц, рассуждая о журналистике. — Еще в 2014 году я сделал то, чего репортер, как учат на журфаках, делать не должен во имя объективности, воспарения над схваткой и прочих высокопарных принципов, — я выбрал сторону. Сторону Русского мира, близких мне ментально и культурно людей, таких же русских, как и мы с вами. И я не собирался играть в напускную объективность. Потому что и за моей спиной стояли Андруха Стенин, Толя Клян, Антон Волошин, Игорь Корнелюк. Все, кто не дожил...».

Я не случайно вынес в название этой статьи вопрос: «Кто, если не он?» Александр Коц служил срочную в ВДВ и с благодарностью вспоминает об этом в своей книжке.

Каждый раз, когда в жизни складывается тяжелая ситуация, Коц до сих пор вспоминает своего взводного Сергея Пицуна, учившего: «Можешь, ты же десантник!».

«Физически подготовить бойца к выполнению задачи можно в любых войсках. Но вбить психологию победителя, осознание того, что ты лучший, что «никто, кроме нас» и «нет задач невыполнимых», — для этого нужны особые навыки», — замечает Александр.

Коц работал военкором в Чечне, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Косове, Афганистане, Ливии, Сирии, Ираке. За репортажи из Южной Осетии, где был ранен, награжден медалью «За отвагу». Но все эти поездки стали для Александра, по его собственному признанию, лишь подготовкой к главной командировке жизни — на Украину.

«Я не хочу брать на себя миссию по открытию глаз всем слепым или по срыванию покровов. Я репортер, я рассказываю о том, что вижу на фронте, показываю войну через людей, их характеры и судьбы, — объяснял мне Коц. — Война, с какой стороны на нее ни посмотри, это страшно. Это сложно передать на письме или в телевизионном репортаже, но я стараюсь все-таки приблизить свою аудиторию к войне, чтобы вызвать эмоциональный отклик. Чтобы люди не были равнодушными, чтобы они понимали, что это не где-то очень далеко, не что-то чужое, а происходит рядом, в их стране, с их соотечественниками. Когда мне удастся вызвать у читателей этот эмоциональный отклик, я понимаю, что в этом, наверное, и состоит моя задача».

Честный, непричесанный дневник Александра Коца восстанавливает пятьсот дней Специальной военной операции через судьбы знаменитых и безвестных, харизматичных и неброских людей, с которыми военкор был рядом на всех фронтах СВО — от Донецка до Киева, от Луганска до Херсона,

от Артемовска до Запорожья. На помещенной в книге карте Украины красными флажками выделены города и села, в которых побывал Александр. Увы, часть из них сегодня снова находятся под контролем бандеровцев — Чернобыль, Гостомель, Буча, Балаклея, Купянск, Боровая, Изюм, Херсон, Чернобаевка.

«Многие надежды той незабываемой ночи (с 23 на 24 февраля 2022 года — Автор.) сегодня кажутся невыносимо наивными. За полтора года мы узнали много нового — и не всегда приятного — о нашей стране, армии, о себе. Простодушие переплавлялось в цинизм, мечты — в разочарования, страхи — в усталость. Понимание, что легкой победы не будет, приходило не сразу. И приходило очень болезненно для многих. Я в их числе», — признается Коц.

Что ж, его книга ведь и называется — «500 дней поражений и...» «...И побед» — побед в Мелитополе, Мариуполе, Кременной, Рубежном, Волновахе, Северодонецке, Лисичанске, Соledаре, Артемовске и десятках других освобожденных городов и сел.

И, конечно, у этой книги должно быть, да что там — наверняка будет продолжение и, надеюсь, окончание. Потому что на сегодняшний день, 13 ноября 2023 года, специальная военная операция длится уже не 500, а 628 дней. И потому что когда-нибудь это должно закончиться. Нашей Победой. Одной на всех.

**Федор Тютчев: «истинный защитник
России — История»
(Весь Запад пришел выказать свое отрицание
России и преградить ей путь к будущему)
«Крымское эхо», 05.12.2023**

Есть у меня такой почти эксклюзивный жанр — интервью с классиками. Было дело, я, стоя у своих книжных полок, «беседовал» с Пушкиным, Гоголем, Достоевским, Толстым, Булгаковым, Солженицыным. Ну а сегодня мой собеседник — Тютчев. Повод для разговора — 220 лет со дня рождения этого большого русского поэта, государственного и общественного деятеля, много лет служившего России не только на поэтическом, но и на дипломатическом поприще и дослужившегося там до чина действительного тайного советника.

«Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!».

Это не только о Цицероне, не только о самом Тютчеве, но и о нас с вами. Мы действительно «посетили мир» в его минуты роковые, и они вновь, как при жизни поэта, связаны с Крымом.

Ключевым политическим событием в жизни, творчестве и государственной деятельности Тютчева была Крымская война 1853–1856 годов. Ключевое событие в нашей жизни — ее «продолжение», Вторая, или Новая Крымская война, идущая прямо сейчас между Россией и коллективным Западом. Неслучайно в сентябре этого года министр иностранных дел России Сергей Лавров цитировал слова, написанные поэтом-дипломатом в году 1854-м: «Давно уже можно было предугадать, что эта бешеная ненависть, которая тридцать лет, с каждым годом все сильнее и сильнее, разжигалась

на Западе против России, сорвется же когда-нибудь с цепи. Этот миг и настал... России просто-напросто предложили самоубийство, отречение от самой основы своего бытия, торжественного признания, что она не что иное в мире, как дикое и безобразное явление, как зло, требующее исправления».

«Если абстрагироваться от дат и годовщин, это в общем-то вполне применимо к тому, что сегодня Запад делает в отношении нашей родины, — сказал Лавров. И заметил, что Россия делает все для того, чтобы замыслы, о которых писал Тютчев почти двести лет назад, никогда не материализовались».

Итак, я подошел к книжной полке, снял оттуда собрание сочинений Тютчева и начал свое «интервью». Все ответы в нем — подлинные и представляют собой цитаты из писем и статей классика.

— Федор Иванович, как бы вы охарактеризовали отношение Запада к России?

— Длительное время своеобразие понимания Западом России походило в некоторых отношениях на первые впечатления, произведенные на современников открытиями Колумба, — то же заблуждение, тот же оптический обман. Вы знаете, что очень долго люди Старого света, приветствуя бессмертное открытие, упорно отказывались допустить существование нового материка. Они считали более простым и разумным предполагать, что открываемые земли составляют лишь дополнение, продолжение уже известного им континента. Подобным же образом издавна складывались представления и о другом Новом свете, Восточной Европе, где Россия всегда оставалась душой и движущей силой... В течение веков европейский Запад совершенно простодушно верил, что кроме него нет и не может быть другой Европы. Конечно, он знал, что за его пределами существуют еще другие народы и государства, называющие себя христианскими; во время своего могущества Запад даже затрагивал границы сего безымянного мира, вырвал у него несколько клочков и с грехом пополам присвоил их себе, исказив их естественные национальные черты. Но чтобы за этими пределами жила другая, Восточная Европа, вполне законная сестра христианского Запада, христианская, как и он, правда не феодальная и не иерархическая, однако тем самым внутренне более глубоко христианская; чтобы существовал там целый Мир, Единый в своем Начале, прочно взаимосвязанный в своих частях, живущий своей собственной, органической, самобытной жизнью, — вот что было невозможно допустить, вот что многие предпочли бы подвергнуть сомнению, даже сегодня.

— Чем мы должны ответить на это Западу? Каким должен быть «наш ответ Чемберлену»? Хотя, виноват, вы не знаете, кто такой Чемберлен. А впрочем, поверьте, он мало отличается от хорошо известного вам Пальмерстона.

— Россия готова уважать историческую законность народов Запада. Она вместе с ними самоотверженно сражалась за ее восстановление на прежних основаниях. Россия весьма расположена уважать эту законность не только в главном начале, но даже во всех ее крайних следствиях, уклонениях и слабостях. Но и Запад, со своей стороны, должен научиться уважать нас в нашем единстве и силе. Возможно, мне возразят, что именно несовершенства нашего общественного устройства, пороки нашей администрации, жизненные условия наших низших слоев и прочая, и прочая раздражают общественное мнение против России. Но взгляните, например, на Англию, что вы о ней скажете? Посмотрите на ее фабричное население, на Ирландию, и если бы при полном знании вы сумели сравнить две страны и могли взвесить на точных весах злополучные последствия русского варварства и английской цивилизации, вы нашли бы, что в Соединенном королевстве существует по меньшей мере миллион человек, много бы выигравших, когда бы их сослали в Сибирь.

— **Можно ли было предотвратить нынешнее столкновение?**

— Вопреки всему — рассудку, нравственности, выгоде, вопреки даже инстинкту самосохранения, ужасное столкновение должно было произойти. И вызвано это столкновение не одним скаредным эгоизмом Англии, не низкой гнусностью Франции, воплотившейся в авантюристе, и даже не немцами, а чем-то более общим и роковым. Это — вечный антагонизм между тем, что, за неимением других выражений, приходится называть: Запад и Восток. Давно уже война висела в воздухе, теперь она сорвалась и все более и более разгорается в людях. Ничто не выражает так ясно всю меру ненависти к России, как это смехотворное бешенство французских и, в особенности, английских газет после наших последних успехов... Они самым серьезным образом вменяют ей в преступление и относят на ее счет столь известное изречение по поводу какого-то животного: оно было столь свирепо, что защищалось, когда на него нападали.

— **Как можно охарактеризовать приступ русофобии, охвативший сегодня западное общество?**

— Это припадок буйного сумасшествия, овладевший западным обществом от верхних слоев и до нижних. Это согласие, это единение в бешенстве. А затем не менее поразительное единодушие во лжи. Это принесение в жертву не только лучших инстинктов природы человеческой, но даже самых низменных и эгоистичных инстинктов самосохранения и материального благосостояния, какой-то страсти уничтожения и разрушения. Отдельный человек, который поступал бы так, как это делают теперь правительства и целые общества, был бы, конечно, заподозрен в сумасшествии, взят под опеку. Россию почти удалось превратить в пугало для большинства представителей нынешнего поколения, сызмальства не перестававшего слышать

постоянно повторяемый припев. И множество зрелых умов нашего времени без колебаний опустилось до младенчески простодушного слабоумия, чтобы доставить себе удовольствие видеть в России какого-то людоеда XIX, виноват — XXI века.

— Что вы думаете о русских солдатах?

— Если вам встретится ветеран наполеоновской армии, напомните ему его славное прошлое и спросите, кто среди всех противников, воевавших с ним на полях сражений Европы, был наиболее достоин уважения, кто после отдельных поражений сохранял гордый вид: можно поставить десять против одного, что он назовет вам русского солдата. Пройдитесь по департаментам Франции, где чужеземное вторжение оставило свой след в 1814 году, и спросите жителей этих провинций, какой солдат в отрядах неприятельских войск постоянно выказывал величайшую человечность, высочайшую дисциплину, наименьшую враждебность к мирным жителям, безоружным гражданам, — можно поставить сто против одного, что они назовут вам русского солдата. А если вам захочется узнать, кто был самым необузданным и самым хищным, — о, это уже не русский солдат.

— Чем же, на ваш взгляд, завершится эта новая Крымская война?

— Весь Запад пришел выказать свое отрицание России и преградить ей путь к будущему. Все меня окружающее, как и я сам, принимает участие в одном из самых торжественных моментов истории мира. Я глубоко убежден, что этот кризис, столь медленно приближавшийся, будет гораздо страшнее и гораздо длительнее, нежели я предполагал. Остатка этого века едва хватит для его разрешения. Россия выйдет из него торжествующей, я знаю, но многое в теперешней России погибнет. Мы в состоянии оказать им достойный их прием. Все это бешенство, и все это лицемерие, и это нелепое хвастовство, и эта бесстыдная ложь. Господь в своем правосудии даст этим молодцам урок, который им запомнится.

Нет, милостивый государь, не об апологии России идет речь. Апология России!.. Боже мой, эту задачу взял на себя превосходящий всех нас мастер, который, как мне кажется, выполнял ее до сих пор с достаточной славой. Истинный защитник России — История, в течение столетий разрешавшая в ее пользу все тяжбы, в которые русский народ раз за разом ввергал все это время свои таинственные судьбы.

От «12 стульев» до обороны Севастополя (120 лет назад родился Евгений Петров) «Крымское эхо», 13.12.2023

Евгений Петров (настоящая фамилия — Катаев) в биографии указывал, что родился 13 декабря (по старому стилю — 30 ноября) 1903 года. По другим данным, он появился на свет в тот же день на год раньше — в 1902-м. Однако сколько бы со дня рождения писателя сегодня ни исполнилось — круглых 120 лет или не круглый 121 год — он стоит того, чтобы его помнили.

Евгений Петров известен прежде всего как соавтор, вместе с Ильей Ильфом, двух романов об Остапе Бендере — «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». В меньшей степени — как соавтор, тоже вместе с Ильфом, путевых заметок «Одноэтажная Америка».

А между тем Петров — еще и военный корреспондент эпохи Великой Отечественной войны. В грозном 1943 году поэт Константин Симонов и композитор Матвей Блантер написали знаменитую «Песенку военных корреспондентов», известную также как «Корреспондентская застольная». «Помянуть нам в пору мертвых репортеров. Стал могилой Киев им и Крым. Хоть они порою были и герои, не поставят памятника им», — поется в ней.

Эти строчки имеют прямое отношение к Евгению Петрову.

В войну он работал корреспондентом легендарного «Совинформбюро», публиковал фронтовые репортажи и очерки в «Правде», «Красной звезде», «Огоньке». Вот фрагмент одного из них: «Сегодня под Москвой», от 30 ноября грозного 1941 года.

«В простой бревенчатой избе, под образами, совсем как на знаменитой картине «Военный совет в Филях», сидят три советских генерала — пехотный, артиллерийский и танковый.

И так же, как тогда, та же русская природа за окном, и карта на столе, и заглядывает в комнату любопытный деревенский мальчик, и недалеко Москва. И генералы даже чем-то похожи на Дохтурова или молодого Ермолова, вероятно, русскими лицами и золотом на воротниках.

Только они не решают здесь — оставить Москву врагу или дать новое сражение.

Вопрос уже решен: Москву отстоять во что бы то ни стало. А генеральное сражение уже идет четырнадцатый день, не только не ослабевая, но все усиливаясь.

Если продолжить историческую параллель с 1812 годом, хочется сравнить с Бородинским сражением октябрьские бои на Западном фронте, когда наши армии, непрерывно сражаясь, откатывались от Вязьмы и Брянска, а израненный враг, совершивший гигантский прыжок в двести километров, должен был остановиться, чтобы зализать свои раны и собраться с новыми силами. Сейчас же на подступах к Москве идет то сражение, которое Кутузов не решился дать Наполеону, но обязательно дал бы, если бы, защищая Москву, находился в современных условиях».

Еще несколько дней спустя, 16 декабря, Петров писал из Клина: «Положение военных корреспондентов на Западном фронте становится все более сложным. Всего несколько дней назад мы выезжали налегке и, проехав какие-нибудь тридцать километров, оказывались на фронте. Сегодня в том же направлении нам пришлось проехать около сотни километров. Путь немецкого отступления становится довольно длинным. И этот путь однообразен — сожженные деревни, минированные дороги, скелеты автомобилей и танков...».

Немцы были разбиты под Москвой, и эта первая большая победа Красной армии в Великой Отечественной войне была запечатлена в статьях Евгения Петрова. Они и сегодня остаются яркими образцами настоящей военной журналистики, на которых должны учиться современные репортеры.

Летом 1942 года Евгений Петров отправился в осажденный фашистами Севастополь. По свидетельству другого знаменитого советского военкора, Ильи Эренбурга, в той командировке Петров мог погибнуть неоднократно: во время бомбежки; при возвращении на Кавказ на едва не затонувшем, получившем во время рейда множество пробоин лидере «Ташкент»; в машине, угодившей в аварию по дороге из Новороссийска в Краснодар. А погиб в самолете. Второго июля 1942 года пассажирский «Дуглас», на котором Петров вылетел из Краснодара в Москву, врезался в холм.

В полевой сумке Петрова остался черновик начатого репортажа о Севастополе. Последние строки, которые он успел написать, были такими: «Возможно, что город все-таки удержится. Я уже привык верить в чудеса...» Город, увы, не удержался. Через несколько дней советские войска оставили Севастополь.

Военные статьи, зарисовки и репортажи Евгения Петрова составили его последнюю книгу — «Фронтовой дневник», собранную и изданную уже после его гибели.

«С первого дня войны он знал одну страсть: победить врага! Он не отошел в сторону, не стал обдумывать и гадать. Он был всюду, где был наш народ. Его видели защитники Москвы в лихие дни ноября. Он был в освобожденном Волоколамске. Как-то зимой он поехал к Юхнову, вернулся контуженный, но, как всегда бодрый, говорил: «Юхнов возьмем...». Недавно он побывал на далеком севере, у Мурманска. Я был с ним, когда его спросили: «Хотите в Севастополь?» Он весь засиял: «Конечно». Это было две недели тому назад. Петров знал, что дни Севастополя сочтены, но он хотел донести до нашего народа, да и до всего мира рассказ о беспримерном мужестве севастопольцев...», — писал Илья Эренбург.

По его словам, героическая оборона Севастополя не случайно стала последней главой в жизни Петрова. «Огонь краснофлотцев как бы кидает свой отблеск на черную ночь, куда ушел от нас Петров. Свое имя он связал с Севастополем — для нас и для истории», — писал Эренбург.

Р. С. Кстати, с Крымом связано начало совместного творчества Евгения Петрова и Ильи Ильфа. Летом 1927 года они в качестве корреспондентов «Гудка» отправились в командировку на полуостров. Именно во время этой поездки у молодых журналистов появилось желание писать вместе. В августе, когда Петров и Ильф вернулись в Москву, Валентин Катаев полушутя дал им тему для романа: «Стулья. Представьте себе, в одном из стульев запрятаны деньги. Их надо найти». Так родилась идея «Двенадцати стульев».

Крым в жизни и творчестве Константина Симонова

***«Ученые записки Крымского федерального
университета имени В.И. Вернадского.
Филологические науки». Т.9. № 3. 2023***

ВВЕДЕНИЕ

Константин Симонов — признанный классик русской военной журналистики и литературы. Его произведения, равно как и произведения его товарищей по цеху военных корреспондентов — Михаила Шолохова, Ильи Эренбурга, Александра Твардовского и других, равно как и так называемая лейтенантская проза писателей, которые пришли в литературу после войны прямо из окопов — Виктора Некрасова, Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Василя Быкова, Бориса Васильева — лучшее, что написано о войне не только в России, но и в мире. Их уникальный боевой опыт вместе с литературным талантом создали потрясающую советскую литературу о войне — не только о войне Великой Отечественной, но и о войне вообще, о войне как явлении, проявляющем все лучшие и худшие качества в человеке. Увы, в силу ряда причин — прежде всего идеологического толка — эта литература остается мало известной за рубежом, да и в России не пользуется тем уважением, которого бесспорно заслуживает.

Военная тема пришла в творчество Константина Симонова в 1939 году. Его, выпускника Литературного института, направили на Халхин-Гол, где он работал корреспондентом газеты «Героическая красноармейская». Вернувшись из Монголии, Симонов поступил на годичные курсы военных корреспондентов при Военно-политической академии имени В. И. Ленина, которые закончил в июне 1941-го с присвоением звания интенданта второго ранга. С первого дня Великой Отечественной Симонов — военкор газет «Боевое знамя», «Красноармейская правда», «Известия», «Красная звезда», «Правда».

«По долгу службы я в разное время находился на следующих фронтах: 1941 год: июнь — июль — Западный фронт; август — сентябрь — Южный фронт, Приморская армия — Одесса, Особая Крымская армия — Крым,

Черноморский флот; октябрь и ноябрь — Мурманское направление Карельского фронта, Северный флот; декабрь — Западный фронт.

1942 год: январь — Закавказский фронт (Новороссийск, Феодосия); январь — февраль — Западный фронт; февраль — март — Керченский полуостров; апрель — май — Мурманское направление Карельского фронта; июль — август — Брянский фронт, Западный фронт; август — сентябрь — Сталинградский фронт; ноябрь — Мурманское направление Карельского фронта; декабрь — Западный фронт.

1943 год: январь — февраль — март — Северокавказский и Южный фронты; апрель — Южный фронт; май — июнь — отпуск, полученный от редакции для написания «Дней и ночей». Жил эти месяцы в Алма-Ате и вчерне написал почти всю книгу. Июль — Курская дуга; август — октябрь — несколько поездок в армии Центрального фронта. Декабрь — корреспондент «Красной звезды» на Харьковском процессе над фашистами — организаторами массовых убийств населения.

1944 год: март — апрель — Первый и Второй Украинские фронты; май — Второй Украинский фронт; июнь — Ленинградский фронт, от начала прорыва линии Маннергейма до взятия Выборга; июль — август — Первый Белорусский фронт, Люблин, Майданек; август — сентябрь — в частях Второго и Третьего Украинских фронтов в период наступления от Ясс до Бухареста, затем в Болгарии, Румынии и Югославии; октябрь — в Южной Сербии у югославских партизан. После освобождения Белграда — полет в Италию на нашу авиационную базу в Бари.

1945 год: январь — апрель — Четвертый Украинский фронт, Закарпатская Украина, Южная Польша, Словакия, в наших частях и частях Чехословацкого корпуса; конец апреля — Первый Украинский фронт, встреча с американцами в Торгау. Последние дни боев за Берлин — в частях Первого Украинского и Первого Белорусского фронтов. Присутствовал при подписании капитуляции германской армии в Карлсхорсте. 10 мая был в Праге» [2, с. 34–35], — рассказал Симонов в своей автобиографии.

Просто представьте себе эту интенсивность журналистской работы в экстремальных условиях боевых действий. «Он был из тех военкоров, кто не вылезал из окопов, собирал газетный материал на батальонных и полковых НП, хорошо понимал цену жизни на войне и цену слова о войне» [1, с. 210].

Среди военных наград полковника Рабоче-Крестьянской Красной армии Константина Симонова — орден Боевого Красного Знамени и два ордена Отечественной войны первой степени.

Почти весь материал для книг — как написанных во время войны, так и большинства послевоенных — ему дала именно работа военным корреспондентом на фронте, признавался писатель. Симонов вошел в историю русской литературы с трилогией «Живые и мертвые», романом «Товарищи

по оружию», циклом повестей «Из записок Лопатина», пьесами «Парень из нашего города» и «Русские люди», стихотворениями «Жди меня» и «Убей его!», мемуарами «Разные дни войны» и десятками других произведений.

Творческое наследие Константина Симонова огромно, и в то же время он остается недооцененным писателем. В значительной степени это связано с идеологическим аспектом. Симонов — лауреат шести (!!!) Сталинских премий. В поверхностном перестроечном и постперестроечном сознании он остается махровым классиком социалистического реализма со всеми последствиями принадлежности к этому немодному, ретроградному литературному направлению. Между тем, повторимся, произведения Симонова принадлежат к лучшему, что написано о Великой Отечественной войне и о войне вообще.

Важнейшее место в жизни и творчестве писателя занимает Крым. Он работал здесь в качестве военного корреспондента в самый тяжелый период Великой Отечественной войны — в 1941 и 1942 годах. Те трагические события отразились в трилогии «Живые и мертвые», пьесах, рассказах, мемуарах, стихотворениях, журналистских материалах. Писатель возвращался к ним на протяжении всей своей последующей жизни, как не раз и не два возвращался после войны и в сам Крым.

Цель исследования:

— изучить роль Крыма в жизни и творчестве Константина Симонова.

Задачи:

- проанализировать обращения автора к крымской тематике;
- выделить «самые крымские» тексты писателя;
- описать образ Крыма в творчестве Симонова;
- определить значение творчества Симонова для профессии военного корреспондента;
- провести параллели между крымскими реалиями периода Великой Отечественной войны и Специальной военной операции на Украине.

Методы исследования — описательный; историко-генетический, позволяющий выявить связь между традициями русской литературы и представлениями писателя; биографический, устанавливающий зависимость между жизнью и творчеством Симонова.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней предпринимается системная попытка изучить роль Крыма в жизни и творчестве классика русской литературы и журналистики.

Особую актуальность тема исследования приобретает в свете Специальной военной операции на Украине, чья «проблематика» во многом связана с «проблематикой» Великой Отечественной войны, и с учетом резкого роста популярности профессии военного корреспондента.

Константин Симонов — один из тех, кто ковал славу военных корреспондентов эпохи Великой Отечественной войны, кто вместе с Михаилом

Шолоховым, Ильей Эренбургом, Александром Твардовским создавал традиции, которые сегодня продолжают Александр Сладков, Александр Коц, Дмитрий Стешин и другие военкоры Специальной военной операции.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Великая Отечественная война — ключевое историческое событие, определившее главное содержание журналистского и литературного творчества Константина Симонова. Как уже говорилось, почти весь материал для книг писателю дала работа военным корреспондентом на фронте. Он возвращался к событиям Великой Отечественной на всем протяжении своего творческого пути — вплоть до последних дней жизни. При этом значительная, может быть, даже важнейшая часть военной биографии Симонова связана с Крымом.

Впервые писатель побывал на полуострове в 1939 году. До войны он воспринимается Симоновым в традициях русской литературы XIX — первой трети XX столетия. С одной стороны, как рай на земле, место, куда хочется сбежать от повседневных забот и невзгод: «Под южным солнцем заметая след, Сбежать бы в Крым...» [9, с. 458]. С другой — как земля ратной русской славы. Первая поездка в Крым отразилась в стихотворении «Английское военное кладбище в Севастополе», посвященном героической обороне города в 1854–1855 годах:

«Здесь нет ни остролистника, ни тиса.
Чужие камни и солончаки,
Проржавленные солнцем кипарисы
Как воткнутые в землю тесаки.
И спрятаны под их худые кроны
В земле, под серым слоем плитняка,
Побатальонно и позскадронно
Построены британские войска» [3, с. 62].

Стихотворения «Немецкое военное кладбище в Севастополе» Симонов не написал, хотя мог бы — таких кладбищ после Великой Отечественной войны в городе русской славы осталось много, а одно — возле села Гончарного — существует до сих пор.

Еще одно стихотворение, родившееся в 1939 году в Севастополе, — «Поручик» — воспекает подвиг защитников Малахова кургана в дни Крымской войны и одновременно звучит предвосхищением новой военной славы города:

«Уж сотый день врезаются гранаты
В Малахов окровавленный курган» [10, с. 60].

Об особом отношении Симонова к Крыму свидетельствует тот факт, что главным героем его, пожалуй, самого известного произведения, трилогии

«Живые и мертвые», Иван Синцов 22 июня 1941 года оказывается в Симферополе: «О том, что началась война, Синцов и Маша узнали в Симферополе, на жарком привокзальном пятачке. Они только что сошли с поезда и стояли возле старого открытого <<линкольна>>, ожидая попутчиков, чтобы в складчину доехать до военного санатория в Гурзуфе.

Оборвав их разговор с шофером о том, есть ли на рынке фрукты и помидоры, радио хрипло на всю площадь сказало, что началась война, и жизнь сразу разделилась на две несоединимые части: на ту, что была минуту назад до войны, и на ту, что была теперь» [6, с. 6].

Иван Синцов, в чьем образе легко угадываются черты самого Константина Симонова, — военный корреспондент, который, потеряв документы в суматохе первых дней войны, становится солдатом — сначала рядовым, потом офицером, командиром батальона, начальником штаба полка. И, возможно, в этой художественной трансформации отразилась несбывшаяся, затаенная мечта Симонова полностью сменить в дни войны перо на штык.

В августе 1941 года Константин Симонов отправился в командировку в Крым как военный корреспондент «Красной звезды». Эта поездка подробно описана в мемуарах «Разные дни войны». Символично, что с собой вместе с самыми необходимыми вещами Симонов взял «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Как будто сам уже задумал написать столь же масштабную эпопею — только не о Гражданской войне, а о Великой Отечественной. И надо сказать, что во многом это Симонову действительно удалось в трилогии «Живые и мертвые». А Михаил Шолохов, кстати говоря, тоже работал во время Великой Отечественной военкором. И тоже оставил нам великолепные образцы военной журналистики. Его рассказы «Наука ненависти» и «Судьба человека» были впервые опубликованы в газете «Правда», да и роман «Они сражались за Родину» родился прежде всего из опыта фронтового корреспондента.

Из Москвы в Севастополь Константин Симонов и его коллега, фотокорреспондент Яков Халип добирались на редакционной «эмке». На полуостров попали из Генчешеска по Чонгарскому мосту, дальше через Джанкой и Симферополь доехали до главной базы Черноморского флота. Из Севастополя журналисты отправились на тральщике «Делегат» в Одессу. Обратном в Крым вернулись через несколько дней уже на эсминце. Симонов передал самолетом подготовленные материалы в Москву и получил новое редакционное задание: побывать на одной из отличившихся подводных лодок и сделать о ней статью со снимками. Чтобы выполнить его, Симонов отправился в боевой рейд на подводной лодке А-4. Очерк об этом походе в «Красной звезде» назывался «У берегов Румынии».

Вернувшись из подводного рейда, Симонов отправился в Симферополь. К этому времени немцы уже вплотную подошли к Крымскому полу-

острову. Военкор побывал на Сиваше, на Чонгаре, на Арабатской стрелке, увидел первые бои за Крым и 23 сентября улетел из Симферополя в Москву, надеясь вернуться на полуостров через несколько дней, однако сбыться этим надеждам было не суждено. Редакция направила Симонова в новую командировку не на юг, а на север — в Заполярье.

Эта первая боевая командировка в Крым отразилась не только в мемуарах, но и в художественной прозе Симонова — в частности, в цикле повестей «Из записок Лопатина». Пока их герой, военкор Лопатин — естественно, тоже во многом автобиографический персонаж — был в плавании, «положение на юге ухудшилось, и, хотя в утреннем сообщении Информбюро стояла та же самая фраза, что он читал двадцать дней назад, — «наши войска вели бои с противником на всем фронте», — сидевшие в Симферополе газетчики рассказали, что за это время немцы переправились через Днепр у Каховки и, выйдя к Мариуполу, отрезали Крым» [7, с. 9].

Сегодня, в условиях Специальной военной операции, эти строки читаются как «эскиз» к планам украинских националистов, ведущих свою «родословную» напрямую от Коновальца, Бандеры, Шухевича и других пособников Гитлера.

Так же показательно в свете СВО — крупнейшего военного конфликта в Европе после окончания Второй мировой — звучит и вот такая фраза из записок Лопатина: «Сколько раз я на маневрах был, десятки раз, а на поверку вышло: война как вода, — пока не нырнешь в нее, плавать не научишься» [7, с. 17].

Огромное впечатление на Константина Симонова произвела во время пребывания в Крыму бесстрашная 19-летняя девушка Паша Анощенко из Сольпрома (современное Соляное) — села у самого основания Арабатской стрелки. Облик этой дерзкой и самоотверженной «шоферки» врезался ему в память на долгие годы. Он написал о ней очерк для «Красной звезды» «Девушка с соляного промысла», вывел под именем Вали Анощенко в пьесе «Русские люди» и под именем Паши Горобец в «записках Лопатина».

«А знаете, Иван Никитич, все говорят: родина, родина... и, наверное, что-то большое представляют, когда говорят. А я нет. У нас в Ново-Николаевке изба на краю села стоит и около речки две березки. Я качели на них вешала. Мне про родину говорят, а я все эти две березки вспоминаю» [13, с. 467–468], — говорит героиня пьесы «Русские люди».

Сам Симонов считал «Русских людей» своей лучшей пьесой, она была переведена на английский язык, издана в Великобритании, поставлена в США, так что там знали, что в Крыму и на Арабатской стрелке живут и сражаются русские люди.

А еще эта командировка дала Симонову материал для его первого художественного рассказа — «Третий адъютант» об Андрее Николаеве, кор-

пусном комиссаре, члене Военсовета 51-й армии, уверенном, что храбрые умирают реже.

На мысль написать рассказ Симонова натолкнул главный редактор «Красной звезды» Давид Ортенберг.

Вот как вспоминал об этом писатель:

«— Послушай, Симонов, помнишь, когда ты в прошлый раз вернулся из Крыма, ты мне рассказывал, как корпусной комиссар Николаев говорил тебе, что храбрые умирают реже?»

Недоумевая, я ответил, что помню.

— Так вот, — сказал редактор, — написал бы ты на эту тему рассказ. Это идея важная и, в сущности, справедливая.

Я ушел от него с некоторой робостью в душе, потому что никогда в жизни не писал рассказов и за время работы военным корреспондентом «Красной звезды» мысль вдруг написать на материале того, что я видел, не корреспонденцию, а рассказ, еще ни разу не приходила мне в голову.

Написать этот первый рассказ помогли воспоминания об Арабатской стрелке, нахлынувшие после разговора с Ортенбергом. Вспомнив Николаева и самое твердое и непоколебимое из всех его убеждений, что храбрых убивают реже, чем трусов, я расположил некоторые подробности того памятного для меня дня так, как мне показалось удобнее, и через два дня положил на стол редактору свой первый рассказ, который назывался «Третий адъютант» [12, с. 36-37].

Этот случай — иллюстрация того, как журналистика «переплавляется» в литературу. «Среди того, что я видел на войне, было немало такого, о чем хотелось поговорить подробнее, глубже, серьезнее, чем это удается в рядовой газетной корреспонденции» [12, с. 39], — объяснял сам писатель.

По соображениям военной цензуры Симонов мог рассказать читателям газеты далеко не все из того, что происходило на фронте в тяжелые первые месяцы войны. Он вспоминал: «В эти дни мне пришлось пережить несколько неприятных минут. Товарищи спрашивали у меня, где я был последнее время. Я отвечал, что в Крыму. «Сколько там пробыл?» — «Две недели». У них в глазах было удивление и даже неодобрение — чего это я две недели сидел там на курорте? Не осведомленные о действительном положении вещей, люди в Москве были далеки от мысли, что немцы уже подошли к Перекопу и Чонгару. Но объяснить им это в то время я не имел права. Вообще надо сказать, что в нашей корреспондентской работе самое тяжелое время было с июня по октябрь сорок первого года. Это было время, когда официальные сводки настолько резко не согласовывались с тем, что реально происходило на фронте, что писать было очень трудно, а рассказывать все, что видел, просто невозможно» [11, с. 327].

Вторая военная командировка Симонова в Крым состоялась в начале 1942 года. Главред направил его на полуостров осветить ход Керченско-Феодосийской десантной операции. Военкор добрался до Феодосии на крейсере «Красный Кавказ» 4 января, всего через несколько дней после высадки нашего десанта.

«Город поднимался вверх большой подковой. Он был в этот час черным и пустынным... Чем выше поднимались в гору, тем больше попадалось нам брошенных немецких машин — и грузовых и легковых. Кое-где на тротуарах и на мостовой еще валялись трупы немцев. Город был взят внезапно» [12, с. 16], — писал Симонов.

В Феодосии он не только стал свидетелем освобождения города, увы, кратковременного, от фашистов, но и столкнулся с предателями из числа местных жителей. В письме главному редактору журнала «Дружба народов» Сергею Баруздину Симонов предложил свое объяснение этим прискорбным фактам: «В Феодосии действительно оказалось довольно много людей, пошедших на сотрудничество с фашистами. Думается, что одна из причин тому — то, что именно здесь, в Крыму, было последнее прибежище врангелевской армии, именно здесь всякими правдами-неправдами зацепились некоторые люди, хотевшие, но не успевшие уехать с белыми, а в сорок первом году, сбросив маску, пошедшие служить к немцам» [14, с. 702].

О феодосийском бургомистре Василии Грузинове Симонов написал для «Красной звезды» отдельный очерк — «Предатель». «Этот человек был мне отвратителен. Отвратителен в гораздо большей степени, чем любой пленный немец. В силе этого чувства играли роль два момента: во-первых, он служил немцам, то есть был предателем. А во-вторых, может быть, я все же испытывал бы к нему меньшее физическое отвращение, если бы его можно было хотя бы считать принципиальным нашим врагом, убежденным, что Россия должна быть не такой, какая она есть, и что лучше отдать немцам часть ее территории, чтобы на оставшейся восстановить буржуазное или самодержавное государство, восстановить любой ценой, только бы не жить при Советской власти.

Но у этого человека явно не было никаких принципов, даже таких. Ему не было никакого дела до судеб России. Его интересовал только он сам, его собственная судьба, его собственное благосостояние. Он был для меня символом всего того спокойного, удовлетворенного и собой и окружающими в условиях удачного стяжательства; всего того мещанского, уныло-жадного, что я ненавидел с детства» [12, с. 22].

Из Феодосии в Новороссийск Симонов вернулся на судне-рудовозе «А. Серов», которое еле доплыло до берега с трещиной в корпусе. Оттуда поездом отправился в Краснодар и 9 января самолетом вернулся в Москву. А в двадцатых числах февраля того же 1942 года Ортенберг снова коман-

дировал Симонова на полуостров — на этот раз в Керчь, откуда военкор отправился в село Ленинское, где располагался штаб Крымского фронта.

Увы, начавшееся наступление, о котором должен был написать Симонов, провалилось. Виной тому были и чудовищная погода, и, в еще большей степени, ошибки командования. «Все завязло в грязи, танки не шли, пушки застряли где-то сзади, машины тоже, снаряды подносили на руках. Людей на передовой было бессмысленно много. Ни раньше, ни позже я не видел такого большого количества людей, убитых не в бою, не в атаке, а при систематических артналетах. На каждом десятке метров обязательно находился подвергавшийся этой опасности человек. Люди топтались и не знали, что делать. Кругом не было ни окопов, ни щелей ничего. Все происходило на голом, грязном, абсолютно открытом со всех сторон поле. Трупы утопали в грязи, и смерть здесь, на этом поле, почему-то казалась особенно ужасной» [12, с. 64].

Увиденного на Крымском фронте Симонов, по его собственному признанию, не забыл до конца жизни. «Слева и справа от дороги, насколько хватало глаз, тянулось огромное грязное поле, истоптанное так, словно по нему долго ходил скот. На этом грязном поле с кое-где торчащими пожелтевшими стеблями прошлогодней травы и с бесчисленными мелкими минными воронками лежали трупы. Редко на войне я видел такое большое количество трупов, разбросанных на таком большом и при этом легко обозримом пространстве. Это были румынские минные поля, расположенные между первой и второй линиями их обороны. Поля эти тянулись примерно на километр вглубь, и на них лежали бесчисленные трупы — румынские и наши. Сначала, убегая с первой линии обороны, на эти собственные минные поля нарвались румыны. А потом, очевидно, на них же нарвались и наши, спешившие через эти поля вперед, вслед за отступавшими румынами. Мертвецы чаще всего лежали ничком, как упали на бегу — лицом в землю, руки вперед. Некоторые сидели в странных позах, на корточках. У некоторых оставались в руках винтовки, у других винтовки лежали рядом» [12, с. 62].

Трагедия Крымского фронта вылилась у Симонова не только в прозу, но и в поэзию. Ей посвящено длинное пронзительное стихотворение «Дожди». Лирический герой рассказывает в письме своей любимой о тяжелом зимнем наступлении в акмонайских степях.

«Есть в неудачном наступленьи
Несчастный час, когда оно
Уже остановилось, но
Войска приведены в движенье.
Еще не отменен приказ,
И он с жестоким постоянством
В непроходимое пространство,
Как маятник, толкает нас.

Но разве можно знать отсюда —
Вдруг эти наши три версты,
Две взятых кровью высоты
Нужны за двести верст, где чудо
Прорыва будет завтра в пять,
Где уж в ракетницах ракеты.
Москва запрошена. Ответа нет.
Надо ждать и наступать» [5, с. 191–192].

Место действия этого стихотворения-репортажа: акмонайская равнина, села Джантора и Корпечь. Джантора — сейчас Львово, названо так в честь погибшего в районе села командующего 51-й армией, генерал-лейтенанта Владимира Львова. Находится в Ленинском районе, у основания Арабатской стрелки, население по переписи 2014 года — 5 человек. Село Корпечь — позже Птичное — находилось неподалеку, исчезло в шестидесятых годах прошлого века.

Из штаба 51-й армии Симонов вернулся в Керчь. Встретился с командующим ВВС Крымского фронта, ездил в авиационный полк, разговаривал с летчиками, побывал у Керченского рва, где фашисты уничтожили несколько тысяч мирных жителей. «Он был уже закопан, но все равно имел страшный вид, из-под земли то здесь, то там высывалась то нога, то рука, то обрывок полуистлевшего тряпья» [12, с. 76], — вспоминал писатель.

На протяжении двух дней собирал материал об аджимушкайских партизанах. Очерк «В керченских каменоломнях» увидел свет в «Красной звезде» в марте 1942 года. «Полтора месяца немцы держали вокруг каменоломен больше полка пехоты. Полтора месяца они тратили тысячи килограммов аммонала для того, чтобы закупорить каменоломню. Полтора месяца они каждый день боялись, что эти подземные силы вырвутся из каменоломен наверх, в город. И — что самое главное — полтора месяца каждый человек в разгромленной, залитой кровью Керчи знал, что не все здесь взято фашистами, что не всех им удалось согнуть, что есть еще и в самой Керчи другая сила и другая власть, которая каждый день и каждую ночь борется с фашистами и уничтожает их» [4, с. 25].

Симонов улетел в Москву из Керчи 8 марта 1942 года. До окончательного разгрома Крымского фронта оставалось еще два месяца, но военкору многое уже было очевидно. «Катастрофа произошла через два месяца после того, как я уехал отсюда, из Керчи, после нее, задним числом, мне можно и не поверить, но тогда, когда я возвращался из армии сначала в Керчь, а потом в Москву после зрелища бездарно и бессмысленно напиханных вплотную к передовой войск и после связанной со всем этим бестолковщины, которую я видел во время нашего неудачного наступления, у меня возникло тяжелое предчувствие, что здесь может случиться что — то очень плохое... Нет, я не

лгу, говоря, что тяжелые предчувствия у меня возникали в душе уже тогда, в феврале и марте» [12, с. 79–80].

Керченская катастрофа отразилась не только в дневниках Симонова, но и в «записках Лопатина». Их главный герой вернулся из Крыма злой, мрачный, натерпевшийся горя и страха на Керченском полуострове. И, уже вернувшись, не то чтобы понял — понимал и раньше, а шкурой почувствовал, что смертен и мог пропасть ни за понюшку табаку. «Все заготовки для корреспонденции, все, ради чего мотался там, в Крыму, с места на место, пошло коту под хвост. Писать в газету было нечего и не о чем. Редактор при всей своей жадности к материалам даже не спросил, что привез. Только при встрече крепче обычного пожал руку, молчаливо поздравляя, что остался жив.

Он-то остался. Но из головы не выходили другие...» [7, с. 186].

По мысли Симонова, главные причины наших поражений первых лет войны в Крыму — неопытность, неумелость в сравнении с покорившей всю Европу гитлеровской армией и просчеты командования.

«Прошло не десять, а почти тридцать лет после конца войны и нашей победы, но я все еще не могу перечитывать эти страницы дневника без боли и горя. Неудачное наступление, свидетелем которого я тогда оказался, было прямым преддверием всего дальнейшего. И во время февральской неудачи, и во время майского поражения Мехлис, действовавший на Крымском фронте в качестве уполномоченного Ставки и державший себя там как личный представитель Сталина, подмял под себя образованного, но безвольного командующего фронтом и всем руководил сам. Руководил, как может это делать человек лично фанатично храбрый, в военном отношении малокомпетентный, а по натуре сильный и не считающийся ни с чьим мнением. Мне рассказывали, что, когда после катастрофы в Крыму Мехлис явился с докладом к Сталину, тот не пожелал слушать его, сказал только одну фразу: «Будьте вы прокляты!» — и вышел из кабинета. Я поверил в этот рассказ, во всяком случае, в его психологическую возможность» [12, с. 81].

Один из героев «записок Лопатина» просит главного героя: «Василий Николаевич, в шахматы не сыграете? Вы меня, как фриц в сорок первом, бьете и бьете; закаляете мою волю к победе» [7, с. 362].

Горестные крымские эпопеи 1941–1942 годов осмысливаются героями Симонова как суровая школа войны.

«— А не приходило вам в голову, как ему тогда не хватало вас, теперешних? С вами, с теперешними, Крыма-то, наверное, не сдали бы! А с вами, с тогдашними, пришлось сдать. А как было сделать, чтобы все мы, с самого начала войны, оказались, не тогдашними, а нынешними, не берусь ответить. Хотя иногда фантазирую — пересаживаю на машине времени всех нас с нашим нынешним опытом обратно, в начало войны, — и не сдаю немцам Крыма. Да и многого другого.

— В шахматы и то обратно ходов не берут. А на войне тем более, — сказал капитан».

Среди других факторов, на которые прямо и косвенно, через логику художественных произведений, указывает Симонов, — шапкозакидательские настроения, засилье бюрократии, в частности, страх доложить наверх правду об истинном положении дел.

«Откуда черт возьми, взялось это поветрие, которое он заметил еще на финской войне? Откуда в Красной Армии, в Красной, в Рабоче-Крестьянской, в той, которой он отдал всю свою жизнь и которую любит больше жизни, откуда в ней взялись эти люди, которые боятся донести о неудаче больше, чем самой неудачи, боятся ответственности за потери больше самих потерь! Люди, которых до конца вылечит или до конца разоблачит только сама война!» [7, с. 363].

И здесь нам снова не уйти от параллелей с нынешней Специальной военной операцией, где, особенно на первом этапе, проявилось то же самое «поветрие».

Командировка на Крымский фронт в феврале-марте 1942 года была последней военной поездкой Симонова на полуостров. Во время освобождения Крыма от фашистов весной 1944 года писателя здесь не было, но это событие все равно отразилось в его творчестве. Один из героев «записок Лопатина», Велихов был ранен в Симферополе в день освобождения города 13 апреля 1944 года. Писатель символически указывает на связь между крымскими поражениями 1941–1942-го и крымскими победами 1944-го: «Там, в третий раз за войну, тринадцатого апреля этого года он был ранен в ногу, на той самой улице, по которой они в сорок первом ночью везли убитого Пантелеева» [7, с. 364].

Об ожесточенности боев за Крым весной 1944 года свидетельствует такое замечание Лопатина: «Когда на всех других фронтах уже затихало, самые последние и жестокие весенние бои вели в Крыму как раз обе эти армии, и та, из которой полковник, и та, из которой Велихов, и если обойти госпиталь, наверное, каждый третий долечивающий раны офицер сейчас оттуда, из Крыма» [7, с. 368].

Герой «Живых и мертвых» Серпилин также был достаточно слышан про крымские дела — как и все люди, жившие войной. Освобождение Севастополя на пороге четвертого лета войны казалось ему счастливым предзнаменованием на будущее.

Великая Отечественная война до конца жизни осталась главной темой творчества Константина Симонова. А работа в Крыму — одной из его самых ярких страниц.

«Без книг Константина Симонова военную литературу представить невозможно. Да и сама история Великой Отечественной войны без фронто-

вого корреспондента газет «Боевое знамя» и «Красная звезда» К. Симонова, без его очерков, корреспонденций и стихотворений на страницах «Правды» и «Известий» стала бы неполной» [1, с. 199].

Сегодня, в дни Специальной военной операции на Украине, военный корреспондент — не только главная специализация в журналистике, но и одна из главных, одна из важнейших профессий в стране в целом. От военных корреспондентов мы узнаем настоящую, окопную правду войны, узнаем о ее героях и антигероях, о подвигах и преступлениях, о самопожертвовании и предательстве. Слава богу, в этой профессии у нас есть образцы, на которые можно равняться. Образцы, равных которым нет больше ни у кого в мире. Их дала нам Великая Отечественная война в исполнении Михаила Шолохова, Константина Симонова, Ильи Эренбурга, Евгения Халдея, Бориса Полевого, Александра Твардовского, Евгения Долматовского, Леонида Леонова и многих-многих других.

Военкоры были героями тогда, остаются героями и сейчас. А их профессиональный кодекс чести можно отыскать в написанной Константином Симоновым в 1943 году «Песенке военных корреспондентов» (другое название — «Корреспондентская застольная»), которая, несмотря на уменьшительно-ласкательный суффикс, содержит большую Правду о войне и журналистике: «Жив ты или помер, главное, чтоб в номер матерьял успел ты передать». Заметим, эти строки были вымараны из текста стихотворения поздней советской цензурой. Как были вымараны из него и еще некоторые настоящие ценности войны и журналистики. Например — ...водка, без которой не бывает ни войны, ни журналистики, ни Победы. Строку «от ветров и водки хрипли наши глотки» заменили на «от ветров и стужи петь мы стали хуже». Наконец, вымарали и... Крым. Полностью убрали строфу: «Помянуть нам впору мертвых репортеров. Стал могилой Киев им и Крым. Хоть они порою были и герои, не поставят памятника им».

Памятники, правда, отдадим должное, военным журналистам поставили — в том числе и у нас в Симферополе.

«Так выпьем за победу,
За свою газету,
А не доживем, мой дорогой,
Кто-нибудь услышит,
Снимет и напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой» [8, с. 116], — поется в песне.

Среди погибших военкоров, которых всю жизнь поминал Симонов, — Евгений Петров, известный всем как соавтор Ильи Ильфа в романах об Остапе Бендере. В годы Великой Отечественной войны Петров служил военным корреспондентом Совинформбюро и погиб 2 июля 1942 года в авиакатастрофе, возвращаясь из осажденного фашистами Севастополя в Москву.

В полевой сумке Петрова остался черновик начатого репортажа. Последние строки, которые он успел написать, были такими: «Возможно, что город все-таки удержится. Я уже привык верить в чудеса». Севастополь наши оставили через два дня, 4 июля 1942 года.

В Константине Симонове невозможно отделить журналиста от писателя. Это две неразделимые стороны его творчества. Две грани одной медали. Две страницы одного листа рукописи. Когда требуется молниеносная реакция, в ход идет инструментарий репортера, когда переполняют эмоции — инструментарий публициста или поэта, когда требуется осмысление — инструментарий писателя. Накоротке, «в ближнем бою» Симонов работает как репортер, на средней дистанции — как публицист, на длинной — как писатель. Это общая черта многих военкоров и писателей Великой Отечественной — Михаила Шолохова, Ильи Эренбурга, других, которая проявляется и сегодня, в ходе Специальной военной операции.

После войны Константин Симонов неоднократно приезжал в Крым на отдых, как секретарь Союза писателей СССР бывал в редакции газеты «Крымская правда», хорошо знакомой ему с военных дней как «Красный Крым». В последний раз в жизни классик побывал в Крыму в июне 1979 года, в санатории «Пушкино» в Гурзуфе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На склоне своих дней Константин Симонов писал, что для него очень важно, что его книги дают представление о войне людям другого поколения, людям, не видевшим войны. Эти слова писателя были адресованы нам, живущим в XXI веке. Мы не услышали классика и стали поколением, увидевшим войну своими глазами.

В книге «Сто суток войны» Симонов рассуждал о нетерпении, с которым немцы готовились к захвату Крыма. Оно отражается в выписках из опубликованных неофициальных бесед Гитлера с Борманом. «В этих беседах, связанных с самым разным кругом проблем, Гитлер почти с маниакальной настойчивостью то там, то тут все время возвращается к Крыму... Красоты Крыма мы сделаем доступными для нас, немцев, при помощи автострад. Крым станет нашей Ривьерой. Крит выжжен солнцем и сух. Кипр был бы неплох, но в Крым мы можем попасть сухим путем... Южную Украину, в частности Крым, мы полностью превратим в германскую колонию... Крым даст нам свои цитрусовые, хлопок и каучук. 100 тысяч акров плантаций будет достаточно, чтобы обеспечить нашу независимость в этом отношении. Мы будем снабжать украинцев стеклянными безделушками и всем тем, что нравится колониальным народам» [15, с. 402], — рассказывал Симонов.

«Конечно, годы идут, времена меняются, «кто старое помянет — тому глаз вон» — русская поговорка, а способность к забвению — общечеловече-

ское свойство, все верно, все так... Но ведь будущее, которое было для нас запроектировано в этой книге, проектировалось на сотни лет вперед — вот в чем штука! Может, поэтому сейчас, всего-навсего через четверть века, и хочешь все это забыть, а не забывается?» [15, с. 404] — писал Симонов, и эти его слова по-новому или, точнее, по хорошо забытому старому звучат во время нынешнего глобального гибридного конфликта между Россией и «коллективным Западом», в центре которого судьба Крыма.

Константин Симонов завещал развеять свой прах над Буйничским полем под Могилевом. Сегодня это Поле Памяти, мемориал воинской славы Красной армии, летом 1941 года остановившей там немцев.

«Я был не солдатом, всего лишь корреспондентом, — писал Симонов. — Но и у меня есть маленький кусочек земли, который я не забуду никогда, — поле под Могилевом, где в июле 1941 года я своими глазами видел, как наши за один день сожгли 39 немецких танков» [1, с. 234].

На Буйничском поле установлен Симоновский камень — огромный валун красного гранита. На одной его грани надпись: «Константин Симонов. 1915–1979». На другой: «...Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах».

Почти точно так же классик всю жизнь помнил и Крым. И точно так же здесь витает его дух и мог бы стоять еще один Симоновский камень с похожей надписью.

Список литературы

1. Михеенков С. Е. Писательская рота / С. Е. Михеенков. — М.: Молодая гвардия, 2022. — 382 с.

2. Симонов К. М. Автобиография // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. — Том 1. — М.: Художественная литература, 1979. — 670 с.

3. Симонов К. М. Английское военное кладбище в Севастополе // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. — Том 1. — М.: Художественная литература, 1979. — 670 с.

4. Симонов К. М. В керченских каменоломнях // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. — Том 11 (дополнительный). — М.: Художественная литература, 1985. — 647 с.

5. Симонов К. М. Дожди // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. — Том 1. — М.: Художественная литература, 1979. — 670 с.

6. Симонов К. М. Живые и мертвые: Роман в трех книгах. Книга I: Живые и мертвые. / К. М. Симонов. — М.: Художественная литература, 1989. — 479 с.

7. Симонов К. М. Из записок Лопатина // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. — Том 7. — М.: Художественная литература, 1982. — 558 с.

8. Симонов К. М. Корреспондентская застольная // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. — Том 1. — М.: Художественная литература, 1979. — 670 с.

9. Симонов К. М. Первая любовь // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. — Том 1. — М.: Художественная литература, 1979. — 670 с.

10. Симонов К. М. Поручик // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. — Том 1. — М.: Художественная литература, 1979. — 670 с.

11. Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Том 1 // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. — Том 8. — М.: Художественная литература, 1979. — 479 с.

12. Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Том 2 // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. — Том 9. — М.: Художественная литература, 1979. — 688 с.

13. Симонов К. М. Русские люди // Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. — Том 2. — М.: Художественная литература, 1980. — 622 с.

14. Симонов К. М. Симонов и война / К. М. Симонов. — М.: Время, 2016. — 768 с.

15. Симонов К. М. Сто суток войны / К. М. Симонов. — М.: Вече, 2020. — 488 с.

Вспомним отважного писателя Юрия Бондарева: водкой из фронтового котелка «Крымское эхо», 15.03.2024

Генерал Бессонов, прихрамывая, шел по позициям.

- Одни убитые, товарищ командующий, — доложили ему.
- Должны быть, — настаивал Бессонов. — Стреляло же орудие.
- В живых никого, товарищ командующий. — опять убеждали его.
- Должны быть, хотя бы один, — твердил генерал.

Живые нашлись. Много живых. Семеро...

Каждому из них генерал вручил орден Красного Знамени. Его поздравительная речь была короткой и честной: «Все, что могу. Спасибо вам. Все, что могу. Все, что могу лично. Спасибо».

Когда генерал ушел, один из бойцов, Уханов, предложил: «Ну что, братцы, надо обмыть ордена как положено, а?»

Он налил в котелок водки из фляги, раскрыл коробочку с орденом Красного Знамени и, вроде кусочек сахара, двумя пальцами опустил его на дно, затем проделал то же самое с орденами товарищей.

Котелок пошел по кругу: «За то, что живые мы! За то, что наши немцев жиманули, за то, что черта лысого им вышло, за победу, братцы!»

Когда я впервые увидел «Горячий снег», мне было, наверное, лет семь, и эта сцена с первого раза навсегда врезалась мне в память. В последний раз я посмотрел его вчера, накануне столетия со дня рождения Юрия Васильевича Бондарева, который написал не только роман «Горячий снег», но и сценарий к экранизации.

Помню, однажды, когда по телевизору шла эта картина, в комнату зашел дед. Он не очень любил военные фильмы, предпочитал «В мире животных» и «Клуб кинопутешествий». Но тут сел в кресло и досмотрел до конца. А потом молча пошел на кухню, молча налил пол граненого стакана водки и также молча выпил, закусив селедкой и васаи из жестяной банки, напоминающей барабан пулемета Дегтярева.

«Горячий снег» — о Сталинградской битве. Дед тоже был там, в этом аду.

«Горячий снег», «Батальоны просят огня», «Последние залпы»... Произведения Юрия Бондарева принадлежат к тому явлению, которое литературоведы называют лейтенантской прозой. Может быть, это самые правдивые книги о Великой Отечественной. Их авторы, Юрий Бондарев, Виктор Некрасов, Григорий Бакланов, Василь Быков, Константин Воробьев, Виктор Курочкин, знали, о чем пишут. Это настоящая, большая, очень большая литература, до конца пока так и не оцененная.

Юрий Бондарев сражался за Родину не только до последнего патрона, но и до последнего слова. В 1991-м, накануне распада Союза, он подписал «Слово к народу». «Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие. И эта погибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии, — писали его авторы. — Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и велеречивые властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего — обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у всемогущих соседей?».

В 1994-м тогдашний президент России Борис Ельцин вздумал вручить Юрию Бондареву орден Дружбы народов. И кто только надоумил Бориса Николаевича на это?

Кавалер двух медалей «За отвагу», герой Социалистического труда Бондарев публично отказался принять награду из рук человека, уничтожившего страну, за которую писатель воевал.

Ровно восемьдесят лет назад в такие же мартовские дни Юрий Бондарев освобождал Украину от фашистов.

Ищу на «Подвиге народа» наградные листы писателя-фронтовика. Читаю.

30 марта 1944 года противник, стремясь вернуть Каменец-Подольск, перешел в контратаку при поддержке танков. Товарищ Бондарев встретил немецкие танки и пехоту огнем своего орудия с открытой огневой позиции. Один танк был подбит и пехота рассеяна. Контратака противника была отбита...

«Горячий снег» — о Сталинградской битве, но и о... Крыме тоже. «В парке Чаир распускаются розы, в парке Чаир расцветает миндаль...», — поет в самом начале фильма один из его героев, владивостокский моряк Нечаев.

А в другом эпизоде бойцы рассматривают трофейный альбом немецкого офицера. На одной из фотографий фашист позирует на фоне памятника адмиралу Корнилову в Севастополе, на другой — на фоне Ласточкиного гнезда в Ялте.

Нечаев спрашивает:

— Уханов, ты в Крыму был?

— Не успел, — отвечает тот.

— Я тоже не был.

— Немцы сейчас там, вина наши жрут.

— Вот война кончится, все в Крым и поедем, — подает голос еще один герой картины.

6 марта 2014 года Юрий Бондарев подписал обращение Союза писателей России к Президенту и Федеральному Собранию, в котором выражалась поддержка действиям в отношении Крыма и Украины.

«Совершив руками фашиствующих молодчиков государственный переворот в Киеве, деструктивные силы Запада перешли в открытое наступление на главный нравственный итог Второй мировой войны — на запрет и осуждение идеологий фашизма и нацизма, — говорилось в документе. — У каждого в нашей стране есть пострадавшие и погибшие в пламени Отечественной войны, и мы не можем спокойно смотреть, как разрушаются и уничтожаются памятники воинам-освободителям Украины и Европы от нацизма, как вместо них возводятся в национальные герои Бандера, Шухевич и все те, кто зверски уничтожал поляков, евреев, русских и украинцев, борцов с фашизмом.

Никакие экономические санкции, никакая международная изоляция не опасны так, как реанимация коричневой чумы под видом «защиты свободы и демократии».

Юрий Васильевич Бондарев совсем чуть-чуть не дожил до 75-летия Великой Победы. Умер 29 марта 2020 года. Уверен, будь писатель жив сейчас, ни секунды не сомневаясь поддержал бы проведение Специальной военной операции на Украине.

Обязательно выпью сегодня за него.

Не вина.

Водки.

Из фронтового котелка.

Весна. Уже совсем скоро в парке Чаир распустятся розы...

**Он сражался за Родину до последнего
снаряда и до последнего слова
(К 100-летию со дня рождения Юрия Бондарева)
«Русский язык в поликультурном мире».
Сборник научных статей VIII Международного
симпозиума. В 2-х томах. Симферополь, 2024**

Юрий Васильевич Бондарев родился 15 марта 1924 года в Орске. В 1931 году семья переехала в Москву. Летом 1942-го, после окончания школы, Бондарев был направлен на учебу во 2-е Бердичевское пехотное училище, эвакуированное в Актюбинск. В октябре того же года курсантов отправили под Сталинград, Бондарев был зачислен командиром минометного расчета 308-го полка 98-й стрелковой дивизии. Ранен в боях под Котельниково, после лечения направлен уже в другую часть — командиром орудия в составе 89-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии, участвовал в форсировании Днепра и освобождении Киева, снова был ранен в боях за Житомир. С января 1944 года в рядах 121-й Краснознаменной Рылско-Киевской стрелковой дивизии освобождал от фашистов Польшу и Чехословакию. В октябре 1944 года направлен в Чкаловское артиллерийское училище, после окончания которого в декабре 1945 года признан ограниченно годным к службе и демобилизован в звании младшего лейтенанта. Кавалер двух медалей «За отвагу», медалей «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией».

Фронтовой опыт вылился у Бондарева в его главные книги. Сталинградская битва отразилась в романе «Горячий снег», форсирование Днепра в повести «Батальоны просят огня», бои в Карпатах — в повести «Последние залпы».

Он начал писать в 1945 году, курсантом Чкаловского артиллерийского училища. Первые произведения появились в печати в 1949 году. В 1951-м Бондарев окончил Литературный институт, семинар Константина Паустовского, который сам служил в Великую Отечественную войну в качестве военного корреспондента.

«Один товарищ, прочитавший тетрадку моих военных рассказов, посоветовал мне подать заявление в Литературный институт имени Горь-

кого, и это решило мою судьбу, — признавался Бондарев. — Так я попал в творческий семинар Константина Георгиевича Паустовского, прекрасного писателя и прекрасного педагога. Три года он внушал мне, что главное в литературе — сказать свое. Но что сказать и как? Порой в библиотеке я смотрел на книжные полки, на творения великих и думал: что может добавить смертный, вернувшийся с войны офицер к тому исследованию человеческой души, в котором мудрейшие ясновидцы всех времен и народов уже сказали все или почти все?» [5, с. 10] — вспоминал Юрий Васильевич.

Между тем, ему, прошедшему самую страшную войну в истории человечества, сказать было что. Не будет преувеличением заметить, что в русской литературе было два великих писателя — артиллерийских офицера, чьи произведения принадлежат к числу лучшего, что написано о войне — не только о той или иной конкретной войне, а о войне как явлении, проявляющем все лучшее (и худшее), что есть в человеке. Первый из этих писателей — Лев Николаевич Толстой. Второй — Юрий Васильевич Бондарев.

«Я совершенно убежден, что последняя война, исполненные драматизма сороковые годы дают возможность искусству проникнуть в глубинную суть народного характера, в то, что Толстой называл «теплотой патриотизма». Думаю, что это чувство по извечной силе своей равно чувству материнского или отцовского инстинкта любви, то есть тому великому чувству, без которого человек не имеет права называться человеком» [3, с. 75], — отмечал сам Бондарев.

Захар Прилепин, оценивая прозу Бондарева, справедливо отметил: «Если называть, ну, не десять, а хотя бы двадцать лучших книг о войне всех времен и народов — то «Горячий снег», «Последние залпы» и «Батальоны просят огня» займут в этом списке три позиции намертво [9].

Бондарев сражался за Родину не только до последнего снаряда, но и до последнего слова. В 1991-м, накануне распада Союза, он подписал «Слово к народу». «Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие. И эта погибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии, — писали его авторы. — Что с нами случилось, братья? Почему лукавые и велеречивые властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего — обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у всемогущих соседей?» [11].

В 1994-м тогдашний президент России Борис Ельцин вздумал вручить Юрию Бондареву орден Дружбы народов. Писатель публично отказался принять награду из рук человека, уничтожившего страну, за которую он воевал.

15 марта 2024 года исполнилось сто лет со дня рождения Юрия Васильевича Бондарева. А восемьдесят лет назад, в 1943 и 1944 годах, младший лейтенант Бондарев освобождал Украину от фашистов. Именно там, на Украине, он совершил подвиги, за которые был отмечен медалями «За отвагу».

На сайте «Подвиг народа» выложены награжденные листы писателя-фронтовика. Первую медаль «За отвагу» он получил за то, что в боях в районе села Боромля (Сумская область) с 13 по 17 августа 1943 года, следуя в боевых порядках нашей пехоты, метким огнем своего орудия уничтожил три огневых точки, автомашину, одну противотанковую пушку и двадцать солдат и офицеров противника.

Второй медалью «За отвагу» Бондарев награжден за подвиг, совершенный весной 1944 года. 30 марта, когда противник перешел в контратаку, стремясь вернуть Каменец-Подольск, Бондарев встретил немецкие танки и пехоту огнем своего орудия с открытой огневой позиции. Один танк был подбит, пехота рассеяна, а контратака противника отбита.

Мы не знаем, беседовал ли Бондарев в бытность студентом Литературного института с Паустовским об Украине, но это весьма вероятно. С одной стороны, Бондарев только-только вернулся с войны, пройдя всю Украину с востока на запад; с другой, Паустовский провел в Киеве детство и юность, период Гражданской войны.

Константин Георгиевич много времени проводил со своими учениками. «Я нисколько не преувеличу, если скажу, что встречи с Паустовским на семинарах в Литературном институте были праздником, которого нетерпеливо ждут, и возбуждающим импульсом, необходимым каждому писателю. Его общение со студентами высекало искру — хотелось писать лучше, глубже и любить жизнь и литературу так же, как и он» [4, с. 53], — признавался Бондарев.

Паустовский прекрасно знал, что такое украинский национализм. Его убийственную характеристику он оставил нам в рассказе «Фиолетовый луч».

«— Москали?»

Действительно, в зале сидели почти одни русские. Ничего не подозревавшие зрители простодушно ответили, что да, в зале сидят преимущественно москали.

— Т-а-ак! — зловеще сказал министр и высморкался в широченный клетчатый платок. — Очень даже понятно. Хотя и не дуже приятно.

Зал затих, предчувствуя недоброе.

— Якого ж биса, — вдруг закричал министр по-украински и покраснел, как бурак, — вы приперлись сюда из вашей поганой Москвы? Як мухи на мед. Чего вы тут не бачили? Бодай бы вас громом разбило! У вас там, в Москве, доперло до того, что не то что покушать немає чего, а и... немає чем.

— Що ж вы мовчите? — спросил он вкрадчиво. — Га? Придуриваетесь? Так я за вас отвечу. На Украине вам и хлеб, и сахар, и сало, и гречка, и квитки. А в Москве дулю сосали с лампадным маслом. Ось як!

— Голопузы! Паразиты! Геть до вашей Москвы!» [8, с. 628–629].

Как и сейчас, все было мелко, нелепо и напоминало плохой, безалаберный, но временами трагический водевиль. Петлюра больше всего надеялся на французов. Примерно как сейчас Зеленский — на американцев с англичанами и теми же французами. Петлюровцы распускали слухи, будто французы уже идут на выручку Киеву, будто они уже в Виннице, в Фастове и завтра могут появиться даже в Бояре, под самым городом бравые французские зуавы в красных штанах и защитных фесках.

Стоит лишь поменять имена, и получится почти точная копия сегодняшних событий: только вместо Петлюры будет Зеленский, «другом свободной Украины» станет Джонсон или Макрон, а новым смертоносным оружием — не фиолетовый луч, а какой-нибудь «Таурис».

Не был чужим Юрию Бондареву и наш Крым. Роман «Горячий снег» — о Сталинградской битве, но и о... Крыме тоже. «В парке Чаир распускаются розы, в парке Чаир расцветает миндаль...» [2, с. 177–178], — поет в самом начале романа один из его героев, владивостокский моряк Нечаев.

Парк Чаир находится в Гаспре и увековечен в знаменитой песне, написанной в тридцатых годах прошлого столетия композитором Константином Листовым на стихи Павла Арского (Афанасьева).

В фильме «Горячий снег», сценарий к котором написал сам Бондарев, бойцы рассматривают трофейный альбом немецкого офицера. На одной из фотографий фашист позирует на фоне памятника адмиралу Корнилову в Севастополе, на другой — на фоне Ласточкиного гнезда в Ялте.

Нечаев спрашивает:

— Уханов, ты в Крыму был?

— Не успел, — отвечает тот.

— Я тоже не был.

— Немцы сейчас там, вина наши жрут.

— Вот война кончится, все в Крым и поедем, — подает голос еще один герой картины.

6 марта 2014 года Юрий Бондарев подписал обращение Союза писателей России к Президенту и Федеральному Собранию, в котором выражалась поддержка действиям в отношении Крыма и Украины.

«Совершив руками фашиствующих молодчиков государственный переворот в Киеве, деструктивные силы Запада перешли в открытое наступление на главный нравственный итог Второй мировой войны — на запрет и осуждение идеологий фашизма и нацизма, — говорилось в документе. — У каждого в нашей стране есть пострадавшие и погибшие в пламени Отечественной войны, и мы не можем спокойно смотреть, как разрушаются

и уничтожаются памятники воинам-освободителям Украины и Европы от нацизма, как вместо них возводятся в национальные герои Бандера, Шухевич и все те, кто зверски уничтожал поляков, евреев, русских и украинцев, борцов с фашизмом.

Никакие экономические санкции, никакая международная изоляция не опасны так, как реанимация коричневой чумы под видом «защиты свободы и демократии» [7].

Юрий Васильевич Бондарев умер 29 марта 2020 года. Уверен, будь писатель жив сейчас, он обязательно поддержал бы проведение Специальной военной операции на Украине, которую сам освобождал от фашистов в 1943–1944 годах.

При этом, увы, столетний юбилей классика прошел в России не то чтобы незамеченным, но не оцененным так, как он должен был быть оценен. Совершенно справедливо откликнулся на это Захар Прилепин: «Сегодня столетие Юрия Васильевича Бондарева. Великого русского писателя, солдата, офицера, артиллериста. Одного из сильнейших мировых (именно мировых) баталистов. Это должен был быть государственный праздник, государственная дата. Тем не менее, сегодня — один док фильм на одном из не самых главных каналов, и все. Ни торжеств, ни памятника, ни мемориальной доски, ни концерта на первом канале» [10].

«Писатель должен быть действенной памятью своего общества и его душевным опытом. Искусство — это память народа. Очень многое было бы потеряно в нашем душевном опыте, если бы не были написаны книги, не были созданы фильмы о революции, о первых пятилетках, об Отечественной войне» [6, с. 58–59], — писал Бондарев.

Его искусство сохранило для нас память о Великой Отечественной войне, сформировало мировоззрение тех, кто сегодня вновь сражается с фашизмом на Украине, дало нынешнему поколению военных корреспондентов и писателей образцы литературного мастерства и патриотизма. А мы должны сохранить память о нем — отважном классике, до последнего патрона, снаряда, слова сражавшемся за Россию.

И еще мы все, вне зависимости от своего положения, дела, должности, должны учиться у Бондарева отношению к войне: «Я убежден, что о войне, о днях жестокого испытания народа, никто не имеет права говорить: «я видел», «я знал», «мне рассказывали». Должны говорить: «я делал», «я участвовал», «я стрелял», «я помогал».

И это относится не только к войне. Это относится ко всему нашему времени, где нельзя, никто не имеет права быть сторонним наблюдателем, где все должны быть участниками, ибо даже в понятие «счастье» всегда входит участие не одного, а многих лиц, вложенная доля всех» [1, с. 28].

Список литературы

1. Бондарев Ю. В. Главная книга // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1986. — 415 с.
2. Бондарев Ю. В. Горячий снег // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1984. — 527 с.
3. Бондарев Ю. В. Исследование жизни // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1986. — 415 с.
4. Бондарев Ю. В. Мастер // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1986. — 415 с.
5. Бондарев Ю. В. Моим читателям // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1986. — 415 с.
6. Бондарев Ю. В. Поиск истины // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1986. — 415 с.
7. Обращение Союза писателей России к В. В. Путину. 06.03.2014 [Электронный ресурс] // <https://topwar.ru/40907-obraschenie-soyuza-pisateley-rossii-k-vvputinu.html> (дата обращения: 22.03.2024).
8. Паустовский Г. К. Фиолетовый луч // Собр. соч.: В 9 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1981. — 543 с.
9. Прилепин З. Бондарев [Электронный ресурс] // <https://prilepin.livejournal.com/111033.html> (дата обращения: 22.03.2024).
10. Прилепин З. Простите, Юрий Васильевич! [Электронный ресурс] // <https://prilepin.livejournal.com/3539278.html> (дата обращения: 22.03.2024).
11. «Слово к народу» // «День». Июль 1991. № 15.

Анна Долгарева: она издалека и надолго (Ее стихи рассказывают о специальной военной операции больше, чем сводки Министерства обороны)

«Крымское эхо», 18.04.2024

Специальная военная операция на Украине обязательно войдет в историю — не только политическую, но и в историю литературы. События такого масштаба всегда рожают классические произведения. Так было всегда — «по итогам» Отечественной войны 1812 года, Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной. Так будет и на этот раз. Какой дурацкий бюрократический оборот — «по итогам», ну да чего уж — я теперь тоже немного бюрократ.

Передо мной, на столе у «немного бюрократа», лежат две книжки поэта. Анны Долгаревой. «Красная ягода. Черная земля», увидевшая свет в прошлом году, и «За рекой Смородиной», изданная уже в этом, 2024-м. И я, отбросив свои бюрократические дела, не могу от них оторваться.

«Она — издалека и надолго, она — Долгарева. Сколько бы ее ни корили, чего бы ни вменяли ей в вину (а вменяют на самом деле всегда — талант, и добрую славу еще, и восхищение читателей, и любовь всех ее донбасских однополчан) — у нее настолько очевидное место в русской поэзии, что теперь уже и спорить на эту тему лень. У нее место, говорю, не на сегодняшней поляне, а в русской поэзии вообще», — написал Захар Прилепин. — «Она словно бы моя родственница, скажем, сестра: словно мы воспитывались в одном доме. Под одними иконами и под одними знаменами. Дети южных окраин Руси-России. Последыши советской страны».

Подписываюсь под этими словами классика. Я — такой же. А еще Анна Долгарева — моя землячка. Я учился в школе, с первого класса до последнего, в Севастополе, в университете — в Симферополе, живу и работаю в Крыму, но моя малая родина — там, на Слобожанщине, на берегу истекающего кровью Оскола.

И это и обо мне тоже Долгарева написала:
«Там, где я выросла, мне светит пятнадцать
Лет за экстремизм и призывы к сепаратизму.

Но эти неосвященные дорожки мне часто снятся
И тропинка к ларьку через футбольное поле моей жизни».

Лучше всего о Анне рассказывает стихотворение, открывающее книгу «За рекой Смородиной». Оно называется «Невыдуманная история одной военной корреспондентки».

«...Быть на стороне слабого —
Так нас учили буквари,
Так нас учили мама и папа
И вся великая русская литература.

Семь лет я была с теми, кого бомбили,
Семь лет я воевала за них с целым миром
И особенно с собственными штабными.
Как же мне не остаться с ними?

Я родилась и выросла в Харькове,
Я не разговариваю с собственным братом
С 2014 года.

Я даже родителей прошу не упоминать его в разговорах.

Я — с теми, кого бомбили.

Мой брат — с теми, кто их бомбил».

Линия фронта легла прямо через меня, сказала однажды Долгарева.
Через нее, через меня, через тысячи, десятки, сотни тысяч, через миллионы.

«Господи, если Ты там не очень занят —

Дай мне силы смотреть глазами,

Взгляда не отводя.

Тут пишут «укрытие», там — «укрыття».

Такэ жыття».

Хотите понять, что происходит на фронте, почему началась и чем закончится специальная военная операция, не ограничивайтесь сводками Министерства обороны, телевизионными программами Владимира Соловьева, Дмитрия Киселева, Вячеслава Никонова или телеграм-каналами военкоров и аналитиков. Читайте стихи, рассказы, повести, романы.

«Когда от Херсона

Отвели войска

(В рамках чего — это потом

Объяснят по федеральным каналам,

По радио,

По интернету; Господи, какая тоска);

Неважно.

В общем, когда ничего не стало —

По правому берегу
Реки Днепра
Остался прапорщик
Иван Никтоев,
Рядовой Алексей Ты-Умер-Вчера,
Лейтенант Сомнение,
Капитан А-Ты-Вообще-Кто-Такое.

Они держали Днепр,
Великую русскую реку,
До ядерного удара,
До последнего человека».

Главная правда об Отечественной войне 1812 года — в «Войне и мире» Льва Толстого и «Бородине» Михаила Лермонтова, о Гражданской — в «Тихом Доне» Михаила Шолохова и «Докторе Живаго» Бориса Пастернака, о Великой Отечественной — в «Они сражались за родину» того же Михаила Шолохова, «Живых и мертвых» Константина Симонова, «Горячем снеге» Юрия Бондарева... Именно по ним мы прежде всего знаем, за что и как сражались наши деды и прадеды. Именно они останутся в веках, войдут в учебники — и литературы, и истории. Как войдут туда и стихи Анны Долгаревой. Прилепин прав: она завоевала — пусть будет этот глагол — свое место в русской литературе.

Ее поэзия доказывает: наше дело правое, и значит, победа будет за нами. Потому что из лжи, на лжи такие стихи не пишутся.

«Русские солдаты — лучшие из людей.

Впереди — свет и более ничего.

Мы побеждаем Господним чудом, оно сильнее,
Чем логика, разум и даже наш бабий вой.

Наши кости станут стенами новой империи.

Наша кровь станет космическим топливом.

Мы потомки Юры Гагарина

И Лаврентия Берии,

Винтики госмашины неповоротливой

Однажды я сказала: «Россия здесь навсегда».

А потом мы мучительно отступали.

И тогда на горизонте взошла звезда,

Звезда высокой печали.

Но к чему прикоснулась Россия —

То навсегда Россия.

Мы излучаем Россию, в Бозе почия,

Мы возвращаемся живыми аль неживыми,

На истлевших нашивках неся ее имя».

**Она знала о войне все
(10 мая — сто лет со дня рождения отважной
поэтессы-фронтовички Юлии Друниной)
«Парламентская газета», 10.05.2024**

На следующий день после Дня Победы, 10 мая 1945 года, студентка Литературного института, старшина медицинской службы, кавалер ордена Красной Звезды и медали «За отвагу» Юлия Друнина отметила свой двадцать первый день рождения.

Наверное, ее самые известные стихи к тому времени уже были написаны:

«Я только раз видала рукопашный.

Раз — наяву и сотни раз во сне.

Кто говорит, что на войне не страшно,

Тот ничего не знает о войне».

Она знала о войне все.

От прекрасной Дамы — в «мать» и «перемать»

Эти строчки Друнина написала в 1943 году в госпитале после ранения. А вдохновили ее на них еще более ранние события — бои под Москвой в сентябре 1941-го. Батальон, в котором служила санинструктором семнадцатилетняя девчонка, попал в окружение. Комбат повел его на прорыв. Выйти к своим удалось всего двадцати трем бойцам. «Это я к тому, какой ценой приходится порой платить за четыре строчки...», — напишет потом поэтесса в автобиографической книге «С тех вершин».

Есть лейтенантская проза Виктора Некрасова, Григория Бакланова, Юрия Бондарева, Василя Быкова, Бориса Васильева, Константина Воробьева, а есть солдатская поэзия Юлии Друниной. В них — настоящая, большая правда о Великой Отечественной войне. Возможно, это вообще лучшее, что написано о войне не только у нас в России, но и в мире, потому что больше ни у кого такого страшного, трагического и героического опыта не было.

Накануне столетнего юбилея со дня рождения Друниной, который отмечается 10 мая 2024 года, «РФ сегодня» побывала в Старом Крыму —

крошечном городке, который так любили Юлия и ее муж, известный советский киносценарист Алексей Каплер. Там, в Старокрымском литературно-художественном музее, открылась выставка, приуроченная к памятной дате. В самой большой в России экспозиции, посвященной жизни и творчеству Друниной, личные вещи — документы, записные книжки, ручки, автографы стихотворений, переданные музеем дочерью поэтессы Еленой Липатниковой.

Юлия Друнина ушла на фронт семнадцатилетней девчонкой:

«Я ушла из детства
В грязную теплушку,
В эшелон пехоты,
В санитарный взвод.
Дальние разрывы
Слушал и не слушал
Ко всему привыкший
Сорок первый год.

Я пришла из школы
В блиндажи сырые.
От прекрасной Дамы —
В «мать» и «перемать».
Потому что имя
Ближе, чем
«Россия»,
Не могла сыскать».

Ушла, потому что не могла не уйти. Спасение челюскинцев, тревога за плутающую в тайге Марину Раскову, покорение полюса, Испания — вот чем жило в детстве ее поколение добровольцев.

Записная книжка Друниной раскрыта на странице со знаменитыми стихами:

«Качается рожь несжатая.
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы — девчата,
Похожие на парней.

Нет, это горят не хаты —
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней».

У Друниной был ужасный почерк. Помогала печатная машинка «Эрика», тоже выставленная в экспозиции. А рядом на столе — старый советский отрывной календарь, символически открытый на датах 9 и 10 мая.

Из-под танка в Литературный институт

Свою первую боевую награду, медаль «За отвагу» Юлия получила «за то, что она в боях 20 января 1944 года за населенный пункт Озаричи в боевых порядках роты оказала первую медицинскую помощь семнадцати бойцам и вынесла их с поля боя с их оружием» — это строчки из наградного листа поэтессы.

«Я не привыкла,
Чтоб меня жалели,
Я тем гордилась, что среди огня
Мужчины в окровавленных шинелях
На помощь звали девушку —
Меня...».

Осенью того же 1944 года на гимнастерке у Друниной загорелся орден Красной Звезды. «За период наступательных операций полка с 22 сентября по 5 октября 1944 года старшина медицинской службы Друнина все время непосредственно находится в боевых порядках батареи, оказывая умелую и быструю помощь раненым не только своих, но и других частей. Товарищ Друнина, находясь в боевых порядках батареи, неоднократно рискуя своей собственной жизнью, с автоматом в руках отбивала контратаки пехоты противника. За этот короткий период времени лично ей эвакуировано и оказана первая помощь сорока человекам», — говорится в наградном листе.

А вот что сказала сама Юлия в стихах:
«Но ничего прекрасней нет, поверьте
(А было всяко в жизни у меня!),
Чем защитить товарища от смерти
И вынести его из-под огня».

«Впечатлительная московская девочка начиталась книг о героических подвигах и сбежала от мамы на фронт, — писал о Друниной командир ее санитарного взвода Леонид Кривошеков. — Сбежала в поисках подвигов, славы, романтики. И, надо сказать, ледяные окопы Полесья не остудили, не отрезвили романтическую девочку. В первом же бою нас поразило ее спокойное презрение к смерти... У девушки было какое-то полное отсутствие чувства страха, полное равнодушие к опасности. Казалось, ей совершенно безразлично, ранят ее или не ранят, убьют или не убьют. Равнодушие к смерти сочеталось у нее с жадным любопытством ко всему происходящему. Она могла вдруг высунуться из окопа и с интересом смотреть, как почти рядом падают и разрываются снаряды... Она переносила все тяготы фронтовой жизни и как будто не замечала их. Перевязывала окровавленных, искалеченных людей, видела трупы, мерзла, голодала, по неделе не раздевалась и не умывалась, но оставалась романтиком...».

Романтик Друнина мечтала о поэзии. В буквальном смысле из-под танка писала парторгу Литературного института Славе Шириной: «Пишу Вам, лежа под танком. Это спасает от разных неприятных вещей, вроде фрицевских пуль и осколков... Конечно, об учебе в этом году думать не приходится. Но мне не хотелось бы терять связь с Вашим институтом. Прошу Вас лично не забывать меня, писать. Если останусь живой, то мы с Вами обязательно встретимся в стенах Вашего института. Простите за самоуверенность, но она здорово помогает в жизни».

Роман в телеграммах

В конце 1944 года перенесшую два ранения Друнину признали негодной к военной службе, и в декабре, в середине учебного года, она вошла и как ни в чем не бывало села в аудитории первого курса Литинститута. Ее неожиданное появление вызвало смятение в учебной части, но не выгонять же было инвалида войны!

На занятия Юлия ходила в солдатских кирзовых сапогах, поношенной гимнастерке и шинели. Ничего другого у нее просто не было.

«Я принесла домой с фронтов России
Веселое презрение к тряпью —
Как норковую шубку, я носила
Шинельку обгоревшую свою.

Пусть на локтях топорщились заплата,
Пусть сапоги протерлись — не беда!
Такой нарядной и такой богатой
Я позже не бывала никогда...».

Первая книжка ее стихов так и называется: «В солдатской шинели».

Там же, в Литинституте Юлия вышла замуж за сокурсника, фронтовика-поэта Николая Старшинова. В этом браке, увы, в итоге распавшемся, у них родилась дочь — Елена Старшинова (Липатникова).

В 1954 году Друнина поступила на сценарные курсы при Союзе кинематографистов, где познакомилась с известным драматургом Алексеем Каплером, который стал ее вторым мужем. История их романтической связи отражается в выставленных в музейной экспозиции... телеграммах, которые Каплер отправлял своей любимой. Это вам не сообщениями в современных мессенджерах обмениваться.

Одна из телеграмм — из Москвы прямо в... поезд, которым Юлия добиралась из столицы в Крым. «Джанкой поезд тридцать первый вышедший Москвы двадцать четвертого декабря. Вагон тринадцатый место двадцать пятое пассажиру Друниной. Доброе утро Каплер».

Две телеграммы из Москвы в Дом творчества писателей в Планерском, так в советские годы назывался Коктебель. Первая: «Планерское Крымской

Литфонд Друниной. Второй тоскливейший вечер ужасно скучаю по тебе моя дорогая. Один Каплер». Вторая: «Третий час ночи уже уложил вещи есть потребность признаться что очень очень тебя люблю моя бесконечно дорогая. Опять Каплер».

Или вот еще одна телеграмма, с интригой, из Симферополя в Планерское: «Уезжаю переполненный чудесными воспоминаниями об этой ночи на бревне. Да здравствуют партизанские тропы. Ура Каплер». О том, что происходило ночью на бревне, музейщикам рассказала Елена Липатникова. Каплер и Друнина часто ходили пешком из Коктебеля в Старый Крым. И однажды, глубокой осенью, заблудились. Пришлось ночевать в лесу. Сначала допоздна сидели на бревне, а потом, чтобы согреться, зарылись в палую листву, — этот способ Каплер знал с войны, когда служил военкором в Партизанском крае на Новгородчине.

Война не отпускала Друнину всю жизнь.

«Могла ли я, простая санитарка,
Я, для которой бытом стала смерть,
Понять в бою, что никогда так ярко
Уже не будет жизнь моя гореть?..».

«С последних дней войны до последних своих дней Юля не могла оторваться от нее, отдалиться, забыть. И в стихах, даже пейзажных или любовных, то и дело возникали у нее многие подробности военных дней. Над ней поэтому нередко и подшучивали: мол, вот написала стихи о сосновом боре, а все равно в нем оказались неожиданно сапоги или обмотки...» — вспоминал Николай Старшинов.

Ей не было стыдно в День Победы

Крым Друнина узнала и полюбила после войны. Отдыхала в Доме творчества писателей в Коктебеле, бывала в Керчи, Феодосии, но ее самым любимым местом стал городок Старый Крым. В отпуске они с Каплером снимали домик у местных жителей и после столичной жизни наслаждались тишиной и уединением:

«Куры, яблони, белые хаты —
Старый Крым на деревню похож».

Алексей Каплер умер в 1979 году и завещал жене похоронить его в Старом Крыму. Уже тогда Юлия знала, что ляжет в землю рядом с ним:

«Старый Крым — последняя обитель.
Черный камень — все, как в страшном сне...
Не судите, люди, не судите:
Здесь лежать положено и мне.

Не судите, что судьбу другому
Я, как говорится, отдала.
Это было — головою в омут...
Совести гремят колокола.

Не судите, люди — скоро-скоро,
В крымский дождик или крымский зной
Мне перебираться в мертвый город,
Под тяжелый камень ледяной...»

Юлия Друнина ушла из жизни 21 ноября 1991 года. Покончила с собой, не вынеся краха родной страны.

«Безумно страшно за Россию,
И обоснован этот страх.
Как обескровлен, обессилен
Колосс на глиняных ногах!» — писала поэтесса незадолго до смерти.
И еще:

«Ветераны в подземных
Дрожат переходах.
Рядом — старый костыль
И стыдливая кепка.
Им страна подарила
«Заслуженный отдых»,
А себя пригвоздила
К бесчестию крепко».

«Сдаваться она не привыкла. Это было не в ее характере: она была бойцом и оставалась им до конца. И ее вынужденный и в то же время добровольный уход из жизни, как и добровольный уход в армию, говорит не о ее слабости, а о ее порядочности и силе: в конце концов, она могла бы достаточно благополучно дожить отпущенные ей годы, закрыв глаза на то, что не устраивало ее вокруг.

Так поступаем мы, многие. Смиримся с обстановкой и живем.

Она была незаурядной личностью и не могла пойти на компромисс с обстоятельствами, которые были неприемлемы для ее натуры и сильнее ее. И смириться с ними она не могла», — объяснил решение Друниной Николай Старшинов.

В Старокрымском литературно-художественном музее висят на стене, в рамке, записанные Друниной от руки стихи ее друга, Сергея Орлова:

«Когда это будет, не знаю:
В краю белоногих берез
Победу девятого мая
Отпразднуют люди без слез.

Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.
И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.
Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду, —
Что было девятого мая
Весной в сорок пятом году».

Юлия Друнина знала, что было 9 мая весной в сорок пятом году. И что было десятого — тоже...

«Нет, это не заслуга, а удача —
Стать девушке солдатом на войне,
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне!..».

Военные стихи Юлии Друниной:

- «Качается рожь несжатая...» (1942)
- «Я ушла из детства...» (1942)
- «Я только раз видала рукопашный» (1943)
- «Целовались. Плакали и пели...» (1944)
- «Зинка» (1944)
- «Штрафной батальон» (1944)

Награды:

- Медаль «За боевые заслуги» (1944)
- Орден Красной Звезды (1944)
- Орден «Знак Почета» (1967)
- Ордена Трудового Красного Знамени (1974 и 1984)
- Орден Отечественной войны 1 степени (1985)

Кстати.

Именем Юлии Друниной названа малая планета, которую открыли крымские астрономы Николай и Людмила Черных.

Капитанская проза Бориса Васильева «Крымское эхо», 21.05.2024

21 мая исполнилось сто лет со дня рождения русского писателя Бориса Васильева. Нынешний год вообще богат на круглые вековые юбилеи классиков. 1 мая исполнилось сто лет со дня рождения Виктора Астафьева, 9 мая — Булата Окуджавы, 10 мая — Юлии Друниной, 21 мая — Бориса Васильева. 19 июня грядет вековой юбилей Василя Быкова, а 3 июля — Владимира Богомолова.

Все перечисленные выше писатели вошли в историю русской литературы с книгами о Великой Отечественной войне. В тяжелом 1941-м им было по семнадцать, бутылку пива бы не продали в наше время; в победном 1945-м — по двадцать одному. Всего-навсего. Я часто привожу эти примеры нашим студентам, которых многие по старой инфантильной привычке называют детьми.

С творчеством Бориса Васильева я познакомился лет в семь. Фильм «А зори здесь тихие» режиссера Станислава Ростоцкого по одноименной повести писателя произвел на меня одно из самых сильных впечатлений в жизни — до сих пор пересматриваю его как минимум раз в год. Потом были еще две классические военные картины по сценариям Бориса Васильева — «Офицеры» Владимира Рогового и «Аты-баты, шли солдаты» Леонида Быкова. А вот прозу классика я прочел уже в старших классах — повести «А зори здесь тихие», «В списках не значился», «Завтра была война».

Борис Васильев родился 21 мая 1924 года в Смоленске в семье кадрового офицера Красной армии Льва Васильева. В 1941 году окончил девятый класс воронежской Образцовой средней школы № 5. В первые дни Великой Отечественной ушел добровольцем на фронт в составе истребительного комсомольского батальона, попал в окружение, самостоятельно выбрался из него в начале октября. Окончил пулеметную школу, сражался с фашистами в составе 3-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Был тяжело ранен под Вязмой весной 1943-го. После лечения Васильева направили на учебу в Военную академию бронетанковых и механизированных войск, которую он окончил уже после войны, в 1946-м. Уволился в запас из рядов Вооруженных сил в 1954 году в звании капитана в возрасте тридцати лет. С большим

жизненным и военным опытом, сказали бы мы сейчас, но тогда такой опыт был у всех или почти у всех сверстников будущего писателя.

Естественно, литературным дебютом Бориса Васильева стало произведение на военную тему — пьеса «Танкисты», увидевшая свет в том самом дембельском 1954-м году. Самая известная книга писателя — повесть «А зори здесь тихие» была опубликована в 1969 году в «Юности». Как вспоминал Васильев, тогдашний главный редактор журнала Борис Полевой, сам прошедший Великую Отечественную в качестве военного корреспондента, автор знаменитой «Повести о настоящем человеке», прочитав рукопись начинающего литератора, сделал всего два замечания: заменил «шмайссер» на «автомат» и «еловый корень» на «выворотень» и немедленно подписал ее в номер.

В годы перестройки, с 1989 по 1991 год Борис Васильев занимался общественно-политической деятельностью, был народным депутатом СССР от Союза кинематографистов СССР. Умер писатель 11 марта 2013 года в Москве на 89-м году жизни, похоронен на Ваганьковском кладбище. Среди его наград — Государственная премия СССР, премия Ленинского комсомола, Премия президента Российской Федерации, ордена Отечественной войны, Трудового Красного знамени, Дружбы народов, За заслуги перед Отечеством, но главная из его наград — конечно, народное признание. Повести «А зори здесь тихие», «В списках не значился», «Завтра была война», фильмы «Офицеры», «Аты-баты, шли солдаты» вошли в сокровищницу произведений о Великой Отечественной войне.

Лейтенантская или, точнее, капитанская проза Бориса Васильева, равно как и проза его литературных однополчан Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Виктора Астафьева, Виктора Некрасова, Василя Быкова, Константина Воробьева, Владимира Богомолова, Виктора Курочкина — пожалуй, лучшее, что написано о войне не только в русской, но и в мировой литературе. И не случайно. Такого одновременно трагического и героического опыта не было и, даст бог, не будет больше ни у кого в мире.

Если к Пушкину прибавить Толстого **«Парламентская газета», 22.05.2024**

Юбилейные литературные экспедиции «Парламентской газеты» по Крыму представили на международной научно-практической конференции «Культ-товары: русская классическая литература как ресурс для современной массовой культуры», в которой приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Казани, Рязани, Астрахани, Тулы, Самары, Симферополя, Челябинска, Перми, Красноярска, Иркутска, Тампере (Финляндия).

Место встречи — Ясная Поляна

Конференция прошла в государственном мемориальном и природном заповеднике «Ясная Поляна». Место было выбрано не случайно, ведь впереди эпохальный юбилей Русского мира — двести лет со дня рождения Льва Николаевича Толстого — который мы будем отмечать 9 сентября 2028 года. Указ о праздновании президент Владимир Путин издал еще 2 февраля 2022 года. Оргкомитет по подготовке и проведению празднования возглавил руководитель Администрации президента Антон Вайно. Среди его членов праправнуки классика — заместитель председателя Госдумы Петр Толстой и бывший советник президента Владимир Толстой, а также сенатор Лилия Гумерова, председатель думского Комитета по культуре Елена Ямпольская, ее первый заместитель Сергей Шаргунов, кинорежиссер Карен Шахназаров, актер и режиссер Константин Хабенский и другие.

«Парламентская газета» уже не раз обращалась к этой теме. В марте 2023 года мы рассказывали о том, что нужно успеть сделать в Крыму до двухсотлетия Льва Толстого <https://www.pnp.ru/social/chto-nuzhno-uspet-sdelat-v-krymu-do-dvukhsotletiya-lva-tolstogo.html>. В сентябре проехали по главным толстовским местам на полуострове <https://www.pnp.ru/social/tolstovskaya-ekspediciya-navstrechu-200-letiyu-klassika.html>. А в январе нынешнего года побеседовали о приближающемся юбилее с директором «Ясной Поляны» Екатериной Толстой <https://www.pnp.ru/social/ekaterina-tolstaya-dazhe-nadrogom-krayu-zemli-vam-skazhut-chto-znayut-ego-imya.html>.

Зачем мне понадобился топор

На конференции в Ясной Поляне корреспондент «Парламентской газеты» представил две юбилейные литературные экспедиции издания — Пушкинскую и Толстовскую — как инструмент актуализации творческого наследия классиков.

Это задача, без преувеличения, государственной важности. Россия — страна, объединенная не только общими государственными границами, но и общими литературными историями. Перефразируя Гоголя, скажем: какой же русский не знает Евгения Онегина, Петра Гринева, Андрея Болконского, Пьера Безухова или Родиона Раскольникова?

Кстати, о последнем. Несколько месяцев назад мне понадобился новый топор — для садовых работ. Я приехал в огромный гипермаркет, прошел в нужный отдел и говорю:

- Мне нужен топор.
- Зачем? — спрашивает консультант лет двадцати пяти.
- Убить старуху-процентщицу, — объясняю.
- ...В общем, я думал, парень вызовет полицию.

Как-то объяснились. Стою в очереди у кассы. Охранник, тоже лет двадцати пяти, вертит мой топор — он, правда, красивый.

- Вот, купил — убить старуху-процентщицу, — говорю.

В глазах снова недоумение и легкий испуг. И только кассир — женщина лет пятидесяти — заходится громким смехом:

- Не обращайтесь внимания, он в жизни ни одной книжки не прочитал.

Вот об этом, о том, как оживить классику, как познакомить современных молодых людей с Онегиным, Гриневым, Болконским, Безуховым, Раскольниковым и говорили на конференции ученых со всей России.

По стопам классиков

Однако вернемся к проектам «Парламентской газеты». Пушкинскую экспедицию мы организовали в 2020 году в ходе подготовки к двухсотлетию путешествия поэта по Крыму. Идея была простой — повторить маршрут поэта по полуострову от Керчи до Перекопа. Итогом стал цикл материалов, опубликованных на сайте издания, в бумажной версии газеты и в журнале «Российская Федерация сегодня». <https://www.pnp.ru/social/1-iyulya-nachinaetsya-pushkinskaya-ekspediciya-parlamentskoy-gazety.html>.

Толстовская экспедиция или, точнее, своеобразный пролог к ней состоялся в сентябре 2023 года, когда корреспонденты «ПГ» проехали по местам, связанным с пребыванием классика в Крыму, побывали в Севастополе, на легендарном Четвертом бастионе, на Малаховом кургане, на Черной речке, в Инкермане, Терновке, Верхнесадовом, Бахчисарае, Голубинке, Симферополе, Лозовом, Ялте, Симеизе, Гаспре.

Именно гаспринский дворец графини Софьи Паниной, в котором классик прожил десять месяцев в 1901–1902 годах, вызывает самое большое беспокойство крымской общественности. Главный мемориальный объект, связанный с пребыванием Толстого в Крыму, увы, находится сегодня в неудовлетворительном состоянии и требует реставрации и музеефикации.

Толстой заслужил музей в Крыму

В общей сложности Толстой провел на полуострове около двух лет. Здесь благодаря «Севастопольским рассказам» началась его мировая слава. Поэтому логично, что Крым должен стать одним из центров юбилейных торжеств — в молодости Лев Толстой оборонял Севастополь от англо-французской армии, а много лет спустя, уже пожилым, лечился на Южном берегу полуострова, в Гаспре. Однако достойного воплощения память о великом русском писателе на крымской земле пока не получила, и грядущий юбилей — отличная возможность исправить это упущение.

Ученые кафедры русской и зарубежной литературы Крымского федерального университета разработали план мероприятий, которые, по их мнению, дадут возможность достойно встретить один из главных юбилеев Русского мира. Они предлагают создать на полуострове два новых музея — Крымский республиканский литературный музей имени Льва Толстого в Симферополе и Музей Толстого во дворце графини Паниной в Гаспре как месте наиболее продолжительного пребывания писателя на полуострове, — которые вместе с другими местами пребывания Толстого могли бы быть объединены и наделены статусом Всекрымского Толстовского историко-культурного, литературного и природного заповедника. Кроме того, литературоведы предлагают к двухсотлетию Толстого установить памятник писателю в Симферополе, создать мемориальный комплекс у трассы Симферополь — Ялта в Лозовом, установить памятные знаки или мемориальные доски с текстом о пребывании Толстого на Байдарских воротах, в Бахчисарае, в селах Высокое и Голубинка Бахчисарайского района, в Алушке, Ялте, Санаторном, Ореанде, Кореизе, Инкермане, на станции Мекензиевы горы и еще в ряде мест. Наконец, граф Лев Толстой может «поработать» и на благо крымского туризма. Для этого ученые предлагают разработать специализированный туристический маршрут «Крымскими дорогами графа Льва Толстого».

«Парламентская газета» продолжает следить за подготовкой к юбилею великого русского писателя. Тем более что промежуточная дата на пути к нему — совсем скоро: 9 сентября этого года исполнится 195 лет со дня рождения классика.

Государственные награды, полученные Львом Толстым в Крыму

- Орден святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»;
- медаль «За защиту Севастополя 1854–1855»;
- медаль «В память войны 1853–1856 годов».

Кстати.

– В 2023 году крымские экспедиции «Парламентской газеты» были представлены на международной конференции «Вклад Крыма, Тамани и Кубани в укрепление и развитие Российского государства», приуроченной к 240-летию присоединения этих регионов.

– Лев Толстой открывает Зал славы крымской журналистики, действующий в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского.

Анекдот в тему.

Один из докладов на конференции был посвящен литературным анекдотам. Вот один из них: «Не все знают, что Лев Толстой многое сократил в своем произведении «Война и мир». Изначально он хотел написать роман в 8–12 томов, но однажды ему во сне явились школьники и в грубой форме потребовали этого не делать».

Он штурмовал Перекоп в Гражданскую и освобождал Украину в Великую Отечественную (Исполнилось 125 лет со дня рождения классика русской литературы Леонида Леонова) «Крымское эхо», 31.05.2024

31 мая исполнилось 125 лет со дня рождения Леонида Максимовича Леонова — большого русского писателя, публициста, военного корреспондента сразу двух страшных войн — Гражданской и Великой Отечественной, к которому после краха СССР приклеили презрительный ярлык «совписа», хотя среди этих «совписов» (советских писателей) было много настоящих классиков русской и мировой литературы.

Знамя красное Советов понесем за Перекоп

«Кому-то может показаться, что в случае с Леоновым все понятно: совпис, многократный лауреат, орденоносец, «Русский лес» и что-то там еще... Но ничего ясного вовсе нет: ранняя его, пронзительная проза не прочитана и даже не опубликована толком; «советские» романы его, страшно сказать, почти не поняты, хотя переизданы десятки раз на десятках языков; о «Пирамиде» и речь вести страшно: неизвестно, с какого края к ней подступаться; те же, кто подступался, — зачастую видели лишь свой край, и то — насколько хватало зрения», — справедливо заметил о Леониде Леонове Захар Прилепин.

В этих заметках я остановлюсь по преимуществу на военной литературе и журналистике Леонова — в такое время живем. Впервые на войну Леонид попал девятнадцатилетним — причем, в... белогвардейцы. Будущий писатель жил тогда в Архангельске, в феврале 1919 года его призвали на службу и отправили учиться в Артиллерийскую школу. После ее окончания Леонов стал прапорщиком так называемой Северной армии, которую красные наголову разбили в феврале следующего, 1920 года.

Командующий Северной армией генерал Евгений Миллер вместе с частью своих офицеров и солдат отправился из Архангельска в эмиграцию на кораблях британских интервентов, а прапорщик Леонид Леонов

вступил добровольцем в Красную армию. И стал там не артиллеристом, а... журналистом. Служил в легендарной 15-й Инзенской стрелковой дивизии, редактировал дивизионную газету, которая называлась сначала «На боевом посту», а потом просто «Бюллетень».

Штурмовал Крым: «Генералов песня спета, Бьем баронов прямо в лоб, Знамя красное Советов понесем за Перекоп». Именно 15-я Инзенская дивизия, в которой служил, как сказали бы сейчас, военкором Леонов, форсировала Сиваш в ночь на 8 ноября 1920 года.

«Лавой хлынули через Сиваш. Разве ее остановишь, раскаленную человеческую лаву! Таких сил нет в природе... Это был ветер. Ураган. Пестрая лента. Стальная пружина крутилась, разворачивалась с гиком, в храпе коней, топоте копыт... Прокатилась мимо Джанкоя и... Ух, стра-а-ашно, ух, стра-а-ашно!» — вспоминал писатель те исторические события.

После взятия Крыма Леонов работал военкором в Одессе, в газетах «Красный боец» и «Красноармеец», и в Херсоне — там газета тоже называлась «Красный боец». Демобилизовали будущего классика из Красной армии в мае 1922 года.

За следующие девятнадцать лет он стал одним из самых маститых советских писателей — наряду с Максимом Горьким, Александром Фадеевым, Михаилом Шолоховым, Алексеем Толстым, Всеволодом Ивановым. К началу войны из-под пера Леонова вышли романы «Барсуки», «Вор», «Соть», «Скутаревский», «Дорога на Океан», целый ряд повестей, пьес и множество рассказов.

Похвала Сталина

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года Леонову приснился страшный сон: он выходит из подъезда и видит, как от Кремля на задних ногах идет на него призрачно-белый конь, из ноздрей огненная пена. Тверская пуста, как при бомбежке. Он прижимается к стене. Конь подходит в упор, и сквозь глазницы его видны дома с выжженными окнами. Писатель проснулся в ужасе, весь в поту и услышал от жены: «Началась война».

В первые же дни Великой Отечественной он пишет статьи «Вставайте, народы!», «Что ты сделал для победы?», «Наша борьба священна», работает над сценариями для агитационных короткометражек. Одна из них — «Пир в Жирмунке» — рассказывает о том, как старая крестьянка накормила немцев отравленной пищей и сама погибла вместе с ними. Этот реальный случай писатель нашел в газетной хронике. Часть гоноرارов идет в Фонд обороны.

Самое известное художественное произведение Леонова периода Великой Отечественной — пьеса «Нашествие». Он создавал ее в эвакуации в Чистополе осенью трагического 1941 года и в начале 1942-го. Во

время работы на столе у писателя стояли две фотографии: повешенной фашистами Зои Космодемьянской и девочки, расстрелянной оккупантами в Керчи.

После публикации пьесы в «Новом мире», в октябре 1942 года, Леонову позвонил Сталин и сказал: «Здравствуйте, товарищ Леонов. Хорошую пьесу написали. Хорошую. Собираетесь ставить ее на театре?» В ближайшие годы «Нашествие» было поставлено в сотне театров по всему СССР — в том числе в осажденном Ленинграде, а также в десятках зарубежных стран. В марте 1943 года Леонов получит за «Нашествие» Сталинскую премию и перечислит ее в Фонд обороны.

В конце 1942 — начале 1943 года писатель на Брянском фронте. Всего, в несколько заездов, он провел там более пяти месяцев. В апреле 1943-го увидела свет новая военная пьеса — «Ленушка». Одновременно Леонов много работает как публицист. Знаменитыми становятся два письма «Неизвестному американскому другу» — о необходимости открытия второго фронта. Их читают по американскому радио, писателю приходит несколько сот писем из-за океана.

Хищники, шакалы и воронье

А вот интересный фрагмент из военной публицистики Леонова этого же периода, который весьма злободневно звучит и сегодня, во время нашей специальной военной операции на Украине: «Скучно нынче в Берлине, но еще скучнее в столицах помельче, что лежат на столбовой дороге наступающей Красной армии. Хозяева этих державок, у которых ума и совести на грош, а фанаберии на весь полтинник, также рассчитывали на поживу при дележке неумерщвленного медведя. Понятно, на пирушке у атамана хищников всегда что-нибудь достается и шакалам и воронью. С молчаливой усмешкой народы моей страны слушали их чудовищные и оскорбительные притязания, вдохновленные историческим невежеством и умеряемые лишь скудостью географических познаний».

Осенью 1943 года Леонов снова на фронте. Работает в освобожденном Киеве, пишет об освобождении остальной Украины, выступает перед солдатами Первого украинского фронта. Командир 3-й Гвардейской танковой армии Павел Рыбалко станет потом прототипом героя повести «Взятие Великошумска», опубликованной в 1944 году в газете «Правда».

В декабре 1943-го Леонов работает на Харьковском процессе над фашистскими преступниками и пишет оттуда репортажи в «Известия». В январе 1944-го он на Ленинградском и Волховском фронтах. В апреле 1945-го «Правда» публикует его статью «Утро Победы».

За свою работу военным корреспондентом Леонид Леонов награжден Орденом Отечественной войны 1 степени.

В ноябре 1945-го классик — на Нюрнбергском трибунале: «Вот Герман Геринг, с перстеньком на руке и лицом притоносодержательницы. С ним рядом Гесс, с Адамовой головой, как на аптекарской склянке с ядом. Дальше следует Риббентроп, утративший наконец свою прежнюю мужскую прелесть: мешки под глазами и брови взведены как у балаганного пьеро...».

После войны у Леонова была большая, долгая литературная жизнь. Его последний роман — «Пирамида» — увидел свет уже после распада СССР, в 1994 году.

**Он это видел своими глазами: в Крыму
вспоминают знаменитого поэта
и военкора Великой Отечественной
(125 лет назад родился Илья Сельвинский)
«Парламентская газета», 24.10.2024**

К 125-летию со дня рождения знаменитого советского поэта, писателя, драматурга, военкора Великой Отечественной войны Ильи Сельвинского в Симферополе, в музее классика, откроются две мемориальные выставки. Одна из них расскажет об истории создания музея — с 1983 года, когда дом, в котором родился поэт, был внесен в государственный реестр недвижимых памятников истории и культуры, до восстановления дома и открытия музея в 2009 году. Другая, под названием «Трагедия Сельвинского», повествует о постановке в театре Мейерхольда пьесы драматурга «Командарм-2».

Тут надо рычать!

Илья Сельвинский родился 24 (по старому стилю –12) октября 1899 года и вошел в историю отечественной литературы как один из крупнейших представителей авангарда в русской поэзии, основатель и председатель Литературного центра конструктивистов. При этом Сельвинский не был книжным человеком — в юности ему приходилось зарабатывать на жизнь грузчиком, матросом, цирковым борцом. Он работал как репортер в экспедиции челюскинцев и прошел десятки километров на собаках по льдам Ледовитого океана.

С началом Великой Отечественной войны Сельвинский отправился на фронт в качестве военного корреспондента. К этому времени за его плечами был не только литературный, но и боевой опыт — он участвовал в Гражданской войне как боец сначала отряда анархистов, а потом красногвардейского партизанского отряда.

Сельвинский служил «писателем» — должность так и называлась по штатному расписанию — в газете «Сын отечества» 51-й Отдельной армии, защищавшей Крым. В феврале 1942 года его перевели в газету «Боевой натиск» только что сформированного Крымского фронта, затем он приравнивал

перо к штыку в газетах Северо-Кавказского фронта, Отдельной Приморской армии, Первой Ударной армии, Второго Прибалтийского фронта.

Пожалуй, самое знаменитое военное стихотворение Сельвинского «Я это видел» рассказывает о трагедии Багеровского рва, в котором фашисты расстреляли около семи тысяч жителей Керчи. Военкор «Сына отечества» увидел Багеровский ров через несколько дней после освобождения Керчи советскими войсками, 11 января 1942 года. По свидетельствам очевидцев, первые строчки поэт написал прямо на месте, а ночью полностью завершил стихотворение.

«Можно не слушать народных сказаний,
Не верить газетным столбцам,
Но я это видел. Своими глазами.
Понимаете? Видел. Сам.
Вот тут дорога. А там вон — взгорье.
Меж нами
вот этак —
ров.
Из этого рва поднимается горе.
Горе без берегов.
Нет! Об этом нельзя словами...
Тут надо рычать! Рыдать!
Семь тысяч расстрелянных в мерзлой яме,
Заржавленной, как руда.
Кто эти люди? Бойцы? Нисколько.
Может быть, партизаны? Нет.
Вот лежит лопухий Колька —
Ему одиннадцать лет.
Тут вся родня его. Хутор «Веселый».
Весь «Самострой» — сто двадцать дворов
Ближние станции, ближние села —
Все заложников выслали в ров.
Лежат, сидят, всползают на бруствер.
У каждого жест. Удивительно свой!
Зима в мертвецке заморозила чувство,
С которым смерть принимал живой,
И трупы бредят, грозят, ненавидят...
Как митинг, шумит эта мертвая тишь.
В каком бы их ни свалило виде —
Глазами, оскалом, шеей, плечами
Они пререкаются с палачами,
Они восклицают: «Не победишь!»...

Ответ Геббельсу

Впервые поэтический репортаж Сельвинского увидел свет 14 января в «Сыне Отечества», а всеоюзную известность получил после публикации 27 февраля в главной военной газете страны — «Красной звезде». Стихотворение издали в виде листовок и разбрасывали с самолетов над боевыми позициями, исполняли на концертах и по радио. «Я это видел», наряду с «Убей его» Константина Симонова, стало едва ли не самым знаменитым стихотворением переломного 1942 года. Не будет преувеличением сказать, что Сельвинский с Симоновым своими стихами «убили» не одну тысячу гитлеровцев — такую ненависть к врагу вызывали их поэтические строчки. Потрясены были даже многие повидавшие солдаты и офицеры, стихи переписывали от руки и отсылали родным и близким. Военкор «Сына отечества» Борис Серман вспоминал: «На полевой почте лежали кипы приготовленных к отправке писем с этими стихами. Под одним стихотворением было написано: «Вот потому и воюем и уничтожаем фашистскую гадину».

Говорят, министр пропаганды гитлеровской Германии Йозеф Геббельс объявил Сельвинского своим личным врагом и сообщил, что уже приготовил для поэта веревку. Сельвинский ответил ему стихами:

«Геббельс! Откуда такое усердьице?
Ужель обступила призраков давка?
Но там, где у всех полагается сердце,
У вас-то всего... бородавка».

В итоге, как мы знаем, Геббельс в отчаянии отравился в осажденном советскими войсками Берлине, а Сельвинский стал одним из самых знаменитых литераторов страны-победительницы.

Среди других военных стихов поэта — «О танке КВ», «Аджимушкай», «Тамань», «Крым», «Лебединое озеро», «Кандава». На рукаве одного из немцев автор — герой «Кандавы» видит значок «за покорение Крыма» и вырывает его вместе с «шерстью» мундира — как бы еще раз, по праву победителя, вырывая из фашистских лап родную землю.

Он надымил на много поколений

Сельвинский не только писал стихи, репортажи, очерки, заметки. Не раз и не два фронтовому писателю приходилось участвовать в боях с фашистами, за что он был награжден боевыми орденами — Красной Звезды и Отечественной войны I степени.

«Военное звание — старший батальонный комиссар. Должность и часть — писатель газеты «Вперед к победе». Поэт-фронтовик. Его стихи «Я это видел», «Бойцам Крымского фронта», «Баллада о ленинизме», «Ответ Геббельсу», «Кубань» и другие написаны на фронте и получили широкое признание среди бойцов Красной армии. На фронте с авгу-

ста 1941 года, проявил себя как храбрый воин. Лично участвовал в двух наступлениях (на деревню Ась и город Армянск в Крыму). Был ранен в 1942 году и по выздоровлении вернулся в редакцию. За прекрасную песню «Боевая Крымская», ставшую песней Крымского фронта, заместителем наркома обороны был награжден золотыми часами. В Черноморской группе имя Сельвинского пользуется уважением. Бойцы и командиры любят его высоко патриотические стихи», — читаем в наградном листе к ордену Красной Звезды, которым Сельвинский был награжден 22 февраля 1943 года.

«Военное звание — подполковник. Должность и часть — писатель редакции газеты «Вперед за Родину». Поэт Сельвинский на фронте с первых дней Отечественной войны. Начал свою деятельность в армейской газете, где работал почти год, затем перешел во фронтовую газету Крымского фронта. Сельвинский — поэт-фронтовик. Много времени провел в передовых частях фронта, лично не раз подвергался опасностям, проявлял в трудной, тяжелой обстановке выдержку, стойкость, храбрость. Стихи и очерки Сельвинского пользуются большим успехом среди бойцов и офицеров на фронте», — рассказывает наградной лист к ордену Отечественной войны, которым поэта наградили 16 октября 1943 года.

«Бессмертья нет. А слава только дым,
И надыми хоть на сто поколений,
Но где-нибудь ты сменишься другим
И все равно исчезнешь, бедный гений.
Истории ты был необходим
Всего, быть может, несколько мгновений...
Но не отчаивайся, бедный гений,
Печальный однодум и нелюдим.
По-прежнему ты к вечности стремишься!
Пускай тебя не покидает мысль
О том, что отзвук из грядущих далей
Тебе нужней и славы и медалей.
Бессмертья нет. Но жизнь полным-полна,

Когда бессмертьем отдана она», — написал Сельвинский в 1943 году в Аджимушкайских каменоломнях под Керчью.

Идея создания музея Сельвинского возникла в Симферополе в начале 1980-х годов благодаря усилиям падчерицы поэта Цецилии Воскресенской и дочери Татьяны Сельвинской, известной московской художницы. Начинание поддержали Белла Ахмадулина, Василий Лановой и многие другие. Значительная роль в этом принадлежала также поэту-фронтовику, журналисту Борису Серману, который считал себя

учеником Ильи Сельвинского. Музей был создан в феврале 1990 года в качестве отдела Крымского республиканского краеведческого музея. 23 октября 2009 года экспозиция Дома-музея открылась в отдельном новом здании, построенном по образу и подобию дома, в котором родился и провел свое детство поэт.

В 2023 году имя Ильи Сельвинского было включено в созданный в Крымском федеральном университете Зал славы крымской журналистики.

**Специальная военная операция на Украине
как вызов для русской литературы**
**«Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки». 2024. Т. 10 (76). № 3. 2024**

ВВЕДЕНИЕ

Специальная военная операция на Украине стала очередным экзистенциальным вызовом для русской литературы, тестом на сохранение ею исторических традиций и статуса великой литературы; тестом для русских писателей, которые всегда больше, чем просто беллетристы, рассказчики занимательных историй.

Таковыми же вызовами, тестами были в свое время для нашей словесности Отечественная война 1812 года, Восточная (Крымская) война, которую иногда называют «нулевой мировой», Первая мировая и Гражданская, Великая Отечественная.

СВО углубила раскол, проявившийся в русском обществе, русской культуре, русской литературе после воссоединения Крыма с Россией. Часть литераторов — Борис Акунин, Дмитрий Быков, Людмила Улицкая и другие осудили сначала возвращение Крыма, а затем и специальную военную операцию на Украине. Часть, наоборот, приветствовали возвращение Крыма и поддержали проведение СВО.

Уже через несколько дней после начала спецоперации, 28 февраля 2022 года несколько сот русских писателей, среди которых Юрий Поляков, Сергей Куняев, Сергей Лукьяненко, Лев Новоженев, Евгений Попов, Евгений Рейн, подписали открытое письмо, опубликованное на сайте «Литературной газеты». «Специальная военная операция, проходящая сейчас в Донбассе и некоторых частях Украины, назревала давно. Запад не оставлял попыток так или иначе уязвить Россию, очернить ее и в конце концов расчленить... Особый размах антироссийская истерия приняла с 2014 года, когда крымчане свободно и почти единогласно решили присоединиться к России, а Донбасс не захотел больше унижений за то, что говорил и думал по-русски. И Россия поддержала эти законные требования... А что было бы, не начнись военная

операция? Продолжили бы свои людоедские марши по Киеву бандеровцы, убивали бы украинских журналистов, так и сидели бы по тюрьмам учителя русского языка, остались бы безнаказанными злодеяния тех, кто в Одессе сжигал людей заживо, перенимая тактику гитлеровцев, повисла бы над Россией грязная бандеровская атомная бомба!..» [5], — писали отечественные литераторы.

Цель исследования:

— проанализировать, как русские писатели отражают в своих произведениях специальную военную операцию на Украине.

Задачи:

— назвать имена наиболее заметных отечественных литераторов, пишущих о специальной военной операции на Украине;
— объяснить причины их обращения к этой теме;
— установить историко-генетическую связь между современными писателями и их предшественниками периода Великой Отечественной и других войн.

Методы исследования — описательный, историко-генетический, биографический.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней предпринимается одна из первых попыток описать и проанализировать отражение в русской литературе специальной военной операции как глобального геополитического и военного конфликта, от исхода которого зависит судьба России. Особую актуальность тема исследования приобретает в свете продолжения специальной военной операции на Украине.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Назовем наиболее заметных русских писателей и поэтов, пишущих о СВО.

Александр Андреевич Проханов — патриарх отечественной военной литературы. Восемнадцать командировок писателя в Афганистан вылились в романы «Дерево в центре Кабула» и «Дворец» и сборник рассказов «Третий тост». Чеченская война отразилась в романах «Чеченский блюз» и «Идущие в ночи». Кроме того, Проханов работал в таких горячих точках планеты, как Абхазия, Приднестровье, Никарагуа, Ангола. Над ним пытались иронизировать, представлять его в качестве маргинала, обвинять в графомании и отсутствии вкуса, однако история России последнего десятилетия — возвращение Крыма, восстание Донбасса, специальная военная операция на Украине, углубление конфликта с США и их сателлитами — наглядно демонстрирует актуальность проблематики прохановского творчества и точность его оценок и прогнозов.

Проханову 86 лет. От него трудно ждать большого литературного полотна о СВО, но в своих коротких публицистических текстах он по пре-

жнему не знает компромиссов: «Когда с трибун призывают «Все для фронта, все для Победы», а потом, чуть покашляв, отправляются в дорогой ресторан насладиться средиземноморской кухней, тогда возникает ощущение огромной неправды. Война перехлестывает украино-российскую границу. Она двигается в глубь России. Она ужалила Белгород, Брянск, Воронеж. Она жалит города на Волге и на Волхове. Она страшно ужалила Москву — Крокус Сити. Это война для всех. Вся Россия разбитыми в кровь губами припадает к этой чаше и пьет ядовитый отвар» [10].

По мысли Проханова, победу в войне одержит не тот, кто уничтожит больше электростанций, складов горючего или эшелонов с войсками, а тот, кто выдержит страшное напряжение эпохи, давление кромешного XXI века, который перемальвает слабых и безвольных и открывает дорогу в историю стоическим народам и могучим государствам.

«Русские — великий народ. Среди кромешных исторических бурь и вселенских потоков его сберегает сокровенная вера в грядущее бесподобное царство, благодатное бытие, вера в страну, о которой мечтали языческие скоморохи, православные отцы-пустынники, бесподобные русские космисты, чародеи Золотого и Серебряного веков русской словесности, озаренные большевики, поднявшие Россию до космических высот» [10], — пророчествует классик.

Захар Прилепин. Евгений Николаевич Прилепин. Один из самых читаемых и цитируемых современных русских писателей. В его арсенале — и перо, и штык. Воевал в Чечне и на Донбассе. Среди наиболее значительных книг — романы «Санька» и «Обитель», «Некоторые не попадут в ад», «Ополченский романс», «Собаки и другие люди», биографии Сергея Есенина, Михаила Шолохова, Леонида Леонова. Политик. Русские писатели вообще часто еще и политики, общественные деятели. Сопредседатель партии «Справедливая Россия — Патриоты — За правду». По итогам выборов 2021 года легко мог пойти работать в Государственную Думу России, но пошел... на фронт. После начала специальной военной операции служил в добровольческом батальоне, потом полку «Оплот» Национальной гвардии России заместителем командира по военно-политической работе. Подполковник. Кавалер ордена Мужества. Прилепин отстаивал Россию с оружием в руках так же, как когда-то Лермонтов и Толстой, Гумилев и Туроверов, Шолохов и Симонов.

Как многим русским писателям прошлого и настоящего, Прилепину часто не хватает писательского инструментария, и он обращается к публицистике для того, чтобы здесь и сейчас, не откладывая в долгий ящик, отреагировать на происходящие события. В этом Захар похож, например, на Федора Михайловича Достоевского с его тоже донельзя политизированным «Дневником писателя». «Нигде так остро и светло не чувствуешь себя

русским, как в Крыму!» [2], — по-чеховски лапидарно и по-чеховски же талантливо выразил настроение Русского мира Прилепин весной 2014 года. По «милитаристскому» определению писателя, тогда за крымчанами стоял «спецназ русской литературы». Выпускник филологического факультета Нижегородского государственного университета Евгений Николаевич Прилепин не только хорошо выучил уроки великих русских писателей прошлого, но и стал продолжателем их традиций, на наших глазах превращаясь — превратившись — в нового классика отечественной словесности.

6 мая 2023 года в Нижегородской области в районе города Бор террористы взорвали машину Захара Прилепина. Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин назвал покушение спецоперацией украинских спецслужб. При этом, по заявлению МИД России, оно готовилось с ведома спецслужб Запада. Прилепина хотели убить за поддержку специальной военной операции на Украине, за поддержку Крыма, Донбасса, Новороссии. Он выжил и вернулся к работе, к общественно-политической деятельности, к творчеству.

Анна Петровна Долгарева. Да простит меня генерал-лейтенант Игорь Евгеньевич Конашенков (кстати, член президиума Союза журналистов Москвы), но стихи Долгаревой рассказывают о специальной военной операции больше, чем сводки министерства обороны. Ее книги стихов о войне на Донбассе и СВО — «Красная ягода. Черная земля» и «За рекой Смородиной» уже вошли в историю русской литературы. «Она — издалека и надолго, она — Долгарева. Сколько бы ее ни корили, чего бы ни вменяли ей в вину (а вменяют на самом деле всегда — талант, и добрую славу еще, и восхищение читателей, и любовь всех ее донбасских однополчан) — у нее настолько очевидное место в русской поэзии, что теперь уже и спорить на эту тему лень. У нее место, говорю, не на сегодняшней поляне, а в русской поэзии вообще, — написал Захар Прилепин. — Она словно бы моя родственница, скажем, сестра: словно мы воспитывались в одном доме. Под одними иконами и под одними знаменами. Дети южных окраин Руси-России. Последыши советской страны» [1, с. 7-8].

Лучше всего о Анне рассказывает ее собственное стихотворение, открывающее книгу «За рекой Смородиной». Оно называется «Невыдуманная история одной военной корреспондентки».

«...Быть на стороне слабого —
Так нас учили буквари,
Так нас учили мама и папа
И вся великая русская литература.
Семь лет я была с теми, кого бомбили,
Семь лет я воевала за них с целым миром
И особенно с собственными штабными.

Как же мне не остаться с ними?
Я родилась и выросла в Харькове,
Я не разговариваю с собственным братом
С 2014 года.
Я даже родителей прошу не упоминать его в разговорах.
Я — с теми, кого бомбили.
Мой брат — с теми, кто их бомбил» [1, с. 9–10].

Линия фронта легла прямо через меня, сказала однажды Долгарева. Через нее, через тысячи, десятки, сотни тысяч, через миллионы. Хотите понять, что происходит на фронте, почему началась и чем закончится специальная военная операция, не ограничивайтесь сводками министерства обороны, телевизионными программами Владимира Соловьева, Дмитрия Киселева, Вячеслава Никонова или телеграм-каналами военкоров и аналитиков. Читайте... стихи:

«Когда от Херсона
Отвели войска
(В рамках чего — это потом
Объяснят по федеральным каналам,
По радио,
По интернету; Господи, какая тоска);
Неважно.
В общем, когда ничего не стало —
По правому берегу
Реки Днепра
Остался прапорщик
Иван Никтоев,
Рядовой Алексей Ты-Умер-Вчера,
Лейтенант Сомнение,
Капитан А-Ты-Вообще-Кто-Такое.
Они держали Днепр,
Великую русскую реку,
До ядерного удара,
До последнего человека» [1, с. 116].

Юрий Михайлович Поляков. «Сто дней до приказа», «Апофегей», «Козленок в молоке», «Порнократия». Из последних книг: «Советство», «Советство. Пионерская ночь». «Советство. Узник пятого волнореза». Многолетний главный редактор «Литературной газеты». Член многочисленных общественных советов, лауреат еще более многочисленных литературных премий. Кавалер орденов «Дружбы», «Почета», «За заслуги перед Отечеством». Один из подписантов того самого открытого письма, которое мы упоминали вначале. Автор публицистических эссе на темы СВО «Почем

вы, мастера культуры!», «Коммерческий пацифизм», «Ура-пацифисты и увыпатриоты», «Куда ж нам плыть?», «Третий союзник», «Разведка грядущего».

О «мастерах культуры» написано 4 марта 2022 года: «Сегодня, когда наши воины отдают свои жизни во имя будущего большого народа (я имею в виду триединство: русские, украинцы, белорусы), коллективные истерики иных мастеров искусства выглядят, мягко говоря, кощунственно. Объявляя свою страну немотивированным агрессором, сеющим смерть и разрушения, они, ломая руки в общечеловеческой кручине, требуют мира, как прибавки к зарплате. Они напоминают мне тех, кто до сих пор жалеет, что Ленинград не сдали фашистам ради сохранения жизни людям [7].

По мысли Полякова, в России противостоят друг другу две культуры — государственно-патриотическая и либерально-прозападная. При этом, если кто-то думает, что государственно-патриотическое крыло названо так, потому что за ним стоит государство, он ошибается. Наоборот, власть более тридцати лет, с начала девяностых, последовательно поддерживала именно либеральное направление. Стоит ли после этого удивляться, что значительная часть творческой интеллигенции выступила против специальной военной операции?

«От мировоззрения худрука театра, кинопродюсера или издателя напрямую зависят направленность спектакля, фильма, книги и, соответственно, их воздействие на зрителя, читателя. Конечно, ради денег и сохранения должности можно сделать над собой усилие. А толку? От рыбок птички не родятся. Не по этой ли причине более чем за год, минувший с начала СВО, мы не имеем ни одного заметного фильма, спектакля, музыкального цикла и т.д., посвященных этим событиям? А ведь лента «Парень из нашего города» (по пьесе Константина Симонова) вышла на экраны СССР уже осенью 1941 года! Мыслящий слой общества, научная и творческая интеллигенция всегда, помимо прочего, выполняют функцию прогнозирования и моделирования будущего. Для принятия управленческих решений такие прогнозы могут иметь ключевое значение. И от того, какой из двух культур, сосуществующих ныне в России, власть доверит «разведку грядущего», а точнее, с кем пойдет в эту разведку, во многом зависит будущее государства Российского, да и всего нашего многонационального народа» [8, с. 40–41], — уверен Поляков, сравнивающий специальную военную операцию с Великой Отечественной войной:

«Салюты победные, ох, как не близки.

И груды «рейхстага» еще не видны...

Хватило бы мрамора наobelиски

Четвертой Отечественной войны!» [9, с. 125].

Специальная военная операция изменила Россию и пусть не всех (Акунин, Быков, Улицкая и Шендерович неизменны), но многих русских людей. Поэт Игорь Караулов изложил эволюцию своего мировоззрения в стихах:

«Помнишь односолодовый виски?
Без него мне в жизни было пусто.
Я тогда отслеживал новинки
дегенеративного искусства.

Я любил очкастых лесбиянок,
юношей с изящной формой зада,
Гельмана просторный полустанок
на задворках Курского вокзала.

Я бывал на ярких биеннале,
где рулила Маша или Лиза
и меня еще не проклинали
корифеи концептуализма.

Где во мне признали человека,
да и я поверил, что не овощ.
Где бродил с бокальчиком просекко
депутат Евгений Бунимович.

А потом они сожгли Одессу,
концептуализма корифеи,
и свою коричневую мессу
праздновали в каждой галерее.

А потом весенний Мариуполь
расстреляли рыцари дискурса.
Тут-то и пошел во мне на убыль
интерес к их модному искусству.

Я люблю донбасских ополченцев,
песни их про смерть и про победу.
Я люблю кадыровских чеченцев.
Я на биеннале не поеду.

И теперь уже навеки русскую,
никогда любить не перестану
Вагнера израненную музыку
и желать спасения Тристану [3, с. 65].

Семену Пегову, в отличие от Игоря Караулова, меняться было не нужно. Он всегда знал цену корифеям дегенеративного искусства. Поэт, стихи которого уже попали в новый, эпохи СВО, учебник русской литературы для учащихся старших классов, — как видим, страна действительно меняется. Прозаик. Военный корреспондент. Блогер. В октябре 2022 года Пегов был ранен в районе села Водяное Донецкой области. Кавалер ордена Мужества. Сборник рассказов Пегова

«Я и рыжий сепар» и его репортерские тексты правда чем-то напоминают гонзо-журналистику — Семен является основателем проекта WarGonzo, у которого больше миллиона подписчиков. Напоминают с одной большой разницей: наша «гонзо-журналистика» куда круче их американской, потому что она о настоящей войне, а не о конфетнораскрашенной апельсиннолепестковой обтекаемой малютке и даже не о страхе и ненависти в Лас-Вегасе. При этом, безусловно, историко-литературные корни рассказов Пегова можно отыскать куда глубже — в «Севастопольских рассказах» Толстого, в короткой прозе Шолохова и Симонова.

Русский, не российский, а русский писатель Герман Умаралиевич Садулаев. Автор книг «Я — чеченец!», «Таблетка», «AD», «Шалинский рейд», «Земля-воздух-небо». Его последняя книга с говорящим названием «Никто не выVOзит эту жизнь» вышла в этом году: «Смешные они, эти укропы. И названия у них смешные. Нью-Йорк, например (написано до освобождения Нью-Йорка (Новгородского) армией России — Автор.). Видели вы тот Нью-Йорк? Это как в самой Америке есть город Москва. Или село. В общем, жопа какая-то. Здесь начинается жопа мира. Но это не какая-то там специальная русофобия. У них и Париж есть, примерно такая же жопа» [12, с. 241], — пишет Садулаев.

Александр Сергеевич Пелевин. Не путать с Виктором Олеговичем. Из последних книг повесть «Гори огнем» и сборник поэзии «Под музыку Вагнера» — поэтическая хроника личного восприятия спецоперации на Украине. Посвящена бойцам российской армии, ополченцам ДНР и ЛНР, добровольцам, бойцам ЧВК «Вагнера», военкорам, гуманитарщикам, мирным жителям, живым и мертвым. «Живые и мертвые» — это название эпопеи Константина Симонова о Великой Отечественной войне. И вырвалось оно в посвящении у Пелевина, конечно, не случайно.

Как Проханов, как Прилепин, как Поляков, Пелевин «в гробу видал» предавших страну после начала СВО либеральных деятелей культуры:

«Что Вы плачете, деточка,

Проклиная себя?

Я не слышал Монеточку,

Я не видел Дудя.

И медузы балтийские,

И голландский штурвал,

И стартапы тбилисские —

Я в гробу их видал [6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Армия современной русской литературы, сражающаяся на фронтах СВО, ни в коем случае не исчерпывается Прохановым, Прилепиным, Долгаревой, Карауловым, Пеговым, Садулаевым, Пелевиным. В одном строю с ними воен-

коры Александр Коц и Дмитрий Стешин, поэтессы Мария Ватутина и Анна Ревякина. Отдельно нужно выделить творчество бойцов спецоперации, пришедших в литературу прямо с фронта, — Григория Кубатьяна, Даниила Туленкова, Дмитрия Филиппова, Амира Сабирова и других. У нас снова, как после Великой Отечественной, появилась лейтенантская (солдатская) проза и поэзия:

«Быть пехотой — черная работа,
Марш, рытье и горе на зубах —
Осень и табачная икота
Гулом растекается впотьмах,
Может, будет баня на неделе,
Черт бы с ней, уйдет опять в штабы,
Лица наши пылью обгорели
И зрачки соленые — немь.

Слышен в белгородском приграничье
На волне запаянных частот
Полурусский говор — землю мечут
РДК, наемники — весь сброд.

Талый пот, крестец сжимают плиты —
Листья на перчатку упадут.
На большой земле одни пииты —
Здесь координаты продадут,

Повторят про «мальчиков» и «наших»,
я уже не мальчик — ветеран.
Ем, мешая пыль, из банки кашу,
лезу за уставняком в карман.

Крест мой православный не надетый,
полумесяц, спрятанный в коран,
Господи, спасибо за все это,
за войну, за горечь, за обман» [11].

Главная причина обращения русских писателей к теме специальной военной операции заключается в том, что она стала важнейшим событием в новейшей истории России, от исхода которого зависит судьба страны и ее граждан. При этом одновременно СВО, как любая большая война, дает писателям уникальный материал для изучения человеческого характера.

Специальная военная операция меняет Россию и вместе с ней — русскую литературу. Появляются новые имена. Выходят новые книги, в том числе, при поддержке государства, — сборники «Жизнь за други своя», «Нет уз святее товарищества», «Поэзия русской зимы», дающие путевку в жизнь начинающим литераторам. Однако эта поддержка должна быть еще боль-

ше, еще системнее. Литературе, как и любому другому искусству, нужно учиться. Так, как учились ему после войны в Литературном институте Юрий Бондарев, Виктор Астафьев, Юлия Друнина, Виктор Курочкин, Григорий Бакланов. «Все это поколение фронтовиков после войны, — они окончили литинститут. Бондарчук, Чухрай окончили ВГИК. И через 10–12 лет после войны у нас начала появляться наша великая военная литература, великое военное кино, великая военная песня. И сейчас этим должны заниматься ВГИК, филфаки, журфаки и другие вузы: находить, зазывать, собирать людей с фронта и держать для них ворота распахнутыми. Должны иметь программы для этих людей, чтобы они получали образование. Это огромная работа» [4], — убежден Захар Прилепин.

Русская литература исторически играет важнейшую роль в формировании общественного мнения, в воспитании патриотизма и, в конечном итоге, в победах русской армии. Это отлично понимали руководители государства в годы Великой Отечественной войны, когда на фронт отправились военкорами практически все крупнейшие отечественные писатели — Шолохов, Толстой, Симонов, Твардовский, Сельвинский, Пастернак, Платонов, Петров, Долматовский, Эренбург, этот ряд можно продолжать и продолжать. Это была именно часть продуманной государственной политики. «Наука ненависти» и «Они сражались за Родину» Шолохова, «Убей его!» и «Жди меня» Симонова, «Василий Теркин» Твардовского были настоящей фронтовой литературой, учили солдат и офицеров ненавидеть врага и поднимали их в атаку.

Главная правда об Отечественной войне 1812 года — в «Воине и мире» Льва Толстого и «Бородине» Михаила Лермонтова, о Гражданской — в «Тихом Доне» Михаила Шолохова и «Докторе Живаго» Бориса Пастернака, о Великой Отечественной — в «Они сражались за родину» того же Михаила Шолохова, «Живых и мертвых» Константина Симонова, «Горячем снеге» Юрия Бондарева. Именно по ним мы прежде всего знаем, за что и как сражались наши деды и прадеды. Именно они останутся в веках, войдут в учебники — и литературы, и истории. И точно также туда обязательно войдут лучшие произведения современных писателей о специальной военной операции на Украине.

Осмысливая причины, ход, последствия специальной военной операции, за которой, как за эвфемизмом, скрывается глобальный конфликт между Россией и Западом с элементами новой гражданской войны, современные писатели «на короткой дистанции» традиционно используют публицистический, поэтический, репортажный инструментарий, а «на длинной» нас обязательно ждут большие русские романы об этих трагических, судьбоносных для России и всего мира событиях. Никак иначе быть не может. Если у нас не окажется писателей, равных Толстому, Шолохову, Симонову, значит, русская литература не выдержит теста на сохранение ею «звания» великой.

Список литературы

1. Долгарева А. П. За рекой Смородиной. Стихи / А. П. Долгарева. — СПб.: Лира, 2024. — 192 с.
2. Дремлюгин А. Захар Прилепин: «Нигде так остро и светло не чувствуешь себя русским, как в Крыму!» [Электронный ресурс] / А. Дремлюгин // «Крымский журнал». — 2016. — Режим доступа: <http://journalcrimea.ru/zahar-prilepin-nigde-tak-ostro-i-svetlo-ne-chuvstvuesh-sebya-russkim-kak-v-krymu/> (Дата обращения: 15.09.2024).
3. Караулов И. А. Моя сторона истории. Стихи / И. А. Караулов. — СПб.: Питер, 2023. — 160 с.
4. Круглова А. «Нет уз святее товарищества»: Захар Прилепин — о прозе и поэзии, написанной воинами [Электронный ресурс] / А. Круглова // Russia Today. — 26.07.2024. — Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/article/1345683-zahar-prilepin-sbornik-rasskazy-svo?ysclid=m13awn64p1842129320> (Дата обращения: 15.09.2024).
5. Кто хочет жертв? Обращение писателей России по поводу специальной операции нашей армии в Донбассе и на территории Украины [Электронный ресурс] // «Литературная газета». — 28.02.2022. — Режим доступа: <https://lgz.ru/article/kto-khochet-zhertv/> (Дата обращения: 15.09.2024).
6. Пелевин А. С. Что вы плачете, деточка, проклиная себя? [Электронный ресурс] / А. С. Пелевин // Телеграм-канал. — 20.03.2023. — Режим доступа: <https://t.me/comradepelevin/5319> (Дата обращения: 15.09.2024).
7. Поляков Ю. М. Почем вы, мастера культуры! [Электронный ресурс] / Ю. М. Поляков // «Литературная Россия». — № 4-5 (3015-3016). — 02.03.2022. — Режим доступа: <https://litrussia.su/2022/03/02/pochjom-vy-mastera-kultury/> (Дата обращения: 15.09.2024).
8. Поляков Ю. М. Разведка грядущего / Ю. М. Поляков // «Разведчик». — № 1 (2). — 03.2023.
9. Поляков Ю. М. Раздрапируйте мавзолей / Ю. М. Поляков. — М.: Книжный мир, 2023—392 с.
10. Проханов А. А. Кровавый крокус [Электронный ресурс] / А. А. Проханов // «Завтра». — 24.03.2024. — Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/krovavij_krokus?ysclid=m130aqdjwm283511438 (Дата обращения: 15.09.2024).
11. Сабиров А. Р. «Быть пехотой — черная работа» [Электронный ресурс] / А. Р. Сабиров // Телеграм-канал. — 06.09.2024. — Режим доступа: <https://t.me/s/livennoyabrya?q=%D0%91%D0%AB%D1%82%D1%8C+%D0%BF%D0%B5%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B9> (Дата обращения: 15.09.2024).
12. Садулаев Г. У. Никто не выВОзит эту жизнь / Г. У. Садулаев. — СПб.: Лира, 2024. — 256 с.

**Что знал об украинском национализме
Михаил Булгаков
(Сто лет назад в «красной России» увидел
свет роман «Белая гвардия»)
«Парламентская газета», 01.02.2025**

Филологам прекрасно известно: настоящий русский писатель подобен древним пророкам. Он видит лучше и дальше, чем обычные люди. Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Николай Гоголь, Федор Достоевский, Лев Толстой, Антон Чехов и многие другие русские писатели и поэты не раз и не два «заглядывали» в своих произведениях в будущее России и мира. Михаил Булгаков — в их ряду.

Не понаслышке

В этом году отмечается столетие публикации романа Булгакова «Белая гвардия». Впервые он увидел свет в четвертом и пятом номерах журнала «Россия» за 1925 год. Недавно Московский аукционный дом «Литфонд» продал экземпляр этого журнала с первой публикацией романа с автографом писателя, датированным 1 февраля.

«Белая гвардия», действие которой разворачивается в Киеве в дни Гражданской войны, содержит убийственные характеристики украинского национализма, природа и идеи которого остаются теми же и сегодня. В дни специальной военной операции на Украине это, пожалуй, самый злободневный роман Булгакова, злободневнее «Собачьего сердца» и «Мастера и Маргариты».

Михаил Булгаков родился и вырос в Киеве в семье преподавателя Киевской духовной академии Афанасия Булгакова, окончил Первую Александровскую гимназию, названную так, к ужасу украинских националистов, в честь российского императора Александра Первого, и медицинский факультет Киевского университета.

Что такое украинский национализм, Булгаков знал не понаслышке. Когда в декабре 1918 года в Киев вошли войска Украинской директории во

главе с Петлюрой, военврач Булгаков в составе офицерской дружины безуспешно пытался защитить правительство гетмана Скоропадского. В начале февраля 1919 года Булгакова как врача мобилизовали в армию Украинской народной республики, но буквально через несколько дней он сбежал из нее при отступлении петлюровцев из Киева.

«Белая гвардия» — роман автобиографический. Семья Турбиных — это семья Булгаковых. Турбина — девичья фамилия бабушки Булгакова со стороны матери, Анфисы Ивановны, в замужестве — Покровской. Прототип Елены Тальберг — сестра писателя Варвара. Капитан Тальберг списан с мужа Варвары Леонида Карума. Мьшслаевский и Шервинский — друзья Булгакова, соответственно, Николай Сынгаевский и Юрий Гладыревский.

Дом Турбиных — это дом Булгаковых в Киеве, на Андреевском спуске, 13, где сейчас располагается литературно-мемориальный музей писателя, который требуют закрыть украинские националисты. Не знаю, бывал ли там Владимир Зеленский. Я бы на его месте сходил обязательно, а потом почитал «Белую гвардию». Ибо многое из того, что написано классиком об Украине образца 1918 года, повторяется сейчас, сто с лишним лет спустя.

Гнусная комедия с украинизацией

Ну вот, например, знаменитый пассаж об украинском языке: «Я б вашего гетмана, — кричал старший Турбин, — за устройство этой миленькой Украины повесил бы первым!.. Хай живе вильна Украина вид Києва до Берлина! Полгода он издевался над русскими офицерами, издевался над всеми нами... Кто терроризировал русское население этим гнусным языком, которого и на свете не существует? Гетман. Кто развел всю эту мразь с хвостами на головах? Гетман... Сволочь он, ведь он же сам не говорит на этом проклятом языке! А? Я позавчера спрашиваю эту каналью, доктора Курицкого, он, извольте ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года. Был Курицкий, а стал Курицький... Так вот спрашиваю: как по-украински «кот»? Он отвечает: «Кит». Спрашиваю: «А как кит?» А он оstantовился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется.

Николка с треском захохотал и сказал:

— Слова «кит» у них не может быть, потому что на Украине не водятся киты, а в России всего много. В Белом море киты есть...».

Кстати, недавно бывший советник Зеленского Алексей Арестович (включен в России в официальный перечень террористов и экстремистов) признался, что все совещания в офисе украинского президента проходят исключительно на русском языке. «Все переговоры велись на русском, все разговоры за кадром велись на русском. Офис президента — это место, где говорят на русском языке. Все без исключения, включая Зеленского», — написал Арестович в своем телеграм-канале, и оснований не верить ему в этом случае

нет. Он же указал и на очевидную преемственность нынешней украинской власти с петлюровщиной: «Если мы продолжим политику петлюровщины с очередными лозунгами «Армія. Мова. Віра» — нам конец».

«Гнусная комедия с украинизацией» — выражение Булгакова — вновь началась на Украине в начале девяностых годов прошлого века и конца края ей не видно. Причем, логику тех, кто эту комедию (обернувшуюся в итоге полномасштабной трагедией, унесшей уже сотни тысяч человеческих жизней) затевал, Булгаков тоже объяснил:

«— Стой! — Шервинский встал. — погоди. Я должен сказать в защиту гетмана. Правда, ошибки были допущены, но план у гетмана (все президенты нынешней независимой Украины одновременно еще и гетманы, булава — официальный символ президентской власти — Автор.) был правильный. О, он дипломат. Край украинский, здесь есть элементы, которые хотят балакать на этой мове своей, — пусть!

— Пять процентов, а девяносто пять — русских!..

— Верно. Но они сыграли бы роль э... э... вечного бродила, как говорит князь. Вот и нужно было их утихомирить».

Что бывает без москалей

Виктор Янукович тоже был «дипломатом». Как результат, «добалакальсь». «Вечное бродило» стало главной движущей силой сначала «революции гидности», потом «антитеррористической операции» и, наконец, нынешней войны — точно так же, как оно было в свое время главной движущей силой петлюровщины.

Тысячи неучтенных «стволов» опять, как и сто лет назад, бродят по Украине. «Были десятки тысяч людей, вернувшихся с войны и умеющих стрелять...

— А выучили сами же офицеры по приказанию начальства!

Сотни тысяч винтовок, закопанных в землю, упрятанных в клунях и коморах... миллионы патронов в той же земле и трехдюймовые орудия в каждой пятой деревне и пулеметы в каждой второй, во всяком городишке склады снарядов, цейхгаузы с шинелями и папахами.

И в этих же городишках народные учителя, фельдшера, однодворцы, украинские семинаристы, волею судеб ставшие прапорщиками, здоровенные сыны пчеловодов, штабс-капитаны с украинскими фамилиями... все говорят на украинском языке, все любят Украину волшебную, воображаемую, без панов, без офицеров-москалей...».

«Без офицеров-москалей» — один из ключей к произошедшему и происходящему на Украине; животная, инстинктивная ненависть к России всегда была одним из главных источников украинского национализма.

«— Це вам не Россия, добродію. — Геть! В Россию! Геть с України! — орет у Булгакова «улица».

Кстати, у бывшего президента Украины Виктора Ющенко Семен Петлюра ходил в исторических кумирах. Ющенко даже совершал паломничество на могилу этого головореза в Париже на кладбище с поэтическим названием Монпарнас.

Сегодня таких головорезов на Украине — пруд пруди.

И, надо признать, рано или поздно они должны были материализоваться из этой самой «гноусной комедии с украинизацией». Должны были сойти с театральных и парламентских подмостков и выйти на улицы и площади Киева и других городов страны.

Совершенно пропащая страна

В мирном 2004 году Петлюру, у которого руки по локоть в крови «проклятых жидов и москалей», увековечили на официальной почтовой марке. Памятники Петлюре стоят в Полтаве и Ровно. Имя этого «героя» носят улицы в Киеве, Ровно, Тернополе, Львове и еще целом ряде городов и городков. Кстати, во Львове имя Петлюры дали бывшей улице Маршала Рыбалко — уроженца Харьковщины, дважды героя Советского Союза, освобождавшего Украину от немецко-фашистских оккупантов.

Ну и чего вы, собственно, хотели после всего этого?

Все эти паломничества, марки, памятники, улицы, вся эта брехня в школьных учебниках о героях Мазепе, Петлюре, Бандере, не могли обернуться ничем иным, кроме «антитеррористической операции» по уничтожению инакомыслящих.

«Еще в сентябре никто в Городе не представлял себе, что могут соорудить три человека, обладающие талантом появиться вовремя, даже и в таком ничтожном месте, как Белая Церковь. В октябре об этом уже сильно догадывались, и начали уходить, освещенные сотнями огней, поезда с Города I, Пассажирского в новый, пока еще широкий лаз через новоявленную Польшу и в Германию. Полетели телеграммы. Уехали бриллианты, бегающие глаза, проборы и деньги. Рвались и на юг, на юг, в приморский город Одессу. В ноябре месяце, увы! — все уже знали довольно определенно. Слово:

— Петлюра!

— Петлюра!!

— Петлюра! — запрыгало со стен, с серых телеграфных сводок. Утром с газетных листков оно капало в кофе, и божественный тропический напиток немедленно превращался во рту в неприятнейшие помои».

«— Петлюра, это так дико... В сущности, совершенно пропащая страна, — пробормотал Турбин в сумерках магазина, но потом опомнился: — Что же я мечтаю? Ведь, чего доброго, сюда нагрянут?».

И нагрянули.

«Стряслось чудовищное и величественное событие: Петлюра взял Город. Тот самый Петлюра и, поймите! — тот самый Город. И что теперь

будет происходить в нем, для ума человеческого, даже самого развитого, непонятно и непостижимо».

Когда растает снег

Помните, как грабят Василису петлюровские бандиты?

Вот он, портрет сознательного строителя «Украины для украинцев»: «В первом человеке все было волчье, так почему-то показалось Василисе. Лицо его узкое, глаза маленькие, глубоко сидящие, кожа серенькая, усы торчали клочьями, и небритые щеки запали сухими бороздами, он как-то странно косил, смотрел исподлобья и тут, даже в узком пространстве, успел показать, что идет нечеловеческой, ныряющей походкой привычного к снегу и траве существа. Он говорил на страшном и неправильном языке — смеси русских и украинских слов — языке, знакомом жителям Города, бывающим на Подоле, на берегу Днепра, где летом пристань свистит и вертит лебедками, где летом оборванные люди выгружают с барж арбузы... На голове у волка была папаха, и синий лоскут, обшитый сусальным позументом, свисал набок».

«Вот так революция, — подумал Василиса в своей розовой и аккуратной голове, — хорошенькая революция. Вешать их надо было всех, а теперь поздно...».

Есть у Михаила Булгакова и пророчество о том, чем закончится петлюровщина.

«А зачем оно было? Никто не скажет. Заплатит ли кто-нибудь за кровь? Нет. Никто.

Просто растает снег, взойдет зеленая украинская трава, заплетет землю... выйдут пышные всходы... задрожит зной над полями, и крови не останется и следов. Дешева кровь на червонных полях, и никто выкупать ее не будет.

Никто».

В финале «Белой гвардии» Петлюра во сне Алексея Турбина прямо уподобляется нечистой силе, исчезающей на рассвете с первым пением петухов: «Петурра!.. Петурра... Петурра... храпит Алексей... Но Петурры уже не будет... Не будет, конечно. Вероятно, где-то в небе петухи уже поют, предутренние, а значит, вся нечистая сила растаяла, унеслась, свилась в клубок в даях за Лысой горой и более не вернется. Конечно».

Точно также рано или поздно сгинут в даях за Лысой горой и нынешние правители нэзалэжной. Но это потом. Пока же для меня удивителен один-единственный факт — почему в Киеве, на Андреевском спуске, по-прежнему работает музей Михаила Булгакова? Непорядок! Я бы закрыл! А книги этого вредного писателя — сжег! Можно прямо на Майдане!

Как в Киеве увековечен Булгаков

- В 1989 году открыт литературно-мемориальный дом-музей писателя на Андреевском спуске.
- В 2007 году на Андреевском спуске открыт памятник классику.

Как на Украине пытаются избавиться от Булгакова

— В августе 2022 года со стены одного из зданий Киевского национального университета была снята установленная в честь Булгакова мемориальная доска.

— В июне 2022 года Минобразования Украины предложило исключить произведения писателя из школьной программы, однако в итоге одно из них там пока все-таки осталось — антисоветское «Собачье сердце».

— В августе 2022 года Национальный союз писателей Украины призвал избавиться столицу незалежной от дома-музея Булгакова. «Может ли в самом центре Киева и дальше работать музей писателя, который яростно ненавидел Украину и ее независимость, а также порочил, как только мог, ее в своих произведениях, например, в «Белой гвардии»». Мы полностью убеждены, что музею Булгакова не место в Украине, потому что присутствие этого писателя в культурном пространстве скрывает опасность не только для украинцев как нации, но и для украинской идентичности и государственности», — говорилось в обращении «писателей».

— 9 февраля 2024 года улица Булгакова в Киеве была переименована в улицу Кикабидзе.

— 29 марта 2024 года Институт национальной памяти Украины объявил Михаила Булгакова «символом российской имперской политики» и «яррым украинофобом». Писатель якобы презирал всех украинцев и негативно отзывался о Украинской народной республике и ее националистических лидерах. На основе данных выводов институт считает недопустимым сохранение в стране памятников и географических названий в честь писателя.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора: почему те, кто читает книги, победят тех, кто смотрит телевизор и сидит в телеграме?.....	3
Николай Гоголь: «Как будто вернулся XIII век — выжженные города и степи, обгорелые леса, древний разрушенный Киев» «Зеркало Крыма», 19.06.2014	6
Михаил Салтыков-Щедрин: «Казалось бы, уж на что лучше: урвал кусок казенного пирога — и проваливай!» «Зеркало Крыма», 29.09.2014	11
Сохранить покорность вассалов и не допустить объединения варваров (Збигнев Бжезинский о «великих обязанностях США») «Зеркало Крыма», 27.01.2015	16
Потусторонняя сила России (Генри Киссинджер о судьбах Америки, России и всего остального мира) «Зеркало Крыма», 11.03.2015	21
Александр Пушкин: «Влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего Отечества» «Зеркало Крыма», 06.05.2015	28
Начался год Солженицына (Великий русский писатель давно предсказал будущее Украины и Крыма) «Парламентская газета», 11.12.2017	33
Рай на Земле (Крымский текст в художественной прозе Василия Аксенова) «Современная картина мира: крымский контекст». Книга 1. 2017.....	36
Петлюра и вши (Михаил Булгаков и Константин Паустовский о «герое» незалежной Украины) «Парламентская газета», 03.02.2018	50
Злободневный Солженицын: о войне между Россией и Украиной «Парламентская газета», 11.12.2018	53
Русская провинция у моря (Крымский текст в прозе Виктора Пелевина) «Современная картина мира: крымский контекст». Книга 2, 2018.....	56
«Закат Европы»: версия Мишеля Уэльбека «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки». Т. 4 (70). № 1. 2018	73

120 лет назад родился и 100 лет назад покинул Россию Владимир Набоков («Двойной юбилей» классика русской и американской литературы) «Парламентская газета», 22.04.2019	79
220 вольт Пушкина: энергия российского Крыма (Чем полуостров обязан великому поэту) «Парламентская газета», 06.06.2019	83
Уроки Полтавской битвы: зачем изменник не на плахе, а на банкноте? (Мазепа и современные украинские политики) «Парламентская газета», 10.07.2019	86
Как вылечить самую опасную российскую болезнь? (Члены Ливадийского клуба будут искать рецепты от европейничанья) «Парламентская газета», 07.12.2019	89
Крымское измерение русской литературы: от Пушкина до Прилепина «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки». Том 5 (71). № 1. 2019	93
Пушкинская экспедиция «Парламентской газеты»: цикл публикаций Пушкин и Крым: двести лет вместе «Парламентская газета», 05.06.2020	109
Пушкин и... поправки в Конституцию «Парламентская газета», 01.07.2020	113
Журналисты «Парламентской газеты» нашли в Керчи Пушкинский абрикос «Парламентская газета», 02.07.2020	116
Старое новое скифское золото: от Золотого кургана до Золотых ворот «Парламентская газета», 04.07.2020	119
Дух Пушкина по-прежнему обретается в Гурзуфе «Парламентская газета», 05.07.2020	121
За Пушкиным: по Чертовой лестнице к... Богу «Парламентская газета», 06.07.2020	124
Пушкинская экспедиция «Парламентской газеты» завершилась на Перекопе: дальше для нас земли нет «Парламентская газета», 07.07.2020	127
Александр Куприн как зеркало русской революции «Крымское эхо», 07.09.2020	130
Злободневный Пелевин: о распаде СССР, нашем Крыме, Грете Тунберг и коронавирусе «Крымское эхо», 18.09.2020	133

Сергей Есенин и... Крымская весна «Крымское эхо», 03.10.2020	136
За наших всегда воюют хорошие («Ополченский романс» Прилепина — «окопная правда» Донбасской войны) «Крымское эхо», 27.10.2020	139
Чему научили нас герои Крымской войны (На двухсотлетие Афанасия Фета) «Крымское эхо», 05.12.2020	142
Нигде так остро и светло не чувствуешь себя русским! (Крым в публицистике Захара Прилепина) «Современная картина мира: крымский контекст». Книга 3, 2020.....	145
Большое искусство и большая политика: почему Уинстон Черчилль получил нобелевскую премию по литературе раньше, чем Эрнест Хемингуэй? «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки». Т.6. № 3 (72). 2020.....	166
Гомер, Диоген и Мандельштам (За что крымчане должны поставить памятник поэту) «Крымское эхо», 14.01.2021	174
В трех рукопожатиях от Чехова «Парламентская газета», 29.01.2021	178
Пушкин... о акциях в поддержку Навального (Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения) «Крымское эхо», 25.01.2021	182
Получится ли из Бориса Джонсона... Уинстон Черчилль? (К 76-й годовщине окончания работы Крымской конференции «большой тройки») «Крымское эхо», 12.02.2021	185
Книжные полки Крымской весны (Кто и когда напишет большой роман о воссоединении полуострова с Россией?) «Крымское эхо», 15.03.2021	190
Без России даже на том свете — тоскливо! (Он вогнал в Крыму дюжину ножей в спину Русской революции) «Крымское эхо», 24.03.2021	193
Почему Киплинг был великим писателем (Что написано в «Книге джунглей» об Украине, Грузии, Польше и странах Прибалтики) «Крымское эхо», 21.04.2021	197

На троих с классиками (Русский алфавит — наше единственное богатство) «Крымское эхо», 04.06.2021	200
Пароль доступа к Русскому миру: 06061799 (Пушкинское путешествие из Санкт-Петербурга в Михайловское и обратно) «Парламентская газета», 06.06.2021	203
Сергий Булгаков и Владимир Путин: у стен Херсонеса «Крымское эхо», 28.07.2021	210
За Довлатова! (Напиться как следует — это тоже искусство: к 80-летию классика) «Крымское эхо», 03.09.2021	213
Юлиан Семенов построил в Ялте виллу для Штирлица «Парламентская газета», 08.10.2021	216
По следам героев Достоевского: из Петербурга в Скотопригоньевск (К 200-летию классика наш журналист прошел по следам Раскольникова и братьев Карамазовых) «Парламентская газета», 11.11.2021	220
Достоевский о Крыме и шелудивых русских либералах (На 200-летие со дня рождения классика Русского мира) «Крымское эхо», 11.11.2021	226
200 лет назад родился человек, который задал наш главный национальный вопрос: кому на Руси жить хорошо? (Ответ на него он искал в том числе и в Крыму) «Крымское эхо», 10.12.2021	229
На смену году Достоевского идет год Данилевского (Оба мыслителя знали: Америка и Европа никогда не признают нас своими) «Крымское эхо», 30.12.2021	233
Крым в прозе и публицистике Эдуарда Лимонова «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки». Т.7. № 4. 2021.....	236
Острый «москвитис»: история болезни (Американцы опять отбрасывают очевидные факты и готовы поверить в любую чушь о России) «Крымское эхо», 04.03.2022	248
В жанре трагедии (Специальная военная операция приведет к очищению и обновлению страны) «Крымское эхо», 15.04.2022	251

<p>Семь лет назад в Киеве был убит публицист Олесь Бузина (Среди подозреваемых – украинские неонацисты, однако официально преступление до сих пор остается нераскрытым) «Парламентская газета», 16.04.2022</p>	253
<p>Где остановится армия Россия? – отвечает Самюэль Хантингтон «Крымское эхо», 21.04.2022</p>	257
<p>Сто лет назад россияне впервые увидели алые паруса (В Международный день музеев «Парламентская газета» рассказывает об удивительном доме-музее Грина в Феодосии) «Парламентская газета», 18.05.2022</p>	260
<p>Славянская азбука тихого Дона (Корреспондент «Парламентской газеты» прошел по одной из главных рек Русского мира) «Парламентская газета», 24.05.2022</p>	264
<p>Как чванство, тщеславие и спесь ведут Америку к гибели (Объясняем вместе с Патриком Бьюкененом) «Крымское эхо», 14.06.2022</p>	270
<p>Марина Цветаева везде и всюду искала Крым «Парламентская газета», 08.10.2022</p>	273
<p>Жив ты или помер, главное, чтоб в номер матерьял успел ты передать (Военные корреспонденты в Великой Отечественной войне и специальной военной операции на Украине) «Крымское эхо», 19.10.2022</p>	278
<p>Что вычитал у Данилевского Путин (Двести лет назад родился философ, который знал, почему Европа враждебна России) «Парламентская газета», 09.12.2022</p>	284
<p>Крым в прозе и публицистике Александра Проханова «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки». Т.8. № 3. 2022.....</p>	289
<p>Дело в Шалапине: в Крыму отмечают полуторавековой юбилей певца (Главное дело своей жизни маэстро хотел сделать в Гурзуфе) «Парламентская газета», 12.02.2023</p>	304
<p>Как Пушкин и его «наследники» сделали Крым частью России (Ко Всемирному дню писателя «РФ сегодня» рассказывает о таврическом измерении отечественной словесности) «Парламентская газета», 03.03.2023</p>	308
<p>Что знал о России Габриэль Гарсиа Маркес «Крымское эхо», 03.03.202</p>	314

Что нужно успеть сделать в Крыму до двухсотлетия Льва Толстого (На полуострове предлагают создать Толстовский историко-культурный, литературный и природный заповедник) «Парламентская газета», 31.03.2023	317
Слово против чисел (Наступит ли и когда время решительных побед в специальной военной операции) «Крымское эхо», 09.06.2023	321
Толстовская экспедиция «РФ сегодня»: навстречу двухсотлетию классика (Наши корреспонденты проехали по крымским местам, связанным с жизнью и творчеством писателя) «Парламентская газета», 09.09.2023	325
Лев Толстой как зеркало... специальной военной операции «Крымское эхо», 09.09.2023	331
Пятьдесят лет назад умер человек, который «вручил» нашей планете «орден Крым» «Крымское эхо», 22.09.2023	334
Он знал, что солнце в Крыму бывает разным (150 лет назад родился Иван Шмелев) «Крымское эхо», 03.10.2023	338
500 дней Александра Коца: кто, если не он? «Крымское эхо», 13.11.2023	341
Федор Тютчев: «истинный защитник России — История» (Весь Запад пришел выказать свое отрицание России и преградить ей путь к будущему) «Крымское эхо», 05.12.2023	344
От «12 стульев» до обороны Севастополя (120 лет назад родился Евгений Петров) «Крымское эхо», 13.12.2023	348
Крым в жизни и творчестве Константина Симонова «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки». Т.9. № 3. 2023.....	351
Вспомним отважного писателя Юрия Бондарева: водкой из фронтového котелка «Крымское эхо», 15.03.2024	367
Он сражался за Родину до последнего снаряда и до последнего слова (К 100-летию со дня рождения Юрия Бондарева) «Русский язык в поликультурном мире». Сборник научных статей VIII Международного симпозиума. В 2-х томах. Симферополь, 2024.....	370

Анна Долгарева: она издалека и надолго (Ее стихи рассказывают о специальной военной операции больше, чем сводки Министерства обороны) «Крымское эхо», 18.04.2024	376
Она знала о войне все (10 мая – сто лет со дня рождения отважной поэтессы-фронтовички Юлии Друниной) «Парламентская газета», 10.05.2024	379
Капитанская проза Бориса Васильева «Крымское эхо», 21.05.2024	386
Если к Пушкину прибавить Толстого «Парламентская газета», 22.05.2024	388
Он штурмовал Перекоп в Гражданскую и освобождал Украину в Великую Отечественную (Исполнилось 125 лет со дня рождения классика русской литературы Леонида Леонова) «Крымское эхо», 31.05.2024	392
Он это видел своими глазами: в Крыму вспоминают знаменитого поэта и военкора Великой Отечественной (125 лет назад родился Илья Сельвинский) «Парламентская газета», 24.10.2024	396
Специальная военная операция на Украине как вызов для русской литературы «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки». 2024. Т. 10 (76). № 3. 2024	401
Что знал об украинском национализме Михаил Булгаков (Сто лет назад в «красной России» увидел свет роман «Белая гвардия» «Парламентская газета», 01.02.2025	412

Александр Мащенко

ИНТЕРВЬЮ С КЛАССИКАМИ

Формат 60x90¹/₁₆. Гарнитура «Book Antiqua».
Усл. печ. л. 26.25. Тираж 100 экз.

Издательский дом ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
295051, Республика Крым, г. Симферополь,
бульвар Ленина, 5/7, тел.: +7 978 823 14 29, io_cfu@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательского дома ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».
295051, Республика Крым, г. Симферополь,
бульвар Ленина, 5/7, тел.: +7 978 823 14 29, io_cfu@mail.ru